

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

ОРГАН ПРОКУРАТУРЫ СССР

**АВГУСТ
1937 г.**

8

Редакция:

Москва, Пушкинская, д. 15а

Об утверждении „Положения о выборах в Верховный Совет СССР“

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ 4-й СЕССИИ ЦЕНТРАЛЬНОГО
ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА СССР VII СОЗЫВА**

Центральный Исполнительный Комитет СССР постановляет:

Утвердить «Положение о выборах в Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик».

**Председатель Центрального Исполнительного
Комитета СССР**

М. КАЛИНИН.

**Секретарь Центрального Исполнительного
Комитета СССР**

А. ГОРКИН.

Москва, Кремль. 9 июля 1937 г.

Положение о выборах в Верховный Совет СССР

ГЛАВА I

Избирательная система

Статья 1. На основании статьи 134 Конституции СССР выборы депутатов в Верховный Совет СССР производятся избирателями на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании.

Статья 2. На основании статьи 135 Конституции СССР выборы депутатов являются всеобщими: все граждане СССР, достигшие 18 лет, независимо от расовой и национальной принадлежности, вероисповедания, образовательного ценза, оседлости, социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности, имеют право участвовать в выборах депутатов и быть избранными в Верховный Совет СССР, за исключением умалишенных и лиц, осужденных судом с лишением избирательных прав.

Статья 3. На основании статьи 136 Конституции СССР выборы депутатов являются равными: каждый гражданин имеет один голос; все граждане участвуют в выборах на равных основаниях.

Статья 4. На основании статьи 137 Конституции СССР женщины пользуются правом избирать и быть избранными наравне с мужчинами.

Статья 5. На основании статьи 138 Конституции СССР граждане, состоящие в рядах Красной Армии, пользуются правом избирать и быть избранными наравне со всеми гражданами.

Статья 6. На основании статьи 141 Конституции СССР кандидаты при выборах выставляются по избирательным округам.

ГЛАВА II

Списки избирателей

Статья 7. Списки избирателей составляются в городах городским Советом депутатов трудящихся, а в городах с районным делением — районным Советом; в сельских местностях — сельским (станицы, деревни, хутора, кишлака, аула) Советом депутатов трудящихся.

Статья 8. В списки избирателей включаются все граждане, имеющие избирательное право и проживающие (постоянно или временно) к моменту составления списков на территории данного Совета, достигшие ко дню выборов 18 лет.

Статья 9. Не вносятся в списки избирателей лица, лишённые избирательных прав по судебным приговорам в течение всего установленного в приговоре срока лишения избирательных прав, а также лица, признанные в установленном законом порядке умалишенными.

Статья 10. Списки избирателей составляются по каждому избирательному участку в алфавитном порядке с указанием фамилии,

имени, отчества, возраста и места жительства избирателя и подписываются председателем и секретарем Совета депутатов трудящихся.

Статья 11. Никто из избирателей не может быть внесен более, чем один раз в избирательный список.

Статья 12. Списки избирателей, состоящих в воинских частях и войсковых соединениях, составляются командованием за подписями командира и военного комиссара. Все прочие военнослужащие вносятся в списки избирателей по месту жительства соответствующими Советами депутатов трудящихся.

Статья 13. За 30 дней до выборов Совет депутатов трудящихся вывешивает списки избирателей для всеобщего обозрения или обеспечивает избирателям возможность ознакомиться с этими списками в помещении Совета.

Статья 14. Подлинник списков избирателей хранится соответственно в Совете депутатов трудящихся и в воинской части или в войсковом соединении.

Статья 15. При перемене избирателем места своего пребывания в срок между опубликованием списка избирателей и днем выборов соответствующий Совет депутатов трудящихся выдает ему по форме, установленной Центральной избирательной комиссией, «удостоверение на право голосования» и отмечает в списке избирателей — «выбыл»; в пункте нового местожительства — постоянного или временного — избиратель вносится в список избирателей при предъявлении удостоверения личности, а также «удостоверения на право голосования».

Статья 16. Заявление о неправильности в списке избирателей (невключение в списки, исключение из списков, искажение фамилии, имени, отчества, неправильное включение в списки лиц, лишенных избирательных прав) подается в Совет депутатов трудящихся, опубликовавший списки.

Статья 17. Исполнительный комитет Совета депутатов трудящихся обязан рассмотреть каждое заявление о неправильности в списке избирателей в трехдневный срок.

Статья 18. По рассмотрении заявления о неправильности в списке избирателей, исполнительный комитет Совета депутатов трудящихся обязан либо внести необходимые исправления в список избирателей, либо выдать заявителю письменную справку о мотивах отклонения его заявления; при несогласии с решением Совета депутатов трудящихся заявитель может подать жалобу в народный суд.

Статья 19. Народный суд в течение трех дней обязан в открытом судебном заседании с вызовом заявителя и представителя Совета рассмотреть жалобу на неправильность в списке и свое решение немедленно сообщить как заявителю, так и Совету. Решение народного суда окончательно.

ГЛАВА III

Избирательные округа по выборам в Совет Союза и Совет Национальностей

Статья 20. На основании статьи 34 Конституции СССР Совет Союза избирается гражданами СССР по избирательным округам.

Статья 21. Избирательный округ по выборам в Совет Союза составляется по принципу: 300.000 населения — на округ. Каждый избирательный округ по выборам в Совет Союза посылает одного депутата.

Статья 22. На основании статьи 35 Конституции СССР Совет Национальностей избирается гражданами СССР по избирательным округам. Избирательный округ по выборам в Совет Национальностей составляется по принципу: 25 округов по каждой союзной республике, 11 округов по каждой автономной республике, 5 округов по каждой автономной области и 1 избирательный округ в каждом национальном округе. Каждый избирательный округ по выборам в Совет Национальностей посылает одного депутата.

Статья 23. Образование избирательных округов по выборам в Совет Союза и Совет Национальностей производится Президиумом Верховного Совета СССР.

Статья 24. Список избирательных округов по выборам в Совет Союза и Совет Национальностей публикуется Президиумом Верховного Совета СССР одновременно с назначением дня выборов.

ГЛАВА IV

Избирательные участки

Статья 25. Для приема избирательных бюллетеней и подсчета голосов территории городов и районов, входящих в избирательные округа, делится на избирательные участки, общие для выборов в Совет Союза и Совет Национальностей.

Статья 26. Образование избирательных участков производится в городах городскими Советами депутатов трудящихся, в городах с районным делением — районными Советами депутатов трудящихся; в сельских местностях — районными Советами депутатов трудящихся.

Статья 27. Образование избирательных участков производится не позднее, чем за 45 дней до выборов.

Статья 28. Территория сельсовета, насчитывающего не более двух тысяч жителей, составляет, как правило, один избирательный участок; в каждой станице, деревне, кишлаке, ауле, насчитывающем от 500, но не более 2 000 жителей, организуется отдельный избирательный участок.

Статья 29. В отдаленных северных и восточных районах, где преобладают мелкие поселения, допускается организация избирательных участков с количеством не менее 100 человек населения.

Статья 30. Города, промышленные пункты, а также села и территории сельсовета, насчитывающие более 2 000 жителей, делятся на избирательные участки из расчета один изби-

рательный участок на 1 500—2 500 человек населения.

Статья 31. Военские части и войсковые соединения составляют отдельные избирательные участки с количеством не менее 50 и не более 1 500 избирателей, которые входят в избирательный округ по месту нахождения части или войскового соединения.

Статья 32. Суда, с количеством избирателей не менее 50, находящиеся в плавании в дни выборов, могут составить отдельные избирательные участки, входящие в избирательные округа по месту приписки судна.

Статья 33. При больницах, родильных домах, санаториях, домах инвалидов с количеством избирателей не менее 50 создаются отдельные избирательные участки.

ГЛАВА V

Избирательные комиссии

Статья 34. Центральная избирательная комиссия по выборам в Верховный Совет СССР составляется из представителей общественных организаций и обществ трудящихся и утверждается Президиумом Верховного Совета СССР одновременно с опубликованием дня выборов.

Статья 35. Центральная избирательная комиссия образуется в составе председателя, заместителя председателя, секретаря и 12 членов.

Статья 36. Центральная избирательная комиссия:

а) наблюдает на всей территории СССР за неуклонным исполнением в ходе выборов «Положения о выборах в Верховный Совет СССР»;

б) рассматривает жалобы на неправильные действия избирательных комиссий и выносит по жалобам окончательные решения;

в) устанавливает образцы избирательных ящиков, форму «удостоверения на право голосования», форму и цвет избирательных бюллетеней и конвертов для них, форму списка избирателей, форму протоколов по подсчету голосов, форму удостоверений об избрании;

г) регистрирует избранных депутатов в Верховный Совет СССР;

д) сдает мандатным комиссиям Совета Союза и Совета Национальностей делопроизводство по выборам.

Статья 37. В каждой союзной и автономной республике, автономной области и национальном округе создаются Избирательные комиссии союзной и автономной республики, автономной области и национального округа по выборам в Совет Национальностей.

Статья 38. Избирательные комиссии по выборам в Совет Национальностей составляются из представителей общественных организаций и обществ трудящихся и утверждаются Президиумами Верховных Советов союзных и автономных республик, Советами депутатов трудящихся автономных областей и национальных округов не позднее, чем за 50 дней до выборов.

Статья 39. Избирательные комиссии союзной и автономной республик, автономной области и национального округа по выборам в Совет

Национальностей образуются в составе председателя, заместителя председателя, секретаря и 6—10 членов.

Статья 40. Избирательная комиссия союзной, автономной республики, автономной области и национального округа по выборам в Совет Национальностей:

а) наблюдает на территории республики, автономной области, национального округа за неуклонным исполнением в ходе выборов в Совет Национальностей «Положения о выборах в Верховный Совет СССР»;

б) рассматривает жалобы на неправильные действия по выборам в Совет Национальностей.

Статья 41. В каждом округе по выборам в Совет Союза создается Округная по выборам в Совет Союза избирательная комиссия.

Статья 42. В республиках, имеющих краевое или областное деление, Округные по выборам в Совет Союза избирательные комиссии составляются из представителей общественных организаций и обществ трудящихся и утверждаются Советами депутатов трудящихся краев и областей, в республиках, не имеющих областного или краевого деления, — Президиумами Верховных Советов республик — не позднее, чем за 55 дней до выборов.

Статья 43. Округная по выборам в Совет Союза избирательная комиссия образуется в составе председателя, заместителя председателя, секретаря и 8 членов.

Статья 44. Округная по выборам в Совет Союза избирательная комиссия:

а) наблюдает за своевременной организацией избирательных участков соответствующими исполнительными комитетами Советов депутатов трудящихся;

б) наблюдает за своевременным составлением и доведением до всеобщего сведения списков избирателей;

в) регистрирует выставленных с соблюдением требований Конституции СССР и «Положения о выборах в Верховный Совет СССР» кандидатов в депутаты в Совет Союза;

г) снабжает Участковые избирательные комиссии избирательными бюллетенями по выборам в Совет Союза и конвертами по установленной форме;

д) производит подсчет голосов и устанавливает результаты выборов по округу;

е) представляет в Центральную избирательную комиссию делопроизводство по выборам;

ж) выдает избранному депутату удостоверение об избрании.

Статья 45. В каждом округе по выборам в Совет Национальностей создается Округная по выборам в Совет Национальностей избирательная комиссия.

Статья 46. Округные по выборам в Совет Национальностей избирательные комиссии составляются из представителей общественных организаций и обществ трудящихся и утверждаются Президиумами Верховных Советов союзных и автономных республик и Советами депутатов трудящихся автономных областей — не позднее, чем за 50 дней до выборов.

Статья 47. Округная по выборам в Совет Национальностей избирательная комиссия образуется в составе председателя, заместителя председателя, секретаря и 8 членов.

Статья 48. Округная по выборам в Совет Национальностей избирательная комиссия:

а) регистрирует выставленных с соблюдением требований Конституции СССР и «Положения о выборах в Верховный Совет СССР» кандидатов в депутаты в Совет Национальностей;

б) снабжает Участковые избирательные комиссии избирательными бюллетенями по выборам в Совет Национальностей по установленной форме;

в) производит подсчет голосов и устанавливает результаты выборов по округу;

г) представляет делопроизводство по выборам в Центральную избирательную комиссию и соответственно в Республиканскую избирательную комиссию по выборам в Совет Национальностей или в Избирательную комиссию автономной области по выборам в Совет Национальностей;

д) выдает избранному депутату удостоверение об избрании.

Статья 49. Участковые избирательные комиссии составляются из представителей общественных организаций и обществ трудящихся и утверждаются в городах городскими Советами депутатов трудящихся, а в городах с районным делением — районными Советами депутатов трудящихся; в сельских местностях — районными Советами депутатов трудящихся — не позднее, чем за 40 дней до выборов.

Статья 50. Участковая избирательная комиссия образуется в составе председателя, заместителя председателя, секретаря и 4—8 членов.

Статья 51. Участковая избирательная комиссия:

а) производит по избирательному участку прием избирательных бюллетеней;

б) производит подсчет голосов по каждому кандидату в депутаты Совета Союза и Совета Национальностей;

в) передает делопроизводство по выборам соответственно в Округную по выборам в Совет Союза и в Округную по выборам в Совет Национальностей избирательные комиссии.

Статья 52. Заседания Центральной избирательной комиссии, Республиканской избирательной комиссии по выборам в Совет Национальностей, Избирательных комиссий автономных областей и национальных округов по выборам в Совет Национальностей, Округной по выборам в Совет Союза избирательной комиссии и Округной по выборам в Совет Национальностей избирательной комиссии, а равно Участковых избирательных комиссий считаются действительными, если на них участвует больше половины общего состава комиссий.

Статья 53. Все вопросы в избирательных комиссиях решаются простым большинством голосов; при равенстве голосов — голос председателя дает перевес.

Статья 54. Расходы, связанные с производством выборов в Верховный Совет СССР, производятся за счет государства.

Статья 55. Центральная избирательная комиссия, Республиканские избирательные комиссии по выборам в Совет Национальностей, Избирательные комиссии автономной области, национального округа по выборам в Совет Национальностей, Округная по выборам в Совет Союза избирательная комиссия, Округ-

ная по выборам в Совет Национальностей избирательная комиссия и участковые избирательные комиссии имеют свою печать по образцу, установленному Центральной избирательной комиссией.

ГЛАВА VI

Порядок выставления кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР

Статья 56. Право выставления кандидатов в Верховный Совет СССР обеспечивается за общественными организациями и обществами трудящихся — на основании статьи 141 Конституции СССР: за коммунистическими партийными организациями, профессиональными союзами, кооперативами, организациями молодежи, культурными обществами и другими организациями, зарегистрированными в установленном законом порядке.

Статья 57. Право выставления кандидатов осуществляют как центральные органы общественных организаций и обществ трудящихся, так и их республиканские, краевые, областные и районные органы, равно как общие собрания рабочих и служащих по предприятиям, красноармейцев — по воинским частям, а также общие собрания крестьян по колхозам, рабочих и служащих совхозов — по совхозам.

Статья 58. Кандидаты в депутаты не могут состоять членами Окружных по выборам в Совет Союза и в Совет Национальностей избирательных комиссий, а также Участковых избирательных комиссий того округа, где они выставлены кандидатами в депутаты.

Статья 59. Не позднее, чем за 30 дней до выборов, все общественные организации или общества трудящихся, выдвигающие кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР, обязаны зарегистрировать кандидатов в депутаты соответственно или в Окружной по выборам в Совет Союза избирательной комиссии, или в Окружной по выборам в Совет Национальностей избирательной комиссии.

Статья 60. Окружные по выборам в Совет Союза и по выборам в Совет Национальностей избирательные комиссии обязаны зарегистрировать всех кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР, выставленных общественными организациями и обществами трудящихся с соблюдением требований Конституции СССР и «Положения о выборах в Верховный Совет СССР».

Статья 61. Общественная организация или общество трудящихся, выдвигающие кандидата в депутаты Верховного Совета СССР, обязаны представить в Окружную избирательную комиссию следующие документы:

а) протокол собрания или заседания, выдвинувшего кандидата в депутаты, подписанный членами Президиума, с указанием их возраста, местожительства, наименования организации, выдвинувшей кандидата, указания о месте, времени и количестве участников собрания или заседания, выдвинувшего кандидата в депутаты, причем в протоколе должны быть указаны фамилия, имя, отчество кандидата в депутаты, его возраст, местожительство, партийность, занятие;

б) заявление кандидата в депутаты об его согласии баллотироваться по данному избира-

тельному округу от выставившей его организации.

Статья 62. Кандидат в депутаты Верховного Совета СССР может голосоваться только в одном округе.

Статья 63. Отказ Окружной по выборам в Совет Союза избирательной комиссии в регистрации кандидата в депутаты может быть обжалован в двухдневный срок в Центральную избирательную комиссию, решение которой является окончательным.

Статья 64. Отказ Окружной по выборам в Совет Национальностей избирательной комиссии в регистрации кандидата может быть обжалован в двухдневный срок в Избирательную комиссию союзной, автономной республики, автономной области, а решение последней — в Центральную избирательную комиссию, решение которой является окончательным.

Статья 65. Фамилия, имя, отчество, возраст, занятие, партийность каждого зарегистрированного кандидата в депутаты Верховного Совета СССР и наименование общественной организации, выдвинувшей кандидата, опубликовываются соответственно Окружной по выборам в Совет Союза избирательной комиссией и Окружной по выборам в Совет Национальностей избирательной комиссией не позже, чем за 25 дней до выборов.

Статья 66. Все зарегистрированные кандидаты в депутаты Верховного Совета СССР подлежат обязательному включению в избирательный бюллетень.

Статья 67. Окружная по выборам в Совет Союза избирательная комиссия и Окружная по выборам в Совет Национальностей избирательная комиссия обязаны не позднее, чем за 15 дней до выборов в Верховный Совет СССР, напечатать и разослать всем Участковым избирательным комиссиям избирательные бюллетени.

Статья 68. Избирательные бюллетени печатаются на языках населения соответствующего избирательного округа.

Статья 69. Избирательные бюллетени печатаются по форме, установленной Центральной избирательной комиссией, и в количестве, обеспечивающем снабжение всех избирателей избирательными бюллетенями.

Статья 70. Каждой организации, выставившей кандидата, зарегистрированного в Окружной избирательной комиссии, равно как каждому гражданину СССР, обеспечивается право беспрепятственной агитации за этого кандидата на собраниях, в печати и иными способами, согласно статьи 125 Конституции СССР.

ГЛАВА VII

Порядок голосования

Статья 71. Выборы в Верховный Совет СССР производятся в течение одного дня — общего для всего СССР.

Статья 72. День выборов в Верховный Совет СССР устанавливается Президиумом Верховного Совета СССР, согласно статье 54 Конституции СССР не позднее, чем за 2 месяца до срока выборов. Выборы производятся в рабочий день.

Статья 73. Ежедневно в течение последних 20 дней перед выборами Участковая избирательная комиссия опубликовывает или широко оновещает избирателей каким-либо иным способом о дне выборов и месте выборов.

Статья 74. Подача голосов избирателями производится в день выборов от 6 часов утра до 12 часов ночи.

Статья 75. В 6 часов утра в день выборов председатель Участковой избирательной комиссии в присутствии ее членов проверяет избирательные ящики и наличие составленного по установленной форме списка избирателей, после чего закрывает и печатывает ящики печатью комиссии и приглашает избирателей приступить к подаче голосов.

Статья 76. Каждый избиратель голосует лично, являясь для этого в помещение для голосования, причем подача голосов избирателями производится путем опускания в избирательный ящик избирательных бюллетеней, запечатанных в конверте.

Статья 77. В помещении для выборов выделяется для заполнения бюллетеней особая комната, в которой во время голосования запрещается присутствие кого бы то ни было, в том числе и членов Участковой избирательной комиссии, кроме голосующих; при допуске в комнату для заполнения бюллетеней одновременно нескольких избирателей, она должна быть оборудована перегородками или ширмами по числу допускаемых одновременно избирателей.

Статья 78. Явившийся в избирательное помещение избиратель предъявляет секретарю Участковой избирательной комиссии либо паспорт, либо козхозную книжку, либо профсоюзный билет, либо иное удостоверение личности и после проверки по списку избирателей и отметки в списке избирателей получает избирательные бюллетени и конверт установленного образца.

Статья 79. На лиц, явившихся в помещение для выборов с «удостоверением на право голосования», согласно статьи 15 настоящего «Положения о выборах в Верховный Совет СССР», Участковая избирательная комиссия ведет особый список, который прилагается к списку избирателей.

Статья 80. Избиратель в комнате, отведенной для заполнения избирательных бюллетеней, оставляет в каждом избирательном бюллетене фамилию того кандидата, за которого он голосует, вычеркивая остальные; заклеив бюллетени в конверт, избиратель переходит в комнату, где помещается Участковая избирательная комиссия, и опускает конверт с избирательными бюллетенями в избирательный ящик.

Статья 81. Избиратели, не имеющие возможности в силу неграмотности или какого-нибудь физического недостатка самостоятельно заполнить избирательные бюллетени, вправе пригласить в комнату, где заполняются избирательные бюллетени, любого другого избирателя для заполнения избирательных бюллетеней.

Статья 82. Выборная агитация в избирательном помещении во время подачи голосов не допускается.

Статья 83. Ответственность за порядок в избирательном помещении несет председатель комиссии, и его распоряжения для всех присутствующих обязательны.

Статья 84. В 12 часов ночи дня выборов председатель Участковой избирательной комиссии объявляет подачу голосов законченной, и комиссия приступает к вскрытию избирательных ящиков.

ГЛАВА VIII

Определение результатов выборов

Статья 85. В помещении, где Участковая избирательная комиссия производит подсчет голосов, при подсчете голосов имеют право присутствовать специально на то уполномоченные представители общественных организаций и обществ трудящихся, а также представители печати.

Статья 86. Участковая избирательная комиссия, вскрыв ящики, сверяет число поданных конвертов с числом лиц, участвовавших в голосовании, и результаты сверки заносит в протокол.

Статья 87. Председатель Участковой избирательной комиссии вскрывает конверты и оглашает в присутствии всех членов Участковой избирательной комиссии результаты голосования по каждому бюллетеню.

Статья 88. Запись результатов голосования ведется отдельно по выборам в Совет Союза и в Совет Национальностей.

Статья 89. На каждого кандидата в депутаты ведется счетный лист в 2-х экземплярах секретарем комиссии и уполномоченными на то членами Участковой избирательной комиссии.

Статья 90. Признаются недействительными бюллетени:

- а) неустановленного образца и цвета;
- б) поданные без конверта или в конверте неустановленного образца;
- в) с количеством кандидатов, превышающим число избираемых депутатов.

Статья 91. При возникновении сомнений в действительности избирательного бюллетеня вопрос разрешается Участковой избирательной комиссией путем голосования, что отмечается в протоколе.

Статья 92. Участковая избирательная комиссия составляет по установленной форме протокол голосования трех экземплярах, подписываемых всеми членами Участковой избирательной комиссии, в том числе обязательно председателем и секретарем.

Статья 93. В протоколе голосования Участковой избирательной комиссией должно быть указано:

- а) время начала и окончания подачи голосов;
- б) число избирателей, подавших голоса по списку избирателей;
- в) число избирателей, подавших голоса по «удостоверениям на право голосования»;

г) число поданных конвертов;
д) краткое изложение заявлений и жалоб, поданных в Участковую избирательную комиссию, и принятые Участковой избирательной комиссией решения;
е) результаты подсчета голосов по каждому кандидату.

Статья 94. После окончания подсчета голосов и составления протокола, председатель комиссии оглашает результаты голосования в присутствии всех членов комиссии.

Статья 95. Один экземпляр протокола голосования, составленного Участковой избирательной комиссией, с обоими экземплярами счетных листов на кандидатов в депутаты Совета Союза направляется с нарочным в течение 24 часов в Окружную по выборам в Совет Союза избирательную комиссию; второй экземпляр протокола голосования, составленного Участковой избирательной комиссией, с обоими экземплярами счетных листов на кандидатов в депутаты Совета Национальностей направляется с нарочным в течение 24 часов в Окружную по выборам в Совет Национальностей избирательную комиссию.

Статья 96. Все избирательные бюллетени (отдельно действительные и отдельно признанные недействительными) отдельно по Совету Союза и отдельно по Совету Национальностей должны быть опечатаны печатью Участковой избирательной комиссии и вместе с третьим экземпляром протокола голосования и печатью сданы председателем Участковой избирательной комиссии на хранение: в городах — городским Советам депутатов трудящихся, а в городах с районным делением — районным Советам депутатов трудящихся; в сельских местностях — районным Советам депутатов трудящихся.

Статья 97. На Советы депутатов трудящихся возлагается обязанность хранить избирательные бюллетени впредь до утверждения мандатов депутатов от соответствующего округа Верховным Советом СССР.

Статья 98. Окружная избирательная комиссия производит подсчет голосов на основании протоколов, представленных Участковыми избирательными комиссиями.

Статья 99. В помещении, где Окружная избирательная комиссия производит подсчет голосов, имеют право присутствовать при подсчете голосов специально на то уполномоченные представители общественных организаций и обществ трудящихся, а также представители печати.

Статья 100. На каждого кандидата Окружной избирательной комиссией ведется в 2-х экземплярах счетный лист, в котором отмечается количество голосов, полученных каждым кандидатом в депутаты.

Статья 101. Окружная избирательная комиссия составляет протокол голосования в 2-х экземплярах, подписываемых всеми членами Окружной избирательной комиссии, в том числе обязательно председателем и секретарем.

Статья 102. В протоколе Окружной избирательной комиссии должно быть указано:

а) общее число избирателей по округу;
б) общее число избирателей, принявших участие в голосовании;

в) число голосов, поданных за каждого кандидата в депутаты;

г) краткое изложение заявлений и жалоб, поданных в Окружную избирательную комиссию, и принятые Окружной избирательной комиссией решения.

Статья 103. Не позднее 24 часов после окончания подсчета голосов председатель Окружной по выборам в Совет Союза, а также председатель Окружной по выборам в Совет Национальностей избирательной комиссии обязаны переслать первый экземпляр протокола с приложенными счетными листами в запечатанном виде через нарочного в Центральную избирательную комиссию, второй экземпляр протокола — в Избирательную по выборам в Совет Национальностей комиссию союзной республики, автономной республики, автономной области.

Статья 104. Кандидат в депутаты Верховного Совета СССР, получивший абсолютное большинство голосов, т. е. больше половины всех голосов, поданных по округу и признанных действительными, считается избранным.

Статья 105. После подписания протокола председатель Окружной по выборам в Совет Союза избирательной комиссии оглашает результаты выборов и выдает избранному кандидату в депутаты Совета Союза удостоверение об избрании.

Статья 106. После подписания протокола председатель Окружной по выборам в Совет Национальностей избирательной комиссии оглашает результаты выборов и выдает избранному кандидату в депутаты Совета Национальностей удостоверение об избрании.

Статья 107. Если ни один из кандидатов не получил абсолютного большинства голосов, соответствующая Окружная избирательная комиссия отмечает об этом особо в протоколе и сообщает: в Центральную избирательную комиссию и Избирательную комиссию республики, автономной области или национального округа по выборам в Совет Национальностей и одновременно объявляет перебаллотировку двух кандидатов, получивших наибольшее количество голосов, а также назначает день перебаллотировки не позднее, чем в двухнедельный срок по истечении первого тура выборов.

Статья 108. Если поданное количество голосов по округу составляет меньше половины избирателей, имеющих право голосовать по этому округу, Окружная избирательная комиссия по выборам в Совет Союза или по выборам в Совет Национальностей отмечает об этом особо в протоколе и сообщает немедленно в Центральную избирательную комиссию и в Избирательную комиссию республики, автономной области по выборам в Совет Национальностей, причем в этом случае Центральная избирательная комиссия назначает новые выборы не позднее, чем в двухнедельный срок после первых выборов.

Статья 109. Перебаллотировка кандидатов в депутаты, равно как новые выборы взамен признанных недействительными, производятся по спискам избирателей, составленным для первых выборов, и в полном соответствии с настоящим «Положением о выборах в Верховный Совет СССР».

Статья 110. В случае выбытия депутата из состава Верховного Совета СССР Президиум Верховного Совета СССР в 2-недельный срок назначает в соответствующем избирательном округе срок выборов нового депутата, но не позднее, чем в 2-месячный срок после выбытия депутата из состава Верховного Совета СССР.

Статья 111. Всякий, кто путем насилия, обмана, угроз или подкупа будет препятствовать гражданину СССР в осуществлении его права избирать и быть избранным в Верховный Совет СССР, — карается лишением свободы на срок до 2-х лет.

Статья 112. Должностное лицо Совета или член избирательной комиссии, совершившие подделку избирательных документов или заведомо неправильный подсчет голосов, — караются лишением свободы на срок до 3-х лет.

Председатель Центрального Исполнительного Комитета СССР **М. КАЛИНИН.**

Секретарь Центрального Исполнительного Комитета СССР **А. ГОРКИН.**

Москва, Кремль.

9 июля 1937 г.

ЯКОВЛЕВ Я. А.

О проекте „Положения о выборах в Верховный Совет СССР“

Доклад на 4-й Сессии ЦИК СССР VII созыва 7 июля 1937 г.

I

Как обеспечивается всеобщее, равное и прямое избирательное право и тайное голосование

Чрезвычайный VIII Съезд Советов СССР поручил Центральному Исполнительному Комитету Союза ССР на основе новой Конституции СССР разработать и утвердить Положение о выборах в Верховный Совет СССР.

Представляемый Президиумом Центрального Исполнительного Комитета СССР на рассмотрение и утверждение сессии Центрального Исполнительного Комитета проект «Положения о выборах в Верховный Совет СССР» представляет собою по существу инструкцию к разделу Конституции СССР об избирательной системе. Проект Избирательного закона имеет задачей гарантировать неуклонное выполнение избирательной системы, установленной Сталинской Конституцией СССР.

Конституцией СССР установлено всеобщее избирательное право.

Соответственно Избирательный закон обеспечивает каждому гражданину, достигшему ко дню выборов 18 лет, включение его в списки лиц, которые имеют право избирать и быть избранными в Верховный Совет (статья 8). Разумеется, лица, лишенные избирательных прав по судебным приговорам, а также лица, признанные в установленном законом порядке умалишенными, в избирательные списки не включаются (статья 9).

Никакого ценза оседлости наш Избирательный закон не требует от избирателей, в то время как даже наиболее демократические страны из числа капиталистических государств лишают права участия в выборах граждан, живущих в данной местности меньше определенного срока (три месяца в Великобритании, 16 месяцев в Бельгии и Франции, от трех месяцев до двух лет — по-разному в разных штатах — в Соединенных Штатах Америки).

Гражданину, перебившему место своего пребывания, предоставляется возможность уча-

ствовать в выборах по «удостоверению на право голосования», выданному ему Советом депутатов трудящихся по прежнему месту его жительства (статья 15 и 79).

Само собой разумеется, что проект Избирательного закона социалистической страны исключает всякое требование имущественного ценза, как это имеет место, например, по ряду штатов Соединенных Штатов Америки. По отдельным штатам США от избирателей требуется обладание определенной собственностью.

Избирательные законы ряда даже наиболее демократических буржуазных государств лишают возможности участвовать в выборах и быть избранными активную молодежь, состоящую в армии (Франция, Чехословакия). В отличие от таких порядков наш проект в соответствии с Конституцией СССР обеспечивает лицам, находящимся в Красной Армии, действительную возможность участвовать в выборах и быть избранными (статья 12). Не приходится мотивировать этого отличия: для буржуазных армий политическое просвещение равносильно разрушению воинской дисциплины; нашу же Рабоче-Крестьянскую Красную Армию политическое просвещение укрепляет, повышает в ней воинскую дисциплину.

Женщина в ряде буржуазно-демократических стран, даже таких, как Швейцария, Франция, Бельгия, лишена избирательных прав. У нас же женщины пользуются правом избирать и быть избранными наравне с мужчинами.

Наконец, наше «Положение о выборах в Верховный Совет СССР» обеспечивает всеобщность избирательного права тем, что исключает в какой бы то ни было форме возможность отстранения кого бы то ни было от выборов по национальному признаку. И в этой части проект Избирательного закона не ограничивается одним провозглашением прав, он выясняет все лазейки, через которые могло бы пробиться ограничение избирательных прав для нерусской национальности, и закрывает эти лазейки. Вот почему в частности проект нашего Избирательного закона предусматри-

вае, что избирательные бюллетени печатаются на языке населения соответствующего избирательного округа (ст. 68). И в этих частностях наш проект отличается от законодательной практики, например, Соединенных Штатов Америки, где южные штаты с большим негритянским населением установили для избирателей требование грамотности в английском языке и на этом основании не менее 2 миллионов негров лишили избирательного права.

Наконец, проект Избирательного закона предусматривает ряд гарантий для избирателей: список избирателей должен быть выставлен за 30 дней до выборов для всеобщего обозрения и проверки (ст. 13);

исполнительный комитет Совета депутатов трудящихся обязан разрешать не более чем в 3-дневный срок любую жалобу граждан на неправомерности в списках избирателей (статьи 16, 17 и 18);

последнее слово по жалобам на неправомерности в списке избирателей проект предоставляет народному суду, который обязан в 3-дневный срок в открытом судебном заседании с вызовом заявителя и представителя Совета рассмотреть жалобу гражданина. Решение народного суда обязательно для соответствующего Совета (статьи 18 и 19).

Так дело обстоит с обеспечением принципа всеобщего избирательного права,—такого полно всеобщего избирательного права, которое обеспечивает наш Избирательный закон в соответствии со Сталинской Конституцией, не знает ни одно буржуазно-демократическое государство. (Аплодисменты.)

Перехожу к вопросу о том, как обеспечивается установленное Конституцией СССР равное избирательное право.

Проект Избирательного закона обеспечивает при выборах в Совет Союза и в Совет Национальностей равенство голоса рабочего и крестьянина. Избирательный округ по выборам в Совет Союза составляется по принципу: 300 000 населения на округ — одинаково для города и деревни, одинаково и для рабочих и для крестьян. Каждый избирательный округ по выборам в Совет Союза посылает одного депутата (ст. 21).

Такая организация избирательных округов исключает неравенство избирательных округов, которое имеется, например, во Франции, где 1-й участок буржуазного 6-го округа Парижа с 8 000 избирателей посылает одного депутата, — одного же депутата посылает 2-й участок округа Корбей с 50 000 избирателей, расположенный в пролетарском предместье Парижа.

Так обеспечивается равенство всех граждан СССР при выборах в Совет Союза, где, как указал товарищ Сталин, представлены **общие** интересы всех трудящихся независимо от их национальности. Избирательный закон обеспечивает равенство всех союзных республик, равенство всех автономных республик, равенство всех автономных областей, равенство всех национальных округов при выборах в Совет Национальностей, который, как указал товарищ Сталин в своем докладе о Конституции СССР, имеет своей задачей отражать **особые** специфические интересы, связанные с национальными особенностями национальностей СССР.

Избирательный округ по выборам в Совет Национальностей составляется по принципу: 25 округов по каждой союзной республике, 11 округов по каждой автономной республике, 5 округов по каждой автономной области и 1 избирательный округ в каждом национальном округе. Каждый избирательный округ по выборам в Совет Национальностей также посылает одного депутата (ст. 22).

Наконец, в целях обеспечения равного избирательного права проект «Положения о выборах в Верховный Совет СССР» запрещает внесение кого бы то ни было из избирателей более, чем в один избирательный список (ст. 11).

Конституцией установлено **прямое** избирательное право.

Соответственно Избирательный закон предусматривает, что все депутаты как в Совет Союза, так и в Совет Национальностей избираются путем прямых выборов. Каждый избиратель голосует непосредственно за того или иного кандидата как в Совет Союза, так и в Совет Национальностей.

И в этом отношении наш проект «Положения о выборах в Верховный Совет СССР» отличается от избирательных порядков в ряде буржуазно-демократических стран, которые организуют обычно одну из палат не демократическим путем, или отказываясь от принципа прямого избирательного права (как, например, во Франции при выборах сената), или же формируя вторую палату не путем избрания, а путем назначения, как это имеет место в Англии в отношении палаты лордов.

Конституцией СССР, наконец установлено **тайное** голосование.

Соответственно Избирательный закон устанавливает такую технику голосования, которая обеспечивает тайну голосования: подача голосов избирателями производится путем опускания в избирательный ящик избирательных бюллетеней, запечатанных в конверты (ст. 76);

для заполнения бюллетеней выделяется особая комната, в которой во время голосования запрещается присутствие кого бы то ни было, в том числе и членов Участковой избирательной комиссии, кроме голосующих (ст. 77);

при допуске в комнату для заполнения бюллетеней одновременно нескольких избирателей комната должна быть оборудована перегородками или ширмами по числу допускаемых одновременно избирателей (ст. 77);

избиратель лично опускает конверт с бюллетенем в избирательный ящик (ст. 80);

бюллетени, поданные без конверта или в конверте неустановленного образца, признаются недействительными (ст. 90).

Так дело обстоит с обеспечением в Избирательном законе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. В соответствии с текстом и духом Сталинской Конституции проект «Положения о выборах в Верховный Совет СССР» не ограничивается фиксированием формальных прав граждан, а каждой своей статьей проявляет заботу об осуществлении на деле этих прав граждан, которые всеобщим голосованием создают высший орган государственной власти СССР — Верховный Совет СССР. (Аплодисменты.)

Как обеспечивается право общественных организаций и обществ трудящихся на выставление своих кандидатов

Перехожу к вопросу о том, как проект Избирательного закона обеспечивает право общественных организаций и обществ трудящихся на выставление своих кандидатов.

Процитирую статью 56-ую Избирательного закона, основанную на статье 141 Конституции СССР:

«Право выставления кандидатов в Верховный Совет СССР обеспечивается за общественными организациями и обществами трудящихся — на основании статьи 141 Конституции СССР: за коммунистическими партийными организациями, профессиональными союзами, кооперативами, организациями молодежи, культурными обществами и другими организациями, зарегистрированными в установленном законом порядке».

Далее цитирую статью 57-ую:

«Право выставления кандидатов осуществляют как центральные органы общественных организаций и обществ трудящихся, так и их республиканские, краевые, областные и районные органы, равно как общие собрания рабочих и служащих по предприятиям, красноармейцев — по воинским частям, а также общие собрания крестьян по колхозам, рабочих и служащих совхозов — по совхозам».

Эти статьи имеют огромное значение — они внесены по предложению товарища Сталина; их цель — развить, расширить, гарантировать советскую демократию. Предоставляя право выставления кандидатов в депутаты общим собраниям рабочих и служащих по предприятиям, красноармейцев — по воинским частям, а также общим собраниям крестьян по колхозам, рабочих и служащих совхозов — по совхозам, эти статьи обеспечивают подлинный социалистический демократизм на выборах в Верховный Совет СССР.

Предлагаемый проектом Избирательного закона порядок регистрации кандидатов имеет целью облегчить и упростить общественным организациям и обществам трудящихся выставление своих кандидатов в депутаты в Верховный Совет СССР.

На Окружные избирательные комиссии возлагается обязанность зарегистрировать всех без исключения кандидатов в депутаты в Верховный Совет СССР, которые выставлены общественными организациями и обществами трудящихся с соблюдением требований Конституции СССР и «Положения о выборах в Верховный Совет СССР» (ст. 60). Отказ Окружной избирательной комиссии в регистрации кандидата в Верховный Совет СССР может быть обжалован в двухдневный срок в вышестоящую Избирательную комиссию (статьи 63 и 64).

Все зарегистрированные кандидаты в депутаты Верховного Совета СССР подлежат обязательному включению в избирательный бюллетень (ст. 66). Избирательные бюллетени с перечнем всех кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР Окружные избирательные

комиссии обязаны переслать всем Участковым избирательным комиссиям не позднее чем за 15 дней до выборов (ст. 67).

Для выставления своих кандидатов от общественных организаций и обществ трудящихся требуется лишь представление протокола собрания или заседания, выдвинувшего кандидата по установленной в статье 61 форме.

К кандидатам в депутаты не предъявляется никаких особых требований, кроме указания в протоколе собрания или заседания, выдвинувшего кандидата, фамилии, имени и отчества кандидата, его возраста, места жительства, партийности, занятия, а также личного согласия кандидата в депутаты голосоваться по данному избирательному округу от выставившей его организации (ст. 61).

В подавляющем большинстве буржуазных стран, даже афиширующих демократические начала, граждане делятся на активных и пассивных, активное и пассивное избирательные права не совпадают. Так, даже в Соединенных Штатах Америки не могут быть избраны в нижнюю палату лица моложе 25 лет, а в верхнюю — моложе 30 лет; во Франции не могут быть избраны в нижнюю палату лица моложе 25 лет, а в верхнюю — лица моложе 40 лет; в Чехословакии не могут быть избраны в нижнюю палату лица моложе 30 лет, а в верхнюю — моложе 45 лет, и в Норвегии не могут быть избраны как в нижнюю, так и в верхнюю палаты лица моложе 30 лет. В отличие от них проект нашего Избирательного закона не знает никаких ограничений по возрасту для кандидатов в депутаты. Лицам, которые не имеют неприятности уже перевалить за 40 лет, наш Избирательный закон предоставляет возможность быть избранными в Верховный Совет, если они заслужат этого личными способностями и полезным трудом для общества. В этом факте находит свое отражение иное отношение к молодежи в советской стране, чем в странах буржуазных. Советская страна дает своей молодежи равные права не только на производство, но и в управлении государством, не только в праве избирать, но и в праве быть избранной.

Наш проект Избирательного закона не требует для кандидата в депутаты увеличенного ценза оседлости и тем паче исключает такие ограничения демократических принципов, которые применяются, например, в Англии, где требуется внесение залога в 150 фунтов стерлингов за каждого выставленного кандидата, или во Франции и Чехословакии, где на кандидата возлагаются, например, расходы по оплате стоимости избирательных бюллетеней.

Проект нашего «Положения о выборах в Верховный Совет СССР» в отличие от таких буржуазно-демократических стран предусматривает оплату всех расходов, в том числе и по печатанию избирательных бюллетеней, за счет государства.

Не имущественное положение, не национальное происхождение, не пол, не служебное положение, не возраст, а личные способности и личный труд каждого гражданина определяют возможность избрания того или иного гражданина в Верховный Совет СССР, равно как в любой Совет депутатов трудящихся. (Апелдисменты.)

Каждой общественной организации и обществу трудящихся, выставившим кандидата, зарегистрированного в Окружной избирательной комиссии, равно как каждому гражданину СССР, проект «Положения о выборах в Верховный Совет СССР» обеспечивает право и фактическую возможность агитации за этого кандидата на собраниях, в печати и иными способами, указанными в статье 125 Конституции СССР, которая гласит:

«В соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя гражданам СССР гарантируется законом:

- а) свобода слова,
- б) свобода печати,
- в) свобода собраний и митингов,
- г) свобода уличных шествий и демонстраций.

Эти права граждан обеспечиваются предоставлением трудящимся и их организациям типографий, запасов бумаги, общественных зданий, улиц, средств связи и других материальных условий, необходимых для их осуществления.

Так дело обстоит с вопросом о порядке выставления кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР.

Из всего вышеприведенного видно, что проект Избирательного закона успешно разрешает задачу гарантировать общественным организациям и обществам трудящихся право выставления кандидатов.

Германский же фашистский официоз «Фелькишер беобахтер» в номере от 3 июля изображает дело так, что наш Избирательный закон будто бы предоставляет право выставления кандидатур только коммунистической партии и подчиненным ей организациям, при этом этот официоз фашистской германской партии ссылается даже на статью 56 проекта Избирательного закона.

Мы здесь ловим лжецов с поличным!

Сравните это утверждение со статьями 56 и 57 проекта Избирательного закона, мною уже процитированными, которые предоставляют право выставления кандидатов не только коммунистическим партийным организациям, но и профессиональным союзам, кооперативам, организациям молодежи, культурным обществам и другим организациям, зарегистрированным в установленном законом порядке, не только центральным органам этих общественных организаций и обществ трудящихся, но и общим собраниям рабочих и служащих по предприятиям, красноармейцев — по воинским частям, а также общим собраниям крестьян по колхозам, рабочих и служащих совхозов — по совхозам.

Почему же господа фашисты в своем официозе заявляют о том, будто бы статья 56-я запрещает кому бы то ни было, кроме коммунистической партии и подчиненных ей организаций, выставлять своих кандидатов? Ясно из этого одно: они боятся сообщить правду даже членам своей фашистской партии о нашем Избирательном законе. (Аплодисменты.) Они боятся правды, они боятся того, как бы рабочие и крестьяне и даже некоторые члены их фашистской партии не узнали бы о том, что на выборах высшего органа власти нашей страны любое предприятие, любой колхоз

и совхоз, любая воинская часть могут выставить своих кандидатов, за них бороться и агитировать. Они боятся сравнения с Избирательным законом социалистической страны своих избирательных порядков, согласно которых всех кандидатов на выборах по всей стране выставляет один Гитлер за весь народ, или итальянских фашистских порядков, согласно которых весь список кандидатов в 400 человек выставляется «фашистским советом», то есть опять-таки Муссолини. На этот счет, однако, невредно вспомнить старую русскую поговорку: «Правда — что, шило в мешке: не утаишь». (Продолжительные аплодисменты.)

Впрочем: пусть попробуют господа фашисты, именующие себя национал-социалистами, а на деле певцы средневековья, мракобесия и иезуитского ордена, применить нашу избирательную систему! Пусть попробуют предоставить на выборах право выставления кандидатов даже своим фашистским профессиональным союзам! Пусть позволят выставить своих кандидатов коллективам рабочих, батраков помещичьих имений, рядовых служащих их учреждений! Что останется от фашизма?! И пуха не будет!! (Продолжительные аплодисменты.)

На примере того, как будет выставляться кандидаты в Верховный Совет СССР, со всей силой демонстрируется снова и снова тот факт, что советская демократия является демократией неизмеримо более высокой и более широкой, более передовой по сравнению с демократией буржуазной, что советская демократия в отличие от буржуазной не только не боится народа, не только не отделяет себя от народа, но обращается к массам трудящихся, предлагает трудящимся выставлять своих кандидатов на заводах, фабриках, в колхозах, совхозах. Дело здесь в том, что большевики, как указал товарищ Сталин —

«... сильны тем, что держат связь со своей матерью, с массами, которые породили, вскормили и воспитали их. И пока они держат связь со своей матерью, с народом, они имеют все шансы на то, чтобы остаться непобедимыми». (Продолжительные аплодисменты.)

III

Организация выборов

Самая организация выборов и подсчета голосов разработана в проекте «Положения о выборах в Верховный Совет СССР» таким образом, чтобы гарантировать осуществление демократии на практике и оградить граждан СССР от всех попыток исказить результаты голосования.

Наш проект предусматривает опубликование списков избирательных округов одновременно с назначением дня выборов (статьи 23 и 24), что даст возможность построить избирательные округа в соответствии с тем, как сложится население страны к выборам.

Проект «Положения о выборах в Верховный Совет СССР» в вопросе об организации избирательных участков руководствуется задачей облегчить каждому гражданину СССР осуществление его избирательного права. Города, промышленные пункты, крупные села и территории сельсоветов, насчитывающие более 2 000 жителей, делятся на избирательные уча-

стки из расчета один избирательный участок на 1 500—2 000 населения.

Территория сельсовета, насчитывающего не более 2 000 жителей, как правило, должна составлять один избирательный участок.

Однако в каждой станице, деревне, кишлаке, ауле, насчитывающем от 500, но не более 2 000 жителей, организуется отдельный избирательный участок.

Для отдаленных северных и восточных районов, где преобладают мелкие поселения, проект Избирательного закона предлагает допустить организацию избирательных участков, начиная со 100 человек населения. Это сделано по просьбе работников северных районов, которые заявили, что в противном случае гражданам, живущим в северных районах, пришлось бы для осуществления своего избирательного права приезжать за десятки километров, что не всегда доступно.

Для судов, находящихся в плавании в день выборов, для больниц, санаториев, родильных домов, домов инвалидов проект считает возможным организацию избирательных участков при наличии не менее 50 избирателей.

Для воинских частей и войсковых соединений проект предусматривает организацию избирательных участков с количеством не менее 50 и не более 1 500 избирателей. Таким образом, будет дана возможность принять участие в выборах самым мелким воинским частям, стерегущим рубежи СССР. Лица, состоящие в армии, но не входящие в воинские части и войсковые соединения, как, например, работники Наркомата Оборонны, согласно этого проекта, будут принимать участие в голосовании наравне с остальными гражданами СССР по месту своего жительства.

Выборы будут происходить в один из нерабочих дней с 6 часов утра до 12 часов ночи. По всей видимости придется выбрать одно из воскресений, как нерабочий день в деревне. Желательно при этом избрать то воскресенье, с которым совпадал бы выходной день в городе.

Для подсчета голосов, для регистрации кандидатов в депутаты, снабжения избирателей избирательными бюллетенями и в целях обеспечения неуклонного исполнения в ходе выборов Избирательного закона предлагается создать избирательные комиссии: Центральную, Избирательные комиссии союзных и автономных республик, автономных областей и национальных округов по выборам в Совет Национальностей, Окружные по выборам в Совет Союза, Окружные по выборам в Совет Национальностей и Участковые избирательные комиссии.

Чтобы обеспечить действительный народный контроль за проведением выборов и в особенности за подсчетом голосов и исключить всякую возможность злоупотреблений, проект предлагает составлять все избирательные комиссии, начиная от Центральной избирательной комиссии и кончая Участковыми, из представителей общественных организаций и обществ трудящихся с утверждения соответствующего Совета депутатов трудящихся. Таким образом, проект предлагает отказаться от избирательных комиссий, назначаемых Советами. Вместо принципа назначения проект предла-

гает ввести принцип представительства от общественных организаций и обществ трудящихся.

Функции избирательных комиссий, как видно из предыдущего, ограничены только задачами, вытекающими из необходимости обеспечить неуклонное выполнение Избирательного закона в ходе выборов: зарегистрировать кандидатов, разослать избирательные бюллетени, подсчитать голоса и следить за выполнением Избирательного закона. Никаких других функций на избирательные комиссии не возлагается и никаких других прав им не предоставляется.

И в этой части распосясавшиеся зрели из официоза германской фашистской партии обманывают своих читателей. Они пишут в том же номере «Фелькишер Beobachter» от 3 июля, будто бы официальным избирательным комиссиям предоставлено право отклонять без особых трудностей избирательные предложения первичных организаций.

Я не буду затруднять вас опровержением этой лжи. Господа фашисты даже не указывают, из какой статьи вычитали они свое сообщение, — и это не случайно, ибо они избрели несуществующую статью в Избирательном законе. К подобным методам прибегают люди не от хорошей жизни, видимо, ложь есть условие для их существования.

Не отстают от германских фашистов и их польские лакеи: газета «Илюстрованы курьер цодзены» в сообщении от 4 июля из Москвы, а на деле, видимо, из Берлина, сообщает, что проект Избирательного закона будто бы дает правительственной избирательной комиссии «право изменять кандидатские списки организаций». Что ж — это нас не удивляет! Видимо, польское фашистское яблочко от германской яблони не далеко падает! (Аплодисменты, смех.)

Чтобы ни одна жалоба на те или иные неправомерности не ускользнула от общественного контроля, наш проект Избирательного закона устанавливает твердый порядок рассмотрения разного рода жалоб.

От Участковой избирательной комиссии требуется включение в протокол голосования краткого изложения заявлений и жалоб, поданных в Участковую избирательную комиссию и принятых Участковой избирательной комиссией решений (ст. 93). Такое же требование предъявляется к Окружной избирательной комиссии (ст. 102).

На Центральную избирательную комиссию возлагается рассмотрение жалоб на неправильные действия Избирательных комиссий и внесение по жалобам окончательных решений.

Некоторые формальности при определении результатов выборов, введенные главой VIII проекта Избирательного закона, могут показаться некоторым товарищам излишними и даже бюрократическими, но там, где вопрос идет о создании высшего государственного органа, необходима величайшая тщательность, здесь никакая формальность не будет излишней, если она создает добавочную гарантию точного соблюдения Конституции и Избирательного закона: избирательные бюллетени, включающие всех выставленных по данному округу общественными организациями и обществами

трудящихся кандидатов в депутаты, выдаются избирателям в помещении Участковой избирательной комиссии (ст. 78); на каждого кандидата в депутаты ведется счетный лист в 2-х экземплярах секретарем комиссии и уполномоченным на то членом Участковой избирательной комиссии (ст. 89); Участковая избирательная комиссия посылает в Окружную избирательную комиссию не только протокол голосования, но и оба экземпляра счетных листов на каждого кандидата (ст. 95); Совет депутатов трудящихся обязан хранить избирательные бюллетени вплоть до утверждения мандатов Верховным Советом СССР (ст. 97) и т. д.

Задачу обеспечить правильность подсчета голосов преследует предусматриваемая проектом публичность подсчета голосов. Эта публичность достигается уже самим составом избирательных комиссий, которые организуются не из лиц, назначенных органами власти, а из лиц, выдвинутых общественными организациями и обществами трудящихся. Проект Избирательного закона, однако, не ограничивается этим и предусматривает право присутствия при подсчете голосов в помещениях как Участковой избирательной комиссии, так и Окружной избирательной комиссии специально на то уполномоченных представителей общественных организаций и обществ трудящихся, а также представителей печати (статьи 85 и 99).

Цель — обеспечить точное волеизъявление трудящихся — преследует предлагаемое проектом Избирательного закона правило, согласно которого избранным считается только кандидат, получивший абсолютное большинство голосов, — если ни один из кандидатов на выборах не получил абсолютного большинства голосов, то обязательна (не позднее, чем в 2-недельный срок) перебаллотировка 2 кандидатов, получивших наибольшее количество голосов (ст. 107).

Ту же цель — обеспечить точное волеизъявление трудящихся — преследует правило, согласно которого в тех избирательных округах, где поданное количество голосов по избирательному округу составляет меньше половины избирателей, выборы объявляются недействительными и производятся новые выборы.

Наконец, проект предлагает установить строжайшее наказание для всех, кто попытается нарушить на выборах Конституцию СССР или «Положение о выборах в Верховный Совет СССР».

Я кончаю характеристику Избирательного закона. Я думаю, что вы согласитесь с тем, что основной особенностью проекта Избирательного закона, в полном соответствии с характером Сталинской Конституции, является «его последовательный и до конца выдержанный демократизм» (Сталин). (Аплодисменты.)

Советский Избирательный закон не только предоставляет избирательные права гражданам, но и создает все необходимые условия для того, чтобы они могли осуществить эти права на деле и активно участвовать в выборах.

Избирательный закон использует все лучшее, что создали в этой области буржуазно-демократические страны, и вместе с тем, превращая формальные права граждан в права действительные, в права гарантированные, делает

огромный шаг вперед в соответствии с условиями социалистической демократии, сменяющей демократию буржуазную. (Аплодисменты.)

IV

О недостатках в работе Советов

Товарищи, наши Советы являются формой государственного управления несравненно более высокой и передовой, чем любая наиболее демократическая буржуазная форма управления. Народные массы любят и ценят Советы, как органы своей народной власти. Через Советы осуществляется рабоче-крестьянский союз, через Советы рабочий класс осуществляет руководство крестьянством, через Советы трудящиеся участвуют в управлении страной, в социалистическом строительстве. В Советах и через Советы осуществляется непрерывная, гибкая и прочная связь беспартийных с коммунистами. Советы под руководством коммунистической партии построили социалистическое общество, превратили отсталую Россию в могущественную державу, отстояли, вопреки проискам империалистов всего мира и их троцкистско-бухаринских агентов и шпионов, независимость страны.

Однако из этого ни в какой мере не следует, что у нас нет учреждений, которые работают плохо, — у нас их немало; из этого не следует, что у нас нет Советов депутатов трудящихся, плохо выполняющих свои обязанности, — у нас их немало; из этого не следует, что у нас нет людей, плохо работающих, оторвавшихся от масс, забюрократившихся, — у нас их, к сожалению, также немало. Значит, — и это неуклонно внедряет в наше сознание товарищ Сталин, — ущерб был бы нанесен советской власти, если бы достижения Советов послужили основанием во время подготовки выборов для притупления бдительности и приглушения критики и самокритики недостатков в работе тех или иных руководителей Советов, тех или иных кандидатов в депутаты.

Начну с сельских Советов. Во многих сельских Советах работа по взиманию денежных и натуральных налогов превратилась в основную работу, а все остальные отрасли работы — хозяйственная, культурная и политическая — превратились во второстепенные. Органы Наркомфина и Комитета заготовок незаконно пытаются превратить такие Советы в свой бесплатный подсобный аппарат по взысканию налогов.

Факт, что роль Уполкомзага очень часто сводится к тому, что он снабжает сельсоветы бланками, ставит факсимиле и печать под заполненными сельсоветом обязательствами по поставкам и в случае неудовлетворительного хода заготовок требует через РИК или райком наказания виновного председателя сельсовета. В свою очередь многие РайФО очень удобно для себя свели свою работу к тому, что они напоминают сельсоветам о сроках внесения того или иного налога, вызывают к себе председателей сельсоветов для накладки, предлагают им усилить сбор денежных средств и опять-таки через райком или РИК требуют наказания того или иного председателя сельсовета.

Такая система тем более неправильна, что у налоговых организаций, а также у заготовительных организаций имеется немалый аппарат, оплачиваемый государством.

Несудивительно, что в некоторых сельских Советах потерялось представление о том, что имеются другие отрасли работы, столь же важные, как и налоговая. Факт, например, что из 73 постановлений и распоряжений Кормиловского сельсовета, Кормиловского района, Омской области, нет ни одного о школе, о фельдшере и т. д.

Это не значит, конечно, что Советам надо запретить заниматься налогами. Даже если Наркомфин и Комитет заготовок начнут работать через свой аппарат, как этого требует правительство, то это не снимет с Советов ответственности за своевременный сбор всех налогов. Речь идет о том, чтобы наряду с налоговой работой, — как не менее важной, а в иных случаях и более важной, — Советы вели работу по обслуживанию населения в области торговли, культуры, здравоохранения и т. д.

Практика же сосредоточения отдельных Советов только на налоговой работе вызывает неизбежно отрыв сельских Советов от населения, принижение их роли, как хозяйственных, политических и культурных руководителей.

Вот чем вызвано известное решение СНК СССР и ЦК ВКП(б) об изъятии налоговой работы из Советов и возложении налоговой и заготовительной работы непосредственно на аппараты Комитета заготовок и Наркомфина.

Переходу к недопустимой практике, имеющей место в ряде городов, практике, ведущей к превращению некоторых городских Советов в подсобные аппараты к районным исполкомам. Под предлогом сокращения штатов в ряде пунктов, где город совпадает с районным центром, городские Советы имеют обычно только коммунальный, а иногда и финансовый отделы, а больницы, школы, магазины изъяты из подчинения горсоветов и переданы в прямое подчинение соответствующих отделов районных исполнительных комитетов. Так, в Коломне, где имеется крупный машиностроительный завод и 70 000 населения, школы, больницы, учреждения социального обеспечения, магазины, пекарни, столовые подчинены непосредственно отделам РИКа и изъяты из подчинения горсовета. Горсовет имеет лишь коммунальный и финансовый отделы. В таком же положении находится Рязань, бывший губернский город, с населением в 70 000, в том числе 20 000 рабочих и служащих. Рязанский горсовет имеет лишь коммунальный и финансовый отделы, причем последний создан лишь недавно.

Нечего говорить, что подобная практика сужения прав горсоветов противоречит Конституции, которая предусматривает подчинение местных хозяйственных и культурно-политических учреждений соответствующим местным Советам и предусматривает, в частности, образование в городских Советах отделов финансового, коммунального хозяйства, внутренней торговли, здравоохранения, народного образования, социального обеспечения, общего, плановой комиссии, сектора кадров при председателе исполкома и, кроме того, в соответст-

вии с особенностями города: отделов местной промышленности и земельного.

Подобная практика особенно вредна в настоящее время, когда города удвоили за одно десятилетие свое население и новые миллионы рабочих и служащих именно через Советы проходят школу государственного управления. Подобная практика особенно недопустима после того, как вопрос о необходимости поднять руководящую роль рабочего класса с такой силой был разъясен товарищем Сталиным на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б).

Отсюда вывод о необходимости устранить имеющиеся недостатки в работе горсоветов, организовать в них отделы, предусмотренные Конституцией, подчинить им местные хозяйственные и культурно-политические учреждения, поднять их значение с тем, чтобы они были для Советов в сельских местностях образцом того, как надо ставить советскую работу, как надо организовывать народный контроль за работой исполнительных органов, как надо сплачивать народную массу вокруг Советов, как надо руководить культурно-политическим и хозяйственным строительством на своей территории.

Мы имеем в Советах такой замечательный аппарат для вовлечения народных масс в управление, каким являются секции Советов. Миллионы депутатов числятся в секциях Советов. Со громадной энергией и жадностью работать на пользу народа записываются, как правило, депутаты Советов в секции. Проверка, однако, показывает, что нередко члены секций, с воодушевлением приступившие к работе в секциях, быстро к ней охладевают, начинают избегать заседаний секций, — секции разваливаются, остаются на бумаге. Дело здесь в том, что заведующие отделами, руководители соответствующих отраслей хозяйства Советов зачастую превращают секции в свой подсобный аппарат, бессильный что-либо изменить в работе соответствующего отдела или управления. Дело в том также, что состав секций Советов Советами не избирается, — депутаты Советов расписываются обычно по секциям аппаратом орготделов Советов.

Мало того, в тех многочисленных случаях, когда секции Советов проявляют инициативу, вскрывают недостатки, требуют их исправления, критикуют заведующих, — заведующие нередко начинают их осаживать, игнорировать, перестают ходить на секции, посылают вместо себя на секции пятистепенных работников и тем самым постепенно сводят секции на нет.

Я мог бы здесь привести многочисленные примеры превосходной работы секций по Москве, по Ленинграду, Днепропетровску, Ташкенту, но, к сожалению, по всем этим пунктам я вынужден был бы одновременно привести многочисленные факты игнорирования секций со стороны тех или иных бюрократов, мнящих себя стоящими выше ответственности перед Советами.

Вот почему следует обсудить вопрос о замене нынешних и никак не избранных секций в Советах комиссиями или же о сочетании секций с комиссиями, избранными Советами по основным вопросам хозяйственной, культурной и политической жизни, например: бюджетной, школьной, здравоохранения, жилищной, коммунальной, по торговле, сельскохозяй-

ственной и других с тем, чтобы комиссия было предоставлено право контроля за всеми без исключения делами и бумагами соответствующего отдела или управления Совета, а заведующие были обязаны по запросам членов комиссии давать свои объяснения не более, чем в 2-дневный срок.

Встает также вопрос о предоставлении комиссиям Советов следующего права: во всех случаях, когда комиссия признает работу заведующего отделом неудовлетворительной, председатель Совета обязан в недельный срок созвать пленум Совета, который заслушивает доклад комиссии и объяснения заведующего и решает, какие меры необходимы для исправления положения или, в случае несправимости соответствующего заведующего отделом, вопрос о смещении заведующего.

Некоторые заведующие отделами, мнящие себя незаменимыми монополистами и специалистами по здравоохранению ли, по финансам и по земледелию или по торговле, возможно, почувствуют себя обиженными таким предложением, которое усиливает контроль рядовых депутатов Совета и Совета в целом за их работой. Что ж — пусть себе обижаются!

Все наши работники должны понять, что нет людей, которые могли бы претендовать на бесконтрольность в работе, что подконтрольность любого работника вытекает из основ советской власти, что только с помощью контроля снизу, дополняющего контроль и руководство сверху, можно улучшать работу Советов. (Аплодисменты.)

Одним из крупных недостатков в работе Советов является нарушение установленного демократического порядка ведения дел. Бывают, например, такие Советы и их исполнительные комитеты, которые заседают и принимают решения без наличия кворума.

Факт, что все заседания президиума Одесского горсовета за 1936 и 1937 годы, две трети всех заседаний Днепропетровского облисполкома проходили при отсутствии кворума.

Важнейшие решения, касающиеся животрепещущих интересов трудящихся, принимаются нередко опросом. Факт, что больше двух третей всех вопросов, решенных Челябинским облисполкомом, больше 90% Орджоникидзевским крайисполкомом, больше 70% Свердловским облисполкомом и больше 80% Азово-Черноморским крайисполкомом были решены опросом.

С такой практикой решения советских дел президиумами и исполнительными комитетами обычно связывается подмена Советов их исполнительными комитетами, исполнительных комитетов — президиумами и использование пленумов Советов преимущественно для болтовни по тем или иным торжественным случаям.

Факт, что из 9 пленумов Днепропетровского горсовета в 1936 году 4 было «торжественных». Из 10 пленумов Омского горсовета в 1936 г. 5 было «торжественных», из 15 пленумов Запорожского горсовета — 11 «торжественных».

Имеются также, правда, сравнительно немногочисленные случаи, когда пленумы Советов подменяются созывом так называемых «Советов с активом».

К чему приводят так называемые заседания с активом, видно на примере типичного для

таких заседаний заседания Закобьякинского сельсовета Ярославской области с активом: из 36 депутатов Совета в заседании участвуют 12, зато принимают участие в заседании и голосуют 60 так называемых «активистов».

Эти и подобные им нарушения демократического порядка ведения дел недопустимы, в особенности потому, что они создают почву для безответственности советских работников, затрудняют контроль за работой советских работников.

Несколько слов о порядке рассмотрения жалоб некоторыми руководителями Советов. Имеются руководители Советов и в особенности заведующие отделами исполкомов, которые месяцами не принимают рядовых граждан и даже не имеют установленных приемных часов. Жалобы рядовых граждан в некоторых исполкомах и отделах месяцами лежат без рассмотрения. Мало того, жалобы нередко пересылаются на усмотрение тех самых органов и лиц, на действия которых поступили жалобы.

Нечего говорить о том, что подобная практика пренебрежительного отношения и игнорирования жалоб рядовых граждан ничего общего не имеет с советской системой. Необходимо, видимо, ввести в обязательную практику установление ежедневных приемных часов (не менее двух часов в день) для приема жалоб, заявлений и требований рядовых граждан как у председателей исполкомов, так и у заведующих отделами с запрещением в эти часы проводить какие бы то ни было заседания, отлучаться или принимать работников аппарата.

Необходимость строжайшего соблюдения законов игнорируется некоторыми руководителями исполкомов Советов. Общегосударственная законность подменяется такими руководителями Советов своим собственным усмотрением.

Примером нарушения законов могут служить практика издания обязательных постановлений некоторыми местными Советами, а также практика издания инструкций во исполнение законов некоторыми наркоматами.

Факт также, что эту практику нарушения законов использовали наши враги во всех тех случаях, когда им удавалось пролезть на те или иные посты в Советах. Это и неудивительно, ведь советские законы, защищающие рабочих и крестьян, ненавистны господам реставраторам капитализма и агентам германо-японского фашизма, которым нужны законы фашистские, то есть направленные против рабочих и крестьян. Троцкистские бандиты, пролезшие обманном путем в руководство Магнитогорским горсоветом, оштрафовали, например, за один год более 5500 человек, провоцируя этим путем недовольство населения против советской власти.

Осужденный ныне советским судом председатель Лепельского райисполкома под руководством троцкиста и бандита, пролезшего в руководство Лепельским райкомом, известный из опубликованного в печати отчета о судебном процессе над виновниками лепельских безобразий, сам налагал на крестьян незаконные штрафы, сам же продавал с торгов имущество крестьян за невзнос наложенных им штрафов.

Само собой разумеется, что практика подмены законов усмотрением той или иной группы бюрократов является делом антисоветским, крестьянин, как и любой впрочем гражданин, ведь судит о власти не только по тому, каков закон, — будь закон великолепен, но если исполнитель извращает его в своей деятельности, — крестьянин будет судить о власти в первую очередь на основании действий исполнителя.

Напомню, в связи с этим, известные указания по этому поводу товарища Ленина и товарища Сталина:

Товарищ Ленин в письме на имя товарища Сталина для Политбюро по поводу прокуратуры писал:

«...законность не может быть калужская и казанская, а должна быть единая всероссийская и даже единая для всей Федерации советских республик...

...законность должна быть одна, и основным злом во всей нашей жизни и во всей нашей некультурности являются попустительство исконно-русского взгляда и привычки полудикарей, желающих сохранить законность калужскую в отличие от законности казанской»¹.

У всех в памяти бичующая оценка товарищем Сталиным на XVII съезде партии людей, которые не считают своей обязанностью исполнять решения партии и правительства и которые разрушают, таким образом, основы партийной и государственной дисциплины.

Несомненно, что на выборах недостатки в работе Советов, тех или иных кандидатов, тех или иных учреждений будут подвергнуты суровой критике.

Задача состоит в том, чтобы понять недостатки в работе наших Советов, осознать их и поднять на выборах массы на их устранение.

Задача состоит в том, чтобы народ проверял кандидатов в депутаты, дабы в высший орган нашей власти — Верховный Совет СССР прошли только люди, преданные делу социализма, преданные делу партии Ленина—Сталина, чтобы в Советы не прошел ни один из замаскировавшихся врагов народа.

Поймать врагов рабочего класса и крестьянства нельзя, действуя только сверху, только одними глазами коммунистов, руководящих теми или иными органами, — врагов надо ловить и снизу и сверху, ибо коммунисты, руководящие теми или иными органами, всего увидеть не могут. Словить и раздавить врагов Советов, врагов рабочих и крестьян можно только развернув демократию во-всю, как это требует партия, как этого требует товарищ Сталин, как этого требует Сталинская Конституция. (Аплодисменты.)

В связи с этим разрешите напомнить слова товарища Сталина в беседе с Рой Говардом:

«...избирательная борьба будет оживленной, она будет протекать вокруг множества острейших вопросов, — главным образом вопросов практических, имеющих первостепенное значение для народа. Наша новая избирательная система подымет все учреждения и организации, заставит их улучшить свою работу. Всеобщие, равные, прямые и тайные выборы в СССР будут

хлыстом в руках населения против плохо работающих органов власти».

Так сказал товарищ Сталин. Это значит, что выборы будут суровой проверкой, суровым экзаменом для советских работников — кто его не выдержит, полетит, — и по заслугам!

V

О выдвижении новых кадров

Перехожу к вопросу, имеющему особо существенное значение с точки зрения предстоящих выборов в Советы, — к вопросу о подборе кадров в Советах.

Советы являются организациями, через которые миллионы людей поднимаются к управлению. Несомненно, что в области выдвижения новых кадров через Советы можно, однако, сделать еще больше.

Нередко имеют место факты, достаточно хорошо известные, когда грубо нарушается важнейшее условие укрепления Советов, а именно: непрерывное пополнение Советов и их исполнительных органов новыми молодыми силами, вырастающими в рабочем классе и крестьянстве.

К сожалению, практика недостаточного выдвижения молодых растущих сил имеет место в таких Советах, где во главе стоят преемственные работники. В таких случаях эта практика вызывается совершенно необоснованной боязнью новых людей. Многие из товарищей, недостаточно выдвигающих новые силы, оправдываются тем, что будто бы нет кадров, а на деле они просто зачастую боятся: как бы эти вновь выдвинутые люди не оказались лучшими работниками, чем они сами.

То, что говорил нам товарищ Сталин на Пленуме Центрального Комитета партии, — если бы мы занимались выдвижением людей, то был бы избыток кадров, — больше всего, я думаю, относится именно к Советам!

Среди работников фабрик, заводов, транспорта, совхозов, колхозов, МТС, наших советских учреждений имеются сотни и тысячи людей, которые давно переросли ту работу, которую они делают, — надо только подучить их и помочь им, и мы получим настоящих работников, необходимых Советам, людей, способных защитить интересы рабочего класса и крестьянства против любого врага трудящихся, людей деловых, умеющих и желающих работать, а не болтать, людей преданных делу социализма и интересам трудящихся, — как коммунистов, так и беспартийных.

Далее о беспартийных. В то время как миллионы беспартийных рабочих, крестьян, интеллигентов стали настоящими непартийными большевиками, о которых говорил товарищ Сталин, число беспартийных в составе исполкомов и особенно в составе руководителей отделов и их заместителей совершенно недостаточно. Имеются руководители Советов, которые гордятся, как «достижением» тем, что у них все руководители отделов и их заместители — члены партии. Следует ли доказывать, что пренебрежительное отношение к беспартийным и затирание беспартийных противоречит традициям и политике ленинско-Сталинской большевистской партии. Следует ли доказывать, что во главе многих земельных

¹ Ленин, т. XXVII, стр. 289—299.

органов и органов народного образования, к примеру, лучше было бы иметь честных и опытных беспартийных, чем сидящих на этих постах людей, единственным достоинством которых передко является только то, что у них имеется партийный билет.

Далее о женщинах. В то время, как миллионы женщин в СССР являют образцы преданности делу рабочего класса и колхозного крестьянства, образцы сознательности, личной честности и способности быть руководителями, роль женщины в Советах, и особенно в исполкомах, в результате бюрократических извращений в аппарате недостаточно растет. Конечно, женщин в наших Советах в сто крат больше, чем в буржуазных парламентах, — однако, этого недостаточно.

Характерно, между прочим, что в составе депутатов Советов четверть всего состава депутатов Советов составляют женщины, но в составе председателей райкомов женщин только 20%, в составе председателей горсоветов — 60%, в составе председателей сельсоветов — 60%; ни одной почти женщины не избрано в качестве председателя или заместителя председателя край(обл)исполкома. Нужно сказать, что и Москва здесь не служит особо хорошим примером. В составе Московского Совета 578 женщин, а среди руководителей отделов и президиума Совета только две женщины. В 23 районных Советах Москвы нет ни одной женщины председателя Советов и только одна — зам. пред. Совета.

Подобная практика недооценки женщины ничего общего не имеет с программой ленинско-сталинской партии, которая в освобожденной социализмом женщине видит огромный источник сил для укрепления и улучшения работы Советов. Стоит вспомнить любое из колхозных совещаний, проходивших здесь, в Кремле, в этом зале, чтобы не искать иных доказательств наличия огромных резервов, которые вырастила наша страна в лице женщин. (Аплодисменты.)

Я не говорю уже о комсомольцах, среди которых сотни тысяч людей достигли немалого возраста, имеют немалый опыт организационной и политической работы. Сотни и тысячи комсомольцев могут поднять серьезную руководящую работу в Советах.

Необходимо смелее выдвигать беспартийных, комсомольцев и женщин на посты членов Советов, исполкомов Советов и руководителей отделов, памятуя неоднократные указания Ленина и Сталина о том, что не наличие партийного билета, а тем более не принадлежность к мужскому полу делает человека достойным занимать тот или иной пост, а только действительная преданность делу социализма и деловые качества.

Чтобы это дело вышло, чтобы не получилось быстрого разочарования, надо лишь одно — помочь этим людям учиться.

Нужно сказать, что с обучением советских кадров дело обстоит неважно. Имеется огромное количество курсов советских работников, но они учат не председателей сельсоветов и председателей РИКов, а людей, зачастую освобожденных с советской работы за негодностью, и, кроме того, они учат большей частью не тому, чему надо, лишь ничтожную часть времени посвящая изучению Конституции и организации советской работы.

Задача здесь состоит в том, чтобы учить именно руководителей Советов и помогать им расти.

***

Я заканчиваю. Представляемый на ваше рассмотрение проект Избирательного закона дает наиболее действительные гарантии осуществления всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании.

В этих гарантиях еще раз проявляется существо пролетарской демократии, которое, как указывал товарищ Сталин, состоит в том, что пролетарская демократия, в отличие от буржуазной, не органичивается только фиксированием формальных прав граждан, а заботится «об условиях осуществления этих прав, о возможности их осуществления, о средствах их осуществления».

То же самое всеобщее избирательное право, которое значительная часть буржуазно-демократических стран признает в своих конституциях и формально осуществляет при выборах, но которое на деле обкарнивается, урезается, отменяется десятками способов самим механизмом капиталистической демократии, исключая и выталкивая рабочих, бедняков-крестьян и рядовых интеллигентов из активного участия в демократии, — наш проект Избирательного закона превращает в орудие втягивания всей массы трудящихся в политику, в средство вовлечения всего народа в активное участие в демократии, во всеобъемлющее орудие народного контроля за своими избранниками.

Здесь наша партия, Советы руководствуются указанием товарища Сталина на III Всероссийском Съезде Советов девятнадцать лет назад:

«Нам, представителям рабочих низов, нужно, чтобы народ был не только голосующим, но и правящим».

Дело выборов — дело очень серьезное, — к нему надо подготовиться всерьез. До выборов осталось лишь несколько месяцев, а подготовка выборов и самое проведение выборов потребуют величайшей организованности.

У нас еще встречаются такие чудачки, которые понимают демократию, как анархическую распущенность, как торжество безначалия. Нечего говорить о том, что это не наш, не большевистский, не ленинско-сталинский взгляд. Демократия не есть безначалие, наоборот, демократия означает наличие организованного государства, наличие правительства, наличие работоспособных центров общественных организаций. Демократия не есть отказ от организованности, наоборот, демократия есть высшая организованность. можно сказать, — завершение организованности. Наша пролетарская демократия означает и требует, в первую очередь, максимальной организованности от рабочего класса, который руководит рабоче-крестьянским союзом, от его авангарда — коммунистической партии.

Неуклонное осуществление Конституции СССР и вытекающего из Сталинской Конституции Избирательного закона несомненно обеспечит дальнейшее развертывание советской демократии, расширение базы пролетарской диктатуры. Неуклонное осуществление Сталинской Конституции и Избирательного закона несомненно обеспечит на основе критики не-

достатков работы Советов и выдвижения в Советы новых людей улучшение работы Советов сверху донизу. Силу народной поддержки Советов проверяли на своей шкуре наши враги не раз. Что весь народ стоит стеной за Советы — в этом лишней раз недавно убедились германо-японские фашисты в троцкистской или бухаринской личине, — наша рабоче-крестьянская страна раздавила их, как клопов. (Аплодисменты.)

Неуклонное осуществление новой Конституции СССР и вытекающего из Сталинской Кон-

ституции Избирательного закона обеспечит еще большее сплочение вокруг Советов народных масс и избрание такого Верховного Совета СССР и таких Советов депутатов трудящихся, которые под руководством коммунистической партии, под руководством товарища Сталина проведут в жизнь Сталинскую Конституцию и поведут народы СССР, сокрушая всех и всяческих врагов рабочего класса и крестьянства, к новым победам в деле строительства социализма. (Продолжительные аплодисменты. Все встают.)

ВЫШИНСКИЙ А. Я.

Новый избирательный закон и социалистическая законность

Речь на 4-й Сессии ЦИК СССР VII созыва

Доклад т. Яковлева с исчерпывающей полнотой осветил значение и роль избирательного закона и самый избирательный закон, представленный на утверждение 4-й сессии ЦИК СССР VII созыва, в деле нашего социалистического строительства.

Проект нового избирательного закона является актом громадного исторического значения, он является детищем великой Сталинской Конституции и вместе с новой Сталинской Конституцией закрепляет в законодательном порядке исторические завоевания пролетарской диктатуры, великие исторические победы социализма.

Одну из замечательнейших особенностей Сталинской Конституции, утвержденной Чрезвычайным VIII Всесоюзным Съездом Советов, составляет последовательный и до конца выдержанный социалистический демократизм, не ограничивающийся провозглашением или фиксированием формальных прав граждан, но, как сказал товарищ Сталин, обеспечивающий фактическое осуществление этих прав «законодательным закреплением факта ликвидации режима эксплуатации, факта освобождения граждан от всякой эксплуатации».

Новая Конституция явилась завершением величайшего этапа в развитии пролетарской социалистической революции, создавшей в результате почти 20-летней борьбы трудящихся нашей страны, во главе с коммунистической партией, ее ЦК и великим Сталиным, новое социалистическое общество рабочих и крестьян, новую социалистическую культуру, новое поколение сталинских людей — советских героев и богатырей, творящих чудесные и небывалые до сих пор на земле дела и подвиги.

Новая Конституция явилась блестящим свидетельством небывалого в истории человечества подъема творческих сил народа, небывалого расцвета его мощи, сметающей на своем пути всех сопротивляющихся его победоносному движению вперед. Такому народу, который создал великую Сталинскую Конституцию, не страшны никакие козни врагов, не страшны их попытки сопротивления, как бы чудовищны, коварны и злодейски ни были средства борьбы, которые пускают в ход против Советского Союза фашистские разведки и их троцкистско-бухаринская агентура.

Полгода тому назад народы СССР утвердили свою новую Конституцию, осуществив мечту лучших людей человечества, осуществив то, о чем мечтали и продолжают мечтать, как сказал товарищ Сталин на Чрезвычайном VIII Всесоюзном Съезде Советов, миллионы честных людей в капиталистических странах.

Наша Конституция — торжествующий гимн победившего в СССР социализма. Наша Конституция — грозный обвинительный акт против фашизма, воскресившего средневековое варварство и надругавшегося над культурой и демократией, покрывшего и покрывающего себя позором зверских убийств беззащитного населения мирных городов и сел, тысяч детей, женщин и стариков.

Мы все помним слова великого Сталина, что «новая Конституция СССР будет моральной помощью и реальным подспорьем для всех тех, кто ведут ныне борьбу против фашистского варварства». Вот почему так беснуется сейчас наши враги, используя все средства борьбы против СССР — клевету и инсинуацию, вредительство и диверсии, террор и шпионаж, засылая в наши тылы свою агентуру, вербуя и посылая против нас троцкистско-бухаринское фашистское отребье. Напрасно! Нет в мире силы, способной помешать расцвету нашей социалистической родины.

Социализм и демократия непобедимы.

Судебные процессы вредителей и изменников Зиновьева, Каменева, Пятакова, Тухачевского, Якира и других фашистских разведчиков, шпионов и диверсантов показали и доказали, что каждый шаг, каждое движение нашего врага против СССР, против дела социализма будут разоблачены и враги будут беспощадно раздавлены, как были раздавлены пойманные с поличным презренные фашистские заговорщики из троцкистско-бухаринского подполья.

Социализм и демократия непобедимы! Вот почему каждый месяц, каждый день нашего государственного и хозяйственного строительства несут нам новые успехи и новые победы, прибавляют все новые и новые сокровища к неисчерпаемым богатствам нашей родной земли.

Проект избирательного закона, как и сама Конституция, представляет собой документ

подлинной, до конца последовательной советской демократии. В отличие от буржуазного избирательного закона, обычно преследующего цель не закрепления и обеспечения конституционных прав, а, наоборот, — цель их ограничения и прямого отступления от них, советский избирательный закон ни на одну не отступает от принципов нашей Конституции, не изменяет этим принципам и даже отдельным формулировкам нашей Конституции.

В одном из своих блестящих произведений — в «Восемнадцатом брюмера» К. Маркс вскрыл особенность буржуазных конституций и буржуазного избирательного закона, указав на цель их — развить содержащиеся в этих конституциях «оговорки» и так «регулировать» реализацию конституционных прав, что от этих прав остаются одни лишь рожки да ножки.

По этому поводу Маркс писал:

«Поэтому конституция всюду указывает на будущие органические законы, цель которых подробно развить эти оговорки и так урегулировать пользование всеми этими неограниченными свободами, чтобы они не сталкивались ни друг с другом, ни с общественной безопасностью. Впоследствии эти органические законы были созданы друзьями порядка, и все эти свободы были так урегулированы, что буржуазия может ими пользоваться, не встречая никакого препятствия в равных правах других классов. Там, где она по отношению к «этим другим» совершенно восприняла эти свободы или позволяла ими пользоваться под условиями, каждое из которых было полицейской ловушкой, это происходило всегда только в интересах «общественной безопасности», т. е. безопасности буржуазии, как то и предписывает конституция... Каждый параграф конституции содержит в самом себе свою собственную противоположность, свою собственную верхнюю и нижнюю палату: свободу — в общей фразе, упразднение свободы — в оговорке» (К. Маркс, Избранные произведения, т. II, стр. 257, Партиздат, 1933 г.).

Таким образом, в буржуазных государствах, еще сохранивших остатки буржуазной демократии и демократических конституций, конституции и избирательные законы, посвященные одному и тому же вопросу, говорят далеко не одно и то же. Назначение избирательных законов в этих странах заключается не столько в том, чтобы обеспечить реализацию прав, провозглашенных в конституциях, сколько в том, чтобы всячески затруднить эту реализацию и пользование конституционными правами поставить в рамки, хотя и противоречащие конституции, но зато не противоречащие интересам правящих в этих государствах эксплуататорских кланов.

Вот почему эти избирательные законы, в сущности, являются незаконными, так как они утверждают положения, сплошь и рядом противоречащие принципам своих конституций и самим этим конституциям.

О том, какой волюнтарный характер приобретают эти противоречия между конституциями буржуазии и их избирательными законами, свидетельствует множество примеров. Итальянский закон от 17 мая 1928 г., изданный под названием «О реформе политического пред-

ставительства», попросту ликвидировал конституцию и опирающийся на нее парламент. В этом законе имеется статья 6-я, которая буквально гласит следующее:

«Голосование по утверждению списков назначенных депутатов происходит в третьем по опубликовании списка в «Gazetta ufficiale» воскресенье».

По фашистской конституции и фашистскому избирательному закону, производится голосование уже ранее назначенных депутатов. Вот так «голосование»!

Статья 7-я этого закона гласит:

«Голосование производится путем подачи бюллетеня со знаком ликторского пучка и подписью: «Утверждаете ли вы список депутатов, намеченных великим советом фашизма?»

Это явная комедия, ибо такой порядок исключает какие бы то ни было выборы, исключает всякую тень, всякий намек на демократию. Но это-то и называется демократией по-фашистски. «Великий совет», согласно закону 1928 г., в праве, оказывается, составить список не только из общего числа имеющих кандидатов, но в праве включить в список любого человека по собственному усмотрению даже из числа лиц, как говорится в статье 5-й этого закона, не попавших в кандидаты.

Знаменитая германская Веймарская конституция 1919 г. некогда ушла, в сущности говоря, от этого фашистского закона в смысле ограничения конституционных прав граждан. Говоря о равенстве немцев перед законом, Веймарская конституция прямо поясняет, что «мужчины и женщины имеют в принципе одинаковые гражданские права и несут одинаковые обязанности». На практике они не имеют не только одинаковых, но и никаких прав.

Ряд статей этой конституции (ст. 113, 114, 115, 116, 117 и 118) прямо предусматривает в самом тексте конституции различные исключения, составляющие прямые изъятия, находящиеся в прямом и вопиющем противоречии с самими принципами этой конституции, и притом по самым важным вопросам: о неприкосновенности личности, о тайне переписки, о свободе жилищ, о цензуре и т. д.

Известно, что фашизм даже от этой конституции не оставил камня на камне.

Статья 2-я гитлеровского закона 24 марта 1933 г. прямо заявляет, что «законы, принятые имперским правительством, могут уклоняться от имперской конституции», если они не имеют предметом устройство рейстага и рейхсрата, который, кстати сказать, спустя год (в 1934 г.) был ликвидирован специальным законом в порядке указанного выше «уклонения».

Даже в передовых странах буржуазной демократии избирательный закон, как правило, всегда находится в противоречии с конституцией. Во всяком случае, он всегда оказывается сильнее и действеннее этой конституции.

Французская конституция до сих пор не знает всеобщего избирательного права. Известно, что этого избирательного права во Франции лишены, например, женщины. Но избирательная система Франции — одной из передовых буржуазно-демократических стран — еще хуже избирательного закона. Здесь до сих пор в ходу деление на маленькие округа, которые там называются характерным именем «стоячие болота», где можно легко утопить кандидатов

коммунистической партии и оппозиционных буржуазных партий.

Механика подсчета голосов здесь такова, что коммунистические кандидаты, собравшие, например, в 1932 г. не больше, не меньше как целый миллион голосов, получили всего-на всего 10 мандатов, а социалисты, собравшие менее 2 млн. голосов, получили 100 мандатов.

Вот вам «равенство» избирательного права одной из наиболее передовых буржуазно-демократических капиталистических стран!

Английская избирательная система, известная в качестве одной из старых демократических избирательных систем, знает категорию избирателей, имеющих по два голоса: один голос по месту жительства, другой — по месту нахождения принадлежащего им предприятия или земельной собственности. Эта так называемая система «множественного вотума» дает возможность богатым земельным собственникам и капиталистам голосовать поочередно во всех тех пунктах, где у них имеются предприятия или земельная собственность.

В США по конституции царит «равенство». Каждый штат выбирает ровно столько, сколько любой другой, — по два депутата. А на деле что получается? Получается, что многомиллионный Нью-Йорк выбирает двух депутатов, штат с 100 тыс. жителей выбирает тоже двух депутатов. Удивительное равенство! А подкупы, а жульничество, мошенничество, совершающиеся среди белого дня, открыто, легально на глазах у всех, подкуп голосов избирателей, — разве все это не свидетельствует о том, что представляет собою этот избирательный закон и эта избирательная механика различных капиталистических государств, даже таких, которые считаются передовыми буржуазно-демократическими странами!

В буржуазных государствах это в порядке вещей. Это вытекает из самого существа буржуазных государств и буржуазной демократии, провозглашающих конституционные права де-юре, в законе, формально, абстрактно. Буржуазная демократия не заботится о правах граждан и не стремится к обеспечению гражданам фактического осуществления официально предоставленных им конституцией прав.

Буржуазная демократия провозглашает равенство всех перед законом. А что это означает на деле? На деле это означает — всяк за себя, а бог за всех, отчего выигрывают те, у кого за плечами кроме господ бога имеется солидный капитал.

«Возьмите основные законы современных государств, — писал Ленин, — возьмите управление ими, возьмите свободу собраний или печати, возьмите «равенство граждан перед законом», — и вы увидите на каждом шагу хорошо знакомое всякому честному и сознательному рабочему лицемерие буржуазной демократии. Нет ни одного, хотя бы самого демократического государства, где бы не было лазеек или оговорок в конституциях, обеспечивающих буржуазии возможность двинуть войска против рабочих, ввести военное положение и т. п., «в случае нарушения порядка», — на деле, в случае «нарушения» эксплуатируемым классом своего рабского положения и попыток вести себя не по-рабски» (Ленин, т. XXIII, стр. 347).

«Под видом равенства человеческой личности вообще буржуазная демократия провозглашает формальное или юридическое равенство собственника и пролетария, эксплуататора и эксплуатируемого, вводя тем в величайший обман угнетенные классы. Идея равенства, сама являющаяся отражением отношений товарного производства, превращается буржуазией в орудие борьбы против уничтожения классов, под предлогом будто бы абсолютного равенства человеческих личностей» (Ленин, т. XXV, стр. 285—286).

Вся механика буржуазной демократии и буржуазных демократических избирательных систем построена на жульнических махинациях на всевозможных недобросовестных избирательных трюках и фокусах, имеющих своей единственной целью вытаскивать, как говорил Ленин, «бедноту из политики, из активного участия в демократии» (Ленин, т. XXI, стр. 430).

Советские Конституции и механизм советской демократии принципиально иные. Реально, фактически защищены у нас права граждан.

Наша Конституция и наш избирательный закон обеспечивают на деле фактическое и исчерпывающее осуществление подлинно конституционных прав и подлинно демократических свобод.

Одна из самых замечательных глав новой Конституции — X глава, говорящая об основных правах и обязанностях граждан СССР, не только провозглашает право граждан СССР на труд, право на отдых, на материальное обеспечение в старости, в случае болезни и потери трудоспособности, право на образование, равенство женщин с мужчинами, равенство граждан СССР, независимо от их расовой и национальной принадлежности, и ряд демократических свобод, в соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя, но обеспечивает эти права всем строем советской социалистической системы, всей мощью и социалистической организацией советского народного хозяйства, всеми силами, ресурсами и средствами Страны советов.

В ряду гарантий этих прав новая Конституция называет также и наш советский закон, прямо указывая на ответственность по всей строгости советского социалистического закона людей, пытающихся нарушить эти гарантированные Конституцией права.

Статья 123-я Конституции, говорящая о равенстве граждан СССР, независимо от их национальности и расы, объявляет это непреложным законом, угрожая карой закона за какое бы то ни было нарушение этого важнейшего принципа Сталинской Конституции.

Конституция поставила советский закон на защиту и других прав граждан, охраняя неприкосновенность личности, неприкосновенность жилища и тайну переписки.

Конституция прямо требует от всех граждан соблюдения Конституции, исполнения законов, соблюдения дисциплины труда, честного отношения к общественному делу, уважения к правам социалистического обществитя.

Провозглашая всеобщую воинскую обязанность законом, обязывая каждого гражданина

Союза Советских Социалистических Республик беречь и укреплять общественную социалистическую собственность и быть готовым к исполнению своего священного долга по защите отечества, новая Конституция нарушение этих требований рассматривает как тяжкое злодеяние и нарушителей карает как врагов народа по всей строгости советского закона.

Все это достаточно ярко говорит о роли советского закона и нашей социалистической законности в деле дальнейшего развития и укрепления социалистического государства рабочих и крестьян. Советский закон — могучее орудие пролетарской диктатуры и советского государства в борьбе с врагами социализма, в борьбе за коммунизм. Этим объясняется и то исключительное положение, которое в системе советского государства занимают такие специальные органы охраны советского закона, как суд и прокуратура, органы охраны советской законности и советского правопорядка. Об этом говорит и внесенный на утверждение 4-й сессии ЦИК СССР проект «Положения о выборах в Верховный Совет СССР», передающий на рассмотрение народного суда жалобы на неправильности в избирательных списках (ст. 19).

Проект специально предусматривает суровую ответственность должностных лиц, членов избирательной комиссии, за совершение подлогов в избирательных документах или заведомо неправильный подсчет голосов, как и ответственность всех других лиц, кто путем насилия, обмана, угрозы, подкупа будет препятствовать гражданам СССР в осуществлении ими своих избирательных прав (ст. 111 и 112 проекта).

В буржуазном законодательстве и даже в фашистском законодательстве мы можем встретить законы, направленные против злоупотреблений и преступлений во время выборов. В Уголовном кодексе этих стран можно прочесть грозные статьи, угрожающие разными наказаниями за эти преступления. В итальянском уголовном кодексе есть специальная статья — 294-я, предусматривающая строгое наказание тех, кто насилием, угрозой или обманом воспрепятствует гражданину осуществлять избирательное право. То же самое есть в законодательстве Польши, Франции, Германии и других стран. Но реального значения — это самое главное — эти законы не имеют. Угрозы наказанием за всякие избирательные мошенничества — не для буржуазных клики, остающихся здесь безнаказанными.

Один иностранный автор по этому поводу писал: «Опыт последних 20 лет показывает, что все эти законы не достигают цели, не устраняют коррупции (разложения) и не ограничивают расходов по избирательным кампаниям».

«Законность» в ряде капиталистических стран и во всех фашистских странах превратилась в открытый произвол, в неприкрытое издевательство над трудящимися, над культурой и демократией.

Принципиально иначе обстоит дело у нас. В СССР, где победил социализм, где несомненно закреплена подлинная культура и демократия, законность является могучим орудием дальнейшего прогресса, дальнейшей борьбы за социализм.

На Чрезвычайном VIII Всесоюзном Съезде Советов товарищ Сталин сказал: «стабильность законов нужна нам теперь больше, чем когда бы то ни было». «Положение о выборах» служит этой задаче стабилизации нашей законности, гарантирующей правильность выполнения такой важнейшей государственной функции, как избрание Верховного Совета СССР — высшего законодательного органа Союза Советских Социалистических Республик.

В беседе с английским писателем Уэллсом товарищ Сталин сказал:

«Новая власть создает новую законность, новый порядок, который является революционным порядком».

Я стою не за всякий порядок. Я стою за такой порядок, который соответствует интересам рабочего класса».

Стабильность закона органически связана с борьбой за порядок, соответствующий интересам рабочего класса.

Каждый советский гражданин обязан всемерно содействовать укреплению этого порядка, — эта обязанность лежит на органах власти, в частности и в особенности на таких органах, как Советы депутатов трудящихся, на которые статья 97-я великой Сталинской Конституции возлагает прямую и почетную обязанность охраны государственного порядка, соблюдения законов и охраны прав граждан. Стабильность закона требует единообразия и единого понимания законности.

Противниками этой законности до сих пор продолжают оставаться «местные влияния», о которых Ленин писал, как об одном из величайших препятствий к установлению законности и культуры.

Надо признать, что в практике у нас до сих пор встречаются грубые нарушения советских законов. Тов. Яковлев вчера приводил примеры нарушения законов со стороны Советов, а я добавляю: при явном, очень часто, к сожалению, бездействии и попустительстве со стороны местных прокуроров.

Если обратиться к практике обязательных постановлений и практике наложения штрафов, то в этом отношении можно назвать целый ряд в высокой степени отрицательных примеров. Ряд горсоветов у нас вовсе не считается с законами и в своей практике далеко выходит за пределы своей компетенции. Мы имеем обязательные постановления ряда горсоветов, введенные в действие с утверждения лишь одного председателя или секретаря горсовета, даже не утвержденных президиумом этих горсоветов. Так, например, в Куйбышеве из 12 обязательных постановлений президиум горсовета утвердил только 5, а остальные утверждены председателем или секретарем горсовета единолично, без какого бы то ни было участия в этом деле самого горсовета в целом.

Имеется ряд обязательных постановлений вовсе не опубликованных, хотя от граждан требуют неуклонного исполнения их, а за неисполнение этих обязательных постановлений очень ретиво штрафуют.

Так обстоит дело в Калинин и ряде других городов, даже в Москве имеется ряд подобных случаев. В ряде горсоветов выносятся постановления о действии того или иного обязательного постановления, а при проверке оказывается, что это постановление уже 2 года

тому назад утратило свою законную силу. В Казани имеется несколько таких обязательных постановлений.

Имеются постановления и анекдотического характера. Например, Феодосийский горсовет в одном из обязательных постановлений (правда, это было полтора года тому назад) воспретил «свободное содержание животных и птиц во дворе и на улице». Правда, Феодосийский горсовет не разъяснил, в чем заключается «свободное» и в чем «не свободное» содержание птиц во дворах и на улице. Очевидно, имелось в виду запретить курице или петуху из подворотни выбегать на улицу.

К сожалению, прокуроры в целом ряде случаев проявляют возмутительное бездействие и прямое попустительство. В Ширяевском деле, о котором вчера говорил т. Яковлев в своем докладе, наряду с председателем и членами Совета, судившимися по этому делу, на скамье подсудимых был и прокурор, который носил фамилию, похожую на греческого громовержца Юпитера, — Юпитер, чуть-чуть не Юпитер; однако никаких громов он против нарушителей советских законов не метал и поэтому получил по постановлению суда три года лишения свободы.

Грубое нарушение законов допускается различными организациями, злоупотребляющими наложением штрафов. Проверка материалов показала, что по одному только Ленинграду в 1936 г. имелось, по крайней мере, не менее 18 организаций, налагавших штрафы. Среди них — «Скорая помощь» (оказывается, «Скорая помощь» проявляется и в наложении штрафов), радиодирекция, трамвайное управление, Ленинградский энергосбыт, я не говорю уже о милиции и санитарной инспекции.

Важно отметить, что некоторые организации штрафуют за нарушение обязательных постановлений, как я сказал, давно утративших силу. В Ленинграде этим особенно отличаются управления Октябрьской и Кировской железных дорог.

До сих пор в Ленинграде привлекают к ответственности за нарушение обязательных постановлений, изданных в 1931—1934 гг. и по закону уже утративших свою силу.

За что же штрафуют? За самые разнообразные дела. Начальником 14-го отделения милиции Ленинграда был оштрафован гр. Петрунин за то, что покатал на тачке трех ребятшек, чем нарушил постановление Ленинградского совета. (См е х.) Некий гражданин Федченко был оштрафован на 50 руб. за то, что, как говорится в постановлении, 22 апреля 1937 г. он, Федченко, вступил в пререкания с начальством. (См е х.) Таких примеров можно привести, к сожалению, не мало.

О чем это говорит? Это говорит о том, что у целого ряда наших товарищей все еще нет уважения к советскому закону, к советской законности. Подобного рода пренебрежительное отношение к советским законам различных «азнавшихся вельмож» все еще наблюдается здесь и там, и это наносит серьезный ущерб авторитету советской власти и советского государства. Эти люди забыли слова товарища Ленина о том, что «законность должна быть одна» и что «если мы этого элементарнейшего условия для установления единой законности во всей федерации не будем проводить во что бы то ни стало, то ни о какой охране и ни

о каком создании культурности не может быть и речи» (Ленин, т. XXVII, стр. 299). Эти люди, очевидно, забыли слова товарища Сталина, что «Стабильность законов нужна нам теперь больше, чем когда бы то ни было».

Новая Сталинская Конституция и новый избирательный закон, внесенный на ваше утверждение, требуют честного и большевистского отношения к советским законам, беспрекословного и последовательного проведения советских законов в жизнь, неуклонной и самоотверженной борьбы за советский социалистический закон и социалистические правопорядки. Новая Конституция — основной закон Союза Советских Социалистических Республик — возлагает на Советы трудящихся великие обязанности и великую ответственность в деле дальнейшего утверждения и укрепления неизблемости, непоколебимости и единства советских законов.

Два слова о нашей прокуратуре. 15 лет назад советская прокуратура была учреждена по мысли и инициативе товарищей Ленина и Сталина. За эти годы прокуратура сделала не мало в борьбе с врагами нашей родной земли. Но в работе прокуратуры еще имеются крупнейшие недостатки, грубейшие ошибки, особенно нетерпимые в свете великой Сталинской Конституции.

Новый избирательный закон возлагает на наш суд и прокуратуру ответственнейшие обязанности. Советская прокуратура является представителем советского государства в борьбе за социалистическую законность. Ее задача — не оставлять безнаказанным, без преследования ни одного нарушения интересов государства и прав трудящихся, чутко и внимательно относиться к людям, по-сталински проявлять к ним заботливость и чуткость, особенно чуткость проявлять к справедливым жалобам граждан, требующих законной защиты своих прав.

Задача прокуратуры — беспощадно бороться со всякого рода нарушителями советских законов, со всеми и всяческими врагами социалистического государства и дела социализма. Советская прокуратура должна наносить беспощадные и меткие удары по всем врагам, подрывающим советские порядки и самую основу социалистического государства — общественную социалистическую собственность, по всем предателям, изменникам и агентам фашистских иностранных разведок, не прекращающих своей борьбы против СССР.

В этом священный долг всех честных людей нашей земли, в том числе и в первую очередь наших работников советской юстиции, советской прокуратуры, поставленных на страже социалистического общества рабочих и крестьян, советских законов и советского социалистического правопорядка.

Значение и роль советской социалистической законности в борьбе с врагами народа огромны. Нарушением советских законов и советской дисциплины нередко умело пользуется враг для маскировки своей подлой, преступной, подрывной и предательской работы.

Ленин и Сталин учат нас, что «победа над буржуазией невозможна без долгой, упорной, отчаянной войны не на живот, а на смерть, — войны, требующей выдержки, дисциплины, твердости, неуправляемости и единства воли» (Ленин, т. XXV, стр. 173).

Ленин всегда подчеркивал, что «безусловная централизация и строжайшая дисциплина пролетариата являются одним из основных условий для победы над буржуазией» (Ленин, т. XXV, стр. 174), что одним из условий такой победы является победа над мелкобуржуазными привычками, над этими проклятыми пережитками и традициями капитализма.

Это тоже не легкая задача, ибо «сила привычки миллионов и десятков миллионов, — как говорил Владимир Ильич, — самая страшная сила» (Ленин, т. XXV, стр. 190).

Товарищ Сталин указал на опасность идиотской болезни — беспечности, на необходимость преодолеть эту болезнь, чтобы уметь распознать и победить врага.

Трудность и сложность задачи состоит в том, что мелкобуржуазная стихия пропитывает собой и развращает даже отдельных представителей пролетариата, которые не отделены китайской стеной от старого общества, и вызывает в этих представителях пролетариата «рецидивы мелкобуржуазной бесхарактерности, раздробленности, индивидуализма, переходов от увлечения к унынию» (Ленин, т. XXV, стр. 189).

Вот почему Ленин говорил о целой исторической эпохе, ставя задачу выработки новой дисциплины.

Пролетарская диктатура неизмеримо облегчает эту задачу. Пролетарская диктатура является той почвой, на которой лучше и быстрее всего может осуществиться этот процесс перевоспитания и пролетариев, и колхозников, и даже мелкобуржуазных элементов.

Но этот процесс не может осуществиться самотеком или «в два счета». «От своих собственных мелкобуржуазных предрассудков, — говорил Ленин, — (пролетарии. — А. В.) избавляются не сразу, не чудом, не по велению божией матери, не по велению лозунга, резолюции, декрета, а лишь в долгой и трудной массовой борьбе с массовыми мелко-буржуазными влияниями» (Ленин, т. XXV, стр. 247).

Борьба с этими влияниями, с пережитками капитализма в сознании людей — это тоже классовая борьба, ибо эти пережитки являются отражением интересов господствовавших раньше классов, претворивших в эти «привычки» свои классовые интересы и запечатлевших в них свое классовое господство, ибо этими пережитками сплошь и рядом пользуется классовый враг, пытающийся использовать отдельных трудящихся в качестве орудия своей преступной контрреволюционной борьбы с советским строем, с общественной социалистической собственностью — основой советского строя.

В своей борьбе классовый враг нередко ловко и искусно пользуется силой привычки, являющейся, действительно, страшной силой в борьбе контрреволюционных элементов против нашего нового общественного строя.

Сейчас контрреволюционная антисоветская агитация прибегает к самым разнообразным приемам и очень неплохо умеет замаскировать свои антисоветские выступления.

Так, например, недавно в Куйбышеве был задержан на базаре и доставлен в милицию один «глухонемой», у которого на груди красовалась небольшая дощечка с контрреволюционной надписью: «Помогите глухонемому, лишили работы, раздели и есть не дают».

Этого «глухонемого» привели в милицию, и оказалось, что этот «глухой» вовсе не глухой, «немой» вовсе не немой, — он оказался совершенно здоровым человеком, раскулаченным кулаком, который в этой форме избрал определенный способ борьбы с советской властью, ведения антисоветской пропаганды. У этого «глухонемого» в кармане оказался десяток заготовленных таких дощечек с аналогичными надписями.

В ряде мест оживляются различные антисоветские происки враждебных элементов. В одном месте открывают «святого Власия», в другом месте открывают какую-то «преподобную Варвару». (Смех.)

Враги пользуются темнотой и невежеством людей для того, чтобы сгруппировать антисоветские силы около этих «святых» и «преподобных» для того, чтобы делать самое настоящее антисоветское дело.

В своем историческом докладе на XVII съезде партии товарищ Сталин показал, как живучи остатки идеологии разбитых «врагов партии, оппортунистов всех мастей, национал-уклонистов всякого рода», как живучи пережитки мелкобуржуазной психологии, как даже в партии проникают нередко извне нездоровые настроения. Товарищ Сталин подчеркнул, что «почва для таких настроений несомненно имеется в нашей стране, хотя бы потому, что у нас все еще существуют некоторые промежуточные слои населения как в городе, так и в деревне, представляющие питательную среду для таких настроений... что все еще существует капиталистическое окружение, которое старается оживлять и поддерживать пережитки капитализма в экономике и сознании людей в СССР, и против которого мы, большевики — должны все время держать порох сухим» (Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 579—580). Преодоление этих пережитков невозможно без укрепления пролетарской дисциплинированности, без упорения подлинно коммунистического отношения к труду, к социалистической собственности, к общественному благу, к советскому государству. Значение советской дисциплины, и государственной дисциплины в особенности, усиливается в условиях классовой борьбы, перед лицом остервеневшего врага, пускающегося на всяческие подлости и самые злодейские и зверские преступления против нашего отечества. Преступная деятельность троцкистских, правых и других агентов фашистских разведывательных органов дает не мало примеров того, как умеют эти подлые враги советского народа использовать в своих преступных целях расхлябанность, распушенность, недисциплинированность, гнилую атмосферу восхваления, подхалимства и зазнайства. Крепкая дисциплина, порядок и неуклонное выполнение предписаний советского закона, наоборот, мешают вредительской и иной враждебной работе троцкистско-бухаринской фашистской агентуры.

Вот почему борьба за советскую дисциплину, составляющую один из важнейших элементов социалистической законности, за социалистическую законность в целом, составляет, особенно в настоящее время, величайшую задачу социалистического строительства. Об этом говорил на XVII съезде партии товарищ Сталин, обрушиваясь на советских вельмож, «которые считают, что партийные и советские законы

писаны не для них, а для дураков». «Это, — говорил товарищ Сталин, — те самые люди, которые не считают своей обязанностью исполнять решения партии и правительства и которые разрушают, таким образом, основы партийной и государственной дисциплины...» Как быть с такими работниками? «Их надо, — сказал товарищ Сталин, — без колебаний снимать с руководящих постов, не взирая на их заслуги в прошлом» (Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 592—593).

Новая Конституция еще выше поднимает роль и значение в СССР нашей законности, всегда являвшейся и являющейся могучим орудием пролетарской диктатуры в борьбе за социализм. Троцкистские, правые и иные фашистские агенты, пробравшиеся и в ряды работников нашей юстиции, всячески старались и стараются подорвать авторитет и силу советской законности. В области права и юстиции изменники не мало потрудились над этой позорной задачей. Своими вредительскими «теориями» враги народа вроде Пашуканиса, Дзениса, Бермана и других представителей троцкистско-бухаринского отребья старались внушить мысль о мелкобуржуазной природе советского закона и советского права, об обреченности советской законности на отмирание, о никчемности, или, как они по-ученому пытались говорить, об иррациональности советских законов и советского права. Они пытались дискредитировать социалистический характер советского права, клеветнически ставя знак равенства между правом советским и правом буржуазным, договариваясь до таких чудовищных нелепостей, что в советском государстве роль закона падает, что в наших обще-

ственных отношениях регулирование становится тем более эффективным, чем слабее чем незначительнее становится якобы роль закона.

Эти явно контрреволюционные, антисоветские, фашистско-троцкистские измышления, направленные на дискредитацию советской законности, контрабандным путем протаскивались еще недавно в наших юридических науках, институтах, учебниках, в статьях, вдохновляя всякого рода фашистско-троцкистских агентов и просто «загибщиков», подвизавшихся в Лепеле, Ширяеве, и в других местах прославившихся крупнейшими нарушениями законности, битых и разоблаченных нашей партией и советской властью.

Великая Сталинская Конституция и опирающийся на эту Сталинскую Конституцию, на ее незабываемые принципы новый избирательный закон обеспечивают полное торжество социалистической демократии, социалистической дисциплины и социалистической законности.

В руках советского народа социалистическая демократия и социалистическая законность являются могучим оружием борьбы и победы социализма. Великое знамя Ленина—Сталина—знамя этой борьбы. Под знаменем Ленина—Сталина, под руководством нашей партии во главе с товарищем Сталиным, под руководством нашего советского правительства во главе с тт. Молотовым и Калининым СССР непобедим. СССР тотчас встретит и разгромит любого врага нашей родины, врага нашего народа — народа, построившего новое, счастливое социалистическое государство рабочих и крестьян. (Бурные аплодисменты.)

О награждении товарища А. Я. Вышинского орденом Ленина

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА СССР

Центральный Исполнительный Комитет СССР постановляет:

За успешную работу по укреплению революционной законности и органов прокуратуры наградить товарища А. Я. Вышинского орденом Ленина.

Председатель Центрального Исполнительного Комитета СССР

М. Калинин

Секретарь Центрального Исполнительного Комитета СССР

А. Горкин

Москва, Кремль.
20 июля 1937 г.

ЦК ВКП(б) — товарищу СТАЛИНУ И. В.
СНК СССР — товарищу МОЛОТОВУ В. М.
ЦИК СССР — товарищу КАЛИНИНУ М. И.

Общее собрание работников Прокуратуры Союза ССР выражает свое глубокое удовлетворение по поводу награждения партией и правительством Прокурора Союза товарища Вышинского орденом Ленина за успешную работу по укреплению революционной законности и органов Прокуратуры.

Сталинская Конституция возлагает на всех прокурорских работников ответственнейшие обязанности по дальнейшему укреплению революционной законности и по выполнению боевых заданий партии и правительства в борьбе с троцкистско-бухаринскими предателями, шпионами — врагами народа.

Выражая радость по поводу той высокой оценки, которая дана партией и правительством нашему руководителю, товарищу Вышинскому, мы, работники Прокуратуры, заверяем Вас, наш любимый вождь и учитель, товарищ СТАЛИН, что мы удесятим наши усилия и с неослабевающим энтузиазмом будем бороться под Вашим руководством за торжество социалистической законности и за окончательный разгром презренных предателей и врагов народа.

ПРЕЗИДИУМ СОБРАНИЯ

22 июля 1937 г.

Приветствия товарищу А. Я. Вышинскому

В связи с награждением т. А. Я. Вышинского орденом Ленина, на его имя поступил ряд телеграмм от различных советских учреждений, организаций, от работников суда и прокуратуры и частных лиц.

Во всех телеграммах выражается уверенность в дальнейших успехах органов прокуратуры в борьбе за укрепление революционной законности и окончательную ликвидацию троцкистско-зиновьевских и бухаринско-рыковских шпионов, диверсантов и вредителей. В телеграммах выражается пламенная любовь трудящихся к нашей родине и преданность великому делу Ленина—Сталина, уверенность, что под руководством мудрого учителя и друга народов СССР и трудящихся всего мира—товарища Сталина прокурорские и судебные работники с честью выполняют свой долг перед Советским государством и нашей партией.

Телеграммы поступили от следующих организаций и учреждений: от редакции журнала «Социалистическая законность»; работников прокуратуры Азербайджанской ССР; работников прокуратуры РСФСР; работников прокуратуры УССР; работников прокуратуры БССР; работников прокуратуры Туркменской ССР; работников прокуратуры НКЮ и суда Таджикской ССР; работников прокуратуры Северо-Казахстанской области, Вседагестанского совещания актива прокурорских работников, работников прокуратуры и суда Черкесской автономной области, Адыгейского областного суда, Всесоюзной правовой академии, Московского юридического института им. Стучка, работников Кировской областной прокуратуры, работников Киевской областной прокуратуры, работников прокуратуры Узбекской ССР, работников юстиции г. Херсона; работников прокуратуры Кабардино-Балкарской АССР, работников водной прокуратуры Средней Волги, работников суда и прокуратуры города Ленинскана, работников прокуратуры Армянской ССР, работников областной прокуратуры Донбасса, работников Башкирской прокуратуры, работников Ак-Булакской прокуратуры Оренбургской области; работников прокуратуры Саратовской области, первой Горьковской областной конференции работников суда и прокуратуры; партийных и беспартийных большевиков органов прокуратуры Азово-Черноморского края; работников Киров-Абадской прокуратуры Азербайджана; работников прокуратуры Черноморского бассейна, Московской городской коллегии защитников, Московской областной коллегии защитников, Ленинградской областной коллегии защитников; Фрунзенского коллектива Московской городской коллегии защитников; коллектива работников Илжстроя г. Ереван; коллектива 2-го отделения службы движения Красноярской железной дороги; конференции союза Желдорстроя и Метрополитена, Сталинского стройпути, рабочих, специалистов и служащих иркутских предприятий Главрыбы; работников Аш-хабадского трансторпгита, работников Курского пенькотреста, работников Казахстанской прокуратуры, работников НКЮ и Верховсуда

Азербайджана; работников прокуратуры Киргизии; работников Сахалинской облпрокуратуры, работников НКЮ и Верховсуда Башкирии; второй городской конференции профсоюза работников госторговли г. Перми; работников прокуратуры Кара-Калпакской области, работников Красноярской прокуратуры, работников суда и прокуратуры Кировакана; Азово-Черноморской краевой коллегии защитников; Верховсуда Киргизской ССР; третьего областного делегатского съезда защитников Омской области; Харьковской адвокатуры; Куйбышевской областной конференции союза работников суда и прокуратуры, Института красной профессуры; Савирова; работников прокуратуры и следствия Хорезмского округа; работников прокуратуры Аздонкузбассейна; Президиума Верховсуда Армении; работников прокуратуры Балтийского морского и Северо-западного речного бассейнов; работников прокуратуры г. Туапсе; работников Орджоникидзевской прокуратуры; работников прокуратуры Прокуровского округа, работников Вяземской прокуратуры; работников транспортной прокуратуры Южной ж. д.; коллектива московских защитников по обслуживанию работников ж.-д. транспорта; 31 коллектива Московской городской коллегии защитников; коллектива сотрудников ЦК Союза работников суда и прокуратуры; работников военной прокуратуры МВО, работников прокуратуры Красно-Пресненского района г. Москвы, работников прокуратуры Ростокинского района г. Москвы; работников прокуратуры и суда Восточного Казахстана; работников прокуратуры, суда и защиты Жарминского района Казахстана; Таганрогского коллектива защитников; работников прокуратуры и суда Чарджуйского участка; работников военной прокуратуры Армении; работников Алмаатинской прокуратуры; работников Новолеумковской прокуратуры Азово-Черноморского края; работников военной прокуратуры и военного трибунала Красноярской ж. д.; работников прокуратуры и суда Чарджуйского участка; работников суда и прокуратуры г. Сталинно; коллектива работников Адыгейской облпрокуратуры; работников военной прокуратуры 12 корпуса; работников суда и прокуратуры Черноостровского района Винницкой области; работников Алмаатинской городской прокуратуры; Брасовской прокуратуры; работников Ленинкузбасской прокуратуры Западно-Сибирского края; работников прокуратуры и трибунала Казачьего корпуса; работников прокуратуры Дальне-Восточного края, актива облпрокуратуры и облсуда Алмаатинской области; работников лнсуда и прокуратуры Казанской ж. д.; членов союза работников суда и прокуратуры Анастасиевского района Азово-Черноморского края; работников суда, прокуратуры и защиты Зверевского района; работников военной прокуратуры и военного трибунала САВО; коллектива работников Кустанайской областной и районной прокуратуры; Данковской районной прокуратуры; работников прокуратуры Уральского бассейна; общего собрания работников суда, прокуратуры и защитников г. Таганрога; работников Воронежской облпрокуратуры и др.

Пять лет закона 7 августа об охране общественной социалистической собственности

7 августа 1932 г. Центральным исполнительным комитетом и Совнаркомом Союза ССР было издано постановление «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности».

Это постановление вошло в советское законодательство в качестве закона громадного общественно-политического значения, в качестве закона, определившего собой все направление советской судебной политики, явившееся «основой революционной законности в стоящее время» (Сталин).

Защита об охране общественной, социалистической собственности говорит о громадной роли общественной, социалистической собственности в советском народном хозяйстве.

Товарищ Сталин говорил в своем историческом докладе на Чрезвычайном VIII съезде советников о социалистической собственности, как об одном из основных устоев социализма.

«Главную основу проекта новой Конституции СССР, — говорил в этом докладе товарищ Сталин, — составляют принципы социализма, его основные устои, уже завоеванные и осуществленные: социалистическая собственность на землю, леса, фабрики, заводы и прочие орудия и средства производства...».

Великая Сталинская Конституция поэтому возлагает на каждого гражданина СССР обязанность «беречь и укреплять общественную, социалистическую собственность, как священную и неприкосновенную основу советского строя, как источник богатства и могущества Родины, как источник зажиточной и культурной жизни всех трудящихся» (ст. 131 Конституции СССР 1936 г.).

В результате успешного выполнения планов первой и второй пятилеток преобразилась в корне, превратившись в страну индустриальную, опирающуюся на передовую высокую научную технику, обладающую гигантскими предприятиями, вполне современными, не только не уступающими, но в ряде случаев далеко превосходящими лучшие и наиболее мощные предприятия капиталистических стран.

За годы сталинских пятилеток создана целая сеть новых, крупнейших индустриальных центров, новых богатейших очагов социалистической промышленности, созданы многочисленные и совершенно новые отрасли народного индустриального хозяйства (станкостроение, турбиностроение, моторостроение, самолетостроение, комбайностроение, химическая промышленность, автомобильная промышленность и др., и т. п.).

В основе этой промышленности лежит социалистическая собственность, собственность социалистического государства рабочих и крестьян на средства и орудия производства.

«Как могли произойти эти колоссальные изменения в какие-либо 3—4 года на территории громадного государства с его отсталой техникой, с его отсталой культурой? Не чудо ли это?» спрашивал товарищ Сталин в своем докладе на XVII съезде ВКП(б) и отвечал: «Это было бы чудом, если бы развитие шло на базе капитализма и единоличного мелкого хо-

зяйства. Но это не может быть названо чудом, если иметь в виду, что развитие шло у нас на основе развертывания социалистического строительства».

Понятно, что этот гигантский подъем мог развернуться лишь на базе успешного строительства социализма, на базе общественного труда десятков миллионов людей, на базе преимуществ социалистической системы хозяйства перед системой капиталистической и единолично-крестьянской¹.

Это преимущество социалистической системы хозяйства заключается раньше всего в том, что она опирается на общественную, социалистическую собственность на средства и орудия производства, позволяющую организовывать и осуществлять народнохозяйственную деятельность, строить всю народнохозяйственную жизнь по определенному плану, в соответствии с определенными принципами и задачами, именно — с принципами и задачами социалистической организации общества.

Благодаря этому преимуществу социалистической системы хозяйства исчезла безработица и нищета масс и из года в год все более и более возрастает материальное и культурное благостояние народных масс, исчезла нищета в городе и особенно в деревне, исчезли нериодические, столь хорошо знакомые капиталистическому обществу и неизбежные при капитализме, при господстве частной собственности, кризисы, недороды, недоедание, голод, эпидемии.

Победа общественной, социалистической собственности в СССР была очень ярко показана товарищем Сталиным в отчетном докладе XVII съезду партии.

Товарищ Сталин показал, что уже к началу 1934 г. обобществленная промышленность дала 99,93% всей продукции крупной промышленности, при 92,76% продукции государственной промышленности.

Характеризуя состояние нашей промышленности в настоящее время, товарищ Сталин подчеркивал, что «капитализм изгнан вовсе из сферы нашей промышленности, а социалистическая форма производства является теперь безраздельно господствующей системой в области нашей промышленности»².

В деревне мы имеем аналогичное положение. В сельском хозяйстве господствует «всеобъемлющая система колхозов и совхозов».

316 тысяч тракторов мощностью в 5 млн. 700 тыс. лошадиных сил, которыми располагают колхозы, достаточно красноречиво говорят об удельном весе колхозной системы в сельском хозяйстве, в котором единоличнику принадлежит не более 2—3% всех посевных площадей.

Если же к колхозным тракторам присоединить совхозные трактора, то получится гигантская сила в 7,5 млн. лошадиных сил, то станет ясно, что советское крестьянство сейчас базирует свою работу и свое достойное, как показал это товарищ Сталин, не на единолич-

¹ Сталин. Вопросы ленинизма, 554.

² Сталин, О проекте Конституции СССР.

ном труде и отсталой технике, а на коллективном труде и современной технике, что «в основе хозяйства нашего крестьянства лежит не частная собственность, а коллективная собственность, выросшая на базе коллективного труда»¹.

Победа общественной, социалистической собственности решила и задачу улучшения материального положения народных масс. Об этом убедительно говорит самый факт роста народного дохода, поднявшегося с 35 млрд. в 1930 г. до 50 млрд. в 1933 г. (к концу первой пятилетки) и до 84,9 млрд. в 1936 г.

Важно отметить, что в настоящее время почти весь народный доход распределяется между рабочими, трудящимися крестьянами, служащими, кооперацией и государством.

Но распределение народного дохода между отдельными группами населения само по себе еще не все говорит о материальном благополучии этих групп. Об этом благополучии надо судить по всем возможным показателям, способным характеризовать это дело.

В советских условиях к числу таких показателей, кроме фонда заработной платы—уровня ее и средне-годового ее размера, относится еще фонд социального страхования, различные виды государственной помощи населению и т. д., и т. п.

Если обратиться к рассмотрению этих показателей, то окажется, что фонд социального страхования рабочих и служащих в СССР с 1 млрд. 800 млн. руб. в 1930 г. возрос до 4 млрд. 610 млн. руб. в 1933 г. и 8 млрд. 380 млн. руб. в 1936 г., а помощь государства крестьянам, в виде семенной и продовольственной ссуды, в виде льгот по налогу и страхованию, в виде списания недоимок и пр. выражается ежегодно в сотнях миллионов, в миллиардах рублей.

Вот почему не подлежит никакому сомнению правильность утверждения новой Конституции, что общественная, социалистическая собственность является действительно источником богатства и могущества нашей родины, источником зажиточной и культурой жизни трудящихся!..

Совершенно естественно, что при таком положении, гигантском значении общественной, социалистической собственности, такой исключительной роли, которую она играет во всей народнохозяйственной жизни страны, классовый враг направил свои основные усилия именно против общественной, социалистической собственности.

Классовый враг, разгромленный в открытых боях в эпоху гражданской войны, вышибленный из старой колеи, озлобленный и потерявший уже надежду на восстановление утраченного экономического и политического господства, обрушился на новый социалистический строй и социалистическую собственность всей силой своей звериной ненависти.

По мере роста силы и могущества советского строя все более возрастала, как и сейчас продолжает возрастать, ненависть наших врагов и их решимость бороться против со-

ветского государства всеми силами и всеми средствами.

В 1920 г. в статье «О диктатуре пролетарта» Ленин писал: «Подавление сопротивления эксплуататоров. Об этом как задаче (и содержании) эпохи, вообще бывают оппортунисты и «социалисты».

Отсюда:

(а) особая (высшая) ожесточенность классовой борьбы.

(β β) новые формы сопротивления, соответствующие капитализму и его высшей стадии (заговоры + саботаж + воздействие на мелкую буржуазию, etc. etc.), и в частности,

5. (2) (γ γ) Граждан. война»¹.

Именно эта «особая» (высшая) ожесточенность классовой борьбы, о которой говорил Ленин, в условиях 1932—33 гг. проявилась в тысячах больших и маленьких актов вредительства, саботажа, прямых диверсий, прямых террористических нападений кулаков, белогвардейских и фашистских агентов на представителей советской власти, партии, советской общественности. Эта «высшая ожесточенность» классовой борьбы нашла свое проявление и в массовых посягательствах на государственное и кооперативное имущество, на общественную, государственную и колхозную собственность.

Враги советов, все эти представители умирающих классов, — «промышленники и их челядь, торговцы и их приспешники, бывшие дворяне и попы, кулаки и подкулачники, бывшие белые офицеры и урядники, бывшие полицейские и жандармы, всякого рода буржуазные интеллигенты шовинистического толка и все прочие антисоветские элементы», — о которых говорил товарищ Сталин, подводя итоги первой пятилетки², — все эти «бывшие люди» расплозились по колхозам и совхозам, по различным государственным, кооперативным и общественным учреждениям и организациям с затаенной злобой, ненавистью и решимостью всячески пакостить и вредить советской власти.

Это они саботируют мероприятия советской власти, разлагают нашу дисциплину, всячески стараются дезорганизовать наше хозяйственное строительство, особенно колхозное строительство, прибегая к самым гнусным средствам борьбы, пускаясь на самые варварские преступления.

Однако, главное в их преступной деятельности состоит в многочисленных посягательствах на основу советского строя — на общественную, социалистическую собственность, на государственное и общенародное достояние.

Об этом говорил товарищ Сталин еще в 1933 г. на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), когда характеризовал «главное» в преступной деятельности бывших людей.

«Главное в «деятельности» этих бывших людей состоит в том, — говорил товарищ Сталин, — что они организуют массовое воровство и хищение государственного имущества, кооперативного имущества, колхозной собственности»³.

Свою преступную деятельность против общественной, социалистической собственности вра-

¹ Сталин, О проекте Конституции, Партиздат, 28.

¹ Ленин, XXV, 6.

² Сталин, Вопросы ленинизма, 507.

³ Сталин, Вопросы ленинизма, 508.

ти советского народа осуществляют посредством прямого расхищения государственного и общественного имущества, путем воровства, растрат, присвоения общественных и государственных ценностей, — всякими, какие только возможны, способами, лишь бы они помогали расшатать и ослабить хозяйственную и политическую мощь советского строя.

Хитро и ловко используя политическую доверчивость наиболее отсталых слоев нашего населения, нередко умело играя на сохранившихся еще в их сознании мелкобуржуазных предрассудках, на частности-буржуазных на-выках и пережитках трудящихся — рабочих и колхозников, классовый враг ведет свою преступную хищническую работу, организуя хищения общественного имущества, стараясь «поколебать основу советского строя — общественную собственность» (Сталин).

Именно потому, что общественная, социалистическая собственность является, действительно, основой советского строя, основой советского государства, против этой собственности и направляются разбойничьи удары и вылазки классового врага, с еще большим упорством и ожесточением продолжающего свою борьбу против нового социалистического общества.

Ответом на эти вылазки и явился закон об охране общественной, социалистической собственности, изданный 7 августа 1932 г.

Издавая этот закон, ЦИК и СНК СССР исходили из того обстоятельства, что «общественная собственность (государственная, колхозная, кооперативная) является основой советского строя, она священна и неприкосновенна, и люди, покушающиеся на общественную собственность, должны быть рассматриваемы как враги народа» (вводная часть закона 7 августа).

Ставя перед всеми органами советской власти в качестве первой задачи решительную борьбу с расхитителями общественного имущества и идя в этом отношении навстречу требованиям рабочих и колхозников, ЦИК и СНК СССР принял постановление, вошедшее в железный инвентарь средств и орудий борьбы с врагами советского народа под именем закона 7 августа.

По поводу этого закона товарищ Сталин сказал, что «этот закон есть основа революционной законности в настоящий момент» и что «обязанность строжайшего его проведения в жизнь является первойшим долгом коммуниста, рабочего и колхозника»¹.

К сожалению, многие не понимают этого даже теперь, спустя пять лет после издания закона 7 августа. Они не понимают всей важности честного и неуклонного выполнения обязанности решительной борьбы с расхитителями и расхищением общественной, социалистической собственности. Недооценивая опасность этого дела, они, как сказал товарищ Сталин, склонны благодушно смотреть на подобные явления, не понимая смысла и значения фактов массового воровства и хищения. Это — опасное положение. Тем более оно опасно было пять лет тому назад, в момент издания закона, когда именно в форму хищения общественного и государственного имущества кулачье и иные

контрреволюционные элементы облекали, как правило, это свое сопротивление.

Не видеть в то время всей опасности этого зла, всей серьезности этих преступлений могли только враги или люди преступно беспечные в политическом отношении или слепые. Каково было накануне издания закона 7 августа отношение ряда наших товарищей к воровству и хищениям общественной собственности? В этих фактах многие наши товарищи не видели «ничего особенного».

«Они — говорил про этих людей товарищ Сталин, — как слепые, проходили мимо этих фактов, полагая, что «тут нет ничего особенного».

«Но они, эти товарищи, — добавлял товарищ Сталин, — глубоко заблуждаются. Основой нашего строя является общественная собственность, так же как основой капитализма — собственность частная. Если капиталисты провозгласили частную собственность священной и неприкосновенной, добившись в свое время укрепления капиталистического строя, то мы, коммунисты, тем более должны провозгласить общественную собственность священной и неприкосновенной, чтобы закрепить тем самым новые социалистические формы хозяйства во всех областях производства и торговли»¹.

Товарищ Сталин показал, таким образом, гигантское значение закона 7 августа, призванного охранять и укреплять нашу общественную во всех областях производства и торговли»¹.

Общественная, социалистическая собственность — основа советского строя. Поэтому она — священна и неприкосновенна. Поэтому всякий, посягающий на нее, — враг народа.

Общественная, социалистическая собственность укрепляет, окончательно утверждает новые формы производства и торговли, новые социалистические формы общественных отношений. На основе общественной собственности выросло и окрепло новое отношение к труду — на этой основе выросло и могуче развернулось стахановское движение, немислимое в капиталистических странах, опирающихся на частную собственность на средства и орудия производства.

На основе общественной собственности выросло новое отношение к государству и обществу, к государственным и общественным интересам, к государственному и общественному достоянию, к народному добру.

Новые социалистические формы труда, новые общественные социалистические отношения воспитали нового социалистического человека, для которого общественное стало родным и близким, как свое личное, для которых нет разницы между «своим», «собственным» и государственным, общественным.

В 1924 г. Ленин писал: «Мы личного «частного» не признаем, для нас все в области хозяйства есть публично-правовое, а не частное»².

В 1924 г. это в значительной степени означало еще призыв, программу. Десять лет спустя это уже претворилось в жизнь, стало фактом, полным жизненного содержания и глубокого исторического значения.

Эта перемена во взглядах людей, далеко уже ушедших от мелкобуржуазной психологии, опи-

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, 508.

² Ленин, XXIX, 419.

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, 508.

рающейся на «мое», на «личное», на «собственное» в противоположность общественному, «ихнему», достигла теперь громадных успехов.

«Только слепые не видят, что в психологии масс и в их отношении к труду произошел громадный перелом, в корне изменивший облик наших заводов и фабрик».

Вот что говорил товарищ Сталин на XVI съезде партии (1930 г.), т. е. уже семь лет тому назад.

Товарищ Сталин говорил о той перемене в психологии людей, которая произвела коренной переворот и во взглядах людей на труд, превратившийся «из зазорного и тяжелого бремени, каким он считался раньше, в дело чести, в дело славы, в дело доблести и героизма».

Товарищ Сталин говорил: «Ничего подобного нет и не может быть в капиталистических странах. Там, у них, у капиталистов, самое желанное дело, заслуживающее общественного одобрения, — иметь ренту, жить на проценты, быть свободным от труда, считающегося презренным занятием. У нас, в СССР, наоборот, самым желанным делом, заслуживающим общественного одобрения, становится возможность быть героем труда, возможностью быть героем ударничества, окруженным ореолом почета среди миллионов трудящихся».

Не менее замечательным в соревновании нужно считать тот факт, что оно начинает распространяться и в деревне, захватив уже наши совхозы и колхозы. Всем известны многочисленные факты настоящего трудового энтузиазма в миллионных массах совхозников и колхозников.

Кто мог мечтать года два назад о таких успехах соревнования и ударничества? ¹

Эти успехи говорят о коренной переделке сознания людей, о победе новой социалистической культуры и новой социалистической психологии. Это явилось прямым результатом происшедших у нас изменений в общественных отношениях, опирающихся на мощный фундамент общественной, социалистической собственности.

Этот явилось прямым следствием коренной перестройки отношений между людьми, укрепления нового общественного начала, лежащего в основе этих отношений.

Люди стали иначе смотреть на свои обязанности и по отношению к своему классу и своему государству.

Выросло новое чувство ответственности перед своей родиной, чувство великого советского патриотизма, зажигающее миллионы и десятки миллионов сердец рабочих, колхозников, советской интеллигенции беспредельной преданностью и любовью к своей партии, советскому правительству, и великому Сталину... Это один из величайших результатов победы социализма в нашей стране, торжества общественной, социалистической собственности...

**
*

Общественная, социалистическая собственность является основой советского строя, так же как основой капитализма является собственность частная.

Капиталисты провозгласили частную собственность священной и неприкосновенной и поставили на защиту этой собственности свои кровавые и жестокие законы.

История капиталистической частной собственности омита потоками, реками и океанами человеческой крови, крови эксплуатироваемых и уничтожаемых капиталом трудящихся масс. История капитализма есть история беспощадного, кровавого грабежа и подавления всех тех, кто противостоит ему.

«Расхищение церковных имуществ, грабеж общинных земель, совершенное с беспощадным терроризмом превращение феодальной собственности и собственности класса в современную частную собственность — таковы идилические методы первоначального накопления...» ¹.

«Прогресс XVIII столетия выражается в том, что закон сам становится орудием расхищения народной земли...» ².

Грубое, открытое, не считающееся ни с чем насилие, прямая грабеж и мошенничества — вот средства, при помощи которых частная капиталистическая собственность пробилась себе дорогу в жизнь, окрепла и стала господствовать в капиталистическом мире.

Овладев положением, капиталистическая частная собственность наложила свою тяжелую, звериную лапу на весь строй капиталистических общественных отношений, создала свою специфическую палочную дисциплину нужды и голода, свою грабительскую мораль и разбойничьи кодексы своего права.

Частная капиталистическая собственность подчинила себе миллионные массы экспроприированного населения, изгнанного со своих земельных участков и превращенного в бродяг, грубым насилием — плетью, «клейменем, пытками, освященными «террористическими» доуродливости» (Маркс) законами капитала.

Рождение капиталистической частной собственности К. Маркс характеризует следующим образом: «Открытие золотых и серебряных рудников в Америке, истребление, порабощение и погребение заживо туземного населения в этих рудниках, первые шаги по пути завоевания и ограбления Ост-Индии, превращение Африки в место выгодной охоты за чернокожими, все эти явления характеризуют капиталистическую эру на заре ее развития...»

Таков этот «идиллический» процесс первоначального капиталистического накопления, обогащенный кровью миллионов трудящихся. Это должно было привести и привело к тому, что, — говоря словами К. Маркса, — «общественное мнение Европы лишилось последнего остатка стыда и совести», что «нации цинично хвастались всякой подлостью, служившей средством накопления капитала...» ³.

К. Маркс писал о капитализме: «Если день, по выражению Аудиге, «появляются на свет с природными кровавыми пятнами на одной щеке, то капитал рождается сочащимся кровью и грязью с головы до пят изо все пор...» ⁴.

При капитализме, опирающемся на частную собственность на средства и орудия производ-

¹ К. Маркс. Капитал, т. 1, 620.

² Там же, 613.

³ Капитал, т. 1, 642.

⁴ Там же, 644.

¹ И. Сталин, Вопросы ленинизма, 393—394.

ства и эксплуатацию, весь строй общественных отношений изуродован кровавыми пятнами насилия и угнетения.

Лучшие люди человечества негодовали и проклинали этот строй, придумывая тысячи самых фантастических средств избавления от ужасов и бедствий капитализма.

Еще Томас Мор в XVI веке в своей замечательной книжке «Утопия» говорил о том непримиримом противоречии, которое существует между обществом, опирающимся на частную собственность, и развитием физических и духовных свойств человеческой личности.

«Не надейтесь, — говорил Томас Мор устами своего героя Рафаила, — вернуть ему (т. е. обществу) силы и здоровье, пока каждый будет только и исключительно владеть своим достоянием. Вы удалите одну язву, а все другие разом начнут болеть еще сильнее, вы излечите больного и умертвите здорового, ибо то, что будете отнимать у одного, вы станете отдавать другому».

Вот как он ставил вопрос о значении человека и всего общества в целом, приходя к заключению, что «единственное средство... положить начало всеобщему благополучию заключается в том, чтобы уничтожить право собственности (т. е. частой собственности.—А. В.). Пока она будет служить фундаментом общественной постройки, самым многочисленным и производительным классам остается на долю только бедность, горе и отчаяние...».

Дальше Мор говорил: «... все измеряется на деньги, о справедливости и общественном благополучии не может быть и речи в таком государстве, где принцип «мое и твое» поддерживается организацией, механизмом которой настолько же сложен, как и ошибочен».

Осюд Мор приходил к заключению, что в обществе, опирающемся на частную собственность, не может быть и речи о развитии человеческой личности и об удовлетворении его духовных, моральных и материальных потребностей.

Аналогичные страницы, посвященные жестокой критике частной собственности, мы находим и у ряда других, последовавших за Томасом Мором представителей так называемого утопического социализма.

Знаменитый Мабли писал: «Собственность — вот что создает столько пороков мира и заставляет законодателя быть варваром».

«Собственность — открытая дверь для ста пороков и ста злоупотреблений».

В своем «Кодексе природы» Морелли¹ говорит о законодателях как о «неумелых машинистах», пишущих объемистые трактаты о морали и политике. Эти объемистые трактаты носят названия лекарств, но содержат в себе яд, на них можно было бы наклеить ярлык «Средства дивилизовать людей путем уставов и законов, наиболее способных сделать их свирепыми варварами».

В замечательном своем исследовании положения рабочего класса в Англии, Ф. Энгельс дал изумительную по яркости и убедительности картину физического и морального вырождения широких народных масс исключи-

тельно в результате господства частной собственности и опирающейся на нее эксплуатации, царящих в капиталистическом обществе.

Англия в этом отношении представляет собой типичную капиталистическую страну XIX века. В XX веке в капиталистических странах, особенно в фашистских и полуфашистских странах, положение еще более ухудшилось, настолько ухудшилось, что трагичность положения трудящихся в старой Англии бледнеет перед неподдающимся никакому описанию положением трудящихся в фашистских странах в настоящее время.

Вот что писал Ф. Энгельс почти сто лет тому назад о положении рабочих в Англии: «Итак, власть имущий класс оставляет без внимания рабочих не только в отношении физического и интеллектуального, но и в моральном... Единственный аргумент, к которому буржуазия прибегает против них, когда они ей слышком наступают на ногу, есть закон: как к неразумному скоту, к ним применяют только одно воспитательное средство — кнут, грубую, не убеждающую, но устрашающую силу. Что же удивительного, если рабочие, с которыми обращаются, как со скотом, или на самом деле становятся скотом, или же сохраняют сознание и чувство своего человеческого достоинства только при помощи самой пламенной ненависти, непрестанного внутреннего возмущения против власть имущей буржуазии. Они остаются людьми, лишь пока они исполнены гнева против господствующего класса; они становятся скотом, как только безропотно подставляют шею под ярмо и в условиях подъярмной жизни пытаются устроить свою жизнь, совершенно не думая о свержении самого ярма».

Вот все, что буржуазия сделала для просвещения рабочего класса. Если же принять во внимание целый ряд других условий, в которых он живет, мы не сможем поставить ему в вину ту ненависть, которую он питает к господствующему классу. Нравственное воспитание, которого рабочий не получает в школе, не прививается ему и прочими окружающими его условиями, — по крайней мере то нравственное воспитание, которое имеет некоторое значение в глазах буржуазии. Все его положение, вся окружающая его обстановка должны развить в нем сильнейшую склонность к безнравственности. Он беден, жизнь не имеет для него прелести, все почти наслаждения ему недоступны, кары закона ему не страшны; к чему же ему стеснять себя в своих желаниях, зачем ему позволять богачу наслаждаться своими богатствами, вместо того, чтобы присвоить себе часть их? Какие основания у пролетария не красть? Очень красиво звучит и очень приятно для слуха буржуазии, когда говорят о «святости частной собственности». Но для того, кто не имеет никакой собственности, святость частной собственности исчезает сама собой. Деньги — вот современный бог. Буржуа отнимает у пролетария деньги и, лишив его этого бога, превращает его в практического атеиста. Что же удивительного, если пролетарий, оставаясь таким атеистом, не питает никакого почтения к святости и мощи этого земного бога! И когда бедность пролетария доходит до настоящего недостатка в самых необходимых средствах к жизни, до нищеты и голода, то склонность к пренебрежению всем

Мабли и Морелли — мелко-буржуазные писатели XVIII в., критиковавшие общественный строй, опирающийся на частную собственность, и рисовавшие картины будущего коммунистического общества.

общественным порядком возрастает еще сильнее. Знает это в большинстве случаев и сама буржуазия»¹.

Положение трудящегося человека в капиталистическом обществе ужасно: трудящиеся обречены здесь на вырождение, на вымирание, на медленную гибель.

«Нищета предоставляет рабочему на выбор: медленно умереть с голоду, сразу покончить с собой, либо брать себе все, что нужно, где только возможно,—попросту говоря, красть»².

Мудрено ли, что трудящиеся массы, рабочие и крестьяне, проникнуты горячей ненавистью к этому социальному строю, к господствующему в этом обществе классу эксплуататоров, к господствующим здесь порядкам.

Эта ненависть находит свое выражение в росте преступлений в капиталистическом обществе против частной собственности. В описываемое Ф. Энгельсом время отношение преступлений против собственности к числу населения составляло в Голландии 1 к 7 140, во Франции — 1 к 1 804, в Англии — 1 к 799, в то время как число преступлений против личности относилось в тех же странах (соответственно) как 1 к 28 904, к 17 573, 13 395.

«Этих фактов, восклицает Ф. Энгельс, истине более чем достаточно, чтобы заставить каждого, и даже буржуа, задуматься над последствиями такого положения дел. К чему же это может привести, если деморализация и преступность будут еще двадцать лет возрастать в той же пропорции?»³.

И Ф. Энгельс добавлял: «В Англии социальная война находится в полном разгаре. Каждый защищает себя и борется за себя против всех остальных, и вопрос о том, причинит ли он вред всем тем, кого он считает своими врагами, решается им с одной только эгоистической точки зрения: что ему выгоднее. Никому и в голову не приходит вступить в мирные соглашения со своими ближними: все разногласия решаются угрозами, самочинной расправой или судом. Одним словом, каждый видит в другом или врага, которого он должен удалить со своего пути, или в лучшем случае средство, которое он может использовать для своих целей. И эта война, как показывают таблицы преступности, становится год от году все резче, ожесточеннее и непримиримее, враждующие стороны постепенно делятся на два больших лагеря, борющихся друг с другом: один лагерь образует буржуазия, а другой — пролетариат. Эта война всех против всех и пролетариата против буржуазии не должна нас удивлять, ибо она есть лишь последовательное осуществление принципа, заложеного уже в свободной конкуренции. Но нас должно удивлять другое, а именно то, как буржуазия, на которую изо дня в день все более и более надвигается страшная гроза, остается столь спокойной, как она может изо дня в день читать обо всех этих вещах в газетах, не почувствовав — не скажу: негодования на существующий социальный строй, —

но хотя бы только страха перед его последствиями, страха перед общим взрывом всего того, что изо дня в день проявляется в отдельных преступлениях. Но на то она буржуазия и со своей точки зрения она не может понять даже фактов, не говоря уже о выводах, кающихся из них выводах. Изумительно только то, что классовые предрассудки и предвзятые мнения могут ослепить целый класс в такой высокой — я бы сказал: безумно высокой — степени. Но развитие нации идет своим путем, понимает ли это буржуазия или нет, и в один прекрасный день поразит имущий класс такими неожиданными, о которых и не снилось его мудрецам»⁴.

Предсказания Ф. Энгельса сбылись.

«Социальная война» в настоящее время в капиталистическом обществе все более разгорается. Положение трудящихся, рабочих и крестьян в капиталистических странах все более ухудшается, дошло уже до прямой каторги. Безработица и нищета масс достигла ужасающих размеров.

В 1933 г. общее число безработных в капиталистических странах дошло до 35—40 миллионов человек. Остающиеся еще на работе рабочие несут громадные потери благодаря резкому и систематическому снижению заработной платы рабочих. «По подсчетам Американской федерации труда потери американских рабочих в результате снижения заработной платы в 1930/1931 гг. составили более 35 миллиардов долларов»⁵.

Крестьянское население подвергается из года в год самому бесовственному ограблению и разорению. Фермерское хозяйство рушится, гибнет. Миллионы крестьян и фермеров идут по миру. Таковы последствия капитализма, таковы неизбежные последствия господства при капитализме частной собственности на средства и орудия производства, развращающей и растлевающей не только эксплуатируемых, но и самих эксплуататоров, ведущей все общество, всю нацию к вырождению и гибели.

Поэтому при господстве частной собственности на средства производства не может быть настоящей культуры, настоящей свободы человеческой личности, настоящего человеческого счастья.

Культура, свобода и счастье не совместимы с господством частной собственности на средства производства.

В подготовительных работах К. Маркса для «Святого семейства» мы находим интересное замечание о том, что частная собственность делает людей «тупыми и односторонними», что благодаря частной собственности «на место всех физических и духовных чувств стало простое отчуждение всех этих чувств, чувство обладания».

«До такой вот абсолютной нищеты должна была быть доведена человеческая сущность, чтобы она могла породить из себя свое внутреннее богатство», восклицает К. Маркс и добавляет: «Поэтому уничтожение частной собственности представляет полное освобождение всех человеческих чувств и свойств, но оно является этим освобождением именно потому, что эти чувства и свойства стали

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, т. III, 406—407.

² Ф. Энгельс, Положение рабочего класса в Англии, соч., т. III, 407.

³ Ф. Энгельс, Положение рабочего класса в Англии, соч., т. III, 422.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, т. III, 423.

⁵ Сталин, Вопросы ленинизма, 503.

ловеческими как в субъективном, так и в объективном смысле»³.

Освобождение человечества от господства частной собственности на средства производства делает человеческие чувства и свойства человеческими, делает человеческими самих людей и общественные отношения. Лишь после низвержения господства частной собственности открывается путь к подлинной культуре и человечности, возможных лишь на основе общественной собственности.

Все развитие современного буржуазного общества свидетельствует о неизбежности крушения частной собственности, о неизбежности утверждения собственности общественной при помощи победоносной пролетарской революции и пролетарской диктатуры. Такова единственно возможная, обусловленная всем ходом развития буржуазного общества, историческая перспектива.

На этот счет не может быть двух мнений. «Мирный выход из создавшегося положения уже невозможен: слишком поздно! Общественные классы все резче и резче обособляются друг от друга, дух протеста все более и более охватывает рабочих, ожесточение растет, отдельные партизанские стычки разрастаются в более крупные сражения и демонстрации, и скоро достаточно будет небольшого толчка для того, чтобы привести лавину в движение. Тогда действительно раздается по всей стране боевой клич: «война дворцам, мир хижинам!» Но тогда для богатых будет слишком поздно принимать меры предосторожности»⁴.

Вся последующая история капиталистического общества полностью подтверждает это замечательное пророчество одного из великих основоположников марксизма...

**

Общественная, социалистическая собственность является основой новой культуры, нового отношения людей друг к другу, к обществу, к общественным своим обязанностям, к народному достоянию.

Победа общественной, социалистической собственности создает совершенно новые условия для дальнейшего развития социализма.

«Социализм,—говорит товарищ Сталин,—может быть построен лишь на базе бурного роста производительных сил общества, на базе обилия продуктов и товаров, на базе зажиточной жизни трудящихся, на базе бурного роста культуры»⁵.

Именно победа общественной, социалистической собственности создает необходимые предпосылки для расцвета производительных сил страны для зажиточной, культурной и счастливой жизни трудящихся. Торжество в СССР окончательно победившего в нашей стране социалистического уклада, единственно командующей и безраздельно господствующей во всем нашем народном хозяйстве силы обусловило величайший подъем культуры, величайший расцвет производительных сил, богатства и благосостояния масс.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. III, 626.

⁴ Энгельс, Положение рабочего класса в Англии, соч., т. III, 573.

⁵ Сталин, Вопросы ленинизма, 586.

Замечательнейшим выражением этой новой социалистической культуры является стахановское движение. Лишь в условиях окончательного торжества социалистического уклада — высшего, чем капитализм, — лишь при наличии высшей организации труда стало возможным стахановское движение, требующее совершенно иного, чем это имеет место при капитализме подхода к труду, к своим обязанностям по отношению к своему классу, обществу, к государству.

Стахановское движение означает борьбу за высшие формы организации производственной деятельности, за рационализацию, за культурное решение производственных задач.

Стахановское движение — это новая социалистическая культура. Товарищ Сталин на I всесоюзном совещании стахановцев опроверг мнение людей, думающих, что социализм можно укрепить путем некоторого материального поравнения людей на базе бедняцкой жизни. Это не верно. Это мелкобуржуазное представление о социализме. На самом деле социализм может победить только на базе высокой производительности труда, более высокой, чем при капитализме, на базе изобилия продуктов и всякого рода предметов потребления, на базе зажиточной и культурной жизни всех членов общества. Но для того, чтобы социализм мог добиться этой своей цели и сделать наше советское общество наиболее зажиточным, — необходимо иметь в стране такую производительность труда, которая перекрывает производительность труда передовых капиталистических стран. Без этого нечего и думать об изобилии продуктов и всякого рода предметов потребления»¹.

Высокая производительность труда — основное условие для превращения общества трудящихся в зажиточное. Но стахановское движение и помогает росту этой производительности труда. Социализм означает, однако, не только наиболее зажиточную жизнь, но и жизнь, наиболее культурную, т. е. жизнь при полном и всестороннем удовлетворении всех материальных и духовных потребностей человека.

«Значение стахановского движения,—поясняя в той же речи товарищ Сталин, — состоит в том, что оно является таким движением, которое ломает старые технические нормы как недостаточные, перекрывает в целом ряде случаев производительность труда передовых капиталистических стран и открывает, таким образом, практическую возможность дальнейшего укрепления социализма в нашей стране, возможность превращения нашей страны в наиболее зажиточную страну»².

Товарищ Сталин, разоблачая антиленинские взгляды на социализм кое-каких гнилых людей, говорил на XVII съезде партии: «Было бы глупо думать, что социализм может быть построен на базе нищеты и лишений, на базе сокращения личных потребностей и снижения уровня жизни людей до уровня жизни бедноты, которая к тому же сама не хочет больше оставаться бедной и прет вверх к зажиточной жизни. Кому нужен такой, с позволения сказать, социализм? Это был бы не социализм, а

¹ Сталин, Речь на I всесоюзном совещании стахановцев, Партиздат, 1935, с. 7—8.

² Там же, с. 8.

кариатура на социализм. Социализм может быть построен лишь на базе бурного роста производительных сил общества, на базе обилия продуктов и товаров, на базе зажиточной жизни трудящихся, на базе бурного роста культуры. Ибо социализм, марксистский социализм означает не сокращение личных потребностей, а всемерное их расширение и расцвет, не ограничение или отказ от удовлетворения этих потребностей, а всестороннее и полное удовлетворение всех потребностей культурно-развитых трудящихся людей»¹.

Между социализмом и интересами личности не только нет никакого противоречия, но, наоборот, полное удовлетворение личных потребностей, полная личная свобода и благополучие только и возможны при социализме.

В «Немецкой идеологии»² мы находим интереснейшее указание Маркса и Энгельса на то, что «только в коллективе получает индивид средства, дающие ему возможность всестороннего развития своих задатков и, следовательно, только в коллективе возможна личная свобода. В существовавших до сих пор суррогатах коллективности — в государстве и т. д. — личная свобода существовала только для индивидов, принадлежащих к господствующему классу, и только постольку, поскольку они были индивидами этого класса. Мнимая коллективность, в которую объединялись досих пор индивиды, всегда противопоставляла себя им как нечто самостоятельное, а так как она была объединением одного класса против другого, то для подчиненного класса она представляла собою не только совершенно иллюзорную коллективность, но и новые оковы. При действительной коллективности индивиды добиваются в своей ассоциации и с помощью этой ассоциации также и своей свободы».

Основоположники марксизма утверждали, что развитие индивида, связанное с получением настоящей и полной свободы, возможно только при победе принципа коллективизма, при победе социализма, когда будет создан новый общественный строй, опирающийся на коллективную собственность на средства производства.

Новая Сталинская Конституция дает яркие доказательства полного совпадения принципа социализма и принципа индивидуальности, полного совпадения интересов коллектива и индивидуальных интересов.

Новая Конституция утвердила господство общественной, социалистической собственности, как священной и незыблемой основы советского строя. Новая Конституция вместе с тем утвердила и величайшие права человека, права личности — право на труд, право на образование, на отдых, на обеспечение в старости и на случай болезни, неприкосновенность личности, жилища, переписки, свободу слова, печати, собраний, митингов, шествий, право на личную собственность, право наследования.

Новая Конституция в отличие от конституций буржуазных не ограничивается лишь провозглашением конституционных прав, а обеспечивает всеми средствами, всей мощью совет-

ского государства реальное, фактическое пользование гражданскими правами и свободами.

Новая Сталинская Конституция завершила почти двадцатилетний путь развития советского общества, как общества, не знающего противоречий между общественными и личными интересами.

Новая Конституция полностью отражает победы социализма, являясь в полном смысле слова Конституцией социалистического общества.

В нашей Конституции записано, что СССР — социалистическое государство рабочих и крестьян, что вся власть в нашей стране принадлежит трудящимся города и деревни в лице советов. Экономической основой СССР являются социалистическая система хозяйства и общественная, социалистическая собственность на орудия и средства производства. Блестящее выполнение сталинских пятилеток обеспечило полное торжество общественной, социалистической собственности и привело к уничтожению эксплуатации человека человеком.

Две формы социалистической собственности устанавливает наша Конституция: государственную собственность (всенародное достояние) и кооперативно-колхозную (собственность отдельных колхозов, собственность кооперативных объединений).

Земля, ее недра, воды, леса, заводы, фабрики, шахты, рудники, железнодорожный, водный и воздушный транспорт, банки, средства связи, организованные государством крупные сельскохозяйственные предприятия (совхозы, машинно-тракторные станции и т. п.), жилищный фонд в городах и промышленных пунктах являются государственной собственностью.

Общественные предприятия в колхозах и кооперативных организациях с их живым и мертвым инвентарем, продукцией, которую производят колхозы и кооперативные организации, составляют общественную, социалистическую собственность колхозов и кооперативных организаций. Хозяином этой собственности являются сами колхозы. Наоборот, подсобное хозяйство колхозника, его приусадебный участок земли, жилой дом, продуктивный скот, птица, мелкий сельскохозяйственный инвентарь являются его личной собственностью.

Наряду с социалистической системой хозяйства, которая является господствующей формой хозяйства в СССР, Конституцией допускается мелкое частное хозяйство единоличных крестьян и кустарей в том случае, если оно основано на личном труде и в нем не эксплуатируется чужой труд.

10-я статья Конституции гласит: «Право личной собственности граждан на их трудовые доходы и сбережения, на жилой дом и подсобное домашнее хозяйство, на предметы домашнего хозяйства и обихода, на предметы личного потребления и удобства, равно как право наследования личной собственности граждан — охраняются законом».

Вся хозяйственная жизнь страны определяется и направляется планом. Мы развиваем наше хозяйство по плану, «в интересах увеличения общественного богатства, неуклонного подъема материального и культурного уровня трудящихся, укрепления независимости СССР и усиления его обороноспособности».

Благодаря победе общественной, социалистической собственности, торжеству социалисти-

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, 586.

² Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. IV, стр. 65.

ческой системы хозяйства и плановому ведению нашего хозяйства мы смогли записать в нашей Конституции, что труд в СССР является обязанностью каждого способного к труду гражданина, что в СССР осуществлен принцип социализма: «От каждого по его способности, каждому — по его труду».

Основная задача пролетарской революции заключалась в том, чтобы дать народу настоящую свободу, которая заключается не в отвлеченных формулах закона, а в реальных условиях труда и жизни. Эта задача разрешена нами полностью.

Нет и не может быть никакой свободы там, где человек не уверен в завтрашнем дне, где миллионы трудящихся людей обречены на голод, преждевременную старость и смерть от недоедания и так называемых профессиональных болезней, где царит безработица, эксплуатация, нищета.

К. Маркс и Ф. Энгельс справедливо говорили о «свободе» в буржуазном обществе как о фикции, как об иллюзии.

«... Все буржуазное общество, читаем мы в «Святом семействе», есть война отделенных друг от друга исключительно своей индивидуальностью индивидуумов друг против друга и всеобщее необузданное движение освобожденных от оков привилегий стигийных жизненных сил. Противоречие демократического представительного государства и буржуазного общества есть законченная форма классического противоречия публичной общности и рабства. В современном мире всякий одновременно — член рабочего строя и человеческого общежития. Именно рабство буржуазного общества, по видимости своей, есть величайшая свобода, потому что она кажется законченной формой независимости индивидуума, который принимает необузданное, не связанное никакими общими узлами и никаким другим человеком движение своих отчужденных жизненных элементов, как, например, собственности, промышленности, религии и пр., за свою собственную свободу, между тем как оно, наоборот, представляет собой его законченное рабство и человеческую отверженность»¹.

Это глубоко верно. В капиталистическом обществе при господстве эксплуатации, конкуренции, ожесточенной войны всех против всех, где отвечает «всяк за себя, а бог за всех», нет места свободе в собственном, священном смысле этого слова.

Только социалистическое общество обеспечивает человеку действительную свободу, первое условие которой заключается в материальной обеспеченности, в гарантии труда и средств существования.

В беседе с Г. Уэллсом товарищ Сталин объяснил, что при социализме «непримиримого контраста между индивидуумом и коллективом, между интересами отдельной личности и интересами коллектива не имеется, не должно быть». Товарищ Сталин сказал: «Его не должно быть, так как коллективизм, социализм не отрицает, а совмещает индивидуальные интересы с интересами коллектива. Социализм не может отвлекаться от индивидуальных интересов. Дать наиболее полное удовлетворение

этим личным интересам может только социалистическое общество. Более того, — социалистическое общество представляет единственно прочную гарантию охраны интересов личности»¹.

В СССР созданы уже все предпосылки окончательного разрешения проблемы личности. Здесь торжествует уже общественная собственность, на основе которой единственно возможно разностороннее удовлетворение потребностей человека, высокое культурное его развитие, превращение его в полноценного, высокообразованного и глубоко одаренного нового человека — достойного представителя нового социалистического общества.

Торжество общественной, социалистической собственности означает торжество новой социалистической культуры.

На основе общественной собственности на средства производства только и возможно утверждение подлинной человеческой свободы и подлинного благополучия людей.

Об этом писали уже утописты-социалисты. Но то, что были не в состоянии свершить самые смелые умы отдельных представителей передового человечества, то свершил коллектив, свершили массы турдящихся под руководством своей коммунистической, большевистской партии во главе с Лениным и Сталиным.

Великая пролетарская революция экспроприровала частную собственность на средства и орудия производства. Она уничтожила классы эксплуататоров и самую возможность эксплуатации. Полная и окончательная победа социализма и социалистической демократии в СССР завершила героическую борьбу миллионов рабочих и крестьян под руководством коммунистической партии большевиков во главе с великим вождем и учителем трудящихся, великим Сталиным. Она привела трудящихся к счастливой, радостной жизни, позволила каждому честному человеку повторить замечательные слова товарища Сталина: «Жить стало лучше, товарищи, жить стало веселее»...

Вот что означает подлинную свободу трудящегося человека!..

Эта свобода оказалась возможной лишь благодаря победе общественной собственности, являющейся в подлинном смысле этого слова источником зажиточной и счастливой жизни каждого трудящегося в СССР.

Вполне поэтому понятно, что на наглые посяательства на общественную, социалистическую собственность подлого и коварного врага советское правительство и партия должны были ответить беспощадным ударом. Таким ударом и явился закон 7 августа 1932 г. В этом законе отражена вся сущность советской уголовной политики, направленной на защиту интересов социалистического государства рабочих и крестьян и на охрану прав и интересов трудящихся.

Закон 7 августа является логическим завершением нашей уголовной политики, представляет собою синтез нашей уголовной политики, итог наших мероприятий, при помощи которых на протяжении всего предшествовавшего изданию декрета 7 августа периода времени рабочий класс СССР, под руководством нашей великой коммунистической партии и товарища Сталина, осуществлял в нашей стра-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. III, 144.

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 602.

не свою победоносную диктатуру, мужественно борясь против врагов строящегося социалистического общества.

Но в декрете 7 августа (это в высокой степени важно отметить) мы имеем две стороны. Одна сторона ставит задачу беспощадного разгрома наших врагов, врагов народа; другая сторона декрета говорит об обязанности, далеко выходящей за пределы непосредственного применения уголовной репрессии. В декрете 7 августа красной нитью проходит необходимость мобилизации общественных сил на борьбу за охрану общественной собственности. В декрете 7 августа подчеркивается неоднократно и в первом, и во втором разделах необходимость охраны общественной собственности путем ряда органических мероприятий, подчеркивается одновременно и ответственность всех тех, кто, непосредственно не участвуя в расхищении общественной собственности, в расхищении нашего достояния, однако в силу своей небрежности, бездеятельности, халатности, притупления бдительности и т. п. проявляет попустительство или такое отношение к работе, которое облегчает расхищение государственного и кооперативного имущества и достояния.

К сожалению, надо прямо сказать, особенно в первый период действия декрета 7 августа 1932 г., у наших работников на местах и даже иногда в центре с декретом 7 августа ассоциировалось представление только об одной задаче — о задаче разгрома врага, о беспощадном его подавлении, о репрессии, которая должна быть — и это совершенно правильно вытекает из всего содержания декрета 7 августа — беспощадно обрушена на головы врагов народа, преступников, покушающихся на нашу священную общественную, социалистическую собственность.

Но вторая сторона этого декрета — это его профилактическое, воспитательное воздействие, как результат правильной организации судебного процесса, это — мобилизация к вопросам охраны общественной, социалистической собственности всеобщего внимания, — эта вторая сторона декрета 7 августа нередко упускалась и упускается и в настоящее время из виду. Между тем, не менее важное значение декрета 7 августа заключается именно в том, чтобы при помощи этой мобилизации советской общественности заострить внимание всех трудящихся на опасности, которую представляют собою эти хищения, показать и научить, что успех борьбы с этой опасностью лежит гораздо глубже, чем в результате простого применения одних уголовных наказаний. Декрет 7 августа показывает, что здесь речь идет не только о механическом подавлении врага, но о такой органической работе, которая помогает разгромить старую психологию, старые буржуазные, мелкособственнические предрассудки, о которых неоднократно говорил и Ленин и вождь нашей партии товарищ Сталин, указывающий на то, как живучи остатки и пережитки старой психологии. Ведь именно в живучести этой мелкобуржуазной психологии находит свое объяснение факт в высокой степени безразличного, преступного отношения к интересам общественной собственности людей, строящих свою работу на принципе — «мне бы урвать кусок и удрать, а там хоть трава не расти»; «моя хата с краю»;

«пусть каждый делает, как считает нужным, а я буду делать, как мне кажется выгодным», и т. п. Декрет 7 августа со всей решительностью бьет именно по этим пережиткам, и в этом состоит одна из наиболее важных особенностей этого исторического законодательного акта.

Две стороны вопроса решаются декретом 7 августа — это беспощадный разгром нашего классового врага и его агентуры, с одной стороны, с другой стороны — это мобилизация общественного мнения, это мобилизация нашей пролетарской общественности против этих, как говорил товарищ Сталин в своем докладе в Ленинграде 13 апреля, — «веселых и невеселых воров», — поход против таких настроений, которые не считают необходимым противопоставить всякому жульничеству, мошенническим махинациям, направленным против интересов общественной собственности, самый решительный отпор общества даже тогда, когда, может быть, каждого члена общества непосредственно не затрагивает данное преступление.

Это прямой результат выражения двуединства задач, составляющих содержание всей советской уголовной политики: с одной стороны — разгромить врага и его агентуру, с другой — исправлять трудящихся, которые случайно вступили на путь преступления, исправить и вернуть их на добрый путь, на путь честного труда и активного участия в социалистическом строительстве, и не только трудящихся, но и тех из богатей и тунеядцев, которых можно исправить и о которых говорил В. И. Ленин в «Основных задачах советской власти», упоминая об «исправлении и исправимых»...

Декрет об охране общественной, социалистической собственности 7 августа 1932 г. представляет собой интерес еще с одной стороны. Декрет 7 августа об охране общественной, социалистической собственности служит исходным пунктом дальнейшего развития нашего советского социалистического правосознания, нашего социалистического права.

Советское социалистическое право, опирающееся на принципы коллективизма, на принципы общественной собственности, в декрете 7 августа 1932 г. впервые в такой исчерпывающей и такой решительной форме и силе нашло свое выражение, как право именно социалистического государства. В этом декрете мы находим в особо резко выраженном виде все особенности социалистического права, особенности, так принципиально отличающие советское право от права буржуазного.

Право буржуазное, помимо всех других своих отличий, характеризуется глубоким разрывом между общественными (публичными) и частными (гражданскими) интересами. В буржуазном государстве и при капиталистических отношениях право концентрирует свою силу на защите частной собственности и интересов частных собственников, охраняет их суверенную волю. Защищая классовые интересы частных собственников, буржуазное право, разумеется, преследует более широкие задачи, чем задача охраны интересов отдельного собственника. Но и здесь существует противоречие, накладывающее свой отпечаток на все важнейшие институты буржуазного права. Несмотря на то, что буржуазия выступает в ка-

честве представителя всего общества, общественные институты буржуазного права оглаются все-таки лишь классовыми институтами буржуазии, противостоящей всему обществу в широком и подлинном смысле этого слова.

Социалистическое право не знает этого разрыва, этого контраста между общественными и личными интересами. Социалистическое право — это публичное право *par excellence*, в превосходной и чистейшей форме.

Этот синтез общественных, публичных интересов и интересов личных и характеризует особенности закона 7 августа, как величайшего памятника социалистического правосознания народных масс.

Закон 7 августа всем своим острием направлен на охрану общественной, социалистической собственности. Но декрет 7 августа имеет громадное значение и в области охраны прав личности.

На основе мощно окрепшей общественной социалистической собственности по-новому ставятся такие проблемы, как проблема защиты трудящегося человека, гражданина Союза советских социалистических республик.

Преступления против личности, против личных интересов, достоинства и всякого рода благ трудящегося человека в практике работы органов юстиции должны привлекать к себе иное внимание, должны трактоваться в общественном аспекте, в условиях торжества общественной собственности, чем это было ранее.

Превращение наших колхозов в подлинно большевистские, а колхозников — в зажиточных по-новому ставит вопрос об охране так называемых «частных» интересов колхозника.

Это сейчас уже не частные интересы в старом смысле этого слова, а интересы активных строителей социализма, отдающих свои силы и самую свою жизнь делу организации нового социалистического общества. Между этими интересами коллектива и интересами отдельных членов этого коллектива нет противоречий, здесь нельзя уже проводить такой грани, как это было в эпоху, предшествующую победам первой пятилетки.

Больше того, именно на основе побед первой пятилетки, на основе победы общественной, социалистической собственности и выросла задача наиболее последовательной защиты интересов личности советского гражданина. На этой основе такая защита явилась и единственно реально возможной.

Всегда социализм разрешила неразрешимую в капиталистическом обществе проблему личности и общества, устранив это историческое противоречие между ними, созданное господством частной собственности на средства и орудия производства, господством эксплуатации и опирающейся на эксплуатацию капиталистической культуры.

Протекшие со времени издания закона 7 августа пять лет блестяще оправдали издание этого закона. Несмотря на все ошибки наших органов суда и прокуратуры, допущенные при применении этого закона, цель оказалась полностью достигнутой.

Закон 7 августа помог советской власти разгромить врага, подавить его бешеное сопротивление делу социализма посредством нападения на общественную собственность.

Закон 7 августа помог раздавить враждебные советскому строю элементы, пытавшиеся

посягательствами на общественную, социалистическую собственность поколебать прочность самого советского строя...

В этом громадная заслуга закона 7 августа, его громадная историческая роль не завершенная еще и сейчас.

Да, закон 7 августа еще действует в полной мере. Он будет действовать и впредь, пока будет жив хотя бы один враг, осмеливающийся посягнуть на общественную, социалистическую нашу собственность — священную и неприкосновенную основу нового социалистического общества, нового социалистического государства рабочих и крестьян.

Закон 7 августа, как указал на это товарищ Сталин, есть основа революционной законности в настоящее время.

«Основная забота революционной законности в наше время,—говорит товарищ Сталин,—стоит следовательно в охране общественной собственности, а не в чем-либо другом. Вот почему борьба за охрану общественной собственности, борьба всеми мерами и всеми средствами, предоставляемыми в наше распоряжение законами советской власти, — является одной из основных задач партии».

Так стоит вопрос в настоящее время о законе 7 августа, этом одном из мощных средств укрепления пролетарской диктатуры.

Острота закона 7 августа в настоящее время ни в коей мере не притупилась, несмотря на то, что за эти пять лет сопротивление врагов делу социалистического строительства посредством хищений общественной собственности сломлено.

Протекшие со дня издания закона 7 августа годы были годами упорной и настойчивой борьбы советского государства не только за общественную собственность, но и за авторитет самого закона 7 августа.

Как это открылось теперь, троцкистско-бухаринские отщепенцы, эта подлая агентура фашистских разведок, эти гнусные изменники в первые годы действия закона 7 августа принимали все меры к дискредитации закона 7 августа. Через своих сподручных, пробравшихся в органы юстиции, они сознательно пытались применять закон 7 августа в массовом масштабе, нарочито направляя его острие не против кулаков и других врагов народа, а против рядовых членов общества, допустивших мелкие хищения и при том при случайных или тяжелых для себя жизненных обстоятельствах.

Признаниями некоторых из числа троцкистско-бухаринских изменников и имеющимися в распоряжении следственных органов неопровержимыми доказательствами установлено теперь, что пашуканисовские вредители умышленно извращали нашу судебную политику, умышленно неправильно применяли закон 7 августа, стараясь этими извращениями вызвать недовольство и озлобление против закона 7 августа, против правительства и партии.

Это они, изменники, отдавали под суд и выносили суровые приговоры по закону 7 августа за кражу с поля колосков, оставшихся после жатвы, за кражу многосемейной колхозницей двух килограммов овощей, за кражу одного пуда муки и т. д. и т. п.

Предательской «работе» изменников из среды судебных и прокурорских работников вроде Чудновского, Пальгова, Драгунского, Петренко, Гарина и др. содействовали имевшиеся и еще имеющиеся в работе судебных и следственных органов недостатки.

Эти недостатки в основном сводились к следующему: во-первых, неудовлетворительно было поставлено наше предварительное расследование, к которому в делах, квалифицируемых по закону 7 августа, предъявляются особенно высокие требования. Ведь в самом деле, что стоит один тот факт, что число осужденных по оперативной отчетности в 1932—1933 гг. давал цифру в два раза высшую, чем по приговорам, вступившим в законную силу? Это значит, что мы привлекали в 2 раза больше, чем суд признавал виновными. Этот разрыв свидетельствует о том, что у нас привлеченные к суду в то время не всегда были достаточно обоснованы.

Второй недостаток нашей работы заключался в том, что в большом количестве случаев наши первые инстанции действовали по такому принципу, что раз человека предали суду, то он должен быть осужден. Именно отсюда громадный процент отменяемых приговоров по делам, квалифицируемым по декрету 7 августа. В некоторых краях и областях мы имели до 60% отмененных в кассационном порядке приговоров. Это относилось не только к первому периоду действия декрета 7 августа.

Вот, например, дело некоей Долговой Анны, Перминова Ивана и Курочкина Михаила, осужденных по закону 7 августа к десяти годам лишения свободы. Каждый из них был признан виновным в хищении по одной буханке хлеба. Интересно то, что ни кассационная коллегия, ни президиум областного суда, рассматривавшие это дело, не исправили до конца грубейшего искажения революционной законности, которое было допущено этим приговором. И только по протесту Прокуратуры Союза 10 июля 1935 г. в этот приговор были внесены соответствующие исправления.

Если обратиться к самому делу, то окажется, что эта Долгова Анна — 18-летняя уборщица хлебопекарни № 1, была признана виновной в том, что «на работе сла хлеб без нормы» (!?). И вот за то, что она ела хлеб без нормы, ее присудили по закону 7 августа к десяти годам лишения свободы, осудили с превышением всех норм, и не только ее, но и еще четырех человек, и всех за то, что «ели хлеб без нормы». Да еще осудили по закону 7 августа заочно!

Одного этого примера достаточно, чтобы судить о крупных недостатках в работе кое-каких органов юстиции. В стремлении внести коррективы в подобного рода практику суды, как известно, в первый период действия декрета 7 августа широко применяли ст. 51 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик. В свое время эта практика широкого применения ст. 51 УК была осуждена, потому что здесь сказывалось стремление действовать по линии наименьшего сопротивления. Не решаясь вовсе оправдать неправильно привлеченных к уголовной ответственности по декрету 7 августа, наши суды прибегали к ст. 51, чтобы и «капитал приобрести, и невинность sobласти». Это нельзя при-

знать правильным, это нездоровые явления в судебной работе.

С другой стороны, ст. 51 в некоторых случаях служила отдельным работникам юстиции средством прикрыть свое малодушие и нерешительность в применении суровых санкций этого закона там, где это было обязательно и необходимо по обстоятельствам дела, где иной приговор был бы вопиющей несправедливостью, грубым нарушением самых основ советской уголовной политики!

Эти недостатки обусловили ряд серьезных извращений в применении декрета 7 августа в период 1932—1933 гг.

Этими недостатками пользовались настоящие враги народа — троцкисты, правые, бухаринцы, рыковцы, меньшевики и эсеры для своей подлой работы. Они сознательно запутывали судебные дела, сознательно и бессовестно используя свое положение судьи или следователя, они нагромождали один неправильный приговор на другой, действуя по правилу: «чем хуже, тем лучше»...

«Чем хуже судить», — чем несправедливее, следовательно, приговор, — тем для них, изменников и предателей, лучше, так как больше будет недовольства и обиды, а этого-то изменники и добивались.

Они действовали и здесь так, как их учили обер-бандиты Троцкий, Пятаков, Бухарин и др. организовавшие по указаниям японско-германских разведывательных органов убийства рабочих, жел.-дор. крушения с человеческими жертвами, отравление питательных пунктов.

Применяясь к своеобразным условиям и характеру работы органов юстиции, эти негодяи, если им только удавалось проникнуть в судебную систему, старались отбросить сознание трудящихся несправедливыми и незаконными приговорами.

Они притворялись честными, советскими людьми, прикрывались партийными билетами и творили свое предательское дело, продавшись врагам народа, врагам нашей родины...

Извращая закон 7 августа, эти бандиты кощунственно издевались над законом 7 августа, ссылками на этот закон прикрывая свою преступную мошенническую работу.

Эта подлая работа была, однако, разоблачена. Были разоблачены подлые преступники. Преступления и преступные извращения были вскрыты и устранены, их последствия были исправлены.

Практика применения закона 7 августа была быстро и решительно очищена от вражеских искажений. Действие закона 7 августа было направлено против подлинных врагов, против подлинных преступников.

И это дало свои положительные результаты. Уже первые три года нашей судебной практики по применению закона 7 августа показали громадные успехи в борьбе за охрану общественной, социалистической собственности.

Если взять первый квартал 1933 г. в отношении осужденных по закону 7 августа за 100, то мы увидим, что после того, как во втором квартале 1933 г. получился некоторый, даже значительный рост — 181%, что объясняется отчасти той полосой увлечения в применении закона 7 августа по мелочам, от которых хотя и не без труда наши органы впоследствии освободились, — мы имеем в 10

квартале 1933 г. 77% осужденных по закону 7 августа, в IV квартале 1933 г. — 27%, в I квартале 1934 г. — 22% и, наконец, во II квартале 1934 г. — 16% осужденных по закону 7 августа.

В дальнейшем мы имеем все усиливающееся снижение числа осужденных по закону 7/VIII.

Так, в РСФСР в I полугодии 1934 г. было осуждено за хищение общественной собственности 27,5% осужденных в I полугодии 1933 г.; в I полугодии 1935 г. — 9,6%, во II полугодии 1935 г. — лишь 8% (по отношению к числу осужденных в I полугодии 1933 г.).

За время с первой половины 1935 г. по первую половину 1936 г. число осужденных на 7/VIII сократилось: в РСФСР — в 3 раза, в УССР — в 4 раза.

Интересно отметить, что вообще число осужденных за имущественные преступления за этот же срок сократилось в РСФСР на 17%, в УССР — на 43,5%, в БССР — на 43,1%.

Небезынтересно тут же привести некоторые сравнительные данные о движении преступности в целом у нас и в капиталистических странах.

Если число осужденных в первой половине 1933 г. принять за 100, то в РСФСР в первой половине 1936 г. число осужденных будет равняться лишь 51,8%, в БССР — 24,5%. Снижение числа осужденных мы имеем и в УССР и в закавказских, и в средне-азиатских рес-публиках. Значительное снижение показывает число осужденных по таким преступлениям как хищение общественной, социалистической собственности, имущественные преступления разных видов, преступления, связанные с сельскохозяйственными компаниями, число которых сократилось очень резко, убийства и тяжёлые телесные повреждения, хулиганства и др.

Если принять число зарегистрированных преступлений в первой половине 1934 г. за 100 (по Союзу), то в первой половине 1936 г. это число выразится лишь в 59,8%. За тот же период времени число невооруженных ограблений сократилось на 66,4%, вооруженных ограблений — на 69,8%, краж — на 35,2%. Кражи скота сократились почти в 5 раз, поджоги — почти в 4 раза.

Эти цифры говорят о громадном успехе, об одной из крупнейших побед социализма, это — прямой результат победы новой социалистической экономики, нового социалистического строя.

В то же время в капиталистических странах, будь то Италия или Латвия, Польша или Германия, Франция или США, количество преступлений все больше и больше растет и внушает серьезную тревогу правящим кругам капиталистического мира. Нью-Йоркский губернатор в 1935 г. заявил: «Совершенно несомненно, что за последние годы произошло значительное увеличение организованных преступлений. Профессиональный преступник осмелел. Он относится к закону с пренебрежением. Его наглость и цинизм представляют истинные вызов по отношению не только к органам охраны закона, но и к основам нашего демократического строя». К этому нужно добавить, что такое положение объясняется особенностями капиталистического строя. опи-рающегося на частную собственность на сред-

ства производства и эксплуатацию человека человеком, порождающие преступления и исключают возможность успешной борьбы с ними.

На страже интересов нашего нового социалистического общества стоят наши советские законы, советская социалистическая законность. Об наши законы разбилась попытка гнусной банды троцкистско-зиновьевских террористов, диверсантов и вредителей, сомкнувшихся с агентами некоторых иностранных разведок, с фашистскими лазутчиками и шпионами, покушавшихся на руководителей нашей партии и нашего советского государства, посягающих на жизнь и здоровье рабочих, не останавливающихся перед самыми чудовищными злодеяниями. На все гнусные попытки и вылазки врага, посягающего на любимых руководителей советского государства и советского народа, советский суд отвечал и впредь будет отвечать беспощадным разгромом бандитских шайек, применяя к ним, к этим подлым преступникам, всю силу и полноту советского закона, всю силу и полноту нашего закона, карающего смертью палачей свободы и счастья трудящихся масс.

Конечно, количество осужденных еще не определяет количества преступлений.

Наша статистика осуждений еще не дает нам полного основания делать те или другие выводы в отношении самих преступлений, ибо статистика осуждений не есть статистика преступлений, но все же эти цифры в высшей степени характерны.

При всех условиях этих цифры говорят о громадных успехах борьбы за охрану общественной, социалистической собственности на основе декрета 7 августа. Они говорят о том, что этот закон полностью оправдал себя, что он действительно поднял на работу с врагами народа, расхищающими общественное достояние, гнев народа, энергию масс, мобилизовал их бдительность и внимание.

Громадное снижение числа осужденных по декрету 7 августа явилось результатом не только и не столько более тщательного расследования дел, более осторожного и осмотрительного привлечения к уголовной ответственности виновных, сколько действительного снижения самого числа преступлений. Это снижение явилось несомненно прямым следствием тех мероприятий по более тщательной охране общественного имущества, которые были приняты в связи и на основе декрета 7 августа.

Сотни тысяч и миллионы трудящихся на декрет 7 августа ответили удешевлением своих усилий по охране колхозного, кооперативного и советского имущества. Под влиянием этих усилий — проверки людей, контроля их работы, лучшего учета имущества, более последовательной борьбы с различного рода злоупотреблениями и т. д. — хищения стали падать и сокращаться в количественном и в качественном своем выражении.

Ряд судебных процессов, удачно проведенных при громадной мобилизации советской общественности, помог в свое время вскрыть различные рычаги и пружины, которыми пользовались и пользуются хищники в своих «воровских махинациях», направленных против общественной собственности.

Беспощадные удары, нанесенные подлинным врагам народа, расхищавшим советское или

колхозное добро, организовавшим свои хищнические вылазки против советского или колхозного хозяйства, у многих и многих отбили всякую охоту заниматься темными, хищническими делами.

По отношению к расхитителям народного достояния, безруким попустителям из числа советских бюрократов, к разгильдяям и болтунам, не умеющим беречь и охранять порученное им общественное добро, декрет 7 августа помог провести ряд мер, начиная от прямых уголовных наказаний и кончая мерами общественно-воспитательного и организационного характера, значительно улучшивших дело, покончивших с бюрократической беспечностью и безответственностью этих чиновников.

И результаты всей суммы этих мероприятий налицо.

Хищения общественной, социалистической собственности значительно сократились, а по отдельным секторам нашего народного хозяйства сократились в очень большой степени.

Если, например, обратиться к колхозному сектору, то здесь мы будем иметь такую картину.

В первом квартале 1933 г. на долю колхозного сектора приходилось 58,7% всех осужденных по декрету 7 августа. В первом же полугодии 1934 г. на долю этого сектора приходилось уже только 37% всех осужденных.

Эти цифры не случайны, они говорят о том, что при значительном улучшении постановки охраны колхозной собственности, при очистке колхозов от тех враждебных элементов, которые в них пробрались, при правильном решении задачи, о которой говорил товарищ Сталин, направленной к тому, чтобы окончательно вышибить кулаков из колхозов, которые производятся работниками органов юстиции по выявлению и преданию суду преступников, при всей сумме всех этих мероприятий мы дошли до такого положения, — когда на долю колхозного сектора приходится сейчас не более трети всех хищений, тогда как раньше на колхозы падало более половины хищений.

Это несомненно значительное достижение. Но на этом мы останавливаться не можем. Мы должны добиться такого положения, когда хищения общественной собственности будут сведены к нулю. Конечно, это нелегкая задача, особенно, если иметь в виду неизбежность обострения на отдельных участках нашего социалистического строительства классового сопротивления остатков кулачества и вообще капиталистических элементов, классового сопротивления, одной из наиболее характерных форм которого и является расхищение, воровство общественной собственности. И тем не менее мы должны добиться окончательной ликвидации воровства колхоз-

ного имущества, окончательного искоренения воровских нападений наших врагов на колхозную собственность.

Значительное улучшение в борьбе с расхищением государственного имущества мы имеем и на железнодорожном транспорте. На этом участке мы можем констатировать падение числа хищений как в количественном выражении, так и в суммовом. Аналогичное положение мы имеем и в органах связи, где, как известно, особенно опасны эти преступления, где, как и на ж.-д. транспорте, особенно трудна и борьба с этими преступлениями.

Правильное и последовательное применение декрета 7 августа на ж.-д. транспорте и в органах связи также дало свои результаты.

Благодаря большой работе, которая была проведена и по мобилизации общественности, и по выработке и проведению в жизнь ряда профилактических мероприятий, благодаря умелой борьбе органов прокуратуры и суда мы имеем значительное улучшение дела с точки зрения уменьшения хищений посылок, почтовых отправок, переводов и т. д.

Пятую годовщину закона 7 августа трудящиеся нашей страны, весь Советский союз встречают во всеоружии силы и мощи социалистического государства рабочих и крестьян.

В этот день мы подводим итоги великой борьбы за охрану и укрепление священной и неприкосновенной основы советского строя — общественной, социалистической экономики, новой социалистической культуры, нового социалистического общества.

Подводя эти итоги, мы можем констатировать всемирно-историческое значение закона 7 августа 1932 г. При помощи этого закона органы советского суда и прокуратуры разгромили бешеное сопротивление делу социализма со стороны последних остатков умирающих эксплуататорских классов. Этот закон помог нам предотвратить немало посягательств против интересов нашего народного хозяйства, подготовлявшихся нашими врагами.

Этот закон помог укрепить еще более прочно уважение к правилам социалистического общежития, опирающегося на общественную собственность и в ее неприкосновенности находящую твердую опору своего дальнейшего и всестороннего развития.

Неприступной крепостью закон 7 августа защищает народное достояние, блага и интересы советского государства и каждого честного советского гражданина.

На прочной основе общественной, социалистической собственности крепнет и расцветает советская страна, Отечество трудящихся всего мира, оплот подлинной человеческой культуры, свободы и демократии.

За большевистский порядок в сельском хозяйстве

Советский союз из года в год гигантски растет.

Из страны отсталого, раздробленного, примитивного земледелия СССР превратился в страну самого крупного в мире сельского хозяйства.

На 1 января 1937 г. коллективизация охватила 92% крестьянских хозяйств и 99% всех крестьянских посевов, а к концу текущего года удельный вес обобщественного сектора должен подняться еще выше.

Техническая реконструкция сельского хозяйства находится на столь же высоком уровне.

Машинотракторные станции обслуживают 90% всех колхозов.

К концу текущего года тракторный парк в сельском хозяйстве составит 9 400 тыс. лошадиных сил, превысив план второй пятилетки на 1 200 тыс. лошадиных сил; парк комбайнов к этому же времени вырастет до 159 тыс. штук против 100 тыс., запланированных на вторую пятилетку.

Многовековую мечту русского крестьянства о земле советская власть претворила в реальность.

Государственными актами закреплено в бесплатное и бессрочное пользование, т. е. навечно, свыше 400 миллионов га земли, в том числе 150 миллионов га бывших помещичьих, монастырских и казенных земель.

Больше того, за один лишь последний год колхозам было прирезано от совхозов свыше 22 миллионов га земли.

Бич нашего дореволюционного земледелия — чересполосица и дальнеземелье ликвидированы.

За последние годы выросли замечательные кадры стахановцев — трактористов, комбайнеров, звеньевых, бригадиров — подлинных энтузиастов социалистического земледелия, овладевших в совершенстве техникой.

Партия и правительство создали все условия для завоевания высоких и устойчивых урожаев, для всемерного роста богатства колхозов и зажиточности всех колхозников.

Дело только в том, чтобы улучшить семена зерновых культур, ввести правильные севообороты, поднять работу МТС на более высокую ступень, — одним словом, чтобы навести подлинно большевистский порядок в сельском хозяйстве и раз навсегда покончить с вредительством одних и беспечностью других в земельных органах.

Разрешением этих важнейших в области сельского хозяйства задач и был занят очередной (июньский) пленум ЦК ВКП(б).

В работе по семенам в последние годы приходилось сталкиваться не только с фактами плохой работы земельных органов, но с актами прямого вредительства.

На ряде примеров т. Яковлев показал на пленуме ЦК ВКП(б), как выводились у нас такие прекрасные сорта пшеницы, как кубачка и арнаутка, которые завоевали в Америке сотни тысяч га посевов, как вытеснен целый ряд крестьянских сортов зерновых культур и как во многих районах культивировались и вне-

дрялись у нас заведомо плохие или сомнительные сорта.

Наряду с этим хорошие сорта, выведенные за границей, скрывались и не испытывались у нас. Не случайно, что в текущем году по решению ЦК ВКП(б), без всякой инициативы со стороны Наркомзема или с.-х. специалистов, были ввезены в СССР из Америки и Швеции некоторые сорта пшеницы.

Для характеристики путаницы и неразберихи, существовавшей в семенном деле, следует указать также на неправильную, ненадлежащую организацию сортоиспытания, исключавшую возможность определения преимуществ одного сорта по сравнению с другим, на бюрократически-неряшливое (если не вредительское) снятие отдельных сортов с испытания, на чудовищно нерациональные переброски семян из района в район.

Наконец, явным вредительством следует признать отказ Наркомзема СССР от апробации сортовых посевов, который привел к тому, что десятки миллионов пудов сортовых семян без сортовых свидетельств шли на элеватор и зерносклады, а оттуда — в перемол.

Приведенные факты достаточно характеризуют положение, существовавшее в семенном деле, которое в итоге обусловило срыв выполнения задачи доведения во второй пятилетке сортовых посевов до 75% всей площади зерновых культур.

Постановление СНК СССР «О мерах по улучшению семян зерновых культур», одобренное июньским пленумом ЦК ВКП(б), предусматривает развернутую программу действий по коренной перестройке семенного дела в максимально короткие сроки.

Вместо существовавших 130 государственных сортоучастков, из коих каждому в прошлом приходилось обслуживать по 20—30 районам, теперь будут функционировать 1055 сортоучастков, т. е. к каждому участку будут прикреплены только два-три района, а это даст сортоучасткам возможность лучше обслуживать свои районы.

Руководство работой государственных сортоучастков возлагается на авторитетную государственную комиссию по сортоиспытанию, которая утверждается СНК СССР, причем постановление этой комиссии о снятии с испытания о выводе в тираж или о введении в хозяйство тех или иных сортов вступает в силу лишь с утверждения СНК СССР. Этим кладется конец той безответственной и недопустимой легкомысленности, которые выявлены в работе по сортоиспытанию в прошлом.

Не менее актуально решение правительства об организации, как правило, селекционных станций в каждой республике, крае или области, что даст возможность лучше, глубже учесть специфику климатических, почвенных и других условий каждого района при внедрении или выводе отдельных сортов.

Наряду с осуждением прежней практики земельных органов и некоторых «теорий» о непригодности отдельных крестьянских сортов зерновых, правительством дается четкая дирек-

тива об отборе, сохранении и улучшении местных крестьянских сортов, а также о создании элитных семян этих сортов.

Новым и крайне важным является также решение правительства о введении государственного премирования селекционных станций и селекционеров. Система премирования, распространяемая к тому же на сорта, выведенные или улучшенные, начиная с 1918 года, а также введение в практику выдачи селекционерам и селекционным станциям «авторских свидетельств» и «свидетельств об улучшении сортов» создаст материальную заинтересованность работников селекции в повышении качества своей работы и, несомненно, явится дополнительным стимулом для борьбы за лучшие достижения в семенном деле. Этому же должно всемерно способствовать постановление правительства об оплате элитных семян, сдаваемых селекционным станциям, в пятикратном размере против цен на рядовое зерно.

Нелишне также заметить, что взятие на счет государства содержания государственных селекционных станций положит конец жалкому существованию, которое владели многие из них, что, естественно, не могло не отразиться в ущерб их плодотворной деятельности.

Постановлением правительства вводится новый, более совершенный порядок сортосмены. Вместо бессистемного из года в год снабжения сортами семенами всей площади посевов небольшой части колхозов и совхозов при посеве основной массой колхозов и совхозов несортными семенами устанавливается регулярное снабжение «семенных участков (ежегодно не меньше четверти всех колхозов и совхозов СССР) отборными семенами от районных семеноводческих хозяйств».

Производство же сортовых семян для снабжения колхозов и совхозов сосредоточивается в районных семеноводческих хозяйствах (колхозах и совхозах), обслуживающих каждое 1—3 района с посевом не более 100 тысяч га зерновых. Этим самым устраняется негодная практика прошлого, когда производство сортовых семян было сконцентрировано преимущественно в семеноводческих совхозах, территориально отдаленных и оторванных от обслуживаемых ими районов, особенности которых почти не принимались во внимание.

Обеспечение правильной сортосмены, одна-ко, этим не исчерпывается.

Постановлением правительства предусмотрен ряд льгот и материальных преимуществ для районных семеноводческих хозяйств, производящих сортовые зерно. Семеноводческие колхозы получают двойную цену против цен на рядовое зерно при сдаче ими сортового зерна в порядке зернопоставок, при обмене же сверх зернопоставок и натуроплаты сортового зерна на рядовое они получают за каждые 40 фунтов своего сортового зерна 55 фунтов рядового кондиционного зерна и т. д.

Предоставление семеноводческим колхозам огромнейших материальных преимуществ правительство обуславливает лишь обязательством колхозов размножать полученные элитные семена сперва на семенном участке, а затем в общих посевах своего хозяйства, производить сортовую полку посевов и полностью сдавать урожай семян в кондиционном виде на склады Главного сортового управления НКЗ СССР.

Особое значение имеет решение правитель-

ства о создании государственного страхового фонда сортовых семян зерновых культур. Этим имеется в виду накопить достаточные резервы сортовых семян на случай засухи, вымерзания или вымочки посевов с тем, чтобы предотвратить бедствию районы или отдельные колхозы и совхозы могли своевременно получить необходимую помощь хорошими сортами семенами.

Существеннейшее место в мероприятиях по улучшению семян зерновых культур должно быть отведено решению правительства о выделении в каждом совхозе и колхозе семенных участков по каждой зерновой культуре с точным планом посева на этих участках для каждой области и республики. Этим устанавливается твердый порядок расширения посева отборными сортами семенами, что даст возможность в короткий срок перейти от рядовых посевов к посевам отборными сортами семенами.

Наконец, принятые правительством решения по улучшению организационного руководства семенным делом (создание в Наркомземе СССР Сортового управления по зерновым культурам, мероприятия по подготовке кадров агрономов-семеноводов и селекционеров) наряду с утверждением целого ряда переходных мероприятий по использованию ресурсов сортовых семян в озимом посеве 1937 года и яровом посеве 1938 года должны резко улучшить качество семян зерновых культур в самое ближайшее время.

По вопросу о введении правильных севооборотов партия и правительство неоднократно давали земельным органам необходимые директивы.

Еще в конце 1932 года в своем решении о мероприятиях по повышению урожайности ЦК ВКП(б) и СНК СССР поручили НКЗ СССР «вести во всех совхозах и колхозах севооборот как одно из лучших средств повышения урожайности».

Третья сессия ЦИК СССР, состоявшаяся в 1933 году, также приняла решение о введении севооборота в 1933 и 1934 гг.

Наконец на XVII съезде ВКП(б) товарищ Сталин говорил, что «одной из очередных задач сельского хозяйства является введение правильного севооборотов...».

Однако НКЗем СССР и его местные органы не только не обеспечили выполнения директив партии и правительства о севооборотах, но в ряде краев и областей устанавливали планы сева, не согласованные с севооборотом, культивировали вреднейшие теории о резком несоответствии между планами посева и севооборотом, чем толкали колхозы на игнорирование севооборота, вводили явно неправильные севообороты и т. п.

Такое положение с севооборотами нанесло нашему хозяйству огромный ущерб, тормозило наше движение по пути завоевания высоких урожаев.

Пленум ЦК ВКП(б) одобрил в основном внесенный комиссией Наркомзема СССР и Наркомсовхозов СССР проект введения правильных севооборотов с тем, чтобы после всестороннего обсуждения в печати он был вторично рассмотрен на следующем пленуме. Этот проект намечает переход от паропрошающих севооборотов к правильным севооборотам с многолетними травами, которые дадут воз-

листических странах, при наличии сейчас во всех фашистских странах позорных и унижительных условий существования женщин, лишенных прав и лишь обязанных рожать детей и воспитывать из них солдат, нынешнее правовое и общественно-политическое положение женщин в СССР, ставшее у нас обычным явлением, представляется трудящимся всего мира отдаленной мечтой; оно воодушевляет их на борьбу с мировым капитализмом и в первую очередь с обнаглевшим фашизмом.

Закон 27 июня, запрещающий аборт ввиду установленной вредности их, не ограничился этим, подобно лицемерному буржуазному законодателю, и наметил целую систему государственных мер, обеспечивающих защиту и охрану прав и интересов женщин и детей. Наряду с этим закон усилил наказание за злостный неплатеж алиментов и внес некоторые изменения в законодательство о разводах «в целях борьбы с легкомысленным отношением к семье и семейным обязанностям».

О том, что легкомысленное отношение к женщине и семье не изжито еще у нас, что унаследованное от капиталистического прошлого собственническое отношение к женщине не выкорчевано еще из нашей среды, мы знаем из многих фактов нашей судебно-прокурорской практики.

Энгельс, анализируя существо брачно-семейных отношений в докапиталистическом и капиталистическом обществе, показал все отрицательные стороны этих отношений в буржуазном и добуржуазном обществе, основанном на господстве частной собственности. Покупка женщин за деньги или другие социальные блага, проституция, супружеская неверность, обман, ревность и тому подобные явления были и остаются неизбежными спутниками собственнического отношения к женщине. В новом, социалистическом, обществе отношения между женщиной и мужчиной коренным образом изменяются.

«Наши предвидения о формах половых отношений после устранения капиталистического производства, — писал Энгельс, — отличаются преимущественно отрицательным характером, ограничиваются в большинстве случаев тем, что отпадает. Но что появится нового? Это определится, когда вырастет новое поколение: поколение мужчин, которым никогда в жизни не приходилось покупать женщину за деньги, или другие социальные преимущества, и поколение женщин, которым никогда не приходилось отдаваться мужчине из-за каких-либо других побуждений, кроме подлинной любви, или отказываться отдачи любимому мужчине из боязни экономических последствий. Когда появятся такие люди, им будет совершенно безразлично, чего ныне ожидают от них, они сами создадут себе свою собственную практику и соответствующее ей общественное мнение о поступках каждого в отдельности. На этом точка». Так писал Энгельс больше полувека тому назад¹ и он был абсолютным прав. У нас действительно появи-

лись новые люди, которые сами создают себе свою собственную практику в своих взаимоотношениях друг с другом и соответственно этому общественное мнение о поступках каждого в отдельности. Не случайно поэтому закон 27 июня 1936 г., намечая «пути, на которые нужно встать для разрешения этого большого, затрагивающего все население вопроса», указывает на то, что, разрешая вопрос, «Советское правительство идет навстречу многочисленным заявлениям трудящихся женщин».

Новые люди, новая советская женщина требуют изгнания из своей среды людей, которые по-старому относятся к жене, семье, которые воскрешают традиции капиталистического общества, сопротивляются новому общественному и государственному правопорядку.

Закон 27 июня дал возможность быстрее и лучше выявлять и наказывать всех этих людей, в числе которых нередко, как это ни странно, оказываются и люди, совсем еще молодые, но зараженные уже болезнями прошлого, видящие в женщине не друга и товарища, а предмет обладания, частной собственности.

В этой связи следует остановиться на одном примере из практики работы Прокуратуры г. Горького.

2 августа 1936 г. в г. Горьком, в своей квартире покончила жизнь самоубийством 24-летняя комсомолка, инженер Нина Биневич.

Она только что возвратилась из дома отдыха на берегу Черного моря, куда муж правил ее для лечения по своей путевке. Она всего только три дня до этого на вокзале веселая и жизнерадостная бросилась в объятия своего мужа, тоже инженера и кандидата партии, Саши Рябова, который пришел встречать ее и принес с собой на руках маленькую дочь. Семья Биневич-Рябовых была счастлива. На протяжении 6 лет совместной жизни молодые супруги редко ссорились друг с другом; лишь изредка ревнивый муж позволял себе грубые выходки по адресу жены, неосновательно подозревая ее в неверности.

В конечном счете это собственническое грубое некоммунистическое отношение к женщине и явилось причиной трагического случая.

Инженер Рябов в день приезда жены, т. е. через несколько часов после радостной встречи ее, узнал из анонимного письма на имя о том, что его жена за время пребывания в доме отдыха находилась в близких отношениях с неизвестным молодым человеком. Известие безусловно неприятно, независимо от того, что оно не проверено (и вряд ли может быть проверено теперь). Известие это ло и мучительно подействовало на любимого мужа. И в этом нет еще абсолютно никого греха с его стороны. Лицемерная болтовня некоторых встречающихся еще у нас при социализме легкомысленное отношение супругов друг к другу и к окружающим является признаком действительной свободы взаимоотношениях мужчины и женщины, имеет ничего общего с истинной любовью, брачными отношениями в советской семье.

¹ Энгельс, «Происхождение семьи, частной собственности и государства», стр. 83, Партиздат, 1932.

ман супруга или измена в любви становятся при социализме просто немислимыми или нелепыми, так как отпадают основные причины, заставляющие жить с нелюбимым человеком. Но это происходит не сразу. Поэтому пережитки прошлого дают себя знать. Обман, лицемерие, неискренность, измена в любви имеют еще место и у нас. С ними надо вести борьбу. Но как? Они причиняют боль и вызывают острую реакцию со стороны людей, честно и искренне относящихся к людям, безразлично мужчине или женщине. Но эта реакция, должна ли она сколько-нибудь уподобляться реакции, которую вызывала и вызывает ревность собственника-буржуа?

Нет, — говорили инженер Рябов и те, которые ему «помогали». Но говорили они это тогда уже, когда несчастье стряслось.

Как это случилось? Получив письмо, инженер Рябов, обезумев от ревности, немедленно предложил своей любимой жене уйти от него. Та ушла. И ночевала у своей сестры. На другой день инженер решил поговорить с женой и выяснить факт. Если верить его словам, он ожидал, что жена будет отрицать все, что сказано в анонимном письме. Но она не отрицала, а медленно и нехотя стала объясняться. Муж вновь разъярился и предложил ей оставить его и, если хочет, уйти от него вместе с их маленькой дочерью; при этом он заявил, что будет платить ей алименты. На следующий день инженеру сообщили из дома, что его жена повесилась.

В предсмертном письме жена написала мужу, что жизнь для нее без него невозможна, что она никогда его не обманывала и то, что написано в анонимке, — ложь.

Автор письма, как это установлено проведенным Горьковской прокуратурой тщательным расследованием, член партии Милютин Н. К., директор Миллеровского маслозавода № 14 в Азово-Черноморском крае. Он тоже по своему понял свою обязанность вести борьбу за новый быт, новые социалистические взаимоотношения женщины и мужчины. Директор отдыхал со своей женой в том же доме отдыха, где и инженер-комсомолец Биневиц. Ему показало, что поведение молодой женщины, которая постоянно гуляет с каким-то молодым человеком, непристойно, что она обманывает мужа. Он решил помочь неизвестному ему мужу этой женщины, раскрыть ему глаза на действительность. Что еще побудило директора идти на этот «благородный» поступок? На этот вопрос директор отвечает, что печальный личный опыт подсказал ему так действовать, что его первая жена изменяла ему и об этом он, несчастный, узнал только в 1934 году. Директор решил поэтому помочь неизвестному ему мужу выйти из состояния обманутого мужчины. Трусливый директор, однако, не имел гражданского мужества вести эту борьбу за своеобразный «принцип солидарности мужчин» открыто; он написал анонимку и, когда следственные органы добрались до него путем экспертизы почерков, он далеко не сразу признал себя автором этого письма. Не признал себя соучастником в этом поступке и другой член партии Гаракин, ответственный работник того же комбината, где работает инженер Рябов. Он отдыхал в том

же доме отдыха. Он также считал, что надо сообщить мужу о поведении жены, и дал директору Маслозавода адрес инженера Рябова. «Благородные» борцы за честь и доброе имя «мужа» сейчас изобличены. Они, конечно, не предвидели и не могли предвидеть столь трагических последствий своего поступка. Да и самый факт самоубийства достоин категорического и всеобщего порицания, тем более, когда совершенно оно членом комсомола.

Однако дело здесь не в том, чем кончилась семейная драма на почве ревности у инженера Биневиц-Рябовых. А дело в том, что низменные побуждения, собственнические пережитки в отношениях к женщине не вытравились еще, далеко не выкорчеваны из сознания даже нашей молодежи. В ее среде можно и до сих пор встретить наряду с мелкобуржуазной распущенностью и легкомысленным отношением девушек и парней друг к другу, безрассудных рогоносцев и отъявленных хранителей дедовских традиций во взаимоотношениях женщины и мужчины.

Секретарь ЦК ВЛКСМ т. Васильева в своей статье (в «Комсомольской правде» от 29 июня 1937 г.) говорит о том, что «в ЦК ВЛКСМ поступают заявления женщин-матерей о хамском к ним отношении. Жалуются на то, что многие комсомольцы забывают простейшие свои отцовские обязанности». Далее т. Васильева приводит примеры такого отношения к комсомолкам.

«Комсомолка М. сообщает о систематических издевательствах над ней ее мужа. Этот, с позволения сказать, гражданин нагло обманул ее так же, как и пятерых других женщин, прикинувшись холостым. Когда М. забеременела, он уклонился от уплаты алиментов, оставил ее на произвол судьбы и перекочевал к другой жене...»

Как правильно пишет т. Васильева, «случай с М. — не исключительный, не единичный». Судебно-прокурорским работникам, которым пришлось особенно решительно развернуть борьбу с этими преступлениями после издания закона 27 июня, хорошо известны эти случаи.

С этим надо вести борьбу терпеливо и повседневно; надо воспитывать молодежь не только в их отношениях на производстве, на учебе, но и в быту, надо выкорчевать позорные пережитки прошлого, приучить молодежь к чуткому и честному отношению друг к другу.

В этой борьбе немалую роль должны сыграть органы суда и прокуратуры, через которые проходят все наиболее серьезные случаи легкомысленного отношения к семье и семейным обязанностям, преступного отношения к женщине и детям. Каждое дело должно быть проведено таким образом, чтобы мобилизовать внимание трудящихся на борьбу с пережитками старого, за укрепление советской семьи.

Важнейшие законы последних лет — закон 31 мая 1935 г. о ликвидации детской беспризорности и безнадзорности, закон 27 июня 1936 г. о запрещении абортотворения и т. д. направлены к решительной и упорной борьбе с указанными пережитками и наследием прошлого, мешающими успешному ходу социалистическо-

го строительства в области быта и семейных отношений.

Намеченные законом 27 июня 1936 г. государственные мероприятия уже в первом году после издания закона сыграли огромную роль в интересах женщин и детей. По данным Наркомздрава пособия по многосемейности назначены свыше 300 тысяч матерей и для выплаты этих пособий отпущено 650 млн. руб. В 1937 г. бюджетные ассигнования на содержание родильных домов, яслей, консультаций, детских санаториев и на другие мероприятия этого типа превышают 2 млрд. руб. (против 1 млрд. 250 млн. в 1936 г.). На строительство родильных домов, детских яслей, молочных кухонь и т. п. правительством были отпущены огромные средства с тем, чтобы эти дома, ясли и т. д. были построены в точно указанные сроки, т. е. до 1 января 1937 г. Однако вследствие халатного, преступно-бюрократического отношения к делу со стороны органов здравоохранения постановление правительства не было выполнено в срок, и многие дома и ясли не достроены были до последнего времени. Тем не менее органы прокуратуры в большинстве случаев не вели борьбы с этими нарушениями закона 27 июня 1936 г. Поэтому в циркуляре прокурора Союза ССР от 14 апреля 1937 г. было предложено прокурорам на местах «привлечь к ответственности должностных лиц, по вине которых срывается выполнение плана строительства родильных домов».

Прошедшие несколько месяцев после издания указанного циркуляра Прокуратуры СССР показали, что борьба эта все еще ведется на местах явно недостаточно. Срыв строительства детских учреждений и родильных домов, в первую голову, угрожает серьезными последствиями для здоровья женщин и детей. А преступно относящиеся к выполнению закона 27 июня бюрократы из органов Наркомздрава нередко остаются безнаказанными вследствие бездействия прокуроров на местах.

Несмотря на многие серьезные недостатки при выполнении закона 27 июня 1936 г., первые очень существенные результаты его применения уже успели сказаться: из данных того же Наркомздрава видно, что во втором полугодии 1936 г. по сравнению с первым полугодием того же года количество абортотворений снизилось больше чем на 90%, рождаемость в 1937 г. сильно повысилась, в некоторых местах на 80—100% (см. статью заместителя Наркомздрава СССР Е. Кармановой в «Известиях ЦИК СССР» от 28 июня 1937 года).

С изданием закона 27 июня 1936 г. органы прокуратуры повели решительную борьбу с незаконными абортотворениями. Правда, в первые месяцы и даже в течение первого полугодия после издания закона весьма слабо выявлялись виновники производства абортотворений, вследствие неправильного производства расследования абортотворений принимались за самоабортотворения, и к ответственности привлекались лишь женщины, которые, не желая выдавать врачей, «бабок» и других лиц, производивших им аборт, заявляли врачам в больницах, куда их привозили в тяжелом состоянии, а также органам расследования, что аборт себе они сделали сами. На это обстоятельство обратил внимание прокурор Союза ССР в том же письме от 14 апреля 1937 г. прокурорам республик, краев и областей.

Цифры за первый квартал 1937 года показывают, что за это время (по данным 8 союзных республик, т. е. без Азербайджанской, Таджикской и Казахской ССР) направлено в суд 2184 дела о незаконных абортотворениях; по этим делам предано суду 2920 чел. Надо при этом указать, что расследование этих преступлений представляет немало трудностей и, несмотря на то, что количество дел, расследованных следователями, довольно высоко (56%), тем не менее число прекращенных производств дел остается значительным — 16% (а по УССР даже 22%, очевидно, потому, что число дел, расследованных милицией, составляет 57%).

По указанным выше 2184 делам (т. е. фактам незаконных абортотворений) предано суду:

1. Врачей и других лиц, привлеченных за производство абортотворений . . . . . 1 228 чел
2. Лиц, понуждавших женщин к совершению абортотворений 250
3. Беременных женщин, производивших аборт в нарушение закона 1 442

Таким образом, хотя в 1937 г. органы расследования стали лучше выявлять основных виновников нарушения закона 27 июня (всяких медицинских работников и «бабок», производящих подпольный аборт, а также мужчин, понуждающих беременных женщин производить абортотворения), количество привлеченных к уголовной ответственности за первые 4 месяца 1937 г. растет из месяца в месяц, однако, все еще имеет место тенденция упрощать работу следствия и привлекать к ответственности одних женщин, которым был произведен неудачный аборт. Мы говорим неудачный аборт потому, что в случаях производства удачного аборта, как правило, виновные не выявляются, ибо сами женщины упорно скрывают факт незаконного аборта, а медицинские учреждения мало содействуют органам следствия в раскрытии этих преступлений.

В некоторых краях и областях, как, например, в Горьковской области, сумели установить необходимую связь с медицинскими учреждениями и при их помощи своевременно выявлять и наказывать виновников незаконных абортотворений. Поэтому там (в Горьковской области) количество привлеченных к уголовной ответственности систематически растет; так, например:

За второе полугодие 1936 г. было привлечено 25 чел.
» первый квартал 1937 г. » 48
» апрель 1937 г. » 28

Такие же цифры имеются и в ряде других краев и областей.

Будучи доставляемы в больницы в тяжелом состоянии, женщины редко называют фамилии произведших им аборт, причем имеются случаи отказа назвать эти фамилии даже перед смертью. И это несмотря на то, что такие абортотворения обычно производятся за большую плату. Ясно отсюда, в какой мере затруднена бывает работа следствия по этим делам. Так, например, по делу Минской городской прокуратуры по обвинению врача Мангейм следователю Минаевой после длительной упорной и искусно проведенной работы удалось установить, что смерть гр-ки Кацнельсон наступила 24 апреля 1937 г. в результате неудачно произведенного ей 14 апреля аборта врачом Мангейм. Последняя, являвшаяся бывшей заведующей абортарием в Минской боль-

нице и имевшая в прошлом большую практику в этой области, категорически отрицала свою вину. Следователю удалось путем собирания косвенных улик, допроса ряда свидетелей притти к выводу, что аборт произвела Мангейм. Казалось бы, что производство ареста Мангейм до суда не вызывалось необходимостью, тем более, что она довольно убедительно говорила о своей непричастности к этому преступлению. Однако, Мангейм была арестована, и это содействовало раскрытию не только указанного факта незаконного аборта, в результате которого умерла Кацнельсон, но и другого случая производства также незаконного аборта за 250 руб., произведенного некоей Прохоровой. Мангейм в тюрьме вынуждена была постепенно сознаваться в этих своих преступлениях. Кроме Мангейм к уголовной ответственности привлечено лицо, с которым умершая имела связь (при наличии мужа) и по настоянию которого вынуждена была произвести аборт.

Прокуратура Горьковской области сообщает, что аборты делались преимущественно незамужним женщинам. Аборты производят во многих случаях «бабушки» и знахарки, кроме того санитарки, прачки и тому подобные работники медицинских учреждений. Многие женщины, которым они делают аборты, умирают в больницах. Так, например, прачка больницы Сталинского района (Горьковской области) Крючкова произвела аборт гр-ке Сахановой, которая от заражения крови умерла; ветеринарный фельдшер Марков (Залеский район) производил аборты путем впрыскивания йода. За период меньше года, по Горьковской области было семь абортов со смертельным исходом. По Куйбышевской области в г. Пензе санитарка психолечебницы Богданова устроила у себя на квартире абортарий и в течение года занималась производством абортов. В Мало-Кандагинском районе 74-летняя бабка Лазникова взялась сделать аборт одной девушке из соседнего района. Старуха начатый ею аборт до конца не довела и направила девушку к некоей Леонтьевой, которой и был сделан полный аборт, после чего девушка умерла. В Больше-Глушицком районе от аборта, произведенного бабушкой Родионовой, умерла Курочкина и т. д. Примеров возмутительных преступлений, совершаемых в отношении беременных женщин медицинскими и другими работниками, можно привести много. С этими преступлениями борьба велась судами и прокурорами путем применения указанных в законе мер наказания. Но, конечно, далеко не все эти преступления своевременно вскрываются нашими органами. Задача наша сейчас заключается в том, чтобы при помощи медицинских органов, при помощи групп содействия прокуратуре и по сигналам трудящихся вскрывать и наказывать всех нарушителей закона.

Собщения с мест показывают, что многие прокуроры не поняли важности борьбы с абортами, необходимости тщательным расследованием раскрывать эти преступления, выявлять подстрекателей путем организации публичных процессов над виновниками нарушения законов, мобилизовать внимание масс и создать обстановку, исключающую возможность нарушения закона 27 июня 1936 г. В некоторых местах бездеятельные прокуроры, когда даже

к ним самотеком попадает дело о производстве аборта, они своим постановлением смазывают значение такого дела. Так, например, из доклада прокурора Куйбышевской области видно следующее: в Городищенском районе учительница начальной школы Турдак произвела самоаборт. Районный прокурор Ольхин дело в уголовном порядке прекратил, а учительницу привлек к ответственности... в дисциплинарном порядке. В Николо-Черемшанском районе комсомолке Репиной был произведен аборт одной бабкой. Районный прокурор Сафонов дело в уголовном порядке прекратил в отношении бабки по мотиву преклонности ее возраста, а в отношении комсомолки вопрос передал на рассмотрение комсомольской организации. Факты подобного рода имеют место не только в работе районных прокуроров, но и в работе народных судов, выносящих неосновательные оправдательные приговоры по таким делам.

В связи с законом 27 июня 1936 г. следует особое внимание обратить на борьбу с детоубийством, ибо это преступление наступает во многих случаях тогда, когда замысел произвести аборт осуществить не удастся. Изучение дел о детоубийстве показывает, что основными причинами этих преступлений являются, как правильно указано в циркуляре прокурора СССР от 14 апреля 1937 г., «сопротивление враждебных делу социализма элементов мероприятиям партии и правительства по охране прав и интересов детей, нежелание иметь детей и платить алименты, угрозы и издевательства над матерью со стороны отца ребенка, рожденного от случайной связи, ложный стыд малокультурных матерей и тому подобные обстоятельства».

Запрещение абортов создает угрозу роста этих преступлений, поэтому борьбе с ними должно уделяться особенное внимание. Особенно важно и здесь выявление не физических убийц (это самое легкое дело; обычно это — матери, которые сами сознаются), а подстрекателей и пособников, мужчин, которые не желают нести ответственности за свои действия, бросая обманутых ими девушек.

Борьба со злостным неплатежом алиментов является самым слабым местом во всей работе органов милиции, прокуратуры и суда по реализации закона 27 июня 1936 г. Правда, с изданием закона, который существенно облегчил эту борьбу повышением уголовного наказания за неплатеж присужденных судом средств на содержание детей до 2 лет тюремного заключения с отнесением расходов по розыску уклоняющегося от платежа алиментов лица за его счет, значительно активизировалась и улучшилась работа указанных выше органов. Из месяца в месяц растет количество розысканных и привлеченных к ответственности злостных неплательщиков алиментов. Мы не имеем еще полных данных об этом по всему Союзу, но и те данные, которые имеются в нашем распоряжении, говорят о том, что громадная часть этих преступников, которые до издания закона 27 июня 1936 года разгуливали безнаказанно по городам и селам СССР, скрываясь от своих жен и детей, ныне понесли строгое наказание и платят уже алименты. По данным из тех же 8 союзных республик за I квартал 1937 г. на-

правлено в суд 8176 дел о злостных неплательщиках алиментов.

Из доклада прокурора Горьковской области видно, что с 27 июня 1936 г. по 1 апреля 1937 г. за неплатеж алиментов возбуждено 513 дел, в том числе:

за третий квартал 1936 г.	135 дел
» четвертый » 1936 »	175 »
» первый » 1937 »	223 »

Прокурор Куйбышевской области сообщил о том, что за второе полугодие 1935 г. передано было суду за уклонение от платежа алиментов 141 чел., за второе же полугодие 1936 г., т. е. после издания закона, — 271 чел., а за январь—апрель 1937 г. — 211 чел. Такие же данные имеются по другим областям и республикам.

Тем не менее тысячи злостных неплательщиков остаются еще не розысканными, и это создает тяжелые условия содержания и воспитания детей таких отцов, несмотря на то, что известную помощь оказывают им общественные и государственные органы. Причиной безнаказанности многих злостных неплательщиков алиментов попрежнему являются плохой розыск их органами милиции и, что особенно бросается в глаза, крайне скверная работа судебных исполнителей. Органы прокуратуры буквально заваливаются справедливыми жало-

вами тысяч алиментщиц на то, что судебные исполнители не высылают им взысканных денег, или неаккуратно (один раз в 3—6 месяцев) взыскивают и высылают деньги. Тупоумные и халатно относящиеся к своей работе судебные исполнители во многих местах не понимают того, что алименты нередко являются единственным источником существования детей, поэтому задержка высылки их (особенно из других городов) создает угрозу голодного существования детей, а народные судьи, в ведении которых состоят эти судебные исполнители, явно недостаточно руководят и контролируют их работу по столь важным взысканиям, как алиментные взыскания. В результате начинаются бесчисленные хождения алиментщиц по «разным инстанциям».

С этим явлением необходимо покончить. Надо заставить судебных исполнителей и органы милиции, розыскивающие злостных неплательщиков алиментов, точно и добросовестно выполнять закон 27 июня 1936 г. по всем без исключения делам.

Борьба за выполнение закона 27 июня 1936 г. является нашей повседневной обязанностью. Она будет борьбой длительной и упорной; она будет длиться до тех пор, пока не будет выкорчеваны пережитки капиталистического прошлого в нашем обществе.

Б. ШАВЕР

Методика расследования преступных аборт

Прошел год с того момента, когда постановлением ЦИК и СНК СССР¹ был принят одобренный народом Советского союза закон о запрещении аборт.

Реальное осуществление этого закона явилось ярким свидетельством великой сталинской заботы о людях, их здоровье, семье.

Значение этого закона, понятое советским народом уже в момент его обсуждения, еще больше выросло в глазах населения в процессе его реализации.

Подавляющее большинство населения не только соблюдает этот закон, но борется с его нарушителями. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что значительное число дел о преступных абортах начато по инициативе общественности.

По имеющимся у нас данным² дела возбуждены по инициативе:

Больниц и райздравотделов	42,3%
общественности	21,6%
органов расследования	19,4%
птерпевших	5,2%
прочих (родственников, домоуправлений и др.)	12,5%

Если сравнить эти данные с подобными же рода показателями по отдельным областям, то рост активности общественности в борьбе за закон от 27 июня 1936 г. становится еще более очевидным.

¹ 27 июня 1936 г.

² В настоящей статье использованы материалы прокуратур Ленинградской области, Московской области, Чечено-Ингушской АССР, Узбекской ССР, прокуратур г. Витебска, Саратовской области.

Из числа дел, прошедших через прокуратуру Ленинградской области за первое полугодие 1935 г., возбуждено по инициативе общественности 12,5% дел. За второе полугодие 1936 г. — 22,1%.

За второе полугодие 1935 г. по Саратовской области возбуждено по инициативе общественности 11,8% дел этой категории, за второе полугодие 1936 г. — 20,6%.

Но при всем этом было бы глубокой ошибкой полагать, что уже самый факт существования закона и его положительная прогрессивная роль, понятая громадным большинством населения нашей страны, могут сами по себе явиться факторами, исключающими производство незаконных, преступных аборт.

С появлением закона количество уголовных дел о преступных абортах значительно выросло. Это явилось следствием двух факторов: усилившейся борьбы с этого рода преступлениями и тем, что после того как производство аборт было запрещено (за исключением случаев, предусмотренных законом), часть аборт, ранее совершаемых легально, стали совершаться подпольно.

Аборт, после того как он был запрещен, когда производство его стало незаконным, превратился в дорогое оплачиваемое преступление, и среди отбросов общества нашлись темные личности, пошедшие на эту «легкую наживу», нашлись люди, готовые нарушать советский закон и калечить советскую женщину ради личных выгод.

Чем строже, чем серьезнее закон, тем изощреннее, тем тоньше маскировка преступников, нарушающих этот закон.

Это ярко можно проследить по делам о преступных абортах.

Сопротивление закону вызвало к жизни новые «абортивные» средства, новые способы абортов и новые способы их маскировки.

Так, например, наряду с лицами, совершающими подпольные аборты, появилась «профессия», которой не знала прежняя практика, так называемых «инструкторов» по абортам. Эти люди сами не делают аборты, но за определенную плату они дают советы о том, как произвести аборт и к каким средствам прибегать, чтобы прервать беременность.

Появились люди, составляющие подложные истории болезни, составляющие подложные анализы исследований, производимых в целях определения необходимости производства аборта.

И нужно признать, что не везде и не всегда работники следствия оказывались достаточно вооруженными для борьбы с этого рода преступлениями.

Во многих случаях «квалификация» преступников повышалась значительно быстрее квалификации следователей, ведущих борьбу с этого рода преступлениями. Следовательно не всегда оказывались способными разоблачить ухищренные методы маскировки «абортных дел мастеров».

Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что свыше 14% всех дел о тайном прерывании беременности, находящихся в производстве следственных органов, оказались не раскрытыми и были прекращены в процессе расследования за «необнаружением виновных».

Но и доведенные до конца дела в целом ряде случаев расследовались неудовлетворительно.

Все это требует того, чтобы серьезно заняться разработкой методики расследования преступных абортов.

По своему характеру все совершаемые в настоящий момент преступные аборты могут быть разбиты на следующие группы:

1. Производство незаконных абортов или производство таких действий, после которых наступает болезненное явление, неизбежно обуславливающее производство аборта (незаконченный аборт).

2. Совершение абортов в больничных условиях под видом оказания неотложной помощи путем составления подложного диагноза.

3. Инструктирование, как прервать беременность.

4. Самоаборт.

В самостоятельную группу должно быть выделено преступление, заключающееся в подведении к аборту, которое может и должно выявляться при расследовании каждого из указанных выше категорий дел.

Методика расследования каждой из этих категорий преступлений имеет много общего, но наряду с этим есть ряд особых методических и технических приемов расследования, которые могут применяться только при расследовании одной из этих групп преступлений.

Говоря об основных принципах расследования преступных абортов, необходимо иметь в виду следующее:

Успешное расследование дел этой категории, прежде всего, зависит от того, в какой степени точно следователю удастся установить время производства аборта и способы, которыми он был произведен.

Зная точно время производства аборта, следователю легче найти лиц, которые могут указать на виновников аборта. Зная способы производства аборта, предметы и средства, при помощи которых он произведен, следователь со значительно большим успехом будет действовать, отыскивая следы преступления, вещественные доказательства.

Одним из серьезнейших вопросов, которые приходится решать по большинству дел этого рода, является вопрос о том, имел ли место в данном случае аборт, или самоаборт; этот вопрос также может быть разрешен правильно только в том случае, если следователю будут точно известны время и способы производства аборта.

Решение этих основных вопросов происходит, как правило, при помощи судебно-медицинской экспертизы. Однако успех этой экспертизы, ее качество и эффективность в значительной степени зависят от того, в какой мере сам следователь вооружен необходимыми знаниями, позволяющими ему правильно ставить вопросы перед экспертом, контролировать полноту экспертизы, правильность и объективность ее.

Следователь должен знать, что преступное прерывание беременности может производиться двумя способами:

- 1) приемом различного рода внутренних средств;
- 2) механическим путем.

Совершение аборта механическим путем в большинстве случаев производится вставлением через маточный зев в полость матки «бужа», т. е. какого-нибудь тонкого твердого предмета.

Оставление на некоторое время такого рода предмета в матке приводит через несколько часов к схваткам, т. е. к стремлению матки освободиться от инородного предмета. Во время такого рода схваток плод обычно выделяется из полости матки.

Установив, что аборт произведен посредством «бужа», следователь должен принять меры к тому, чтобы найти предмет, служащий «бужом», и это будет одним из важнейших доказательств по делу о преступном аборте.

По характеру «бужа» зачастую можно определить, в какой степени лицо, производившее аборт, связано с медицинским миром или имеет медицинскую квалификацию.

Лица, не имеющие медицинской квалификации, в качестве «бужей» применяют палочки, проволоки, гвозди, стебли растений, гусятные перья, семена растений, укладываемых в специальный мешочек, и пр.

Лица, имеющие некоторые медицинские познания, как правило, применяют металлические «бужи», специально для этих целей приспособленные.

Следователю и врачу не всегда удается добиться признания лица, которому был сделан аборт, каким средством и каким способом он был совершен.

Следователь должен потребовать, чтобы путем изучения симптомов болезни, различного рода признаков заболевания был установлен способ производства аборта.

Приступая к допросу потерпевшей, следователь должен знать историю ее болезни, иметь представление о том, каким способом, при помощи каких средств был произведен аборт.

Наиболее трудно расследуемыми делами о преступных абортах являются такого рода дела, когда потерпевшая заявляет, что она аборт произвела сама, т. е. сделала самоаборт, когда она категорически отказывается указать на лицо, фактически производившее аборт.

При расследовании такого рода дел решающую роль играет то, в какой степени следователь может разобраться в том, могла ли потерпевшая совершить себе аборт тем способом, на который она ссылается, и соответствует ли этот способ тому характеру заболеваний, который имел место в данном случае.

Очень часто приходится встречаться с заявлениями женщин о том, что искусственное прерывание беременности было достигнуто ими путем введения в полость матки «бужа», причем они заявляют, что «буж» вводился ими собственноручно.

Опытный следователь, элементарно знакомый с анатомией, с ходом процесса беременности, легко может разоблачить такого рода заявления, в большинстве случаев являющиеся ложными.

Лишь в исключительно редких случаях женщина собственноручно может ввести себе «буж». Это может иметь место только в том случае, когда женщина имеет в этом известный опыт и если она при этом неоднократно рожала.

Сопоставляя показания потерпевшей с фактической возможностью произвести данным способом аборт, умело допрашивая ее, следователь может добиться признания и указания лиц, действительно производивших аборт.

Так, например, по одному из дел, расследуемых в г. Москве, выслушав объяснение женщины, производившей аборт, о том, что он был произведен ею собственноручно путем введения «бужа», следователь, убедительно доказав ей о невозможности таким способом (на какой она указывала) произвести эту операцию, добился признания и выявил лицо, которое производило аборт.

В другом случае следователь добился признания, доказав допрашиваемой, что описываемый ею способ аборта не соответствует тем признакам заболевания, которым она подверглась в результате его производства.

Гр-ка К. поступила в больницу г. Ленинграда с явными признаками отравления. По заключению врачей обильные кровотечения, имевшие место у гр-ки К., явились следствием выкидыша, вызванного принятием отравляющего вещества.

К. заверяла, что она сама произвела себе аборт путем введения «бужа». Сопоставив признаки заболевания с описанием аборта, даваемым К., следователь сумел ей доказать полную абсурдность ее версий, и она изменила свое показание, признав, что по указанию фельдшера больницы М. она приняла марганцевокислый калий.

Имея в виду, что следователь не всегда и в достаточной степени обладает необходимыми знаниями, для того чтобы судить о том, насколько правильны показания потерпевшей в части описания способов и средств производства аборта, насколько они соответствуют фактической картине болезненных явлений, наступающих в результате аборта, целесообразно, чтобы следователь всегда привлекал к участию в допросах эксперта-врача.

Нужно отказаться от вредной, ничем неоправдываемой практики, которая существует в настоящий момент в части пользования экспертизой в процессе расследования. Эта вредная практика заключается в том, что эксперт используется только для получения заключения, причем эксперт работает сам по себе, следователь сам по себе. Как этого требует наш закон¹, направленный на улучшение качества расследования, и как это вызывается практической необходимостью, — прибегать к экспертизе во всех стадиях расследования и именно тогда, когда для лучшего проведения того или иного следственного действия необходимы знания, которыми не обладает следователь.

В частности, необходимо широко прибегать к помощи эксперта при допросах по таким вопросам, которые требуют специальных знаний. Это чрезвычайно полезно при допросах лиц, искусственно прервавших беременность.

Участие в допросах специалиста может дать совершенно иное направление расследованию и поможет следователю вскрыть противоречия, неправильности в показаниях, добиться правильных ответов, способствующих раскрытию истины.

Следователь всегда должен стремиться к тому, чтобы по возможности точно выяснить средство, которым воспользовались для того, чтобы прервать беременность, и повреждения, которые явились следствием применения механических средств.

К механическим же средствам аборта нужно отнести различного рода ванны, выдавливание плода и пр.

Последний, казалось бы, совершенно дикий способ аборта находит себе применение в некоторых пор.

Из 12 дел, прошедших через Чечено-Ингушскую прокуратуру, по двум делам аборт произведен путем выдавливания плода.

Из 43 дел Саратовской области по двум аборт также был произведен путем выдавливания плода.

При расследовании дел о преступных абортах должен тщательно производиться судебно-медицинский осмотр лица, искусственно прервавшего беременность, с тем, чтобы обнаружить следы повреждений, вызванных производством аборта.

Нужно отметить, что очень часто женщины искусственно прервавшие беременность, ссылаются на то, что причиной этого явления является случайно полученная ими травма.

Такого рода заявления очень редко соответствуют действительности и должны быть проверены следователем.

Матка обычно прекрасно противостоит давлению внешнего воздействия. Практика знает много случаев, когда очень сильное давление и даже ранения, проникающие в матку, не вызывали выкидыша. Поэтому при судебно-медицинском осмотре лица, прервавшего беременность, нужно обращать внимание на характер повреждений и ставить вопрос перед специалистами о том, могло ли данное повреждение повлечь за собой прерывание беременности. Следователи зачастую допускают ошибки в этом вопросе. Найдя внешние признаки

¹ Ст. 63 УПК РСФСР.

наки повреждения и имея заявление осматриваемой о том, что аборт явился следствием полученной ею травмы, они зачастую безоговорочно верят ей, а признаки повреждения выдаются за бесспорное доказательство того, что аборт явился именно следствием травматического повреждения. Между тем на практике встречаются и такие случаи, когда, для того чтобы замаскировать действительные причины аборта, наносятся травматические повреждения, оставляющие следы на теле женщины, прервавшей беременность.

Так, например, при расследовании дела гр-ки Н., проживающей в г. Балашове Саратовской области, удалось установить, что аборт произведен ей знахаркой Ивлевой, причем аборт произведен путем введения «бужа». Чтобы скрыть следы преступления и направить следствие по ложному пути, потерпевшей путем ударов деревянной ложкой по телу был нанесен ряд повреждений, которые оставили следы в виде синяков. Обратившись в больницу, гр-ка Н. заявила, что аборт явился следствием того, что она упала, и в качестве доказательства указала на имевшиеся на ее теле синяки.

Следователь должен требовать, чтобы судебно-медицинский осмотр потерпевшей от аборта не прекращался после того, как будет обнаружен один из признаков, объясняющий причины аборта, как бы ни казалось на первый взгляд очевидным, что именно этот признак дает исчерпывающее объяснение о действительных причинах аборта. Осмотр должен быть полным, несмотря на кажущуюся очевидность причин аборта. Нередко ошибки происходят именно из того, что благодаря неполному осмотру, недостаточно тщательно исследованию причин аборта первая попавшаяся, наиболее бросающаяся в глаза причина выдается за действительную причину аборта.

Нередки такие случаи, когда после первой неудавшейся попытки аборта лицо, решившее прервать беременность, применяет другие новые средства. Для того чтобы успешно расследовать преступление, необходимо вскрыть все последствия и следы тех действий, которые проводились в целях прервать беременность.

Наряду с механическими средствами, как мы уже указывали выше, для производства аборта применяются так называемые внутренние средства.

В качестве внутренних средств, принимаемых для того чтобы прервать беременность, употребляются различного рода вещества, вызывающие отравление организма женщины, а вместе с тем и отравление плода, который затем как инородное тело выделяется из полости матки.

Существует ошибочное мнение о том, что есть какие-то специальные «абортивные средства». На самом деле таких средств нет. Любое вещество, способное отравить организм, а через него и плод, может быть использовано как средство для искусственного прерывания беременности. Нужно иметь в виду, что применение любого «внутреннего» abortного средства неизбежно сопровождается отравлением организма и поэтому при расследовании дел, по которым имеется подозрение об употреблении этих средств, для следователя чрез-

вычайно важно установить и записать со слов свидетелей и потерпевшей картину болезненных явлений, предшествовавшую наступлению аборта и сопровождавшую его. Это может привести к установлению характера принятого вещества и к раскрытию истины.

Установив, какое «средство» принималось для того, чтобы прервать беременность, следователь должен стремиться найти это «средство» у заподозренных в преступлении, найти посуду, в которой оно могло храниться, и проч.

Практика знает много случаев, когда именно таким образом раскрывались преступления.

При расследовании дела о производстве аборта гр-ке З. следователь г. Витебска установил, что аборт произведен был посредством приема внутрь шпанских мушек.

Выявив через свидетелей, что гр-ка З. ходила в день производства аборта к гр-ке М., следователь, собрав о ней необходимые данные, заподозрил ее в том, что она занимается производством абортов, сделал у М. обыск и обнаружил значительное количество шпанских мушек. Подозреваемая созналась в том, что производила аборты.

За последнее время, как об этом свидетельствует практика расследования дел о преступных абортах, наиболее частыми являются такого рода случаи, когда лицо, занимавшееся производством абортов, не доводит дело до конца, а только принимает те меры, которые обуславливают производство аборта, т. е. производит так называемый незаконченный аборт.

Расследование этого рода преступлений осложняется тем, что в данном случае чрезвычайно трудно отличить случайную причину, могущую вызвать прерывание беременности, от умышленно проведенных в этих целях действий.

Женщина с обильными кровотечениями является в больницу и заявляет, что нуждается в неотложной помощи, так как она начала делать себе аборт, но, не зная как это сделать, не сумела его довести до конца, или больная заявляет, что заболевания начались помимо ее воли от травмы, и пр. Аборт заканчивается в больнице, виновники его зачастую остаются нераскрытыми.

Когда для врача совершенно ясно, что в данном случае имел место криминальный случай, он обычно сообщает об этом в прокуратуру. Однако расследование такого рода дел, как правило, заканчивается их прекращением. Одной из основных причин этого является то, что следователь не обеспечивает получение точного и тщательно выверенного анализа заболевания, не устанавливает действительных причин начала аборта. Это обстоятельство может быть установлено как путем судебно-медицинской экспертизы, так и путем допроса лиц, наблюдавших за потерпевшей, лиц с нею связанных. Допрос самой потерпевшей, производимый в соответствии с указанными выше принципами, здесь также имеет решающее значение.

Как мы уже указывали выше, за последнее время появился новый вид преступных абортов, совершаемых в больничных условиях под видом оказания помощи, или путем составления подложного диагноза.

Так, в одной из больниц систематически производились аборт лицам, которые по закону на это не имели права, причем делалось это путем выдачи им фиктивных справок о результатах анализа.

Основным организатором этого преступления являлась больничная сестра, на обязанности которой лежало получать от лиц, подвергающихся исследованию, необходимые для анализа вещества.

Зная лиц, которые действительно страдали болезнями, при наличии которых аборт является обязательным, эта сестра договорилась с ними о том, что они будут давать ей все необходимое для анализа вместо тех лиц, которые исследуются. За это она делила с ними плату, которую получала за добытый таким образом анализ.

В иных случаях имели место такие факты, когда врачи за взятки выдавали неверные справки о состоянии здоровья лица, просящего разрешить аборт.

В тех случаях, когда у следователя возникает мысль, что аборт произведен незаконно, что заключение о состоянии здоровья лица, которому был разрешен аборт, является неверным, он должен назначить экспертизу, которая должна установить фактическое состояние здоровья этого лица, и, в частности, провести повторные, если это необходимо, анализы.

Точно так же новым видом преступного совершения аборта является так называемое «инструктирование», как производить аборт.

Не решаясь производить аборт, боясь быть разоблаченным, преступник берет на себя роль функции инструктора тех, кто решил прервать беременность, т. е. дает «советы». Сложность расследования этого преступления заключается в том, что оно не оставляет материальных следов, изобличающих такого рода «инструктора».

Однако наряду с применением обычных приемов расследования опытный инициативный следователь и при расследовании такого рода дел может, исходя из конкретных обстоятельств каждого такого дела, найти ряд способов для его раскрытия.

Так, например, один из следователей Саратовской области применил следующий способ, приведший к раскрытию такого «инструктора» по абортам.

В одну из больниц г. Саратова почти одновременно поступило шесть женщин с обильным кровотечением, вызванным введением металлического «бужа».

Все эти больные категорически отрицали факт производства им аборта посторонним лицом и утверждали, что аборт произведен ими собственноручно. Способ, которым ими вводился «буж», был совершенно одинаков, у трех из них «буж» был обнаружен на квартире. «Бужи» оказались не только одинаковыми, но и были купленными в одном и том же магазине, торгующем медицинскими инструментами. Это убедило следователя в том, что источник всех этих абортов один и тот же; вместе с тем следователь пришел к твер-

дому убеждению, что аборт произведен потерпевшими собственноручно. Это позволило сделать следователю вывод о том, что все шесть женщин, прервавших аборт, были инструктированы одним и тем же лицом, указавшим им, где приобрести предмет, могущий служить «бужом».

Установив адреса всех их, а также выявив всех их знакомых, следователь попытался установить те нити, которые связывают этих женщин, из которых две были знакомы между собой. Найдя, наконец, общих знакомых всех этих женщин и установив таким образом цепочку, через которую они связывались друг с другом, следователь установил тех лиц, которые, по его мнению, могли рекомендовать «инструктора» по абортам. Путем допроса этих лиц следователь установил, что двое из них знакомы с врачом-гинекологом З.

Дальнейшим расследованием следователь установил, что именно З. являлся лицом, инструктировавшим их, как производить аборт.

Производство аборта сейчас дорого оплачивается. Это обстоятельство не может быть упущено следователем. Проследив движение сумм, находящихся в распоряжении лица, заподозренного в искусственном прерывании беременности, следователь нередко может этим путем раскрыть преступление.

Так, например, расследуя дело о преступном аборте, совершенном гр-кой Ф., следователь узнал, что на сберкнижке у последней хранилось 1200 руб. Он проверил, не получала ли она в день производства аборта денег из сберкассы. Проверив это обстоятельство, следователь выяснил, что как раз в день аборта гр-ка Ф. получила из сберкассы 1000 руб. Когда при допросе гр-ки Ф. следователь поставил перед ней вопрос о том, куда она израсходовала 1000 руб. и почему именно в день аборта эти деньги ею были получены, Ф. будучи не в состоянии объяснить, куда израсходованы деньги и почему это было сделано: именно в день аборта, призналась, что она уплатила 1000 руб. за аборт врачу Н.

Анализ движения сумм у лиц, заподозренных в понуждении к аборту, также может помочь следователю уличить их в этом преступлении.

Узнав, что лицо, заподозренное в понуждении женщины к аборту, несколько дней перед абортом или в день аборта получило и передало значительную сумму денег, следователь может использовать это как одну из улики для разоблачения соучастия в организации абортов.

Сейчас совершенно очевидно, что серьезная ошибка, допускаемая при расследовании дел о незаконном производстве абортов, заключается в том, что при обысках ищут только предметы и средства, посредством которых производились аборт, но не ищут следов этих абортов.

При известных условиях аборт сопровождается обильным кровотечением и, найдя следы крови в помещении, где производился аборт, следователь может раскрыть преступление. Это значит, что нужно не только про-

изводить обыск, но и производить тщательный осмотр места предполагаемого аборта.

Наиболее серьезным вопросом, который приходится решать следователю при расследовании дел о незаконных абортах, является вопрос о том, не имело ли место в данном случае самопроизвольное прерывание беременности, т. е. прерывание беременности, произошедшее помимо воли беременной.

Очень часто лица, заподозренные в производстве аборта, ссылаются на то, что прерывание беременности у них произошло самопроизвольно. Решать вопрос о том, прервана ли беременность искусственно или прерывание беременности произошло самопроизвольно, следователь должен через судебно-медицинских экспертов.

Однако следователь должен знать, что хотя самопроизвольное прерывание беременности и имеет место, но вызывается оно определенными заболеваниями (уродство матки, различного рода опухоли, инфекционные заболевания, люэс и пр.). Следователь должен потребовать, чтобы точно были установлены те заболевания, которые привели к самопроизвольному аборту.

Согласно закону от 27 июня 1936 г. понуждение женщин к производству аборта является уголовно-наказуемым деянием и влечет в качестве наказания тюремное заключение до 2 лет.

Наиболее слабым местом в расследовании дел о преступных абортах является именно то обстоятельство, что следователи не выявляют фактов понуждения к производству аборт, а между тем установление этого момента по каждому из расследуемых дел является обязательным.

Нельзя забывать, что в нашей стране женщина находится в таком положении, когда у нее нет тех стимулов к совершению аборта,

которые имеются у женщины в капиталистической стране. У нас женщина в редких случаях идет на аборт по собственному желанию, зачастую к аборту ее вынуждают лица, желающие освободиться от связи с нею или от забот о будущем ребенке.

Следователь должен выявить действительные причины, толкнувшие женщину на аборт, и, если имело место понуждение к аборту, выявить виновных в этом лиц.

Установление этих обстоятельств требует большого такта и умения подойти к людям.

Искусство допроса по делам о незаконных абортах имеет особое значение, и здесь ко всем требованиям, обычно предъявляемым при проведении допроса, необходимо прибавить еще требование особой чуткости и тактичности. Умение понять настроение допрашиваемой, умение не только допрашивать ее, но и объяснять ей, почему она должна сказать правду, является составным элементом искусства допроса в данном случае.

Грубой ошибкой при расследовании дел данной категории, допускаемой следователями, является то, что они не видят разницы между женщиной, произведшей аборт, допрос которой они производят, и между обычным свидетелем или обвиняемым.

Производя аборт, женщина получает не только физическую, но, зачастую, и нравственную травму, и правильно разговаривать с ней — это значит подойти к истине, найти пути к раскрытию ее.

Таковы основные, далеко не исчерпывающие методические принципы, которые необходимо соблюдать при расследовании дел о преступных абортах.

Овладеть методикой и техникой расследования этих дел — это значит овладеть оружием в борьбе за проведение одного из величайших законов нашей эпохи.

М. АВДЕЕВА

Детоубийство

Под детоубийством в тесном смысле понимается убийство матерью своего новорожденного ребенка. Оно выделяется из ряда других видов лишения жизни в силу особенных качеств субъекта и объекта.

В качестве субъекта детоубийства большинство законодательств знает только мать ребенка. Объектом детоубийства признается живой новорожденный ребенок, а некоторые законодательства требуют при этом, чтобы ребенок был внебрачным (бельгийский уголовный кодекс, германское уголовное уложение).

1. Детоубийство в капиталистических странах является результатом тяжелого материального положения женщины в классовом обществе, ее бесправности, результатом отношения того общества к внебрачной беременности.

Детоубийство в СССР — исторически унаследованный пережиток капитализма, который изживается, но изживается не сразу, поскольку

ему переделка сознания отстает от гигантских темпов перестройки экономики.

«Первое классовое противоречие, появляющееся в истории, совпадает с развитием антагонизма мужа и жены в индивидуальном браке, а первое классовое угнетение — с порабощением женского пола мужским», — говорит Энгельс¹. Эти слова одного из основоположников марксизма являются путеводной нитью при анализе положения женщины в капиталистическом обществе.

В историю женщина вошла рабой мужчины. Сквозь всю историю культуры классового общества красной нитью проходит отношение к женщине как к существу низшего порядка, неспособному на равное с мужчиной интеллектуальное развитие.

¹ Энгельс. «Происхождение семьи, частной собственности и государства», 1932, стр. 65.

Это положение «научно» обосновалось, и умственное развитие женщины искусственно задерживалось. Бесправное, униженное положение женщины в капиталистическом обществе отягчено в эксплуатируемом классе тем, что она при растущей безработице является мужчине конкурентом, понижающим зарплату.

В обществе эксплуататоров даже в господствующих классах положение женщины тоже бесправное и униженное и если, с одной стороны, она все же располагает большими материальными возможностями, то с другой, — она унижена под видимостью фальшивого «уважения». «Современная индивидуальная семья основана на явном или замаскированном домашнем рабстве женщины... «Муж в настоящее время должен быть в большинстве случаев добытчиком, кормильцем семьи, по крайней мере, у имущих классов, и это дает ему господствующее положение, для которого излишни какие-либо юридические привилегии. Он в семье занимает место буржуа, а жена представляет пролетариат». Так рисует Энгельс положение женщин в капиталистическом обществе¹.

Перед женщиной в капиталистическом обществе все больше суживаются возможности получения образования и участия в общественном производственном труде. Все силы женщины эксплуатируемых классов уходят на борьбу за возможность заработать кусок хлеба, и ей часто не до ребенка. Силы женщины класса эксплуататоров уходят преимущественно в сторону сексуальную. Чтобы выполнить предназначенную ей роль «орудия наслаждения», она вынуждена специфически заботиться о своем теле, и ей тоже не до ребенка. Отсюда система одного-двух детей в «законных» семьях, предупредительные меры, аборт, уменьшение рождаемости. При рождении «внебрачного» ребенка женщины и эксплуатируемого класса и класса эксплуататоров имеют в своей судьбе нечто общее: рождение внебрачного ребенка подвергает мать общественному осуждению, позорно изолирует ее от других женщин, трезит изгнанием из семьи, потерей работы.

Женщины «скованы по рукам и ногам» насквозь фальшивым и безгранично жестоким отношением буржуазного общества к «внебрачному» ребенку, отсюда пресловутый мотив детоубийства — «сокрытие позора».

Для женщины эксплуатируемого класса вопрос с «позором» стоит менее остро, но перед ней встает другой мотив — нужда, так как наличие «внебрачного» ребенка именно ей ставит лишнюю преграду к возможности получить работу.

Выход: или полный аборт с неременной расплатой здоровьем, а иногда и жизнью, или детоубийство.

Женщина класса эксплуататоров гораздо реже прибегает к детоубийству: ей доступен аборт в гигиенических условиях, к ее услугам «убежища для секретных беременных», где, кстати, принимают новорожденных «на воспитание». Эти убежища, иначе «фабрики ангелов», являются по существу местом массовых

детоубийств: так высока в них детская смертность. Но дела там обделываются тонко и до суда доходят редко (несколько сенсационных процессов по таким делам все же было и в Западной Европе и в дореволюционной России).

Мать, оставляющая ребенка в «секретном убежище», конечно, сознает легкость превращения ребенка в «ангела», т. е., по существу говоря, является соучастницей замаскированного детоубийства, но она в лучшем положении, чем явная детоубийца, и попадает под суд лишь в исключительных случаях.

В любой стране детоубийца в подавляющем большинстве случаев — это молодая женщина «вне брака», в тяжелом материальном положении, крестьянка или прислуга. В 95 случаях из 100 ребенок убивается «по нужде» и «из стыда». Однообразны и «способы» детоубийства: если этот способ «бездействие» — это значит отсутствие необходимых забот и ухода (неперевязанная туповина, оставление без пищи, холодная температура и т. п.); если же это — «действие», то, главным образом, удушение, как наиболее удобоисполнимое и оставляющее мало внешних следов насилия, затем утопление, отравление и т. д. Иногда встречаются исключительно жестокие способы, например, закапывание живым в землю. Как правило, детоубийство совершается: матерью без соучастников, а другими лицами — в соучастии. Рецидив среди детоубийц ничтожен. Статистика обнаружения детских трупилов свидетельствует о том, что детоубийств фактически много больше, чем об этом можно судить по статистике осужденных за детоубийства. Дошедшие до суда детоубийства чрезвычайно устойчивы и имеют тенденцию к росту.

Манфред Шварц в своей работе «Wechselnde Beurteilung von Strafraten in Kultur und Recht» («Различные суждения о преступлении» в культуре и праве»), *Kindestötung*, изд. 1935 г. видит возможность сокращения числа детоубийств только в противозачаточных средствах и абортах.

Приводимые ниже официальные статистические данные не единообразны ни по форме, ни по содержанию, благодаря различию законодательств и методов собирания и обработки статистических материалов в разных странах. Нельзя поэтому говорить о методологически правильном сравнении движения детоубийств в разных странах; можно только выявить основные закономерности этого движения и его общую тенденцию. Эта тенденция и в настоящее время та же самая, о которой давно говорил проф. Таганцев¹ (См. табл. на след. странице).

Литература по вопросу о детоубийстве содержит богатый материал для глубокого изучения, но все выводы исследователей о «причинах» детоубийств скользят вокруг и около, не задевая самой сути дела. Отсюда и предлагаемые меры борьбы не больше как «паллиативы». Суть же дела в самой структуре классового общества, в раздирающих его противоречиях, в бесправном положении женщины при капиталистическом строе.

II. Как же капиталистическое общество борется с детоубийством? Детоубийство долгое

¹ Энгельс. «Происхождение семьи, частной собственности и государства», 1932 г., стр. 73—74.

¹ Таганцев. О детоубийстве, стр. 15.

Возрастание числа детоубийств

Германия	1919 г.	1925 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.
Число осужденных	100,0	174,5	117,3	102,0	107,1	108,2
Италия				1932 г.	1933 г.	1934 г.
Донесения о детоубийствах				100,0	107,3	103,0
Польша		1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	
Число дел о детоубийствах		100,0	99,4	115,3	107,8	
Япония	1925 г.	1926 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.	
Число осужденных в судах 1 инстанции	100,0	117,1	94,6	78,4	120,7	
Англия	1924 г.	1925 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	
Число дел в производстве милиции	100,0	178,6	114,3	178,6	164,3	
Число обвиняемых в судах присяжных, четвертных сессиях и судах упрощенного судопроизводства (по делам, требующим обвинительного акта)	100,0	218,2	136,4	181,8	145,5	
Число осужденных судом присяжных и четвертными сессиями	100,0	200,0	111,1	133,3	133,3	
Венгрия		1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.	
Число осужденных окружными судами		100,0	110,0	85,0	116,7	
Финляндия	1928 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.	
Число осужденных за детоубийство	100,0	130,4	107,1	96,4	139,3	
Швеция	1926 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.	
Число осужденных	100,0	152,6	178,9	178,9	189,5	

время не вызывало ни нравственного, ни юридического осуждения. У многих древних народов детоубийство было обычно. Оно было естественным проявлением неограниченной родительской власти и совершалось, прежде всего, в силу экономических соображений: убивали детей уродливых и слабых, убивали детей женского пола. Некоторые кочевые племена убивали детей, родившихся в пути, чтобы не отягчать условий походной жизни. Египтяне убивали лишних детей; убивали близнецов, усматривая в рождении их неверность жены. В Померании до введения христианства отец обязан был убить лишнюю дочь, чтобы расходы на ее содержание не уменьшали наследства сыновей. В древнем Риме закон разрешал главе семьи продать ребенка, сделать своим невольником или умертвить. На место главы семьи становилась иногда сама государственная власть. В древней Спарте поворожденные подвергались осмотру выделенных лиц, и слабые дети сбрасывались с Фивейской скалы в море. У древних греков при Ликурге вопрос о жизни и смерти новорожденного решали старейшие члены трибы. Величайшие философские умы древней Греции Аристотель и Платон не только не считали детоубийство преступным, но в некоторых случаях считали его необходимым. Платон в своем идеальном государстве допускал убийство детей, зачатых вне закона или женщиной старше 40 лет. Аристотель считал необходимым убийство слабых и уродливых детей в целях сохранения равновесия между населением страны и количеством средств в ней для пропитания. Допускали детоубийство Цицерон, Сенека, Тацит, Плутарх и

другие. Позже государство принимает меры к ограничению права родителя над жизнью ребенка. В Риме Ромул издал закон, вошедший потом в XII таблиц и разрешавший убийство ребенка только до 3 лет, причем 5 соседей должны были удостоверить, что ребенок слаб или уродлив. Недозволенное детоубийство каралось как простое до Константина Великого, который в 319 г. отнес убийство родителями их детей к квалифицированному убийству, каемому квалифицированной смертной казнью по Lex Pompeia de parricidiis посредством утопления в мешке вместе с петухом, кошкой, змеей и обезьяной. В 374 г. Валентиниан, Валент и Грациан подтвердили применение этого наказания к родителям за убийство их детей, придав запрету детоубийства характер безусловного.

В дальнейшем законодательные постановления о детоубийстве определяются отношением к нему церкви. По мере проникновения христианства в древне-римскую культуру в ребенке начинали видеть человека, обладающего душой. Убийство некрещенного ребенка лишало его не только жизни, но и «благодати крещения», т. е. навсегда отлучало его от общения с богом. Кроме того каноническое право выделяет умерщвление незаконнорожденного новорожденного ребенка его матерью как квалифицированное лишение жизни.

Взгляды канонического права быстро усвоились и светским законодательством. Христианские кодексы эпохи господства церкви (средние века и вплоть до конца XVIII века) относятся детоубийство к самым тяжким преступлениям.

Так, в **Германии** бамбергское уголовное уложение 1507 г. допускало пытку при допросах по делам о детоубийстве. Оно назначает за детоубийство смертную казнь, допуская лишь замену более тяжкого способа казни менее тяжким. Обычаем было принято погребение детоубийц живыми и пробитие колом. Бамбергское же уложение, принимая во внимание «отчаяние, в которое повергает это наказание осужденных», допускает замену этого способа утоплением, если в месте суда имелось достаточное количество воды и если детоубийства не часты. В местах, где детоубийства совершались часто, в случае применения утопления ему должно было предшествовать предварительное рванье тела раскаленными щипцами, «чтобы внушить более страху этим злодейкам».

Постановления бамбергского уложения почти целиком заимствованы уголовным уложением Карла V 1532 г. (Carolina).

Во **Франции** эдикт Генриха II 1556 г., просуществовавший до издания уголовного кодекса 1791 г., имел в виду главным образом убийство **внебрачных** детей. «Всякая женщина,— гласит эдикт,— которая будет достаточно уличена в том, что скрыла как свою беременность, так и роды, не заявив ни о том, ни о другом, не запасшись достаточными свидетелями о том и другом, ни относительно смерти, ни относительно жизни ее ребенка в момент его выхода из ее живота, должна считаться его убийцей, если будет найдено, что ребенок был лишен как таинства крещения, так и публичного погребения» (Traité de la Justice criminelle de France par Jousse lvt., 15 руб.).

Наказанием была смертная казнь способом, «который находился бы в соответствии с особенностями и тяжестью данного случая». Королевский указ 1708 г. предписывал священникам оглашать означенный эдикт в храмах раз в три месяца.

В древней **России** детоубийство считалось дозволенным. Карамзин в «История государства российского»¹ говорит, что «всякая мать имела у них (языческих славян) право умертвить новорожденную дочь, когда семейство было уже слишком многочисленно, но обязывалась хранить жизнь сына, рожденного служить отечеству».

Также и в **России** взгляды канонического права повлияли на светское законодательство. Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 г. резко различает детоубийство, совершенное «законными» родителями и «внебрачной» матерью. Статья 3 главы XXII означенного уложения гласит: «А буде отец или мать сына или дочь убьет до смерти, и их за то посадить в тюрьму на год, а отсидев в тюрьме год, привести им в церкви божии обоявлять свой грех людям вслух; а смертью отца и матери за сына и за дочь не казнить». Статья же 26 главы XXII того же уложения гласит следующее: «А буде которая жена учнет жити блудно и скверно, и в блуде приживет с кем детей, и тех детей сама или иной кто по ее велению погубит, а сынца про то допряма, и таких беззаконных жен, и кто по ее велению детей ее погубит, казнить смертию безо всякие пощады, чтоб на то смотря иные такова беззаконного и скверного

дела не делали, и от блуда унялися». Способом смертной казни уложение не определяет.

Строгое отношение к детоубийству начинает подвергаться сильной критике в период буржуазных революций. Мыслители XVIII века в противовес соображениям о том, что детоубийца нарушила законы нравственности и лишила ребенка «благодати крещения», выдвинули на первый план мотивы детоубийства: детоубийца, — говорили они, — в большинстве жертва соблазна, а иногда и грубого насилия, стремящаяся своим преступлением избежать грозящего позора. Смертная казнь поэтому является жестокой несправедливостью. Надо прежде уничтожить причины детоубийства, а затем уже карать детоубийц. Достижения медицины XVIII—XIX вв. выдвигают еще одно новое обстоятельство в пользу снисходительного отношения к детоубийству: роды могут произвестись в нервной системе роженицы потрясением, настолько сильным, что она может лишиться способности отдавать себе отчет в своих действиях, особенно если это первые роды и при неблагоприятных условиях. Против применения смертной казни к детоубийцам протестовали Беккария, Бентам, Бриссо-де Варвиль и другие.

Эти взгляды сказались на законодательстве: детоубийство начинает рассматриваться уже не как квалифицированный, а, наоборот, как привилегированный вид убийства. Но общественное мнение опережает законодательство, и в значительном большинстве случаев суд начинает оправдывать детоубийц, чтобы не посылать их на эшафот. Законодательства вначале смягчают лишь способы смертной казни. **Баварский** кодекс 1756 г. за убийство матерью новорожденного ребенка из страха или стыда назначает смертную казнь отсечением головы с предварительным рваньем тела раскаленными щипцами. По **Терезиане** 1768 г. убийство матерью внебрачного ребенка при его рождении влекло за собой наказания менее мучительные, чем за убийство родителями их законных детей. Если детоубийство совершалось «действием» (Thathandlung), мать наказывалась отсечением головы, а в сердце трупа вбивался кол. Если же это было упущение (blosse Unterlassung), то применялось только отсечение головы. Смертная казнь отменялась, если убитый ребенок был не крещен или был убит с особой жестокостью или если осужденная и раньше совершала детоубийства. **Швеция** в 1778 г. первая отменила смертную казнь за детоубийство при решительном противодействии духовенства. В дальнейшем законодательства буржуазных стран по тем или иным основаниям квалифицируют детоубийство как преступление привилегированное.

В **Англии** статут Якова I приравнивал к убийству сокрытие матерью трупа незаконно рожденного ребенка. Проект английского уложения 1880 г. отнес детоубийство к привилегированным видам убийства, выдвигая как основание для уменьшения ответственности «частичную утрату свободы воли под влиянием физических и психических мук». Проект не получил силы закона.

Германские партикулярные кодексы XIX века признавали детоубийство привилегированным убийством, но одни из них (баденский, вюртембергский, гессенский, ольденбургский, прусский, саксонский, тюрингский) допускают

¹ Том I, 1818 г., стр. 62.

смягчение ответственности лишь в случае убийства матерью **незаконнорожденного** ребенка, придавая главное значение мотивам стыда и страха, а другие (баварский, брауншвейгский) понижают ответственность за всякое детоубийство матерью **тотчас после родов**.

В Италии сардинское уложение назначало за детоубийство смертную казнь, но допускало смягчение наказания при убийстве матерью ее **внебрачного** ребенка. Закон 1861 г. внес в уложение два изменения: 1) смягчение наказания допускалось лишь при наличии мотива спасения чести при внебрачных родах и 2) это смягчение допускалось не только по отношению к матери, а и к другому лицу. Тосканский кодекс также предусматривал смягчение наказания при убийстве матерью ее внебрачного ребенка.

Французский кодекс 1791 г. отменил эдикт 1556 г., отнеся детоубийство к обычному убийству. Code pénal 1810 г. ввел специальную статью о детоубийстве, назначив за него смертную казнь, но, так как суд присяжных упорно предпочитал оправдывать обвиняемых, в 1824 г. был издан закон, дающий суду возможность заменять смертную казнь бессрочными каторжными работами, если субъектом преступления оказывалась заслуживающая снисхождения мать. Закон 1901 г. отнес детоубийство к числу привилегированных убийств.

В России Соборное уложение царя Алексея Михайловича действовало почти 200 лет. Уложение о наказаниях 1845 г. впервые отнесло к привилегированным видам убийства убийство матерью **незаконнорожденного** ребенка. Составители уложения «признали необходимым смягчить наказание в том случае, когда женщина убивает своего новорожденного ребенка при самом его рождении от страха или стыда. Положение виновной в том женщины есть необыкновенное, и часто она, терзаемая стыдом, страхом, угрызениями совести и, изнуренная телесными страданиями, почти лишается рассудка, следственно, покушается на ужасное преступление без ясного о нем пред собой сознания» (из проекта уложения). Сравнительно с наказанием за убийство законного ребенка наказание за детоубийство понижалось на 3 степени: виновная в преднамеренном детоубийстве приговаривалась к каторжным работам на 12—15 лет (п. 2 ст. 1451), а в остальных случаях — к лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных, прав и преимуществ и к заключению в тюрьме от 5 до 6 лет или от 4 до 5 лет. Условием смягчения наказания было несовершенство детоубийства в прошлом. Уголовное уложение 1903 г. предусматривает детоубийство в ст. 461, согласно которой «мать, виновная в убийстве прижитого ею вне брака ребенка при его рождении, наказывается заключением в исправительном доме от 1 г. 6 мес. до 6 лет».

Резюмируя изложенное, надо отметить, что и в Западной Европе и в дореволюционной России детоубийство прошло через одни и те же этапы: непреследование его законом, признание его квалифицированным преступлением или приравнение его к обыкновенному убийству и, наконец, признание его привилегированным преступлением по тем или другим основаниям. Безусловной смертной казни за детоубийство не знает ни одно современное законодательство,

и еще со второй половины XIX века смертная казнь как наказание за детоубийство утратила свое практическое значение. Переход детоубийства из квалифицированного в привилегированное преступление сопровождался усиленной борьбой между теоретиков-юристов и энергичными протестами духовенства против смягчения наказаний за детоубийство. Сторонники признания детоубийства квалифицированным преступлением выдвигали следующие основания: лишение ребенка крещения, нарушение матерью заповеди, запрещающей внебрачную половую связь, близость кровного родства между матерью и ребенком, необходимость усиленной уголовной защиты «слабого существа», неизбежную предумышленность преступления (лишь немногие считали возможным совершение детоубийства и по внезапному умыслу), наконец, «беспричинную злобу к невинной жертве», свидетельствующую о «большей развращенности убийцы».

Нельзя не отметить буржуазную лживость и формализм этих оснований: 1) «внебрачность» половой связи,отягчающая положение детоубийцы, ни в какой мере не отражалась на мужчине; 2) поистине издевательством выглядит пресловутая «усиленная уголовная защита» «слабого существа» в виде усиления наказания детоубийце при полном отсутствии реальной «защиты» этого «слабого существа», т. е. материальной помощи ему и его матери со стороны государства; 3) «беспричинная злоба к невинной жертве» может быть объяснена логически лишь невменяемостью, а не «большей развращенностью»; 4) «близость кровного родства» может быть и смягчающим обстоятельством в зависимости от конкретных обстоятельств дела; 5) «предумышленность» должна быть установлена в каждом конкретном случае и не может быть расцениваема как само собой разумеющееся квалифицирующее обстоятельство в каждом случае детоубийства.

Сторонники привилегированности детоубийства базируются на свойствах **субъекта** преступления. Одни из них как основание для этого выдвигают ненормальность всякой роженницы.

Другие (их большинство) придают решающее значение ненормальности **внебрачной** роженницы или мотиву «спасения чести», причем одна часть допускает этот мотив лишь при внебрачных родах, другие, — и при «законных». Отдельные криминалисты исключали из числа внебрачных матерей проституток, как «не могущих знать ни стыда, ни чести».

III. Переходим к **действующему** законодательству о детоубийстве в капиталистических странах.

Действующий австрийский уголовный кодекс 1852 г. содержит следующий параграф о детоубийстве:

«§ 139. Мать, умертвившая своего ребенка при родах или умышленно лишившая его необходимой при родах помощи, подлежит, если таким образом убит законный ребенок, подлежащему тяжкому заключению; если же ребенок был **внебрачный**, то в случае его убийства виновная приговаривается к тяжкому заключению на срок от 10 до 20 лет; если же смерть ребенка наступила вследствие умышленного неокказания необходимой помощи, то виновная подлежит тяжкому заточению на срок от 5 до 10 лет».

В Англии действует закон о детоубийстве 1922 г. § 1 этого закона предусматривает следующее: если женщина посредством умышленного действия или по упущению причинит смерть своему новорожденному ребенку при обстоятельствах, которые при отсутствии этого закона должны были бы считаться преднамеренным убийством, но в результате родов состояние ее рассудка нарушено, она должна быть признана виновной в детоубийстве и подлежит наказанию за неумышленное убийство (Manslaughter); если при таких обстоятельствах она была судима за умышленное убийство (Murder), присяжные заседатели могут вынести вердикт о детоубийстве. Если она была судима за умышленное убийство, закон не мешает присяжным вынести вердикт о неумышленном убийстве или признать ее виновной, но действовавшей в состоянии умоисступления, или виновной в сокрытии родов.

Если женщина старше 16 лет была судима за детоубийство, она может быть осуждена за преступление, предусмотренное законом о детях 1908 г. в § 12.

Женщина, судимая за детоубийство, может быть осуждена также по закону 1929 г. за уничтожение еще не рожденного, но уже жизнеспособного ребенка.

Приведем перечень максимальных наказаний за детоубийство при всех перечисленных выше квалификациях его по закону 1922 г.: за умышленное убийство (Murder) — смертная казнь; за неумышленное убийство (Manslaughter) — штраф и пожизненная каторга; за детоубийство (Infanticide) — пожизненная каторга; за сокрытие родов (Concealment of birth) тюремное заключение на 2 года; за детоубийство, квалифицированное по... штраф (до 100 ф. стерл.) и § 12 закона о детях 1908 г. (Children Act) тюремное заключение до 2 лет; за детоубийство, квалифицированное по закону 1929 г. (Child destruction), — пожизненная каторга.

Диапазон наказаний таким образом — от двухлетнего тюремного заключения до пожизненной каторги и смертной казни, и из наказаний за детоубийство как привилегированное преступление исключается только смертная казнь, так что в конечном счете репрессия очень тяжелая.

В отношении закона 1929 г. (Child destruction) необходимы некоторые пояснения. Помимо истребления плода (аборт) закон 1929 г. о мерах охраны жизни ребенка предусматривает еще умерщвление нерожденного ребенка (Child destruction), т. е. еще не вышедшего или не вполне вышедшего из чрева матери. Согласно этому закону лицо, виновное в том, что с намерением лишить жизни ребенка, который мог бы родиться живым, умышленным действием умертвит ребенка раньше, чем он начнет существование самостоятельно от матери, подлежит наказанию каторжными работами без срока. Умерщвление еще не рожденного, а только рождающегося ребенка не является по английскому праву ни умышленным убийством (Murder), ни привилегированным детоубийством, и это создавало мотив к лишению жизни ребенка во время его рождения.

Закон 1929 г. и был издан для предупреждения преступлений этого рода.

По действующему бельгийскому уголовному кодексу 1867 г. детоубийство предусмотрено

статьей 396: «Детоубийством считается убийство ребенка, совершенное во время или непосредственно после родов. Детоубийство называется, в зависимости от обстоятельств, как умышленное (Meurtre) или как преднамеренное (Assassinat) убийство.

Во всяком случае мать, которая совершит это преступление в отношении своего внебрачного ребенка, наказывается каторжными работами на срок от 10 до 15 лет. Если она совершила это преступление с заранее обдуманным намерением, она наказывается каторжными работами на срок от 15 до 20 лет».

Ст. 217 действующего общегерманского уголовного уложения 1871 г. гласит:

I. «Мать, которая умышленно убьет своего внебрачного ребенка во время родов или непосредственно после родов, наказывается каторжной тюрьмой на срок не ниже 3 лет.

II. При наличии смягчающих обстоятельств наказанием является тюрьма на срок не ниже 2 лет». Таким образом, привилегированность детоубийства требует, чтобы субъектом преступления была мать, а объектом — ее внебрачный ребенок. Точно указано и время совершения деяния: «во время или непосредственно после родов».

В действующем итальянском уголовном кодексе 1931 г. выделено «детоубийство по мотивам чести» и «оставление без помощи новорожденного по мотивам чести». Приведем соответствующие статьи: ст. 578 «Кто причинит смерть новорожденному ребенку непосредственно после родов или смерть плода во время родов, чтобы спасти свою честь или ближайшего родственника, наказывается исправительным домом от 3 до 10 лет. Тому же наказанию подлежит тот, кто участвует в действии единственно с целью оказать помощь одному из вышеуказанных лиц.

Во всяком другом случае к участвующим в действии применяется исправительный дом не ниже 10 лет. Не применяются отягчающие обстоятельства, указанные в ст. 61».

Ст. 592. «Кто покинет новорожденного тотчас после рождения, чтобы спасти свою честь или ближайшего родственника, наказывается исправительным домом от 3 мес. до одного года.

Назначается исправительный дом от 6 мес. до 2 лет, если действие повлекло за собой телесное повреждение, и от 2 до 5 лет, если последовала смерть новорожденного.

Не применяются отягчающие обстоятельства, указанные в ст. 61».

В Испании действует уголовный кодекс 1870 г. К детоубийству относится ст. 416: «Мать, которая для сокрытия своего бесчестия убьет своего новорожденного ребенка, карается тюрьмой низшей и средней степени».

Тому же наказанию подвергаются родственники матери по восходящей степени, которые совершат это преступление «для сокрытия бесчестия матери».

Польский уголовный кодекс 1932 г. предусматривает детоубийство статьей 226: «Мать, которая убила новорожденного ребенка под влиянием родов, наказывается тюремным заключением на срок до 5 лет».

¹ Тюрьма низшей степени: на срок от 6 мес. и 1 дня до 2 лет 4 мес. Тюрьма средней степени: на срок от 2 лет 4 мес. до 4 лет 2 мес.

Детоубийство в действующем французском Code pénal определяется как «умышленное (Meurtre) или предумышленное (Assassinat) убийство новорожденного ребенка».

Часть 2 ст. 302 Code pénal (в редакции 1901 г.) гласит: «Во всяком случае мать, независимо от того, была ли она непосредственной исполнительницей или соучастницей предумышленного или умышленного убийства своего новорожденного ребенка, наказывается: в первом случае пожизненными каторжными работами, а во втором случае — каторжными работами на срок, но это постановление не применяется к лицам, которые совместно с нею совершили убийство или были ее соучастниками». (Во французском праве понятие соучастия охватывает только подстрекателей и пособников, но не охватывает лиц, совместно, непосредственно совершивших преступление).

Согласно приведенной статье детоубийство является привилегированным преступлением только в том случае, если субъектом преступления является мать, а объектом его — новорожденный ребенок. Все другие детоубийцы за предумышленное детоубийство наказываются смертной казнью, а за умышленное — пожизненными каторжными работами.

Ст. 274 уголовного кодекса Китайской республики 1935 г. гласит: «Мать, которая убьет своего ребенка во время или непосредственно после родов, наказывается тюремным заключением на срок не менее 6 мес. и не более 5 лет. Всякое покушение совершить вышеуказанное действие наказуемо».

В уголовном законе штата Нью-Йорк нет специального параграфа о детоубийстве.

Приведем содержание двух родственных параграфов:

§ 492. «Соккрытие рождения ребенка. Лицо, которое сделает попытку скрыть рождение ребенка посредством сокрытия его трупа, независимо от того, умер ли ребенок до или после его рождения, виновно в проступке».

§ 2461. «Наказание женщины за сокрытие последствий родов. Женщина в случае осуждения ее за попытку скрыть рождение мертвого ребенка, который был бы внебрачным, если бы родился живым, или за сокрытие смерти внебрачного ребенка до того, как ему исполнилось два года, наказывается тюремным заключением в государственной тюрьме на срок от 2 до 5 лет».

Большинство действующих законодательств под именем детоубийства понимают убийство матерью ее внебрачного новорожденного ребенка при наличии указанных в законе мотивов деяния. При выделении детоубийства как преступления привилегированного приведенные выше действующие уголовные законы базируются на разных обстоятельствах. Так, бельгийский и германский законы требуют при этом двух условий:

- 1) чтобы субъектом преступления была внебрачная мать и
- 2) чтобы преступление было совершено во время или непосредственно после родов.

Следовательно, законодатель учитывает здесь, с одной стороны, тяжелое положение женщины, вытекающее из ее «внебрачного» материнства, а, с другой — психические и физические особенности связанного с родами состояния женщины.

Английское, французское, польское и китайское законодательства допускают и «законную» мать в качестве субъекта преступления при детоубийстве и основание для привилегированности усматривают лишь в уменьшенной вменяемости всякой роженицы безотносительно к мотиву преступления. Из тех же соображений исходит и австрийский УК, но допускает большее смягчение наказания для «внебрачной» матери.

Кодексы Италии и Испании в качестве субъекта детоубийства допускают не только мать («законную» и «внебрачную»), но и других лиц: испанский — родственников матери по восходящей ступени, итальянский — всякое другое лицо.

Единственным основанием для привилегированности являются мотивы преступления: «для сокрытия бесчестия», «для спасения чести». Объектом детоубийства все приведенные кодексы считают живого, новорожденного ребенка (в Бельгии и Германии — внебрачного).

Обширная юридическая литература посвящена вопросу о том, как разрешать дело в отношении признания ребенка обладающим жизненностью (наличие дыхания, крик и т. д.), живым или только еще «плодом», хотя бы и вышедшим из утробы матери, но с перерезанной еще пуповиной и т. д. (пределы времени, в течение которого убийство ребенка может квалифицироваться как детоубийство, колеблется от одного часа до нескольких дней). Большинство законодательств не применяет постановлений о рецидиве детоубийства. К покушению применяются общие постановления о покушении, но судебная практика почти не знает покушений на детоубийство. Норвежский кодекс допускает безнаказанность покушения, если оно не принесло вреда ребенку, имея в виду, может быть, создать мотив к отказу от детоубийства. Неосторожное детоубийство допускается лишь немногими законодательствами.

Любопытно отношение к детоубийству различных школ уголовного права. Именно, классическая школа выдвинула мотив как обоснование привилегированности детоубийства. Вождь криминалистов-классиков в России проф. Н. С. Таганцев, не исключая возможности применения к детоубийцам суровых наказаний вплоть до каторжной тюрьмы до 6 лет, считал в то же время возможным в некоторых случаях ограничиться выговором или внушением со стороны суда.

Основатель антропологической школы Цезарь Ломброзо провел антропологические, биологические и психологические исследования и в отношении детоубийц и на основании этих исследований пришел к убеждению, что детоубийца — преступница чаще случайная, чем прирожденная, что в большинстве случаев она — жертва соблазна и нищеты, преждевременно созревшая в половом отношении. Антропологическая школа считает возможным наказанием детоубийцы удаление ее из места совершения преступления.

Сторонник антропологической школы Сигеле (Sighele) считал, что убийство внебрачного ребенка — не особо опасное деяние; наоборот детоубийства ведут к очищению расы и являются как бы предохранительным клапаном, спасающим будущее поколение от грозящих ему бед. Социологической школой уголовного

права вопрос о детоубийстве тщательно изучался в связи с влиянием разного рода «факторов»: семейного положения, профессии, возраста, места жительства, места совершения преступления и т. д.

Так называемый «календарь преступности», т. е. статистически установленный максимум совершения имущественных преступлений в холодные месяцы, а преступлений против личности — в теплые месяцы, антропологи объясняли влиянием температуры на организм человека, а сторонники социологической школы первый максимум объясняли большей трудностью «борьбы за существование», а второй «более интенсивным общением людей».

В применении к детоубийству «календарь» оказался неодинаков в разных странах или в одной стране за разные годы. Удалось констатировать лишь совпадение помесячного распределения детоубийств с распределением внебрачных рождений (внебрачные рождения не совпадают с брачными по месяцам).

Для нас неприемлемы «факторы» детоубийства, взятые изолированно от самого существа капиталистического общества, классовой борьбы и непримиримых противоречий капитализма. Этими противоречиями определяется положение женщины в капиталистическом обществе, а вопрос о детоубийстве находится в прямой связи с этим положением.

Капиталистическое общество борется с детоубийствами и уголовной репрессией и профилактическими мерами. Несмотря на то, что в приведенных выше уголовных законах 9 стран детоубийство квалифицируется как «привилегированное» убийство, меры уголовного наказания за детоубийство очень тяжелые.

Меры наказания за детоубийство в капиталистических странах по действующему законодательству.

Австрия — каторжная тюрьма от 5 лет до пожизненной;

Англия — от тюремного заключения на разные сроки до пожизненной каторги;

Бельгия — каторжные работы от 10 до 15 лет;

Германия — от 2 лет тюрьмы до каторжной тюрьмы на срок не ниже 3 лет;

Испания — тюрьма от 6 мес. 1 дня до 4 лет 2 мес.;

Италия — исправительный дом от 3 до 10 лет;

Польша — тюремное заключение до 5 лет;

Франция — от каторжных работ на срок до пожизненных;

Китай — тюремное заключение от 6 мес. до 5 лет.

Профилактические меры — это различные «приюты для незаконнорожденных», «воспитательные дома» и тому подобные учреждения и алименты.

Ни тяжелая уголовная репрессия, ни профилактика не могут уменьшить числа детоубийств в капиталистическом обществе, поскольку детоубийство является неизбежным следствием капиталистической эксплуатации.

Профилактика в виде «приютов для незаконнорожденных» ведет, как правило, к очень большой детской смертности. Об этом можно судить, например, по отчету «Московского воспитательного дома» за 1911 год: из 11 224 детей умерло в воспитательном доме 4 855 чел.,

цифра, во много раз превосходящая число дошедших до суда детоубийств.

Бывали случаи от 50 до 90% смертности. В России в грудном возрасте умирала почти одна треть родившихся. Это особенно относится к «внебрачным» детям. В 1904 г. умерло всего грудных детей 397 781, из них «внебрачных» — 344 792 ребенка. На 100 «законных» рождений приходится — 18, а на 100 «внебрачных» — 31 смертный случай (цифры из работы д-ра Маркузе «Девушки-матери», стр. 65).

Что касается алиментов на содержание «незаконного» ребенка, то в условиях капиталистического строя они являются фикцией: алименты редко взыскиваются фактически, так как женщина чаще предпочитает отказаться от алиментов, нежели искать их судом. Кроме того незначителен и размер алиментов, так как он определяется экономическим положением матери.

IV. При исследовании вопроса о детоубийстве в СССР были использованы статистические материалы об осужденных, материалы газетных вырезок и, наконец, были изучены судебные дела по г. Москве и Московской области за 1935 и 1936 гг.

До 1931 г. в статистике НКЮ не выделялись сведения о детоубийстве и потому за период до 1931 г. имеются лишь случайные статистические данные по этому вопросу, полученные путем специальных разработок.

За 1924 и 1925 гг. в ЦСУ были обработаны листки на осужденных за детоубийство по 24 губерниям РСФСР. Полученные в результате обработки статистические данные несравнимы с данными 1931 г. и последующих лет в отношении динамики детоубийств, но отдельные показатели могут быть использованы для сравнения.

Начиная с 1931 г., мы располагаем сопоставимыми данными статистической отчетности НКЮ об осужденных за детоубийство по пунктам «д» и «е» ст. 136 УК РСФСР.

Движение осужденных за детоубийство в РСФСР (без автономных республик):

1931 г.	1932 г.	1933 г.	1934 г.
100,0	96,9	60,0	59,4

С 1931 г. по 1934 г. число осужденных за детоубийство уменьшилось на 41%.

Процент осужденных, совершивших детоубийства в городе, меньше, чем в деревне. Все исследователи признают, что «детоубийство есть преступление преимущественно деревенское». И действительно, во всех капиталистических странах, в том числе и в России до пролетарской революции, соотношение между городом и деревней в отношении совершения детоубийств почти стабильно: из 100 детоубийств — 93,95 совершаются в деревне. Новое в Союзе ССР заключается в том, что процент детоубийств уменьшается и в деревне. Коллективизация совершенно изменила лицо деревни: люди стали жить зажиточно, люди живут все более культурно, меняется психология, меняются семейные отношения. Женщина стала независима экономически и, следовательно, становится независимой и во всех других отношениях. Основным причинам детоубийства — «нужде» и «стыду» нет места в коллективизированной деревне, и потому естественно, что процент осужденных за детоубийство в деревне снижается.

Интересно отметить те слои населения, среди которых чаще других наблюдаются случаи детоубийства.

Вот несколько иллюстраций.
1935 г., Москва. Гр-ка Г., крестьянка (отец и мать единоличники), незамужняя, 20 лет, Уборщица, малограмотная, зарплата 111 руб., живет в общежитии при учреждении, где работает. Случайная связь в течение 10 дней с односельчанином Ч. Беременность скрывала от всех, и все-таки товарки «смеялись». Эти же товарки говорили, что «маленьких детей в ясли не принимают». Писала о своем положении отцу будущего ребенка по оставленному адресу, спрашивала, что делать. Ответа не было, не было по указанному адресу и адреса. Работала до родов. Родившегося в общежитии ребенка отправила «каустиком» через соску. «Не знала, что делать, все смеялись, из 14 женщин я одна с ребенком и без мужа».

1935 г., Москва. Гр-ка В., крестьянка, незамужняя, 20 лет, малограмотная, зарплата 130 руб., живет в общежитии. Сошлась с рабочим строительства П. На 4-м месяце беременности В. на работе упала и сломала себе бедро. П. перестал встречаться с В., а затем скрылся вовсе. Роды происходили ночью во дворе, без посторонней помощи. Ребенка так во дворе и оставила. Отлежавшись несколько часов, ночью же вернулась к мертвому уже ребенку, чтобы скрыть труп его, но в проходной будке В. задержали.

В отношении возрастного и полового состава осужденных за детоубийство в РСФСР надо отметить две вещи.

1. Процент осужденных в возрасте до 19 лет непрерывно уменьшался с 1931 по 1935 г., а в первом полугодии 1936 г. он сразу увеличился. Эта внезапность говорит не о реальном увеличении числа осужденных за детоубийство этого возраста, а об усилении борьбы с детоубийством органов прокуратуры.

2. Судебная практика все еще недостаточно и не систематически выясняет роль отца. Это подтверждается и материалами изученных дел.

До революции роль отца при детоубийстве не вскрывалась вовсе.

По делам о детоубийстве, прошедшим через Московский городской суд в 1926 и 1927 гг., отец фигурирует как «физический убийца», т. е. как непосредственный исполнитель уже в 11% случаев.

По данным, приведенным Маньковским (работа «Детоубийство»), за 1925—1927 гг. осуждены Московским губернским судом за детоубийство (в процентах):

	Женщин	Мужчин
Условно	58,6	11,7
К лишению свободы на срок до 2 лет	39,2	17,6
К лишению свободы свыше 2 лет	2,2	70,7

До сих пор имеют место случаи разбора дел по детоубийству без какой-либо попытки выяснить роль отца, даже если мать ссылается на отца как на косвенного виновника. Обычно же сами женщины об отце на суде не вспоминают. Кроме того, в подавляющем большинстве случаев эти «отцы» неуловимы, и постановление суда о розыске и привлечении к уголовной ответственности остается не реализованным. Мотив у «отцов» один: избавиться от алиментов. Являясь непосредственными исполнителями детоубийства, они изумительно предусмотрительны в противоположность матерям, которые обычно оставляют на трупе ребенка что-либо их уличающее.

Вот целая галерея «отцов», привлеченных и не привлеченных по делам о детоубийстве с 1926 г.

1926 г., г. Москва. Сошлись Ваня Н. и Надя Г., ученик-сапожник и домработница. Когда Ваня узнал о беременности, потребовал аборт. Делать аборт оказалось поздно. Ваня обругал и избил: «нечего было волыннить» — и стал гулять с другими, а у Нади родился ребенок, прожил 7 дней. «Выход» для себя и ребенка больная и без денег Надя нашла в уксусной эссенции. Ребенок умер. Надя осталась жива. Ее судили и Ваню тоже. Ваня «не знал, что уже родился ребенок». «Может быть даже к себе его взял бы». Приговор: Н. Г. осуждена условно, а В. Н. объявлено «предупреждение» за его действия, признанные судом «антиморальными», но не содержащими признаков уголовно-наказуемого действия. Приговор явно неправильный.

1928 г., г. Тифлис. Судится Като Х., убившая свою новорожденную дочь. Муж и родные считали Като «проклятой» за то, что у нее «родятся только девочки». Упреки и угрозы замучили Като. До родов она говорила вслух, что убьет ребенка, если это будет девочка. По предложению прокурора суд привлек к ответственности и мужа.

1928 г., г. Кзыл-Орда. Гр-н Б. сошелся с П. Когда настали роды, Б. уговорил не звать повивальную бабу: «что смогу, я сам помогу». И «помог»: убил и скрыл ребенка, когда П. спала. Получил за это 5 лет лишения свободы.

1929 г., г. Чита. Кулак Ф. П. сошелся со своей батрачкой Л. По окончании полевых работ рассчитал ее, зная, что она беременна. Л. родила зимой, во дворе при 40° мороза. Ребенок сразу умер на снегу. Суд дал ей принудительные работы. П. к суду по вине следственных органов не привлекался (!).

1935 г., г. Москва. Гр. Е., рабочий-молотобоец, 24 лет, с низшим образованием, зарплата 170 руб., судился в 1931 г. за продажу продовольственных карточек. С первой женой развелся, платил по суду алименты на ребенка. Вторая жена была беременна. У третьей уже родился ребенок. Е. по суду предстояло платить алименты. В отсутствие третьей жены

РСФСР. Осужденные за детоубийство по возрасту и полу.
 (в %% ко всему числу осужденных за детоубийство)

	1931 г.	1932 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1 пол. 1936 г.
В возрасте до 19 лет	13,9	10,5	8,8	7,9	3,7	6,7
Мужчин	22,3	32,1	26,6	30,6	24,2	22,3

(она работала) Е. пришел к ней, услав в лавку ходившую за ребенком девочку, а ребенка отравил уксусной эссенцией. Приговорен к 8 годам лишения свободы.

1936 г., г. Москва. Гр. Н., 30 лет, из крестьян Куйбышевского края, студент школы ВЦСПС, имеет на родине жену и 2 детей, 8 и 6 лет. В 1935 г. сошелся с домработницей С., живя от нее, что имеет семью. Дал на аборт 70 руб., но поздно. Родившегося ребенка хотела воспитывать в деревне приехавшая на время род-лов мать. С. Н. заявил, что за ребенка, как отец, отвечает он и отдает его на воспитание своему бездетному двоюродному брату. Удушив и бросив ребенка в Яузу, Н. целый месяц уверял С., что ребенок устроен хорошо, а навестить его нельзя, так как семья татарская, и если узнают, что ребенок русский, то вернут его. Позже сообщил, что ребенок «заболел» и «умер». Н. приговорен к 6 годам лишения свободы.

1936 г., деревня Усадьба, Московской области. Гр-ка С-ва, 23 лет, крестьянка, живет с матерью. На заработках в Москве сошлась с гр. С., который обещал жениться. Узнав о беременности, С. заявил, что он женат, а от алиментов скроется, так как «у меня вас три, что ж я вам всем трем должен платить?» С. действительно скрылся. С-ва уехала к матери. Народившегося ребенка оставила в лесу, потому что «не знала, как быть дальше, и обидно было на С». Суд приговорил к 3 годам лишения свободы. По жалобе С-вой кассационная коллегия Московского областного суда определила: приговор отменить и дело направить на новое рассмотрение со стадии предварительного расследования в части привлечения С. через районного прокурора. В определении указывалось, что хотя «следственные органы выделили дело о С. с объявлением ему розыска, но по делу не видно, чтобы к розыску С. были приняты активные меры».

Райпрокурор опротестовал определение кассационной коллегии «так как отец ребенка С. никакого прямого отношения к убийству ребенка не имеет». Президиум Московского областного суда, согласясь с протестом, отменил определение кассационной коллегии, так как «С-ва полностью признала себя виновной, а на С. объявлен активный розыск и при обнаружении он и без определения кассационной коллегии будет привлечен к уголовной ответственности».

Кассационная коллегия в новом составе, приговор народного суда оставила в силе, а «отец» оказался неуловимым.

Распределение осужденных за детоубийство по социальному составу отражает только сдвиги в социальной структуре общества: 1931 и 1932 гг. дают наибольший процент осужденных единоличников; 1933—1936 гг., когда число

единоличников в населении уменьшается, а число колхозников увеличивается, наибольший процент осужденных дают колхозники. Процент осужденных рабочих от 18 до 29; процент служащих от 5 до 10.

Выяснить действительную распространенность совершения детоубийств среди отдельных социальных групп можно лишь путем сопоставления числа осужденных с населением соответствующих социальных групп, а такие цифры населения будут только в результате обработки данных переписи населения 1937. Все же в целях хотя бы общей ориентировки мы исчислили коэффициенты осужденных за детоубийства по социальным группам, воспользовавшись цифрами населения за 1934 г., приведенными т. Молотовым на VII съезде советов Союза ССР. При оценке коэффициентов надо учитывать, что численность населения дана по обоим полам вместе, осужденные же за детоубийство в большинстве своем женщины. Приводимые коэффициенты могут служить лишь для грубой ориентировки при сравнении распространенности детоубийств среди некоторых социальных групп.

На 100 000 кулаков в 1934 г. приходится 3,34 осужденных за детоубийство; на 100 000 единоличников — 0,22; на 100 000 колхозников — 0,26 и на 100 000 рабочих — 0,20.

Таким образом, больше всего детоубийств распространены среди кулаков, меньше всего среди рабочих. На долю колхозников приходится на 0,04% больше детоубийств, чем на долю единоличников. Поскольку коэффициенты грубо ориентировочны, трудно сказать, отражают ли эти 0,04% действительное положение вещей.

Наказания за детоубийство из года в год делаются строже, и особенное усиление репрессии происходит с 1935 г. в полном соответствии с директивой Верховного суда РСФСР (27 августа 1935 г.) об усилении репрессии за детоубийство.

Наказания за детоубийство в РСФСР в % ко всему числу осужденных за детоубийство

Годы	Условно осужденные	Исправ-тра-работы	Лишение свободы	Другие меры	Всего
1931	24,0	36,2	38,8	1,0	100
1932	18,7	34,2	39,8	7,2	100
1933	14,9	32,6	50,8	1,7	100
1934	17,1	31,8	50,3	0,8	100
1935	10,3	13,2	75,6	0,4	100
1 пол. 1936 г.	8,1	6,7	85,1	0,1	100
1924—25	57,8	—	39,1	3,1	100

Социальный состав осужденных за детоубийство в РСФСР. (% ко всему числу осужденных за детоубийство)

	1931 г.	1932 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1 пол. 1936 г.
Кулаки и др. нетруд. элементы	2,2	3,8	1,0	1,1	2,1	1,1
Трудящиеся единоличники	46,6	35,6	26,1	18,3	11,2	7,9
Колхозники	20,2	24,5	42,3	43,2	41,1	50,3
Рабочие	18,3	22,1	20,5	20,5	29,2	26,0
Служащие	5,9	6,1	5,4	9,0	10,4	10,2
Прочие	6,8	7,9	4,7	7,9	5,7	4,5
Всего	100	100	100	100	100	100

Если в 1931 г. четвертая часть осужденных за детоубийство приговаривалась условно, а другие три четверти почти поровну присуждались к лишению свободы и и.т. работам, то в 1936 г. осуждается условно только 8⁰/₀, к и.т. работам — 6⁰/₀; основной же мерой наказания является лишение свободы — 85⁰/₀. В 1924—25 гг. основной мерой было условное осуждение—57,8⁰/₀ (по данным проф. Гернета). То же самое усиление репрессии мы видим и по срокам лишения свободы: уменьшается процент приговоренных к лишению свободы на срок до 2 лет и увеличивается — по более длительным срокам. Судя по изученным делам, излюбленной мерой является 3 года лишения свободы и лишь при особо квалифицированных обстоятельствах суды дают 4 года и больше. По отчетности 1935 г. срок до 2 лет не выделялся.

Лишение свободы за детоубийство в РСФСР в % ко всему числу осужденных за детоубийство

Годы	Всего осужденно за детоубийство	В том числе лишение свободы на срок			Всего
		До 2 лет	От 2 до 5 лет	От 5 до 10 лет	
1931	100	12,6	19,7	6,5	38,8
1932	100	11,1	22,7	6,6	39,8
1933	100	6,1	27,4	17,3	50,8
1934	100	4,9	27,2	18,2	50,3
1 пол.					
1936 г.	100	4,1	41,8	39,2	85,1

По статистическим материалам 1935 и 1936 гг. есть возможность проследить применение карательной политики за детоубийство по отдельным группам.

Надо отметить, что репрессия усиливается по всем социальным группам и становится более единообразной. Это же впечатление дают и изученные судебные дела. Там не менее некоторые из этих дел показательны как примеры еще имеющего место разнobia в уголовной репрессии. Вот отдельные примеры.

1935 г. Московская область. Гр-ка Б., 22 лет, колхозница, малограмотная, незамужняя. Работая 4 месяца в г. Касимове, сошлась с рабочим З. Узнав о беременности, З. скрылся. Б. вернулась в деревню. Беременность скрывала. Родившегося ребенка удушила, потому что «боялась родителей и нехорошей славы». Приговорена к 2 годам лишения свободы условно. Суд учел «болезненное состояние во время родов и ложный стыд», доказательством которого, по мнению суда, является то, что «Б. не воспользовалась даже декретным отпуском».

В ряде случаев неиспользование декретного отпуска суды считают, наоборот, обстоятельством, свидетельствующим о преднамеренности детоубийства.

1935 г. Московская область. Гр-ка Р., 42 лет, колхозница, малограмотная, разведенная. Свою беременность от всех скрывала «из стыда». Родившегося ребенка положила в таз с кровью, в которой он и захлебнулся. Суд приговорил Р. к 5 годам лишения свободы, учитывая, что «обвиняемая в момент родов со-

знание не теряла и хорошо помнит, как положила ребенка в таз с кровью». Кассационная коллегия, «учитывая несознательность и некультурность», определила считать наказание **условным**.

1936 г., д. Высокое, Московской области. Гр-ка Р., 32 лет, работала в совхозе, живет у родителей-колхозников, малограмотная, незамужняя. Сошлась с рабочим совхоза К. Родившегося ребенка зарыла в сено «во избежание срама». В 1932 г. тоже судилась за детоубийство, была приговорена к 1 году и.т. работ. По настоящему делу приговорена к 3 годам лишения свободы.

1936 г., с. Нахабино, Московской области. Гр-ка Н., 24 лет, работница фабрики «Мосчулок», проживает на квартире в с. Нахабино, малограмотная, незамужняя. От случайной связи родился ребенок, которого «из стыда» бросила в уборную. Приговорена к 5 годам лишения свободы.

Непонятно, почему рецидивистка Р. получила 3 года, а Н. 5 лет.

Также непонятны приговоры суда по следующим двум делам 1936 г.

1. Гр-ка Т., 21 года, колхозница, малограмотная, незамужняя, сошлась с С., который бросил ее, узнав о беременности, и незадолго до родов женился на другой. Родившегося ребенка Т. убила, ударив о перекладину кровати, так как «не знала, что делать, раз С. женился». По делу в качестве обвиняемого был привлечен и С. Суд приговорил Т. к 5, а С. — к 3 годам лишения свободы. Кассационная коллегия приговор в отношении Т. оставила в силе, а дело о С. прекратила, так как «нет никаких доказательств, что С. имел отношение к убийству или хотя бы косвенное отношение к понуждению к убийству, и Т. ничем не огорчила С.».

2. Гр-ка И., 23 лет, работница токарного цеха, малограмотная, незамужняя. Сошлась с О., который, узнав о беременности, бросил ее и говорил, что платить алиментов не будет и скроется. Родившегося ребенка И. поэтому удушила и бросила в уборную. О. был тоже привлечен в качестве обвиняемого. Суд приговорил И. к 3 годам, а О. — к 2 годам лишения свободы, и кассационная коллегия жалобу О. оставила без последствий.

А какая же по существу разница между С. и О.? И почему Т. 5 лет, а И. 3 года лишения свободы?

В отношении других союзных республик надо отметить, что статистические данные об осужденных за детоубийство могут быть использованы только по БССР. В УССР в отношении детоубийства имеется специальная статья УК, но в разработке она не выделена. Статистические данные других союзных республик не могут быть использованы по своей дефективности. Число осужденных за детоубийство в БССР имеется только с 1935 г. Как и в РСФСР, это число осужденных выросло с первого полугодия 1935 г. по первое полугодие 1936 г. при уменьшении как всего числа осужденных, так и числа осужденных за умышленное убийство (без детоубийства).

Материалы изученных дел по детоубийству дают возможность осветить до известной степени вопросы рецидива, способов и мотивов детоубийства. Рецидив — редкое явление в детоубийстве. Но когда все же он имеет место,

наша судебная практика применяет иногда недостаточные меры наказания.

Вот примеры.

1. **Москва.** Некто Н. привлечена к судебной ответственности за систематическое некармливание ребенка, приведшее его к смерти. И несмотря на то, что у Н. таким образом умирал уже третий ребенок, суд приговорил ее к 1 году лишения свободы.

2. **Чита.** Гр-ка П. удушила ребенка и зарыла в канаве в конце села. Когда это открылось, П. удивилась: «Вот в третьем году тоже так же родить пришлось, так же задушила ребенка, зарыла и никто не узнал». Суд приговорил к лишению свободы на 2 года.

Наиболее распространенным способом детоубийства издавна является удушение как способ наиболее легкий и почти не оставляющий наружных следов, затем утопление, оставление без помощи, оправление. Но есть способы кошмарно жестокие, их трудно объяснить чем-либо, кроме патологического послеродового состояния.

По просмотренным делам г. Москвы и Московской области за 1935—1936 гг. в качестве мотивов детоубийства чаще всего фигурирует «стыд». Есть отдельные случаи, когда новая жена губит ребенка прежней жены, чтобы избавить мужа от алиментов; есть случаи, когда детоубийство совершается, чтобы скрыть от нового мужа прежнюю связь. Встречается и такой мотив «жить хочется, а с ребенком разве жизнь?».

Мотив «стыда», судя по изученным делам, приводится часто по трафарету как мотив для суда, так как о беременности обычно давно все знают и говорят в глаза, иногда ее и не скрывают и все-таки ссылаются на «стыд». Мотив «нужды» также не всегда соответствует действительности. В случаях, когда детоубийство совершается действительно из ложного стыда, значительная доля вины лежит на окружающей общественности, которая должна по крайней мере указать, куда и как обратиться за помощью, поскольку сама роженица часто ничего конкретно не знает. На случаях, когда ребенок «мешает жить», надо несколько остановиться. Обычно мать при этом материально обеспечена, сплетен не боится, родные встречают ребенка как нового члена семьи. Здесь имеет место нездоровая, чуждая нам психология, понимание жизни как удовольствия, без каких бы то ни было обязанностей. Такую психологию надо преодолеть. Примером такой психологии может служить следующее дело.

1936 г., д. Хваровка, Московской области. Гр-ка Д., 21 года, с неполным средним образованием, незамужняя, семенной лаборант. О беременности узнала на 5-м месяце. Ребенка не хотела и поэтому просила врача сделать аборт. В аборте отказали, так как было уже поздно. На 7-м месяце беременности Д. стала просить открыть ей преждевременные роды. Врач согласился только после того, как Д. заявила, что в случае отказа она покончит жизнь самоубийством. Врач предупреждал, что такие роды вредны для здоровья и что ребенок может остаться жив. Ребенок, действительно, остался жив. Из родильного дома Д. пошла к матери, и мать оставила ребенка у себя на воспитание. Сестра и брат Д., проживавшие в других городах, охотно согласились

помогать воспитывать ребенка. Несмотря на все это, через некоторое время Д., не считаясь с протестами матери, взяла у нее ребенка якобы для того, чтобы передать его в дом грудного ребенка при МОНО. На деле же опустила ребенка в реку, подержала его там, пока он не умер, и спрятала труп в лесу. В последнем слове на судебном заседании Д. сказала, что «меру наказания свыше 5 лет она отбывать не будет». Приговорена к 4 годам лишения свободы. У Д. был дневник, содержание которого проливает некоторый свет на ее мировоззрение. В частности, вот что записано ею о связи с Х.: «Я жила в Уваровке с 6 марта с Грушей М. и к ней ходили разные кобели, и вот один и устроил мне это дело. Тут не было ни гулянья, ни любви, а так, чорт сам не разберет что, а вот из-за какой-то сволочи мне сейчас приходится переживать такие трудности».

Обвиняемые в детоубийстве часто показывают, что совершили его в беспамьятстве. В основном такие утверждения — просто средство самозащиты, но, несомненно, что в отдельных случаях детоубийство совершается в полусознательном, болезненном состоянии, связанном с родами. В частности, в одном из случаев, когда мать положила ребенка под поезд, она на вопрос о том, что побудило ее к этому, ответила: «Не знаю, почему это сделала»; и этому можно поверить, так как к совершению детоубийства не было ни материальных и никаких других предпосылок. Экспертизе обвиняемая не была подвергнута. В другом случае обвиняемая показала: «Убила горячая, была еще больна», и это показание также заслуживает внимания в связи с показанием ряда свидетелей. Самая обстановка родов способствует усилению болезненного состояния. В громадном большинстве случаев обстановка эта очень тяжкая: роженица одна, без всякой помощи, сляющаяся не крикнуть, чтобы не обнаружить себя, таящая в глубине души горечь по отношению к виновнику события, притом где-нибудь в совершенно не подходящем месте: в хлеве, риге, поле, уборной. Иногда при этом — дождь, снег, мороз. Наконец, самые переживания роженицы иногда очень сложны в связи с разного рода обстоятельством: например, она забеременела, отбывая лишение свободы, и вышла из тюремного заключения незадолго до родов, так что никак еще не устроилась. Наличие другого ребенка часто осложняет положение при отбытии наказания. Показательным в этом смысле является дело гр-ки Ф. в Москве, в 1935 г. Ф., 29 лет, студентка, получает 120 руб. стипендии, имеет на иждивении дочь 8 лет. Сошлась со студентом П. Узнав о беременности, П. дал денег на аборт, но Ф. аборт сделать опоздала. По выходе из родильного дома Ф. с ребенком на руках шла по парку культуры и отдыха. Села на скамейку и сидела, как было после установлено, не менее полутора часов. «Ребенок не плакал», показывает она, «возможно, я задушила его, пока сидела. А после закопала его в снег». Судебно-медицинской экспертизой установлено, что ребенок умер от замерзания и на теле не обнаружено никаких повреждений. Ф. объяснила, что квартирные и материальные условия у нее были сносны (жила в общежитии). Беременность не скрывала. Отец ребенка об убий-

стве не знал. Приговорена к 3 годам лишения свободы. В кассационной жалобе Ф. просила об уменьшении меры наказания. Жалоба написана ею самой. Она говорит в ней, что мысль об убийстве ребенка явилась «клянусь всем чем могу, только тогда, когда я шла домой мимо парка. У меня была раньше мысль отдать его в дом матери и ребенка, но почему-то вот я сделала это, а не то, о чем думала. Если бы этот поступок я ранее обдумала, то я не оставила бы номерка на руке ребенка со своей фамилией».

«Я прошу вас, — пишет она дальше, — уменьшить или изменить мне меру наказания вот в силу каких обстоятельств: по решению народного суда дочь моя должна быть в детском доме до конца отбытия наказания мною. Но так как мой ребенок очень впечатлителен, так сильно привязан ко мне, что я не могу себе представить данную разлуку. Приготовившая ее к этому моменту, я говорю ей, что она должна идти в детдом, она отвечает резонно: как бы меня ни запирали, я все равно убегу и буду беспризорная. Поскольку я знаю своего ребенка, то убеждена, что она свое решение выполнит, несмотря ни на какие хорошие условия, в которых она будет находиться». Ф. просит заменить ей лишение свободы высылкой «в самое отдаленное место», «на какой угодно срок, даже совсем. Я еще могу показать, что я не так уж социально опасный человек».

Возможно, что судебно-психиатрическая экспертиза над самой Ф. установила бы нецелесообразность применения к ней лишения свободы.

Бывают случаи, когда мать, убивая ребенка, одновременно убивает или пытается убить и себя. О том, что надлежащее отношение окружающих к беременности и родам могло бы предотвращать детоубийства или помешать им, свидетельствует, например, дело К. в Москве 1936 г. Гр-ка К., 21 года, малограмотная, незамужняя. До 1933 г. жила в деревне с отцом и матерью. В 1933 г. они умерли, и она, приехав в Москву, стала домработницей, а затем на фабрике — ученицей ткача. В клубе познакомилась, а затем сошлась с милиционером Пашей.

Побывав на 5-м месяце беременности в консультации, сказала о беременности Паше. Он пообещал найти комнату и жить вместе, но выдвинулся после того лишь 2 раза, а затем скрылся. К. не брала декретного отпуска, чтобы полностью получать зарплату, да и «совестно было, что не замужем». Роды произошли для К. неожиданно, в квартире ее сестры, в уборной. Ребенок оказался внизу, в яме, а К. пошла к сестре в комнату и чувствовала «испуг». Соседка, увидев кровь в уборной и кровавые следы, идущие к комнате сестры К., очень быстро сообразила, в чем дело, и приняла экстренные меры для спасения ребенка: его достали, обмыли и в конечном счете он остался жив и был отдан К. к ее искренней в последующем радости. К. приговорена к 3 годам лишения свободы условно. Против «Паши» возбуждено уголовное дело, но он скрылся.

Весьма часто матери-детоубийцы пытаются доказать, что убили ребенка не умышленно, а по неосторожности, но следствие легко устанавливает ложность такого утверждения, так

как обычно не трудно распознать подлинную неосторожность, когда мать «заспала» ребенка и т. п.

V. Перейдем теперь к советскому законодательству о детоубийстве.

До 1927 г. советское уголовное право не знало специального термина «детоубийство», как убийство матерью новорожденного ребенка. В 1927 г. УК УССР предусматривает детоубийство специальной статьей 142, гласящей: «убийство матерью своего новорожденного ребенка тотчас же после родов влечет за собой лишение свободы на срок до 3 лет». Ст. 142 указывает нам мать как единственно возможного субъекта преступления. Точно определен и объект преступления: «новорожденный ребенок тотчас же после родов». Субъективная сторона преступления (наличие неосторожности или умысла прямого или эвентуального) не влияет на санкцию (лишение свободы до 3 лет), определяющую наказание, меньшее, чем за обычное убийство.

Таким образом, УК УССР квалифицирует детоубийство как привилегированное преступление. Законодательства других союзных республик пошли в этом вопросе другим путем — они не предусматривали детоубийство как особый вид преступления.

Детоубийство подходило под пп. «д» и «е» ст. 142 УК РСФСР редакции 1922 г. Пункт «д» предусматривал умышленное убийство «лицом, на обязанности которого лежала особая забота об убитом». Пункт «е» — «использование беспомощного положения убитого». Санкция: «лишение свободы на срок не ниже 8 лет со строгой изоляцией». Эти пункты вошли без изменений в пп. «д» и «е» ст. 136 УК РСФСР редакции 1926 г. Изменилась лишь санкция: вместо «не ниже 8 лет» стало «до 10 лет». Эти пункты восприняты буквально соответствующими статьями УК всех союзных республик (кроме УК УССР, где кроме соответствующей статьи имеется и специальная статья о детоубийстве, как указано выше).

Ст. 136 УК РСФСР предусматривает только умышленное, а не неосторожное убийство и не убийство, явившееся результатом превышения пределов необходимой обороны. Кроме того, ст. 136 имеет в виду не все, а лишь квалифицированные виды умышленного убийства, т. е. те виды убийства, которые сопрягаются хотя бы одним из условий, указанных в пп. «а»—«е».

Объектом всякого убийства является живой человек, и для состава преступления не имеют значения возраст, состояние здоровья и степень жизнеспособности потерпевшего. Таким образом, объектом убийства может быть и только что родившийся ребенок. Установление наличия жизнеспособности, т. е. самостоятельной внеутробной жизни новорожденного ребенка — дело факта, устанавливаемого судебно-медицинской экспертизой.

Умысел при совершении убийства может быть прямым и эвентуальным, т. е. убийство будет умышленным как в том случае, когда преступник желает достигнуть смерти потерпевшего, так и в том случае, когда преступник не желает прямо смерти потерпевшего, но знает, что от его действий возможно или неизбежно наступление этой смерти.

Убийство может быть совершено путем активных действий преступника — посред-

ством применения физического или даже психического воздействия на потерпевшего и путем бездействия, когда преступник не совершает того, что является необходимым для поддержания жизни потерпевшего; например, недача пищи грудному ребенку, неперевязывание пуповины новорожденному и т. п. Предметом нашего специального рассмотрения являются пп. «д» и «е» ст. 136, поскольку именно по этим пунктам квалифицируются у нас случаи детоубийства.

Пункт «д» указанной статьи предусматривает в качестве субъекта преступления лицо, на котором в силу закона, по семейным отношениям, по договору или по каким-либо иным основаниям лежит обязанность заботиться о потерпевшем. Сюда подойдут случаи умышленного убийства больного лечащим его врачом, убийства родителями их ребенка и т. п.

Пункт «е» ст. 136 не требует от субъекта преступления никаких специальных качеств, но ставит непереносимое условие, чтобы убийство было соединено с использованием беспомощного положения убитого.

Таким образом, под пп. «д» и «е» ст. 136 подходит как всякое детоубийство, так и детоубийство в специальном смысле как убийство новорожденного ребенка.

Субъектом детоубийства по пп. «д» и «е» ст. 136 может быть как мать или отец потерпевшего, так и другое лицо, но применительно к п. «д» это должно быть не всякое другое лицо, а такое, на обязанности которого лежит особая забота о новорожденном, например, кормилица.

Таким образом, кроме УССР, советское законодательство рассматривает детоубийство как квалифицированное преступление. Судебная практика с самого начала правильно учла один из основных тезисов советской уголовной политики — необходимость учитывать не только социальную опасность деяния, но и социальную опасность личности и широко применяла к детоубийцам-матерям условное осуждение и краткие сроки лишения свободы, т. е. фактически рассматривала детоубийство как убийство привилегированное. Получился разрыв между законодательством и судебной практикой. Этот разрыв широко обсуждался практическими работниками юстиции на страницах юридической печати. Были предложения выделить детоубийство специальной статьей УК. На запросы судебной практики УКК Верховного суда РСФСР ответила инструктивным письмом от 22 ноября 1926 г. № 2, и это письмо по существу санкционировало судебную практику. В этом письме «убийство матерью своего ребенка при рождении» указывается как «особый вид убийства», происходящего в огромном большинстве случаев вследствие трех непосредственных причин: «1) острой материальной нужды матери, обрекающей ее и ребенка на голодное существование; 2) остроты чувства стыда под давлением невежественной среды, создающей в будущем невозможную жизнь матери и ребенку; 3) болезненной психики, безусловно расшатанной как самими родами, так в особенности обычной в таких случаях обстановкой (роды без посторонней помощи, в одиночестве, часто в сарае или где-либо в этом роде и т. п.)».

Эти причины, как указывает УКК, «в весьма значительном числе случаев целиком подойдут под то «тяжелое стечение обстоятельств», которое указано как необходимое условие применения ст. 36 УК, а совершение этого преступления впервые вместе с отсутствием опасности осужденного для общежития в подавляющем большинстве случаев дополняет собою все остальные признаки, допускающие применение условного осуждения». УКК считает нужным назначение за детоубийство лишения свободы на минимальные сроки или условного осуждения. Однако УКК не считает возможным применение указанных мягких мер наказания, если детоубийство совершено «достаточно культурной матерью и притом при сравнительно благоприятных материальных условиях», или «совершено с проявлением особой жестокости или совершено повторно», или, наконец, если оно совершено не матерью, а «другим лицом». Подстрекательство и соучастие в детоубийстве УКК расценивает как «обычное убийство со всеми вытекающими из этого последствиями».

Таким образом УКК совершенно определенно указывает мать как единственно возможного субъекта при детоубийстве как преступлении привилегированном и «новорожденного» ребенка как объекта этого преступления.

Инструктивное письмо 1926 г. № 2 в Верховном суде РСФСР вызвало ряд печальных откликов со стороны практических работников (нужно, конечно, учесть обстоятельства того времени — первых лет нэпа, когда писалось это письмо). Некоторые из них высказывались за усиление репрессии за детоубийство, так как условное осуждение, например, расценивается деревней как оправдание и ведет к полной безответственности за детоубийство. При этом оспаривались мотивы «нужды» и «стыда» как смягчающие обстоятельства, поскольку материальное положение обвиняемых в детоубийстве не так уж плохо и не так уж нетерпимо относятся в деревне к рождению ребенка у незамужней.

Другие товарищи отстаивали указанные мотивы и высказывались за мягкость репрессии по отношению к матерям-детоубийцам. Один из них настаивает при этом на строгой репрессии по отношению к прямым и косвенным подстрекателям — родственникам (имея в виду с их стороны попреки, насмешки, угрозы, побои) и главным образом к отцу в связи с участвовавшими случаями прямого подстрекательства отца на почве нежелания платить алименты.

В 1928 г. УКК Верховного суда РСФСР разослала судам второе инструктивное письмо за № 1. В этом письме основное внимание уделено вопросу о выяснении личности и роли отцов в случаях детоубийства. УКК отмечает, что эта роль «часто не исследуется» или «исследуется недостаточно», «а между тем практика знает случаи, когда убийство ребенка матерью явилось результатом отказа отца оказать материальную поддержку находящейся в нужде матери, что по своему существу должно рассматриваться как явление социально опасное».

УКК предлагает поэтому при возникновении дела об убийстве матерью ребенка выяснять, не было ли со стороны отца подстрекательства матери к убийству или пособничеству

убийству, выяснять, знал ли отец о предстоящих родах и убийстве, не было ли со стороны отца отказа матери в помощи.

УКК указывает, что в случаях прямого соучастия отца в убийстве ребенка (подстрекательства или пособничества) к отцу «надлежит применять ст. 136 УК применительно к ст. 18», причем меры наказания должны быть «достаточно жесткие», так как в этих случаях «главная тяжесть социальной опасности» лежит в действиях отца.

Если же подстрекательство или пособничество отца не установлено, но установлено, что он знал о предстоящем рождении от него ребенка и о беспомощном материальном положении матери, что эта мать обращалась к нему за помощью, и он отказал в помощи, хотя по имущественному состоянию мог оказать ее, и результатом явилось убийство ребенка матерью, отца ребенка следует привлекать к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 158 УК.

В отношении матерей-детоубийц УКК считает правильной карательную политику «с учетом всех смягчающих обстоятельств», т. е. рассматривает убийство матерью своего новорожденного ребенка попрежнему как преступление привилегированное.

За 1929—1934 гг. вопрос специально о детоубийстве почти не затрагивался на страницах периодических юридических изданий, хотя уделялось достаточно внимания усилению работы судебных органов в области защиты детей, в области борьбы с подкидыванием детей. Это объясняется отчасти тем, что миновала острота положения в смысле неувязки законодательства и судебной практики.

В 1935 г. 27 августа появилось третье instructивное письмо Верховного суда РСФСР за № 03/58 по вопросу о детоубийстве. В этом письме Верховный суд снова подчеркивает обязанность суда «проверить роль, личность и причастность к совершенному преступлению другого родителя (отца или матери), а также посторонних лиц (в случаях убийств по мотивам преследований и издевательства со стороны окружающих)». Письмо указывает, что отца ребенка следует привлекать к ответственности «по ст. 136 УК через ст. 17 УК» не только в случае прямого соучастия в убийстве (подстрекательства, пособничества), но и в случае причинной связи убийства с отказом отца от материальной помощи матери, за что по письму 1928 г. отца следовало привлекать к ответственности по ч. 2 ст. 158 УК. При этом письмо 1935 г. отмечает, правда, что к определению меры наказания в этом втором случае суд должен «подходить дифференцированно, учитывая в соответствии со ст. 18 УК в каждом случае и другие возможные мотивы убийства, взаимоотношения, личность, роль в преступлении каждого из родителей». Кроме того письмо 1935 г. указывает, что в новых условиях быта, материальной обеспеченности и возросшей культурности всех трудящихся Советского союза нельзя признать правильным широкое применение за детоубийство «условного осуждения или иных мер наказания по мотивам материальной нужды, низкого культурного уровня, нападок и издевательства со стороны родных и окружающих и т. п.». И наконец, последнее новое указание в письме

1935 г.: о направлении карательной политики судебных органов по делам о детоубийстве «по линии общего усиления репрессии, т. е. применения безусловного лишения свободы (не исключая и матерей-детоубийц), сопровождаемая одновременно развернутой, на основе судебных процессов, широкой разъяснительной и профилактической работой». Таким образом в письме 1935 г. УКК уже не рассматривает детоубийство как преступление привилегированное.

Социалистическое право играет активную организующую роль во всех областях народной жизни, отсюда гибкость нашей карательной политики. Усиление репрессии за детоубийство прямо вытекает из этой роли социалистического права. В настоящее время вопрос о ценности человеческой личности ставится в нашем социалистическом отечестве особенно высоко, забота о человеке становится основной задачей. Партией и правительством во всю ширь поставлены огромные политические задачи: охрана детей, воспитание во всех трудящихся лучших родительских чувств. Это связано с задачей воспитания нового поколения социалистического общества, и эта задача должна занять одно из первых мест в работе судебных органов.

Угроза наказанием и правильное применение наказания должны явиться сильным дополнительным орудием борьбы партии за изживание пережитков старого капиталистического общества, старой капиталистической семьи.

В проекте УК Союза ССР законодатель не дает статьи о детоубийстве. Ст. 113 проекта предусматривает просто «умышленное убийство», караемое лишением свободы «не ниже 5 лет». Ст. 36 проекта как на смягчающее обстоятельство указывает в п. «е» совершение преступления «женщиной в состоянии беременности».

Приведенными материалами исчерпываются материалы советского законодательства по вопросу о детоубийстве.

В СССР нет теперь почвы для двух основных мотивов детоубийства — нужды и стыда, и карательная политика по делам о детоубийстве на данный период — это общее усиление репрессии при направлении основной ее силы в сторону отцов-подстрекателей и пособников.

Констатируя правильность нашей карательной политики, необходимо отметить в то же время недостаточную четкость нашего законодательства по вопросу о детоубийстве.

Прежде всего непонятно отсутствие в УК специальной статьи о детоубийстве. Детоубийство как убийство матерью своего новорожденного ребенка есть преступление специфическое и в силу своей специфики преступление привилегированное.

Отсутствие в УК специальной статьи о детоубийстве создает ненужные затруднения для работы суда, и нам представляется целесообразным введение такой статьи в новый союзный УК.

Выделение детоубийства в УК как преступления привилегированного (т. е. с пониженной санкцией сравнительно с другими видами лишения жизни) ни в какой мере не меняет линии общего усиления репрессии по делам о детоубийстве, а только внесет необходимую четкость в наше законодательство.

Второй пробел нашего законодательства в отношении детоубийства — это недостаточно четкое решение вопроса об ответственности отцов в случае их прикосновенности к детоубийству. В отношении случаев прямого соучастия отца в детоубийстве (подстрекательства или пособничества) вопрос ясен: отец наказывался сильнее, чем мать, фактическая исполнительница преступления. Гораздо сложнее и несправедливо более часты случаи, когда отец является не прямым, а косвенным участником детоубийства; например, бросая будущую мать своего ребенка без материальной помощи, без моральной поддержки и, наоборот, иногда даже допуская по отношению к ней издевательства: «разделявайся как знаешь сама», «мне нет до этого дела», «я уеду, у меня уж другая жена» и т. п.

Нет сомнения, что такое оставление без помощи или издевательства со стороны отца ребенка может явиться и является стимулом к убийству ребенка матерью, тем более, что психика ее часто ослаблена муками родов. К ответственности привлекается в таких случаях только мать ребенка. Должен привлекаться и отец.

Несомненно, что перечисленные выше условия не охватывают собою всех признаков прикосновенности отца к детоубийству. Несомненно также, что прикосновенность эта должна быть наказуема не по ст. 153 УК и не по ст. 136 УК, а по специальной статье УК, состав которой охватывал бы специальные признаки косвенного участия отца в детоубийстве.

Об отсутствии у судов ясности по вопросу об ответственности отцов в случаях прикосновенности их к детоубийству свидетельствуют и материалы кассационной практики: кассационная инстанция часто отменяет приговоры и прекращает дела в отношении отцов, осужденных первой инстанцией за соучастие в детоубийстве. В то же время Верховный суд РСФСР постоянно констатирует, что суды недостаточно привлекают к ответственности отцов при детоубийствах.

VI. К каким же выводам можно прийти на основе изложенного материала?

Детоубийство у нас является пережитком капитализма. У нас есть еще отцы, не желающие платить алименты и из-за этого поносящие жену к аборт, не останавливающиеся перед перспективой искалечить, а то и умертвить ее; силой, например, заставляя беременную вскочить на ходу в вагон, толкающие на детоубийство физическим или психическим насилием или даже убивающие ребенка сами. Есть еще у нас близкие и дальние «родные и знакомые», заявляющие, что «порядочная девушка, не зарегистрировавшись, с мужчинами не живет, что так поступают только проститутки», и натравливающие на детоубийство сплетнями и наемщиками. Есть еще у нас и матери, «стыдящиеся» своего ребенка и убивающие его.

Против всего этого проклятого «наследия» прошлого все решительнее встает наше общественное мнение: таких людей осуждают в печати, клеймя презрением старую гниль капитализма, которую такие люди тащат украдкой в нашу новую светлую жизнь.

Конкретная действительность капиталистического и социалистического миров с очевид-

ностью показывает, что капитализм не в состоянии побороть детоубийство, так как оно вытекает из неотъемлемых свойств капитализма, из абсолютного и относительного обнищания рабочего класса, из разорения мелкой буржуазии города и деревни, из лживой, демагогической «морали» буржуазного общества, достигшей особого бесстыдства при фашизме. Капиталистическая эксплуатация, доводя рабочий класс и трудящихся до крайнего обнищания, заставляет трудящуюся женщину все чаще отказываться от ее важнейшей и наиболее радостной функции — материнства. Не только боязнь усиления и без того тяжелой нужды, не только тяжелые условия труда и быта, но и нежелание обрекать будущего ребенка на страдания, нищету, безработицу заставляет трудящуюся женщину капиталистических стран прибегать к детоубийству или аборт. А буржуазное государство отвечает на это не материальной помощью, не моральной поддержкой, а суровыми наказаниями вплоть до пожизненной тюрьмы и казни.

Положение женщины в СССР совершенно иное, чем в любом другом государстве. В своей работе «Великий почин» Владимир Ильич Ленин так говорил о положении женщины: «Ни одна демократическая партия в мире ни в одной из наиболее передовых буржуазных республик за десятки лет не сделала, в этом отношении, и сотой доли того, что мы сделали за первый же год нашей власти. Мы не оставили в подлинном смысле слова камня на камне из тех подлых законов о неравноправии женщины, о стеснениях развода, о гнусных формальностях, его обставляющих, о непризнании внебрачных детей, о розыске их отцов и т. п., — законов, остатки которых многочисленны во всех цивилизованных странах, к позору буржуазии и капитализма. Мы имеем тысячу раз право гордиться тем, что мы сделали в этой области. Но чем чище очистили мы почву от хлама старых, буржуазных, законов и учреждений, тем яснее стало для нас, что это только очистка земли для постройки, но еще не самая постройка.

Женщина продолжает оставаться домашней рабыней, несмотря на все освободительные законы, ибо ее давит, душит, отупляет, принижает мелкое домашнее хозяйство, приковывая ее к кухне и к детской, расхищая ее труд работою до дикости непроизводительною, мелочною, изнervляющею, отупляющею, забивающею. Настоящее освобождение женщины, настоящий коммунизм начнется только там и тогда, где и когда начнется массовая борьба (руководимая владеющим государственной властью пролетариатом) против этого мелкого домашнего хозяйства, или, вернее, массовая перестройка его в крупное социалистическое хозяйство»¹. И дальше: «Общественные столовые, ясли, детские сады — вот образчики этих ростков, вот те простые, будничные, ничего пышного, вельдичного, торжественного не предполагающие средства, которые на деле способны освободить женщину, на деле способны уменьшить и уничтожить ее неравенство с мужчиной, по ее роли в общественном производстве и в общественной жизни. Эти средства не новы

¹ Ленин, т. XXIV, стр. 343.

они созданы (как и все вообще материальные предпосылки социализма) крупным капитализмом, но они оставались при нем, во-первых, редкостью, во-вторых,—что особенно важно—либо **торгашескими** предприятиями, со всеми худшими сторонами спекуляции, наживы, обмана, подделки, либо «акробатством буржуазной благотворительности», которую лучшие рабочие по справедливости ненавидели и презирали»¹.

В этих словах Владимира Ильича с обычной для него гениальной простотой и ясностью не только исчерпывающе обрисовано самое существенное в положении женщины, но и дана отчетливая программа действий к изменению этого положения.

Много лет прошло с тех пор, как были написаны эти слова. Страна наша изменилась неузнаваемо, идя вперед гигантскими шагами под руководством партии и гениального, всеми трудящимися любимого вождя трудящихся всего мира товарища Сталина. На приеме колхозниц-ударниц свекловичных полей руководителей партии и правительства 10 ноября 1935 г. товарищ Сталин сказал слова, с непревзойденной ясностью характеризующие происшедшие в нашей стране великие, радостные перемены: «Товарищи, то, что мы сегодня видели здесь, это кусок новой жизни, той жизни, которая называется у нас колхозной, социалистической жизнью». «Мы слушали речи женщин не обычных, я бы сказал, женщин-героинь труда, потому что только героини труда могли добиться тех успехов, которых они добились. У нас не было раньше таких женщин». «Женщина в деревне была последней из трудящихся. Понятно, что в таких условиях героини труда среди женщин-крестьянок не могли появиться». «Трудами колхоз освободил женщину и сделал ее самостоятельной. Она теперь работает уже не на отца, пока она в девушках, не на мужа, когда она замужем, а прежде всего на себя работает. Вот это и значит, освобождение женщины-крестьянки, это и значит колхозный строй, который делает женщину трудовой равной всякому мужчине трудовому. Только на этой базе в этих условиях могли появиться такие великолепные женщины. Поэтому я сегодняшнюю встречу рассматриваю не просто, как обычную встречу передовых людей с членами правительства, а как торжественный день, когда демонстрируются успехи и способности освобожденного труда женщины»².

Социализм открыл перед женщиной радостную, широкую дорогу. Женщина в Советском союзе окружена заботой, любовью, настоящим товарищеским уважением.

В СССР воочию осуществляется гениальное предвидение одного из основоположников марксизма — Энгельса, который говорил:

«С переходом средств производства в общественную собственность индивидуальная семья перестает быть основной хозяйственной ячейкой общества. Частное домашнее хозяйство превращается в общественную промышленность. Уход за детьми и воспитание их становится общественным делом; общество одина-

ково заботится о всех детях, брачных и внебрачных»³.

Средства производства стали у нас «священной и неприкосновенной» общественной собственностью. Женщина «возвращена» у нас к общественному труду, она участвует в производстве «в крупном общественном масштабе», она работает и учится наравне с мужчиной, она со времени Великой октябрьской революции полноправна юридически и фактически.

Семья «является созданием общественного строя и будет отражать происходящие в нем изменения», — говорит Энгельс².

И наша советская семья — не семья буржуазная, не свободная, лицемерная, с ее денежно-коммерческим основанием и неизбежным дополнением в виде узаконенной и незакономерной проституции. Наша семья — это та высшая форма семьи, о которой Маркс сказал: «Крупная промышленность, благодаря значительной роли, предоставляемой ею женщинам, подросткам и детям обоего пола в общественно-организованных процессах производства, вне домашнего обихода, создает новую экономическую основу для высшей формы семьи и отношений между собою обоих полов»³.

Эта высшая форма семьи, эта коммунистическая семья, рождающаяся из единства и борьбы противоположностей на новой расширенной основе, вырастает не сразу, как не сразу исчезает «домашнее хозяйство». Но она вырастает.

У нас нет «небрачной» матери и «незаконного» ребенка. У нас просто «мать» и «ребенок», окруженные исключительной любовью, вниманием, заботой пролетарского государства. Советская женщина, советские дети — самые счастливые в мире! Советская женщина не знает зависимости от отца и мужа, не знает гнетущей заботы о завтрашнем дне, так как в СССР нет безработицы.

Женщина-мать в СССР смотрит в будущее уверенно. Она спокойна за себя и за своих детей. Помощь матери осуществляется целой сетью учреждений. На страже интересов ее и ее ребенка стоит целый ряд законов. Специальные детские учреждения дают женщине возможность воспитывать своих детей, оставаясь равноправным и равноценным членом общества. Средства на улучшение и увеличение числа учреждений, обслуживающих мать и ребенка, увеличиваются с каждым годом. Растет число яслей, детских садов, консультаций, родильных домов.

Советская женщина имеет дородовой и послеродовой отпуск с сохранением среднего заработка. Постепенно внедряется массовое обезболивание родов. Послеродовая смертность женщин составляет в Москве 1,8, в Ленинграде — 1,2 на тысячу рожениц. В Англии — 4,4, в Норвегии — 3,4 и по 25 штатам США — 5,5.

Социально-правовые кабинеты (в Москве их 40, в Ленинграде — 32, в Харькове — 18, в Одессе — 10 и т. д.) помогают матерям-одиночкам подыскать работу, найти квартиру,

¹ Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 76.

² Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 83.

³ К. Маркс, Капитал, т. 1.

¹ Ленин, т. XXIV, стр. 344.

² «Известия» 11 ноября 1935 г. № 262 (5815).

устроить ребенка в детское учреждение и т. п. и, наконец, они оказывают матери помощь в розыске скрывающегося отца, во взыскании алиментов, установлении отцовства, ибо в наследство от капитализма имеются еще у нас «отцы», которых надо «разыскивать».

Материнская доля в нашей стране стала радостной, и это результат сталинской заботы о трудящейся женщине, результат выполнения ленинского завета—втянуть женщину в общественно-производительный труд, вырвать ее из домашнего рабства.

Наряду со всеми мерами экономического и культурного порядка, мерами в государственном, общественном масштабе по улучшению материального положения матери и ребенка, по изжитию остатков гнилой, буржуазной морали социалистическое государство применяет и будет применять принуждение ко всем антиобщественным элементам, в том числе и к детоубийцам. В борьбе с нарушителями установленного правопорядка социалистическое государство опирается на поддержку всех трудящихся социалистического общества.

Борьба с детоубийствами должна идти и по линии профилактики и по линии уголовно-судебной. Обе стороны борьбы в главной своей части охвачены законом 27 июня 1936 г. «О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах».

По линии профилактической (необходимо), следовательно, в первую очередь, чтобы наркомздравы союзных республик в установленном законом срок построили и ввели в эксплуатацию указанное количество родильных и ясельных коек и детских садов.

Финансовые органы должны своевременно обеспечить строительство.

За проведением означенных мероприятий должен быть систематический контроль исполнения. Кроме того должен быть проведен ряд мер по линии мобилизации общественности.

Прежде всего во всех учреждениях и колхозах нужно вести разъяснительную работу о значении матери в нашем обществе и о конкретных формах помощи ей со стороны государства.

Такую же работу надо вести среди домашних работниц. Стержнем этой работы должно быть воспитание в каждом гражданине СССР чувства моральной ответственности за каждое детоубийство, совершенное в непосредственно окружающей его среде: на работе, на квартире и т. д., чтобы каждый понял, что социалистическое общество осудит его за то, что во время он не помог советом или делом.

Нужно также принять конкретные меры для окончательного преодоления «стыда», из-за которого с нечеловеческими муками беременные женщины работают до последнего момента родов и родят в кошмарной обстановке, без посторонней помощи.

Социалистический строй обеспечивает непрерывное возрастание материального уровня трудящихся. У нас созданы все условия для того, чтобы обеспечить нужное стране количество родильных домов, детских яслей, консультаций и всех иных мер помощи матери и ребенку. Социалистический строй обеспечивает и то, что завтрашний день будет еще богаче, радостнее и счастливее для настоящих и будущих поколений, и тем актуальнее становится задача скорейшей ликвидации пережитков капитализма. Не должно быть детоубийств в Стране советов, в Стране героинь, стахановок, как Евдокия и Мария Виноградовы, Одинова, стрелочница Неудахина, Мария Демченко, Паша Ангелина, и сотни и тысячи других, в Стране женщин, стойко борющихся за дальнейший подъем социалистического хозяйства, за несокрушимость социалистической обороны, за мир и честь Союза ССР.

С. БЕНЕНСОН и С. ЗИЛОВ

Привлечение к уголовной ответственности за неплатеж алиментов

Декрет 27 июня 1936 г. о запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам и т. п., имеющий исключительное значение в деле охраны материнства и младенчества, усилил наказание за неплатеж присужденных судом средств на содержание детей до 2 лет лишения свободы. Ряд руководящих статей печати центральных органов партии и правительства в период всенародного обсуждения декрета и в 1935 году — в период издания декрета 31 мая 1935 г. о ликвидации детской беспризорности и безнадзорности — призывал советские общественные организации «к беспощадной борьбе» с такими пережитками ста-

рого рабского прошлого, каким «является бесчеловечное отношение родителей к детям, злостное увиливание от платежа алиментов» (передовая «Правды» от 31 августа 1935 г.).

В эти годы, выполняя директивы партии и правительства, суды стали проводить более активную борьбу с лицами, преступно относящимися к своим родительским обязанностям, и со второй половины 1935 года значительно увеличивается число алиментных дел по ст. 158 УК в народных судах Московской области.

Если принять число осужденных по ст. 158 УК в первой половине 1934 г. за 100%, то в следующие полугодия получаем:

1934 г.		1935 г.		1936 г.	
1	2	1	2	1	2
полуг.	полуг.	полуг.	полуг.	полуг.	полуг.
100%	87,1%	93,3%	178,7%	225,1%	196,7%

Рост числа дел по ст. 158 УК свидетельствует отнюдь не об увеличении преступлений этого рода, а об активизации борьбы нарсудов со злостными неплательщиками алиментов.

Но этот рост наблюдается до второй половины 1936 года. После издания закона 27 июня 1936 г. число дел в нарсудах Московской области не только не увеличивается, но значительно уменьшается. То же по г. Москве, где снижение еще более резкое; резкое снижение и по отдельным районам Московской области: г. Туле, Дмитровскому району и другим.

Обращает также на себя внимание снижение числа алиментных гражданских дел по нарсудам Московской области за IV квартал 1936 г., что видно из нижеследующего:

Дела об алиментах в 1936 г.

I квартал	II квартал	III квартал	IV квартал
100%	121%	175%	141%

Таким образом мы видим, что увеличение числа алиментных гражданских дел наблюдается вплоть до IV квартала 1936 г., когда число дел уменьшается.

Есть основание предполагать, что декрет 27 июня 1936 г., усиливший наказание за злостное уклонение от платежа алиментов до двух лет лишения свободы, оказал устрашающее влияние на отцов, укрывавшихся от уплаты алиментов, и этот же декрет повлиял на сокращение числа тех, которые считали необходимым выполнять свои родительские обязанности по содержанию детей только на основании решений судов.

Это предположение подтверждают материалы, имеющиеся в распоряжении социально-правовых кабинетов охраны материнства и младенчества Москвы и Московской области. Немало отцов, систематически уклонявшихся от уплаты алиментов и разыскиваемых соц.правовыми кабинетами, присылали в их адрес извещения о новом месте работы и жительства, а иногда и суммы задолженности по алиментам. Есть даже такой «трогательный случай», когда отец, ии копейки не плативший в течение 7 месяцев по исполнительному листу, прислал не только всю причитающуюся с него задолженность в сумме 700 руб., но еще 30 руб. «в подарок сынишке на елку» к новому году. (Истрадавшаяся и озлобленная мать, несмотря на все уговоры юриста, отказалась эти деньги принять).

Остается пожалеть, что суд и прокуратура недостаточно мобилизуют общественное мнение вокруг алиментных дел: не практикуют выездных сессий по делам об алиментах на предприятиях и крупных учреждениях, не освещают этих дел в районной печати, не привлекают достаточного внимания массовых общественных организаций — профсоюзов и комсомола.

В целях выполнения основной задачи декрета 27 июня 1936 г. — оздоровления и укрепления советской семьи — необходимо, чтобы воспитательная работа нарсудов проводи-

лась на показательных процессах по алиментным делам, особенно по делам злостного уклонения от платежа алиментов. Не менее ¼ всех дел по ст. 158 УК должно слушаться на предприятиях. Этих дел не много (не более 200 в месяц в среднем по Московской области, около 100 — по всей Москве). Мы твердо уверены, что боязн предстать перед своими товарищами по работе с обвинением в злостном неплатеже алиментов остановила бы очень многих трудящихся от невыполнения своих родительских обязанностей, особенно если приговоры или решения нарсудов будут появляться на страницах стенгазет предприятий или учреждений. Но для этого необходимо, чтобы нарсуды теснее связались как с фабзавместкомами, так и с органами охраны материнства и младенчества, которые должны активно участвовать в проведении показательных процессов.

При изучении дел по ст. 158 УК в нарсудах Московской области социально-правовое отделение Московского областного научно-исследовательского института оздоровления раннего детства фиксировало свое внимание на изменении карательной политики судов в связи с декретом 27 июня 1936 г. Одновременно изучались семейное и социальное положение обвиняемых и потерпевших, их заработок, прежняя судимость, длительность неплатежа алиментов, а также ряд процессуальных моментов: кем возбуждено дело, велось ли дознание и т. п.

Материал, которым мы располагаем, создан двояким путем: 1) выборкой данных по особой форме анкеты из дел Клинского и Серпуховского нарсудов за конец 1935 г. и самое начало 1936 г., предоставленных работникам социально-правового отделения Института ОРД московской областной прокуратурой; 2) выборкой по такой же анкете данных на местах за 1936 год в народных судах девяти районов Московской области, именно Дмитровского, Истринского, Ленинского (участок нарсуда в г. Люблино), Можайского, Раменского, Реутовского, г. Тулы, Ухтомского и Чернавского. Эти анкеты заполнялись работниками социально-правовых кабинетов перечисленных районов и, кроме того, бригадой социально-правового отделения института в г. Раменском.

Кроме того, по 10 районам мы получили от наших работников сводки о количестве дел по ст. 158 УК, прошедших в нарсудах за первое полугодие 1936 года (т. е. до изменения ст. 158 декретом 27 июня 1936 г.) и за III квартал 1936 г., т. е. после изменения.

К этому надо добавить статистические данные Мособлсуда.

На разработке всего этого материала и построен нами настоящий доклад.

Для углубленного изучения преступления, состоящего в злостном уклонении от платежа алиментов, преимущественное значение имеют анкеты, по которым выбраны подробные данные из подлинных дел.

Брачные отношения обвиняемых и потерпевших по ст. 158 УК представляют особый интерес, ибо при изучении дел невольно возникает вопрос, не объясняется ли злостное уклонение от платежа алиментов в значительной мере тем, что неплательщики алиментов отри-

цают отцовство, возникшее в результате случайных связей, или сомневаются в нем.

Статистические данные Мособлсуда не дают ответа на этот вопрос. Из 161 дела, изученного нами, в 141 есть указания на брачные отношения:

Брак зарегистрированный	67,4%
Брак фактический (незарегистр.)	25,5%
Связь (брака не было)	7,1%
<hr/>	
Итого	100,0%

Мы видим, что около 70% отцов жило в зарегистрированном браке с матерью детей, только 7% — вне брака и 25% — в фактических брачных отношениях. Интересно сопоставить эти данные с полученными соцправовым отделением института в 1932 г. Из 5286 матерей, опрошенных в консультациях охраны материнства и младенчества г. Москвы, 81,5% жили зарегистрированным браком, 4,1% — вне брака и 14,4% — браком незарегистрированным. Как видим, в изученных нами делах (141) процент зарегистрированного брака несколько ниже.

Интересно привести еще данные проф. Люблинского по Ленинграду («Соц. законность» № 8 за 1936 г.): из 38 обвиняемых по ст. 158 УК 27 состояли в зарегистрированном браке, т. е. 77,1%, 5 — в фактическом браке, или 14,3%, и 3 стали отцами после кратковременной случайной связи — 8,6%.

Таким образом мы видим, что подавляющее число отцов, привлеченных к уголовной ответственности за неплатеж алиментов, жили в зарегистрированном браке с матерью детей.

Значительное число как обвиняемых, так и потерпевших — рабочие (60%) и работницы (66%). Служащих среди обвиняемых — 23%, среди потерпевших — 12%. Незначительно число колхозников (10%) и сравнительно больше колхозниц — потерпевших — 16%, принужденных просить о привлечении к уголовной ответственности мужей, ушедших на заработки на фабрики и заводы. Восемь обвиняемых совсем не работали во время суда.

Заработок родителей известен лишь в половине обследованных дел — 81; относительно матерей цифра еще ниже — 48.

	Отец	Мать
Не более 100 руб.	6%	33%
От 101 до 200 »	58%	65%
» 201 до 300 »	25%	2%
» 301 до 500 »	10%	—
Свыше 500 руб.	1%	—

Большинство отцов (73%) имеет ставку от 101 до 200 и от 201 до 300 руб. Действительный их заработок, несомненно, значительно выше. Довольно значительный процент — 10% — имеет заработок свыше 300 руб. У матерей заработок почти не превышает 200 руб. — 98%.

Семейное положение обвиняемых по ст. 158. Неплательщики алиментов часто ссылаются на большое количество иждивенцев, которых они имеют сверх ребенка или детей, которым они должны платить алименты. Поэтому интересно выяснить, сколько иждивенцев было у обвиняемых. Эти данные имелись в 139 делах. Оказывается, что больше трети (34,5% — оди-

ночки и не имеют никого на иждивении, 22,3% имеют на иждивении одного человека (жену, ребенка, мать и пр.), столько же — 22,3% имеют 2 иждивенцев, 15 обвиняемых имеют по 3 человека на иждивении, 9 — по 4 и 5 обвиняемых — по 5 и более иждивенцев. В этот подсчет иждивенцев не вошли те дети, которым обвиняемые не платили алиментов, за что они и были привлечены к ответственности по ст. 158 УК. Таким образом 34,5 + 22,3%, т. е. 56,8% злостных неплательщиков алиментов — это те, у кого совсем нет иждивенцев или у кого не больше 1 иждивенца.

Что же касается семей, которых обвиняемые оставили без поддержки, то сведения о них имеются в 155 делах: 68% имели по 1 ребенка, на которого они не платили алиментов, 23% не платили на 2 детей каждый, 5% обвиняемых не выполняли своих алиментных обязанностей в отношении 3 детей, 1% имел 4 детей и 2% по 5 детей, на которых они не платили. Всего у 152 алиментщиков было 218 детей. Трое были привлечены к ответственности за неуплату алиментов своим матерям, что противоречит закону¹.

Размер алиментов. Не во всех делах имеются точные указания на размер алиментов, которые должны были платить обвиняемые. По 6 делам видно, что ранее алименты не были присуждены. В делах, где размер алиментов указан суммарно на 2 или нескольких детей, мы вычислили, сколько приходится на одного ребенка. По выборкам из 145 дел составлена следующая таблица.

Размер алиментов	Число неплательщиков
Менее 10 рублей	5%
« 10 до 25 рублей	47%
» 26 » 50 »	30%
» 51 » 75 »	15%
» 75 » 100 »	3%
Свыше 100 »	—

Размер алиментов вычислен на одного ребенка. Как видим, алименты были присуждены в незначительных размерах: около 50% должны были платить на одного ребенка только от 10 до 25 руб. в месяц.

Сколько времени обвиняемый не платил алиментов? В 29 делах нет сведений, дающих ответ на этот вопрос. Остальные 132 неплательщика по времени, в течение которого они не платили алиментов, распределяются следующим образом.

Продолжительность неплатежа алиментов	В процентах
Неплатеж	
До 3 месяцев	6
От 3 до 6 мес.	19
» 6 м. до 1 г.	29
» 1 г. до 2 лет	19
» 2 лет до 3 лет	9
» 3 лет	18

¹ Дело № 358 от 26 марта 1936 г. Серпуховского нарсуда по обвинению Хорева прекращено в УКК Мособлсуда. По двум другим кассационные жалобы не подавались.

Более трех лет не платила почти $\frac{1}{4}$ часть обвиняемых. В эту графу включены те, кто не платил от 3 до 9 лет. Почти половина обвиняемых не платила больше одного года, три четверти — больше полугода.

Очевидно, мать долгое время не решается обратиться в суд с просьбой о принятии уголовных мер против отца детей, и это вполне понятно.

Предшествующая судимость. Данные Московского областного суда дают возможность судить о прежней судимости лиц, осужденных в 1935 и 1936 гг. по ст. 158 УК. К сожалению, эти данные не говорят отдельно о рецидиве по ст. 158 УК, а только выделяют лиц, судившихся за преступления против личности.

Среди лиц, осужденных по ст. 158 УК, процент судившихся ранее почти одинаков по кварталам года и составляет в 1935 г. — 22 и в 1936 г. — 25. Четвертая часть из них судилась раньше за преступления против личности.

Число лиц с предшествующей судимостью дает высокий процент по отдельным районам Московской области. Из 161 обвиняемого, дела которых мы изучили, судились ранее 40%, или 52 лица. В 29 делах нет данных о предшествующей судимости. Если даже предположить, что все 29 обвиняемых ранее не судились, то все же получим 32%, — как видим, процент очень высокий.

Из 52 человек 11 судились ранее за хулиганство, причем большинство из них хулиганили в семье, избивая жену на глазах у детей.

Рецидивистов (по ст. 158 УК) — 21, почти 10% обвиняемых, предшествующая судимость которых известна, или 13% по отношению ко всем судившимся, причем несколько обвиняемых (3) были привлечены по ст. 158 УК в третий раз.

Ниже мы анализируем приговоры судов по делам о рецидивистах. Сейчас мы хотим отметить, что по брачному и семейному положению рецидивисты мало отличаются от других обвиняемых. Около 70% жили зарегистрированным браком с матерью детей, больше 50% — одинокие или имеющие на иждивении более 1 человека; 60% обвиняемых не платили на содержание 1 ребенка.

Брачность

Брак зарегистрирован	14
» незарегистрирован	4
Случайная связь	3
Неизвестн.	1

Число иждивенцев

Одинокие или имеют жену	7
Имеют 1 ребенка	2
» 2 детей	4
» 3 »	5
Неизвестн.	3

На сколько детей не платили

На 1 ребенка	12
» 2 детей	7
» 3 »	1
» 5 »	1

Кем возбуждено дело по ст. 158 УК. 84,5% дел возбуждены или матерью ребенка (80%) или другими родственниками, на попечении которых ребенок находился (4,5%), судебным исполнителем возбуждено 11% дел, народным судом — 0,5%; прокурором — 0,5%, прочими — 2,5%.

Приблизительно такую же картину рисуют сводки, составленные по карточкам и делам нарсудов. Только по карточкам нарсуда Раменского района числится 46 дел (из 94 за 11 месяцев 1936 г.), возбужденных нарсудом и судебным исполнителем. Необычные 50% объясняются тем, что в I квартале 1936 г. нарсудом была произведена проверка взыскания алиментов расчетной частью крупной фабрики «Красное знамя» Раменского района. В результате проверки 25 рабочих разысканы нарсудом, привлечены к уголовной ответственности и осуждены. Инициативу Раменского нарсуда в деле проверки взыскания алиментов и привлечения к уголовной ответственности злостных неплательщиков надо поддержать и другим судам.

Нельзя не отметить, что некоторые нарсуды проявляют достаточную инициативу в деле привлечения к уголовной ответственности по ст. 158 УК: так, например, нарсудом Можайского района Московской области возбуждено 8 из 13 дел и нарсудами г. Тулы — 15 из 56.

Однако же на основании материалов, полученных на местах, можно с неоспоримостью утверждать, что инициатива судебных исполнителей и нарсудей в некоторых районах Московской области равна нулю. Так, в Реутовском районе с большим женским рабочим населением из 24 дел по ст. 158 УК, изученных нами, нет ни одного дела, возбужденного по инициативе суда или судисполнителя.

Мы не склонны объяснять исключительно инициативой суда те случаи, в которых по анкетам или сводкам значится, что дело возбуждено судисполнителем (или нарсудом), так как большей частью инициатива все же принадлежит матери: она письменно или словесно обратилась с жалобой на неполучение присужденных ей алиментов, но все-таки в этих случаях судисполнитель или нарсудья проявили известную деятельность для того, чтобы дать делу надлежащий ход.

Дело, в котором проявлена инициатива в чистом виде по собственному почину, без жалобы взыскательницы (если не считать нарсуда Раменского района), у нас имеется только одно: нарсудья Клинского района, рассматривая 16 июля 1935 г. дело об увеличении размера алиментов, которые были присуждены в сумме 10 руб. в месяц на 1 ребенка от зарегистрированного брака колхознице Федоровой, усмотрел, что отец 4 года скрывался и накопил 438 руб. задолженности, вследствие чего и возбудил против него обвинение по ст. 158 УК, закончившееся 10 января 1936 г. присуждением

к 3 месяцам исправительно-трудовых работ условно со взысканием задолженности, которая к тому времени уменьшилась до 250 руб., несмотря на то, что алименты были увеличены вдвое.

Таким образом, можно прийти к выводу, что дела по ст. 158 УК возбуждаются почти исключительно по жалобам матерей или других родственников, вследствие смерти матери проявляющих заботу о ребенке. Между тем дело должно было бы быть поставлено совершенно иначе. В ст.ст. 10 и 11 УПК, перечисляющих дела, которые возбуждаются в уголовном порядке исключительно по жалобам потерпевших (так называемые дела частного обвинения), ст. 158 УК не указана.

Отсюда следует, что судисподнители, нарсу-ды, прокуроры и т. д. должны возбуждать обвинение всякий раз, как они усмотрят задолженности по алиментам или нарушение требований, указанных в постановлении ВЦИК и СНК РСФСР от 11 июня 1928 г. «О мерах к реальному взысканию алиментов» (т. е. выезд из прежнего места жительства без указания взыскателю или учреждению, предприятию, либо судебному исполнителю нового места жительства, несообщение тем же лицам и органам о новом месте работы, об увеличении заработка, например, о работе по совместительству, что имеет особое значение в настоящее время, когда алименты присуждаются в долях полного заработка).

Суды, исполнители и прочие не только не возбуждают сами дел в перечисленных случаях по ст. 158 УК, но даже при наличии жалоб матерей, указывающих на злостное уклонение от платежа присужденных алиментов, иногда не направляя дела в уголовном порядке. Это тем более непонятно, что, как известно, матери очень неохотно начинают уголовные дела против неплательщиков, предпочитая переждать несколько месяцев, рассчитывая, что отец, уклоняющийся от платежа алиментов, как-нибудь обнаружится и сам возобновит уплату их, или станет возможным вновь произвести удержание по исполнительному листу.

Для иллюстрации такого неправильного отношения к жалобам матерей можно привести дело № 502—656 того же Раменского нарсуда, который привлек 25 отцов при проверке взыскания алиментов: Гуричева 14 мая 1936 г. подает заявление по ст. 158 УК, указывая, что отец ее двух детей не платит на их содержание с 23 марта 1936 г., а до этого платил неаккуратно. Дело заводится как гражданское, и выдается исполнительный лист в порядке ст. 24 Кодекса законов о браке, семье и опеке. Дело три раза назначается к слушанию: 5 июля, 23 июля и 14 августа. Первые два раза никто не явился, а третий раз присуждается 1/3 зарплаты. Почему обвиняемый не был привлечен по ст. 158 УК?

Дознание. По большинству дел (86%) велось расследование; по 14% дел расследования не велось. Начиная с III квартала 1936 г., по всем делам производится расследование согласно постановлению Верхсуда РСФСР от 8 августа 1936 г. (прот. 42, п. 15).

Не касаясь вопроса о качестве расследования, необходимо остановиться на двух моментах: 1) производство расследования не должно задерживать взыскания алиментов, если его

можно возобновить; 2) действия органов расследования должны быть прежде всего направлены к тому, чтобы обнаружить место работы, источник доходов и имущество неплательщиков алиментов, на которые можно было бы обратить взыскание для погашения задолженности по алиментным делам; эти данные должны быть органами расследования немедленно сообщены взыскательнице. По этим сообщениям не следует прилагать к дознаниям исполнительные листы на взыскание алиментов, а только указывать номер исполнительного листа, дату решения суда и размер присужденных алиментов. Органы милиции поступают неправильно, требуя приобщения исполнительного листа к актам дознания, которые в поисках обвиняемого путешествуют по всему Союзу ССР, вследствие чего мать в случаях возвращения должника в место ее жительства или обнаружения места его работы бывает лишена возможности возобновить взыскание алиментов.

Приговор. Данные Мособлсуда, которыми мы располагаем, не дают представления о количестве оправданных судами или о числе прекращенных судами дел. По данным сводок 11 районов:

Всего дел	321	100,0%
Из них:		
Прекращено дел	39	12,1%
Оправдано	34	10,6%
<hr/>		
Итого	73	22,7%

Итак, почти четверть всех дел по ст. 158 УК, поступивших на рассмотрение нарсудов Московской области, кончается ничем в полном смысле слова.

Целый ряд оправдательных приговоров должен быть признан неправильным. Если за отцом числится задолженность по алиментам и если установлено, что он мог своевременно платить на содержание своих детей, то не может быть никаких оснований для вынесения оправдательного приговора или постановления о прекращении дела. В лучшем для обвиняемого случае, если он, например, погасил всю задолженность ко дню разбора дела, может быть назначено общественное порицание или условно-исправительно-трудовые работы. Тем более нельзя выносить оправдания при наличии указанных моментов для рецидивистов. Между тем мы имеем 1 оправдание, 1 предупреждение и 1 прекращение для рецидивистов по ст. 158 (3 и 21 приговор). Раменским нарсудом оправдан (д. № 501—180 11 декабря 1936 г.) Кузнецов, рабочий совхоза «Гигант», отбывший по ст. 158 4 месяца испр.-труд. работ в 1935 году, и вновь не плативший в течение одного года 50 руб. алиментов на 2 детей от зарегистрированного брака; по отбытии наказания по ст. 158 Кузнецов скрывался, а когда бывшая жена нашла его в совхозе, уплатил в апреле 20 руб., в мае — 40 руб., в июне — 80 руб. Правильнее было бы не оправдать Кузнецова, а вынести условный приговор. Ведь после вынесения оправдательного приговора нет уверенности в том, что Кузнецов будет платить алименты, раз сокрытие места работы остается безнаказанным.

Реутовский нарсуд (д. № 401—86) выносит предупреждение рабочему Пискареву, судившемуся ранее по ст. 158 (мера неизвестна), вновь 4 месяца неплатящему алиментов (20 руб. в мес.) на 1 ребенка от зарегистрированного брака, причем в приговоре добавляется: «с обязательством погасить задолженность в 2 месяца». Между тем при ставке Пискарева в 160 руб. в месяц с него могла быть и без уголовного дела в один месяц удержана вся задолженность.

Можайским нарсудом (д. № 51 1936 г.) оправдан счетовод Тюрин на том основании, что «потерпевшая знала, где обвиняемый работал», «обвиняемый не уклонялся от уплаты алиментов, и задолженность значится за ним только а февраль 1935 г.». Между тем обстоятельства дела таковы: 5 июля 1936 г. с Тюрина присуждено 30 руб. на 1 ребенка. Он взял у истицы исполнительный лист для исполнения и его «потерял». Когда в сентябре истица передает дело прокурору, Тюрин уплатил ей 25 сентября в один день, по двум распискам, 31 и 50 руб. Последнюю цифру он переделывает на 150 руб. На дознании он сознался в подлоге. В январе он платит 90 руб., в феврале—40 руб. Таким образом задолженность ко дню слушания дела действительно оказалась погашенной, но злостность, выразившаяся в уничтожении исполнительного листа и попытке обмануть посредством подделки расписки, должна была быть наказана, тем более, что крупные взносы после обращения в прокуратуру и когда обнаружился подлог, явно свидетельствуют о том, что Тюрин имел возможность регулярно платить алименты.

Реутовский нарсуд (д. № 401—154) оправдывает 2 марта 1936 г. Логина, с 1 октября 1936 г. не платившего бывшей жене, живущей в Мордовской АССР, 50 руб. алиментов на 1 ребенка. Основанием для оправдания приведено то, что обвиняемый заявил, что ребенок от первой жены живет теперь у него. Никаких доказательств этого в деле нет¹.

Недопустимо оправдание и прекращение дел, если злостность неплатежа алиментов доказана. Необходимо понять, что если лица, злостно уклоняющиеся от выполнения своих родительских обязанностей, могут надеяться на оправдание или даже на прекращение их дел в 20% случаев, — борьба с неплательщиками алиментов не может вестись успешно.

Не надо забывать, что с просьбой о привлечении к уголовной ответственности в огромном большинстве случаев мать обращается только тогда, когда иные мирные способы получения алиментов исчерпаны. И это вполне понятно, ибо привлечение к уголовной ответственности может повлечь за собой лишение свободы, а значит и окончательную потерю материальной поддержки на значительный период времени. Нет никакого сомнения, что число дел по ст. 158 УК не соответствует числу случаев действительного уклонения от платежа алиментов. В частности, те лица, кото-

рые после присуждения с них алиментов переменили место жительства или работы и не сообщают об этом взыскательнице, совершенно не привлекаются к ответственности, если только, спустя известное время, которое потрачено было матерью на розыски неплательщика или места его работы, удастся снова взыскивать алименты.

Ни одного случая привлечения к уголовной ответственности за нарушение постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 11 июня 1928 г. мы не нашли в делах нарсудов Московской области за 1936 г., как не нашли и ранее, при изучении дел по ст. 158 УК в нарсудах г. Москвы за 1932 г.

Очевидно, постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 11 июня 1928 г., имеющее огромное значение в деле взыскания алиментов, забыто судами: оно не доводится до сведения лиц, обязанных к платежу алиментов.

Нам кажется совершенно необходимым при вынесении решения по **каждому алиментному делу разъяснять ответчику его обязанность** извещать мать ребенка о всякой перемене жительства и места работы, а также предупреждать его об ответственности за злостное уклонение от платежа алиментов.

Следует считать совершенно неправильным мнение некоторых нарсудей о том, что только длительный неплатеж алиментов свидетельствует о наличии злостности со стороны должника. Едва ли нам следует подражать в этом деле Франции, которая законом 10 февраля 1924 г. установила уголовное наказание за неплатеж алиментов лишь для тех, кто **умышленно более трех месяцев** оставит без погашения срочные платежи алиментов.

Мы убеждены, что число скрывающихся от уплаты алиментов значительно сократится, если по ст. 158 УК будут привлекаться все те отцы, которые бросают место работы тотчас после поступления туда исполнительного листа на взыскание алиментов с явной целью затруднить возможность получения присужденных с них средств на содержание ребенка.

Изменение карательной политики нарсудов после издания закона 27 июня 1936 г. Число лиц, приговоренных к лишению свободы в I и II кварталах 1935 г., составляет всего 1,3% всех приговоренных к лишению свободы.

Начиная с III квартала 1935 г., число это значительно увеличивается до 14,1% в III—IV кварталах 1935 г. и достигает 30,3% в IV квартале 1936 г. Здесь несомненное влияние декрета 31 мая 1935 г. о ликвидации детской беспризорности, проекта закона об алиментах 1935 г. и проекта закона о запрещении абортов. Влияние закона 27 июня 1936 г. сказывается и в увеличении числа лиц, приговоренных в IV квартале 1936 г. к 2 годам лишения свободы, — 41% всех осужденных к этому виду наказания, в то время как в III квартале 1936 г. число осужденных к 2 годам лишения свободы достигало только 18,4%.

Соответственно увеличению числа лиц, приговоренных к лишению свободы, уменьшается процент осужденных к исправ.-труд. работам с 72,8 в начале 1935 г. до 42,7 в конце 1936 г. Против ожидания, сокращается количество приговоренных к исправ.-труд. работам на общих основаниях с 25,8% всех осужденных в I квартале 1936 г. до 20% в IV квартале этого года. Такие меры социальной защиты, как

¹ При изучении дел, затребованных Мосoblпрокуратурой, в порядке надзора, по Серпуховскому и Клинскому районам, несколько оправдательных приговоров было опротестовано Мосoblпрокуратурой на основании заключения работников Института.

штраф и общественное порицание, снизились с 4,7% в 1935 г.¹ до 0,5—1,5% во второй половине 1936 г. Условное осуждение применяется в одинаковой мере во второй половине 1935 г. и в конце 1936 г. — 25,5%.

Если мы от средних цифр по всей Московской области обратимся к приговорам нарушителей отдельных районов области, то увидим, что закон 27 июня 1936 г. и всенародное его обсуждение мало отразилось на практике нарушителей некоторых районов. Так, например, Можайский и Реутовский нарсуды почти не применяют лишения свободы. Реутовский нарсуд назначает исправ.-труд. работы с небольшим процентом удержания по месту работы даже при длительном неуплате алиментов и большой сумме задолженности. В этом суде рабочий-слесарь со ставкой в 300 руб. в месяц, одинокий, не плативший в течение двух лет по 100 руб. в месяц на содержание двух детей, приговаривается к 6 месяцам исправ.-труд. работ с удержанием 10% и погашением задолженности в течение 6 месяцев (дело № 401—218 от 13 мая 1936 г.), или музыкант Золотухин (дело № 401—119), не имеющий никого на иждивении, не плативший в течение 3 лет по исполнительному листу (в размере 20 руб. в месяц), приговаривается судом к 6 месяцам исправ.-труд. работ по месту работы с удержанием 10%, хотя место работы обвиняемого не установлено.

Ряд судов злоупотребляет условными приговорами. Число условных приговоров по сводкам нарсудов восьми районов и по данным наших анкет достигает в среднем 41% (в то время как число лиц, приговоренных к лишению свободы, по сводкам восьми районов, в среднем почти соответствует данным Мособлсуда — 25,5% всех осужденных). По Раменскому району — с большим женским рабочим населением — число условных приговоров составляет 65,2% (45 из 69) всех осужденных, достигая 75% в III квартале 1936 г. По Истринскому району (с большой текстильной фабрикой) число условно приговоренных составляет 47% (13 из 28). Много условно приговоренных по Ухтомскому рабочему району, ближайшему к г. Москве.

Необходимо подробно остановиться на условных приговорах, выносимых Раменским и Ухтомским нарсудами. Раменский нарсуд 29 марта 1936 г. по делу № В—501—204 (и многим другим) выносит следующий приговор: «Обвиняемого Егорова подвергнуть по ст. 158 УК уголовному наказанию — лишению свободы сроком на 6 месяцев... считать приговор условным до 1 декабря 1936 г. К указанному сроку обязать Егорова погасить задолженность по исполнительному листу с мая по август в сумме 525 руб. В случае непогашения задолженности в указанный срок приговор привести в исполнение; по уплате судимость будет снята».

Ухтомский нарсуд по делу № 421—298 (и другим) от 28 июня 1936 г., приговаривая Ковыленко к 6 месяцам лишения свободы, постановляет отсрочить приговор до 1 сентября 1936 г. и в случае уплаты к этому сроку всей суммы задолженности в 1600 руб. и аккуратно-

го платежа в дальнейшем поставить вопрос об аннулировании приговора в порядке ст. 461 УК, очевидно, с вызовом сторон в судебное заседание.

К сожалению, нам не удалось собрать полные данные о том, как приводятся в исполнение эти своеобразные условные приговоры нарсудов. Вполне понятно, что по этим делам судья должен особенно зорко следить за тем, погашается ли задолженность в назначенный судом срок. Но вот из 12 лиц, приговоренных Раменским нарсудом в III квартале к лишению свободы условно, 7 человек не уплатили к сроку задолженности,¹ и суд никаких мер по отношению к этим лицам не принял. Народные судьи считают, что условные приговоры с обязательством погашения задолженности к назначенному сроку лучше обеспечивают мать, но к чему приводят эти приговоры, если суд не следит за их исполнением?

Уверенность в том, что задолженность будет непременно погашена, повидимому, так велика, что имеется даже приговор о лишении свободы без указания срока (дело № 329—192 Ухтомского нарсуда).

Необходимо отметить, что эти своеобразные условные приговоры не удовлетворяют требованиям Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов. Ст. 53 УК (ч. 2) устанавливает прежде всего, что «испытательный срок не может быть меньше одного года».

Между тем в условных приговорах, о которых мы говорили, нарсуды дают более краткие сроки для погашения задолженности и считают, что после ее погашения всякая судимость считается снятой. Далее, ст. 55 п. «б» УК признает не имеющими судимости «лиц, которые в течение назначенного судом испытательного срока не совершили нового, не менее тяжкого преступления». И этому требованию не удовлетворяет практика нарсудов, выносящих указанные выше условные приговоры по ст. 158, так как она узаконила снятие судимости при исполнении только одного условия, именно — уплаты задолженности по алиментам, реже — при исполнении двух условий: погашения задолженности и исправного платежа текущих платежей алиментов; совершение же какого-либо другого (не менее тяжкого) преступления не вызовет, судя по редакции приговора, применения ст. 54 УК и ст. 464 УПК, т. е. отмены условного осуждения.

Наконец, неправилен и порядок отмены условности вынесенного приговора. Если задолженность не будет погашена осужденным в указанный срок, или текущие платежи не будут своевременно вноситься осужденным, нельзя механически обращаться к исполнению приговора, а в силу ст. 54 УК необходимы новое привлечение к ответственности по ст. 158 УК с соблюдением всех процессуальных правил и новое осуждение неплательщика алиментов.

Не возражая против применения условности в значительном числе дел по ст. 158 УК вообще, если это преступление совершено в первый раз и если обвиняемым не проявлено особой злостности, мы возражаем против того, чтобы эти условные приговоры сопровождались условием погашения задолженности по

¹ Штраф — 1,5%; общественное порицание — 3,2%.

¹ В делах нет никаких данных об уплате задолженности этими семью лицами.

алиментам к известному сроку, так как это не предусмотрено законом и так как мы должны требовать точного соблюдения требований УК и УПК относительно условных приговоров. Тем менее допустимо это «правотворчество» нарсудов в настоящее время, после принятия Сталинской Конституции и постановления 56 пленума Верховного Суда Союза ССР («нарушение процессуальных норм со стороны органов суда является абсолютно недопустимым»).

Мы считаем необходимым особо остановиться на приговорах судов в отношении рецидивистов. Из 21 обвиняемого рецидивиста (13% от 161 изученного нами дела) только 9 приговорены к лишению свободы и 4 к исправ. работам на общих основаниях, т. е. 13 из 21, остальные — к исправ.-труд. работам по месту работы, к условному осуждению и даже к предупреждению, причем карательная санкция судов мало изменилась после декрета 27 июня 1936 г., что видно из нижеследующей таблицы:

	Приговорены рецидивисты	Из них после закона 27 июня 1936 г.
Лишение свободы	7	2
Лишение свободы с поглощением приговоров по ст. 74 УК	1	—
И.-т. работы на общих основаниях	4	—
И.-т. работы по месту работы	3	1
Условное осуждение	3	2
Оправдан — 1, прекращен — 1, предупр. 1.	3	1

Из двух рецидивистов, приговоренных после декрета 27 июня 1936 г. к лишению свободы, один был приговорен (нарсудом Раменского района) к 2 годам, но Мособлсуд снизил ему наказание до 6 месяцев лишения свободы. Предшествующие приговоры тех же обвиняемых были исправ.-труд. работы и только в одном случае — лишение свободы. Из 21 обвиняемого рецидивиста по ст. 158 УК 5 судилось еще и за другие преступления (из них 3 за хулиганство) и, как мы отметили выше, 3 судились по ст. 158 УК в третий раз.

Следует ли признать правильной карательную политику судов в отношении рецидивистов, злостно уклоняющихся от платежа алиментов? Мы убеждены, что по отношению к ним возможно только одно наказание: лишение свободы и притом на длительный срок. Излишне добавлять, что особенно желательно заслушивать дела о рецидивистах в выездных сессиях на фабриках и заводах.

Несколько слов о редакции приговора. Она оставляет желать лучшего. Мотивировка приговора почти никогда не объясняет, почему дано лишение свободы, или почему назначены исправ.-труд. работы, или применено условное осуждение. Особенно это бросается в глаза при больших сроках лишения свободы, и областной суд смягчает наказание, может быть, вследствие отсутствия такой мотивировки.

В приговорах желательно было бы всегда отражать семейное положение обвиняемого как в отношении той семьи, с которой он живет, так и в отношении той семьи, которую обвиняемый не поддерживает.

Желательно также всегда видеть из приговора, не только «судим по такой-то статье», но и какое наказание получил и отбыл ли его.

Это особенно важно в отношении рецидивистов по ст. 158. Заработок обвиняемого желательно было бы указывать не в размере ставки, а полный и за время, пока не платились алименты, так как это ярче обрисовывает злостность неплатежа или затруднительность для обвиняемого аккуратно вносить присужденные алименты.

Исполнение приговоров часто задерживается, однако же по отметкам в делах трудно бывает установить своевременность обращения к исполнению: отсутствует дата, иногда нет вовсе отметки в деле. Так, например, в Реутовском нарсуде из 12 приговоров, подлежащих исполнению, 2 обращены к исполнению своевременно, 4 — с опозданием, по 3 делам неизвестно, когда сообщено об исполнении, в 3 делах нет отметок об исполнении. Едва ли правильно считать приговор приведенным в исполнение, если об этом сообщено бюро исправ.-труд. работ и пр.

Правильнее было бы по каждому делу иметь сообщение бюро исправ.-труд. работ о том, что выписка из приговора получена и что исправительные работы осуществляются, или места лишения свободы о том, что осужденный поступил в него.

Против троцкистской клеветы в теории государства и права

I.

Перед общей теорией социалистического права сейчас стоят огромные политические задачи. Как известно, враги народа особенно специализировались на извращении и фальсификации марксистской методологии права. Теоретическая разработка проблем общей теории права была монополизирована бухаринско-троцкистской «школкой» во главе с Пашуканисом. Благодаря политической беспечности правовиков, эта фашистская банда «теоретиков» хозяйничала на правовом фронте, что принесло огромный ущерб теоретической разработке социалистического права. Теоретические работники правового фронта, изучающие вопросы конкретных областей права, фактически самоустранились от участия в разработке общей теории права, что еще в большей мере закрепляло монополию за «школкой» Пашуканиса на разработку методологии права.

В «Правде» в статье Юдина еще в феврале была вскрыта вредительская сущность «теории» Пашуканиса. Казалось бы, специалисты по вопросам общей теории права должны были дать ряд выступлений в печати, чтобы полностью выкорчевать влияние вредительских теорий в советском праве. Однако до сих пор самокритика по общей теории права разворачивается весьма медленно, хотя в ряде работ мы находим систему троцкистских и право-реставраторских взглядов по вопросу о государстве и праве. Ярким примером может служить книжка П. Н. Галанзы «Психологическая теория права и марксизм»¹.

До настоящего времени автор этой книжки упорно и всячески пытается замазать троцкистские «установки» своей работы. Так, например, в Минске в юридическом институте по докладу о положении на правовом фронте (14 июня 1937 г.) выступавший в прениях Галанза стал на путь сведения своих «ошибок» к неудачному стилю и терминологии. Галанза утверждал, что его работа стилистически неудачно изложена, в силу чего трудно установить, где излагаются взгляды Петрожицкого и где идет речь о заключениях самого автора. Это утверждение далеко не отвечает действительности: Галанза в своей книжке развивает систему троцкистских и право-реставраторских «теорий». Эта книжка ярко на себе выражает влияние контрреволюционных «теорий» врага народа Пашуканиса.

II.

Галанза, прежде всего, касается значения работ Маркса и Энгельса по вопросам теории права. «Что касается права и государства— пишет Галанза, — то... вопрос о природе пра-

ва еще очень не ясен и в нашей марксистской литературе. Оставшиеся отрывочные замечания Маркса и Энгельса требуют еще приведения в систему их воззрений на этот предмет, а целый ряд этих замечаний при поверхностном к ним отношении как будто даже дают большой козырь в руки психологистов» (стр. 113). Разве подобные утверждения Галанзы не являются клеветой на марксизм?

Фальсификацию марксизма-ленинизма Галанза проводит самым беззастенчивым образом. Галанза делает «открытие»: при чтении Маркса и Энгельса по вопросам права якобы создается впечатление, что основоположники научного социализма стоят на точке зрения психологической теории права. Галанза в своей работе, очевидно, полагает, что эти отрывочные суждения Маркса и Энгельса он, наконец, привел в систему.

В достаточной мере известно, что в работах Маркса и Энгельса мы имеем глубокий анализ основных проблем права. С точки же зрения Галанзы, эти работы требуют еще «авторитетной» систематизации. Так с троцкистских позиций клеветает Галанза на работы основоположников научного социализма.

Для разоблачения всей реакционной сущности психологической школы права огромное значение имеют также работы Ленина и Сталина. В этих работах, как и в работах Маркса, Энгельса разоблачаются классовая природа буржуазного суда, роль и содержание институтов права и решаются основные вопросы права в эпоху социализма. Галанза, однако, эти работы замалчивает.

III.

По вопросу о государстве Галанза в своей работе развивает враждебные марксизму взгляды. По его мнению, «государство есть определенным образом организованная деятельность людей, подчиняющих свою волю воле господствующего класса» (стр. 170). Государство «представляет собой известный вид деятельности и взаимодействия людей, которые руководствуются известными нормами» (стр. 123).

Галанза замалчивает ленинскую постановку вопроса о государстве как дубинке в руках господствующего класса, о государстве как машине подавления и насилия. И читателю преподносится «теория» о том, что «государство есть определенным образом организованная деятельность людей». Галанза, вслед за Пашуканисом, выхолащивает классовую сущность государства и права. Под приведенным выше определением государства Галанзой подпишется любой фашистский «теоретик». Вся теоретика корпоративного, тотального, авторитарного государства больше всего шумят о том, что государство — это высшая форма организованной деятельности людей. Социальная демагогия фашизма по вопросу о государстве в качестве важнейшего тезиса выдвигает

¹ П. Н. Галанза, «Психологическая теория права и марксизм» (Ученые записки Казанского государственного университета, 1929 год).

требование о преодолении в фашистском государстве классовой борьбы путем организации всей нации в единое целое, путем утверждения единой воли народа в государстве.

До сих пор Галанза не уяснил контрреволюционной сущности своих теорий, упорно отказывается от их разоблачения. Галанза ни словом не обмолвился о том, что государство — это машина угнетения и подавления. Он утверждает прямо противоположное, как привидилось выше, что в государстве определенным образом организованные люди **подчиняют свою волю воле господствующего класса**. Таким образом, речь идет не о подавлении эксплуатируемых, а о том, что последние подчиняют свою волю воле господствующего класса! Эти утверждения глубоко враждебны марксизму-ленинизму. Прямой вылазкой против ленинизма являются рассуждения Галанзы о вещественных придатках государства. Галанза пишет: «Но ведь никому не придет в голову отождествлять государство с чем-то вещественно осязаемым, вроде будки, шлагбаума, казармы, участка, ГПУ, так как это все — продукты деятельности людей, находящихся в известных отношениях» (стр. 117).

Конечно, государство не сводится к этим вещественным придаткам. Но весьма характерно для идеалистической теории Галанзы о государстве, что к этим вещественным придаткам государства он относится весьма пренебрежительно. Галанза абстрагируется от этих вещественных придатков государства и рассматривает государство не как орудие в классовой борьбе, а как форму организованной деятельности людей вообще. «Нельзя себе представить, — пишет Галанза, — ни права, ни государства в виде каких-то самостоятельных существ, воздействующих непосредственно на наши чувства. Если даже и приводятся всякого рода соображения относительно армии, полиции, тюрем и т. д., то это грубейший наивный реализм, модификация товарного фетишизма» (стр. 122). И эта «теория» преподносится читателю, как положение марксизма. Трактовка государства, как аппарата насилия оказывается, по мнению Галанзы, грубейшим наивным реализмом. Совершенно ясно, что автор полностью стоит на позициях реакционера Петракицкого (этот кадетствующий профессор, смертельный враг СССР, почему-то Галанзой рассматривается в качестве либерального буржуа!).

Ленин, освещая вопрос о сущности государства, пишет: «Энгельс развертывает понятие той «силы», которая называется государством, сила, происходящей из общества, но ставящей себя над ним, и все более и более отчуждающей себя от него. В чем состоит, главным образом, эта сила? В особых отрядах вооруженных людей, имеющих в своем распоряжении тюрьмы и проч.»¹.

Таким образом, Ленин суть государства, главную его силу видит в особых отрядах вооруженных людей. Эти истины марксизма, хорошо известные школьнику, ученый теоретик от юриспруденции квалифицирует как наивный реализм! Разве это не является яр-

чайшим примером юридического кретинизма, который пытается дать бой марксизму по центральной проблеме, по проблеме о государстве. Все эти «теории» Галанзы о государстве как об организованной деятельности людей, есть повторение органической теории Спенсера, которая, как писал Ленин, «кажется «научной» и прекрасно усыпляет обывателя, затемняя главное и основное: раскол общества на непримиримо враждебные классы»¹.

Ярким примером пропаганды Галанзы в его книжке буржуазных теорий о государстве является рассуждение о «единой воле» государства. «И если даже, — пишет Галанза, — происходит революция, и один класс приходит на смену другому, это не колеблет правомочия притязаний этого субъекта права, так как единая воля все-таки остается. Меняются только ее представители. Другой класс только потому и приходит к власти, что первый перестал выражать волю всего общества, — что его интересы разошлись с интересами всего общества» (стр. 170). Следовательно, по мнению Галанзы, государство выражает волю всего общества. Другой класс приходит к власти только тогда, когда воля господствующего класса разошлась с волей всего общества. Это ведь типично идеалистические установки о государстве как выражении всеобщей воли. С этой точки зрения получается, что буржуазное государство выражает волю всего народа и оно только тогда будет уничтожено, когда его воля разойдется с волей всего народа. Стало быть, и фашистские государства выражают волю всего народа. Эти контрреволюционные выводы неизбежно вытекают из «теорий» Галанзы, как бы он ни старался в невинном свете представить эти места своей брошюры. Насколько большое значение Галанза придает своей идеалистической теории о «единой воле», видно из того, что он ее кладет в основу своей «теории» о диктатуре пролетариата.

«При допущении фиктивности «общей воли» — пишет Галанза — ... подвергается опасности, и весьма серьезной теория диктатуры пролетариата, особенно в такой стране, где пролетариат представляет меньшинство» (стр. 161). Троцкистская сущность этих «теорий» очевидна. Эти «теории» весьма близки к тезисам троцкизма: пролетариат, будучи меньшинством в России, не устоит перед лицом консервативной Европы; отсюда отрицание возможности построения социализма в одной стране. Далее автор абстрагируется от классовой борьбы, и это неизбежно приводит к выводу, что диктатура пролетариата выражает также и волю классово враждебных элементов, ибо государство ведь выражает волю всего общества. Правда, Галанза чувствует, что его «теория» слишком обнажает свою идеалистическую сущность. Поэтому он спешит оговориться, что под «общей волей» здесь нужно понимать только волю трудящихся. Но все эти оговорки не спасают «теории» Галанзы, ибо они до конца враждебны марксизму-ленинизму. Марксообразной фразеологией Галанза всячески пытается маскировать антимарксистскую сущность своих «теорий».

Эклектизм всех этих «построений» Галанзы настолько значителен, что он, подобно ти-

¹ Ленин, Государство и революция, Партиздат ЦК ВКП(б), М. 1937 г., стр. 14. Разрядка моя. — Б. М.

¹ Там же, стр. 8.

личному катедер-социалисту поднимает вопрос о праве пролетариата на революцию (стр. 161).

Своей теорией «единой воли» Галанза докатился до троцкистских утверждений о соотношении партии и государства. Отрицание «единой воли» государства, — пишет Галанза, — не дает возможности обосновать право на революцию. Галанза ставит на одну доску ВКП(б) с антисоветскими партиями. ВКП(б) наряду с другими партиями притязает на «монопольное» господство. Разве эти «теоретические изыскания» не являются формой дискредитации ВКП(б)? Разве эти «теории» не являются, по существу, отражением чаяний врагов диктатуры пролетариата о легализации антисоветских партий? Ведь здесь пропагандируется контрреволюционная оссовщина.

Троцкистские «теории» приводят автора к трактовке партии, как области насилия, приводят к выводу о диктатуре партии над пролетариатом, к отождествлению партийной и советской директивы. Галанза пишет, что «в нашем государстве все классы должны подчиняться директивам ВКП(б) не только за страх, но и за совесть». Таким образом, здесь утверждается о подчинении ВКП(б) всех классов, как будто ВКП(б) является аппаратом насилия, а не руководящей силой диктатуры пролетариата. К тому же, по мнению Галанзы, все классы должны ВКП(б) подчиняться не только за страх, но и за совесть. Следовательно, также и кулаки, другие классово враждебные элементы за «совесть» должны подчиняться ВКП(б). Так троцкистские утверждения Галанзы смыкаются с право-реставраторскими утверждениями о мирном вращении кулака в социализм, о затухающей кривой классовой борьбы.

В книжке Галанзы «Психологическая школа теории права и марксизм» вопрос о сущности государства, о диктатуре пролетариата, о партии освещается с позиций контрреволюционного троцкизма. Все эти «теории» являются клеветой на диктатуру пролетариата и большевистскую партию.

IV.

Как же решает Галанза вопрос о сущности права? Как строится им марксистская критика психологической теории права? Каковы классовые корни этой реакционной школы права?

На все эти вопросы Галанза дает ответ с бухаринско-троцкистской позиции бандита Пашуканиса. Пашуканис в «критике» психологической теории права ограничивается лишь положениями о реальности правовой формы. Пашуканис конечно не ставил вопроса о классовой сущности этой школы, являющейся выражением политической реакции в эпоху империализма. Пашуканис здесь целиком повторяет положения тех буржуазных теоретиков, которые отрицают трактовку права, как «фантазмы» и «проекцию». Пашуканис, опираясь на реставраторскую «теорию» Бухарина о «законе трудовых затрат», обосновывает положение о реальности правовой формы и дефетицизации правовых категорий. Известно, что Бухарин трактует закономерности развития экономики в эпоху диктатуры пролетариата, как закономерности буржуазного общества.

Основным принципом экономики переходного периода является закон трудовых затрат, с которого в СССР сброшены мистифицирующие одежды закона стоимости. Эта антиисторическая, механистическая постанковка Бухарина о законе трудовых затрат была проведена Пашуканисом и Старосельским также и в области права. Правовые категории советского права, это те же категории буржуазного права, только у нас они дефетицированы. Реальность категорий права у нас полностью вскрывается путем сбрасывания мистифицирующих одежд, облекающих категорию права в буржуазном государстве. К этим установкам Пашуканиса, которые выхолащивают классовое содержание права, присоединился также враг народа Резунов в своей книжке «Марксизм и психологическая школа права». На этих же позициях целиком находится и Галанза, который пишет, что «моя работа посвящена одной проблеме — проблеме реальности права и государства и методологических приемов их изучения» (стр. 113). Галанза полагает, что марксистская критика психологической теории права ограничивается установлением реальности правовой формы. Под такой постановкой вопроса о реальности правовой формы вообще подпишется и фашист.

Марксист должен вскрыть политическую классовую сущность психологической теории права. А для этого необходимо проанализировать ту политическую обстановку, в которой возникла и развилась психологическая школа права. Работа Ленина «Империализм, как новейший этап капитализма» дает ключ для выяснения роли этой школы в буржуазном обществе, выражающей усиление политической реакции в эпоху империализма. Главную опасность психологической школы Галанза видит «в отрицании объективной реальности права и государства и превращения их в фантазмы сознания» (стр. 113). Так затушевывает Галанза политическую реакционность психологической школы права. Галанза старательно замалчивает работы Ленина, которые вскрывают усиление реакции в эпоху империализма по всей линии, что находит свое отражение и в теории права. Вопрос о политической сущности этой школы топится Галанзой в показной квази-учености.

Галанза в вопросе о праве стоит на позиции той же психологической теории права, причем, будучи эклектиком, он принимает к руководству гегелианские, кантианские и махистские «установки» по вопросу о праве.

Подчеркивая реальность правовой формы, Галанза в то же время неоднократно указывает на неуловимость объективной реальности государства и права и что в силу этого создаются благоприятные предпосылки для развития психологической школы права. Но что это обозначает? Ведь если право объективно неуловимо, по мнению Галанзы, то не ясно ли, что оно является лишь «проекцией» и «фантазмой». Так зачем же было затевать сыр-бор и писать «марксистскую» критику психологической школы права? Здесь Галанза показывает, что сам-то он является подлинным психологом и все его заклинания против психологической теории, — это только словесная трескотня, позволяющая под флагом якобы марксизма контрабандой протаскивать реакционнейшие теории права эпохи империализма.

Что Галанза в вопросе о существовании права стоит на идеалистических, богдановских позициях, видно и из того, что, по его мнению, «Право... в основе своей — только совокупность известных регулятивных принципов, которыми люди руководятся в своих фактически возникающих отношениях» (стр. 123). Не случайно, поэтому, в основе правосознания в советском праве, по мнению Галанзы, лежат «коллективистические принципы» (стр. 127). Но какова же классовая природа права этих «коллективистических принципов»? На этот вопрос ответа не дается. Марксистско-ленинская теория права подменяется Галанзой махистской и богдановской тарбарщиной. Насколько махизм глубоко пронизывает всю работу Галанзы, видно из смешения им правовых явлений, как явлений социальных, с явлениями биологического порядка. Касаясь вопроса о различии «нормы» и «закона», Галанза пишет: «Нарушение норм, регулирующих свободный оборот во время «нэпа» (например, факты, имеющие место во время хлебозаготовок), вызывает такую же реакцию в общественной системе, как в организме голодовка, искусственное задержание важнейших отправления, т. е. нарушение законов природы... И, если даже допустить, что «преступники» безнаказанно «нарушают» конституцию, уголовный и гражданский кодексы, а власти бездействуют, останется ли это без всякого следа и не вызовет ли это такой же бурной реакции, как отказ от сна, задержание мочи и т. д. (стр. 124). Так Галанза смешивает в одну кучу биологические и социальные явления, проводит кантовские противопоставления «нормы» и «закона», т. е. признания закономерности только в природе и отрицание ее в обществе, где действуют нормы категорического императива. Отсюда становится понятным, почему Галанза такое огромное значение во всех своих «теориях» придает общечеловеческой значимости права. Кантовский категорический императив — основа этих построений Галанзы. Точно так же как для бытия диктатуры пролетариата нужно, по мнению Галанзы, наличие «общей воли», «права на революцию» и т. д., так и для бытия правовых и этических идеалов пролетариату прежде всего необходимо обоснование их общечеловеческой значимости. «Без этого невозможно, — пишет Галанза, — победоносная классовая борьба на идеологическом фронте» (стр. 116). Весьма характерно для правовых «теорий» Галанзы, что акцент им делается не на классовой природе права, а на его общечеловеческой значимости. Галанза не столько подчеркивает классовую сущность пролетарской морали, сколько общечеловеческую значимость норм морали вообще. Так, Галанза протаскивает кантовские положения о морали, которым, как известно, придается большое значение в фашистской «философии» права.

После всего изложенного не приходится удивляться, когда Галанза клеветнически пишет, что «в нашем Уголовном и Гражданском кодексах имеются статьи, которые вполне естественно возмущают буржуазного юриста своей теоретической нечистоплотностью» (стр. 127). Тесная связь социалистического права и коммунистической морали расценивается Галанзой, как выражение теоретической нечистоплотности советского права. Надо поражаться, как до сих пор эта работа Галанзы не подвергалась сокрушительному разгрому. Групповщина и семейственность на правовом фронте, отсутствие большевистской самокритики здесь сказались исключительно ярко.

Галанза весьма подробно излагает теорию Петражицкого. Галанза особенно подчеркивает «заслуги» психологической школы в борьбе с нормативизмом (стр. 116), что является по существу апологетической оценкой этой школы. Примером партийной «заостренности» Галанзой критики теории Петражицкого, можно привести следующее место из его работы: «Петражицкий, разумеется, разделался с проблемой реальности права очень просто. Раз право не есть нечто такое, что может быть доступно восприятию внешних чувств, то сфера его пребывания может быть исключительно отыскана в психике. При этом тот путь, на который становится Петражицкий, является очень скользким не только для теории права, но и для наук, где мы даже имеем дело с непосредственным восприятием явлений при помощи внешних чувств» (стр. 128). Этого рода «критика» с реверансами похожа скорее на пропаганду реакционных теорий психологической школы. Путь Петражицкого оказывается «скользким», вот и вся политическая характеристика Галанзой этой «теории».

В книжке в таком же духе излагаются попытки Рейснера сочетать контрреволюционную теорию Петражицкого с марксизмом. Галанза замалчивает главное в теории Рейснера: его контрреволюционную теорию компромиссности советского права, выражения в советском праве интересов буржуазии, кулачества и т. д.

Книжка Галанзы является антипартийным, антимарксистским идеалистическим документом в самых своих основах. В своей работе Галанза развивает систему троцкистских, право-революторских, клеветнических утверждений о советском государстве и праве. На правовом фронте нужно до конца разоблачить влияние этих «теорий» на работы по советскому праву, ликвидируя политическую беспечность, развращая подлинную большевистскую самокритику. Партийные и беспартийные большевики в теории права должны обеспечить разрешение тех громадных задач, которые ставит перед правовым фронтом Сталинская Конституция победившего социализма.

Ответственность при совокупности преступлений по советскому уголовному законодательству

I

Вопрос о правильном применении положений советского уголовного закона о совокупности преступлений является частью более общей весьма важной проблемы о правильной и точной квалификации преступлений и строжайшей индивидуализации наказаний.

Советский уголовный закон, определяя понятие преступного, определяя наказания, которые должны быть положены за конкретные преступления, дает в Особенной части точно очерченные составы преступлений, различая их по роду и степени опасности и соответственно по характеру и тяжести наказания. Отсюда — правильная квалификация преступлений является существенным моментом в установлении судом от имени советского социалистического государства индивидуальной вины каждого совершившего преступления и соответственно в определении меры наказания.

Пренебрежительное отношение к вопросу о квалификации преступлений, рассуждения, что «все равно, по какой статье посадить, лишь бы применить правильно наказание» являются проявлением нигилистического отношения к советскому закону и зачастую вытекают из вредных «концепций», в которых наше советское социалистическое право трактовалось как право буржуазное, как право отмирающее.

Значение правильной квалификации преступлений особенно выросло в последние годы.

Правильная квалификация преступлений — одно из важнейших условий правильного осуществления советской судебной политики.

Огромное значение правильная квалификация преступлений имеет для индивидуализации наказаний. Выбор судом статьи Уголовного кодекса, предусматривающей именно данное преступление, предопределяет вид и пределы наказания, которое может быть назначено судом.

Наконец, правовые последствия осуждения по различным статьям Уголовного кодекса далеко не одинаковы для осужденного.

Неправильное применение статьи закона означает и неправильное применение наказания. При изучении во Всесоюзном институте юридических наук дел о растратах и злоупотреблении властью или служебным положением было отмечено, что в ряде случаев суды не проводят достаточной грани между этими двумя преступлениями и допускают серьезные ошибки в квалификации. У некоторых судов замечается тенденция квалифицировать по статье о растрате только случаи присвоения или растраты должностным лицом вверенных ему денег или ценностей, не осложненные попытками тем или иным путем скрыть растрату. Наоборот, когда растратчик, совершая свое преступление, маскирует его путем, например, проведения по книгам фиктивных авансовых отчетов, путем замены ценностей, находящихся в его ведении, имитацией, путем списывания растратченных ценностей на распыл, усуш-

ку, утруску и т. д. и т. п., эти суды нередко квалифицируют преступление как злоупотребление служебным положением.

По существу же состав преступления здесь не изменяется, наоборот, растрата, осложненная указанными обстоятельствами, может рассматриваться как более злостная.

Между тем применение статьи 109 или 116 УК РСФСР имеет огромное значение при выборе меры наказания и влечет нередко различные правовые последствия для осужденного. В частности, по ст. 116 по общему правилу не могут применяться исправительно-трудовые работы; факт судимости по ст. 116 имеет гораздо большее значение, чем факт судимости по ст. 109 при разрешении вопросов о выдаче паспортов в определенных местностях, при приеме на работу, связанную с распоряжением или заведыванием деньгами или ценностями и т. п. Наконец, что особенно важно отметить, акты об амнистии, издаваемые законодательными органами СССР и союзных республик, неизменно изымают из амнистии растратчиков, как лиц посягающих на социалистическую собственность, им вверенную, тогда как на осужденных по ст. 109 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик эти акты об амнистии по общему правилу распространяются¹.

То же можно сказать и о взяточничестве. Несмотря на прямые указания партии и правительства и изданное в соответствии с ними указание Прокуратуры СССР от 16 декабря 1934 г. № 41-а о преследовании по ст.ст. 117 и 118 УК случаев замаскированного взяточничества, в частности, прикрывающегося названием «премирования», во многих случаях замаскированные формы взяточничества квалифицируются по ст. 109, что так же, как и в приведенном случае с неправильной квалификацией растраты, создает не соответствующее закону определение индивидуальной вины преступника, возможность неправильного применения наказания, отражается на правовых последствиях осуждения и в известной мере искажает картину динамики преступлений данного вида и применяемых мер наказания.

Вот почему практически важна правильная квалификация преступлений. В связи с этим большое значение имеет и вопрос о совокупности преступлений. Совокупность преступле-

¹ Так, постановление ЦИК СССР от 2 ноября 1927 г. об амнистии в ознаменование десятилетия Октябрьской революции исключает из действия амнистии в частности злостных растратчиков и взяточников. Все 13 актов об амнистии в ознаменование пятидесятилетия со дня образования отдельных союзных и автономных республик и автономных областей, изданные в 1933—1936 гг. законодательными органами РСФСР, Грузинской, Азербайджанской и Армянской ССР, полностью исключают из амнистии осужденных по статьям о растрате и взяточничестве.

ний означает, что виновным до вынесения приговора одновременно или в разное время изложено несколько преступных действий. Отсюда следует, что требование правильной квалификации преступлений и требование строжайшей индивидуализации наказания могут быть осуществлены лишь при учете в судебном приговоре всех совершенных данным лицом преступлений. Только в этом случае судебный приговор отразит точно, в соответствии с уголовным законом, род и степень опасности преступника и совершенных им преступлений.

Неоднократно, преимущественно представителями буржуазной социологической школы, высказывалось мнение о нецелесообразности изложения в уголовном законе и применения в судебной практике положений об уголовной ответственности при совокупности преступлений. Утверждалось, в частности, что суд должен определять наказание по наиболее тяжкому преступлению, игнорируя остальные.

Характерно, что это отрицание значения совокупности преступлений для уголовной ответственности, в частности, последовательно проводилось в проектах советского Уголовного кодекса, построенных на основе враждебных марксизму-ленинизму концепций.

Еще проект Уголовного кодекса, составленный в 1920 г. буржуазными юристами, в объяснительной записке указывает, что устраняется «необходимость формального учета количества совершенных преступлений ...понятия рецидива, совокупности уступают место другим критериям».

Проект Института советского права 1921 г., являющийся переделом положений реакционной буржуазной социологической школы уголовного права, совершенно не упоминает о совокупности преступлений.

Точно так же умалчивает о совокупности преступлений проект Уголовного кодекса государственного института по изучению преступности 1930 г.

По проекту УК ИССП Комкадемии 1930 г., построенному на основе вредительской концепции Пашуканиса, в случае совершения одним лицом нескольких преступлений «суд рассматривает наиболее опасное из совершенных им преступлений, учитывая остальные только лишь как показатели повышенной опасности».

Следовательно, и здесь отвергается учет совокупности преступлений, поскольку рассмотрению суда подлежит лишь наиболее опасное преступление.

Чрезвычайно показательны, что это определение проекта УК ИССП 1930 г. почти буквально списано из реакционного итальянского проекта УК 1921 г., составленного Энрико Ферри, который правило о совокупности преступлений излагает (ст. 23) так: «К ответственному за несколько преступлений применяется санкция, установленная за наиболее тяжкое преступление, а остальные преступления рассматриваются как обстоятельства, увеличивающие опасность».

Совпадение в частном вопросе об ответственности при совокупности преступлений установок всех приведенных проектов Уголовного кодекса объясняется тем, что все они исходили из враждебных антимарксистских, антиленинских концепций.

Советское уголовное и уголовно-процессуальное законодательство неизменно выделяло вопрос об ответственности при совокупности преступлений (как идеальной, так и реальной), требуя учета в судебном приговоре всех преступлений, совершенных виновным.

Статья 24 «Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик» категорически устанавливает: «Приговоры должны содержать в себе точные указания того, что именно совершено осужденным».

Статья 335 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик содержат требование о том, чтобы в случае, когда подсудимому предъявлено несколько обвинений и они признаны доказанными, лишь в части их, в приговоре точно указывалось, по какому именно обвинению подсудимый оправдан и по какому осужден.

Подробно регламентируют вопрос об уголовной ответственности по совокупности преступлений уголовное законодательство СССР и УК союзных республик.

Изучение крупнейших процессов врагов народа показывает, что обвинительное заключение и приговор с величайшей точностью указывают все злодеяния, совершенные врагами народа, квалифицируя их по соответствующим статьям Уголовного кодекса, и наказание определяется по всей совокупности совершенных каждым из них злодеяний.

В обвинительной речи на процессе антисоветского троцкистского центра государственной обвинитель Прокурор СССР т. А. Я. Вышинский, формулируя обвинение, говорит:

«Я обвиняю сидящих здесь перед нами людей в том, что в 1933 г. по указанию Троцкого был организован под названием «параллельный» центр в составе обвиняемых по настоящему делу Пятакова, Радека, Сокольников и Серебрякова, в действительности представлявший собой действующий активный троцкистский центр, что этот центр по поручению Троцкого, через обвиняемых Сокольников и Радека, вступил в сношение с представителями некоторых иностранных государств в целях организации совместной борьбы с Советским союзом, причем центр обязался, в случае прихода своего к власти, предоставить этим государствам ряд политических и экономических льгот и территориальных уступок; что этот центр через своих членов и других членов преступной троцкистской организации занимался шпионажем в пользу этих государств, снабжая иностранные разведки важнейшими, секретнейшими, имеющими огромное государственное значение материалами; что в целях подрыва хозяйственной мощи и обороноспособности нашей страны этот центр и его сообщники организовали и провели ряд диверсионных и вредительских актов, повлекших за собой человеческие жертвы, причинивших значительный ущерб нашему советскому государству».

В этом я обвиняю членов «параллельного» антисоветского троцкистского центра — Пятакова, Радека, Сокольников и Серебрякова — то есть в преступлениях, предусмотренных статьями УК РСФСР: 58^{1а} — измена родины, 58⁹ — шпионаж, 58⁸ — террор, 58⁹ — диверсия, 58¹¹ — образование тайных преступных организаций».

Я обвиняю всех остальных подсудимых:

Лившица, Муралова Н., Дробниса, Богуславского, Князева, Ратайчака, Норкина, Шестава, Строилова, Турока, Граше, Пушина и Арнольда в том, что они повинны в тех же самых преступлениях, как члены этой организации, несущие полную и солидарную ответственность за эти преступления, вне зависимости от индивидуального отличия их преступной деятельности, которая характеризует преступления каждого из них, то есть в преступлениях, предусмотренных теми же статьями Уголовного кодекса».

Далее государственный обвинитель указывает, что основное обвинение, предъявленное на этом процессе, — это измена родине, которую Сталинская Конституция справедливо называет самым тяжким злодеянием и за которую закон возлагает на совершивших это тяжчайшее государственное преступление. тяжчайшее наказание.

Однако обвинение в совершении этого тяжчайшего из злодеяний отнюдь не поглощает обвинения в других злодеяниях, совершенных троцкистской бандой изменников, шпионов, диверсантов, вредителей, убийц.

«Я обвиняю преданных суду по указанным в обвинительном заключении статьям Уголовного кодекса в полном объеме» — говорит далее государственный обвинитель.

II

Совокупность преступлений означает совершение одним лицом двух или нескольких преступлений, по которым ранее не было вынесено судебного приговора.

В теории и судебной практике (разъяснение пленума Верховного суда СССР от 4 марта 1929 г.) принято деление совокупности на два вида: а) идеальную и б) реальную.

Идеальная совокупность означает, что в действительных преступника одновременно содержатся два или несколько составов преступлений, предусмотренных различными статьями Уголовного кодекса.

Так, при заражении женщины во время изнасилования энергической болезнью налицо состав ст.ст. 153 и 150 УК РСФСР. При неудавшемся покушении на умышленное убийство, когда вследствие отклонения удара убий случайный прохожий, можно говорить о совокупности покушения на умышленное убийство и неосторожного убийства.

Насильственное совершение изгнания плода путем умышленного причинения женщине тяжкого увечья подлежит преследованию по закону 27 июня 1936 г. и ст. 142 УК РСФСР (подобный случай имел место в Москве в 1935 г.).

При идеальной совокупности субъективная сторона преступлений, входящих в совокупность, может быть различной. Они могут быть умышленными, притом как с прямым, так и эвентуальным умыслом, наличие которого не отражается в принципе на роде или размере меры уголовного наказания. Так, в школьном примере поджигающий ночью жилой дом с целью получения страхового вознаграждения в случае смерти кого-либо из обитателей дома подлежит ответственности за умышленное истребление имущества, совершенное с прямым умыслом, и за убийство, совершенное с эвентуальным умыслом, так как он, произ-

водя поджог, предвидел и допускал наступление смерти кого-либо из обитателей дома.

Все преступления, охватываемые идеальной совокупностью, могут быть неосторожными.

Например, при неосторожном уголовно-наказуемом повреждении государственного или общественного имущества также неосторожно причинено уголовно-наказуемое тяжкое телесное повреждение другому человеку.

Наконец, одно из преступлений может быть умышленным, другие — неосторожными и наоборот.

От идеальной совокупности преступлений надо отличать сложные составы преступлений, которые охватывают собой несколько составов преступлений, предусмотренных другими статьями УК. Таковы, например, бандализм, квалифицированные виды разбоя. Ограбления, совершаемые бандой, убийство людей, разрушение и повреждение личного имущества, совершенные бандой, охватываются составом преступления, предусмотренного ст. 17 Положения о государственных преступлениях (ст. 59³ УК РСФСР).

Поэтому при совершении бандой указанных деяний применение по совокупности статей УК, предусматривающих умышленное убийство, истребление имущества, грабеж, было бы неправильным. Разумеется, если основным объектом посягательства со стороны банды являлась социалистическая собственность, основное обвинение предъявляется по закону 7 августа 1932 г.

То же можно сказать и о квалифицированном виде разбоя. Поскольку ч. 2 ст. 167 УК РСФСР предусматривает разбой или нападение, повлекшее за собой смерть или тяжкое увечье потерпевшего, неправильно применение при наличии этих последствий по совокупности также ст. 136.

В ряде случаев контрреволюционные преступления, совершенные врагами народа, содержат и признаки преступлений, предусмотренных другими главами Уголовного кодекса. Таковы, например, получение, дача взятки за шпионские, диверсантские, вредительские акты. Нужно ли в этом случае, наряду со статьями Положения о государственных преступлениях, предусматривающих эти злодеяния, применять также и статью УК о взяточничестве?

Этот вопрос был специально подвергнут анализу в обвинительной речи государственного обвинителя на процессе по делу о вредительстве на электростанциях¹.

Указав, что дача и получение взятки за вредительские и шпионские акты неопровержимо доказаны судебным следствием, государственный обвинитель говорит далее, что в этом деле взятка «является лишь своеобразной формой проявления контрреволюционного преступления, потому что в этих условиях и при этих обстоятельствах взятка по своему существу своему является крупнейшим и опаснейшим государственным преступлением».

В данных условиях взятка уже не являлась обыкновенной взяткой, а должна рассматриваться как своеобразное «проявление контрреволюционного преступления, посредством которого оказывается то же самое классовое сопротивление делу социалистического строи-

¹ «Правда» и «Известия» ЦИК СССР и ВЦИК от 19 апреля 1933 г.

тельства, которое оказывается и при помощи заговора, и при помощи взрыва моста, и при помощи контрреволюционной агитации, и при помощи других, самых разнообразных средств в деле вредительства и сопротивления врагов нашей страны успехам социалистического строительства».

По этой причине, — продолжает государственный обвинитель, — не предъявляется обвинение по специальной статье Уголовного кодекса, говорящей о взыточности; состав преступления, предусмотренного этой статьей, включается «в общий состав преступлений, поглощаемых всеми теми статьями, которые перечислены в обвинительном заключении и которые направлены против обвиняемых всем острым статей о контрреволюционных преступлениях — 58^о, 58⁷, 58^о и 58¹¹ УК».

Наряду с неправильным применением принципа идеальной совокупности, когда имеется лишь одно преступление, в практике нередко приходится встречаться со случаями, когда правила об идеальной совокупности не применяются, несмотря на то, что наступление данного последствия составом преступления применяемой статьи не охватывается. Таково, например, применение одной лишь ч. 3 ст. 133 УК РСФСР в случаях, когда в результате нарушения правил об охране труда последовала смерть человека.

Часть 3 ст. 133 УК РСФСР предусматривает лишь поставление работника с нарушением правил об охране труда в такие условия работы, при которых он **утратил или мог утратить свою трудоспособность**, но не говорит о таком тяжком последствии как лишение жизни в результате нарушения правил об охране труда. Правильным было бы применение здесь по принципу идеальной совокупности ч. 3 ст.ст. 133 и 139 УК РСФСР.

Квалификацией по ст. 139 УК РСФСР, в частности, было бы подчеркнуто то обстоятельство, что объектом преступления здесь является жизнь человека.

Разумеется, если нарушение правил об охране труда само явилось результатом более тяжкого преступления, например, злоупотребления служебным положением, то должна применяться и статья УК, предусматривающая это преступление.

Начиная с издания уголовных кодексов 1922—23 гг., советское уголовное законодательство регламентирует ответственность при идеальной совокупности. В УК РСФСР и УССР 1922 г. ей целиком посвящается ст. 29. В «Основных началах уголовного законодательства СССР и союзных республик» 1924 г. ст. 33 одинаково охватывает как случаи идеальной, так и реальной совокупности преступлений.

Из действующих уголовных кодексов союзных советских республик специально выделяется ответственность при идеальной совокупности УК БССР (ст. 53), Грузинской ССР (ч. 1 ст. 46), Азербайджанской ССР (ч. 1 ст. 54). В УК остальных союзных республик как и в союзных «Основных началах» основания ответственности при идеальной и реальной совокупности одинаковы.

Порядок применения мер наказания по обоим видам совокупности излагается ниже (§ 3).

Реальную совокупность преступлений «Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик» определяют (не употребляя термина «совокупность») как совершение до вынесения приговора двух или более преступлений (ст. 33). В статье не говорится, что эти преступления должны быть предусмотрены различными статьями Особенной части УК. Последнее, однако, вытекает из требований той же статьи «Основных начал» о назначении наказания «по тому преступлению, которое влечет за собой более строгую меру», и из ст. 49 УК РСФСР, требующей назначения наказания в конечном итоге «по статье, предусматривающей наиболее тяжкое из совершенных преступлений и наиболее желательную меру социальной защиты».

Из текста закона следует, что в статье, говорящей о совокупности, речь идет о двух или более преступлениях, предусмотренных различными статьями Особенной части УК. Этот вывод подтверждается и статьями 34, 35, 36 УПК РСФСР.

Статья 49 УК РСФСР, несколько изменяя в сравнении со ст. 33 «Основных начал» определение реальной совокупности, говорит о случаях «совершения обвиняемым нескольких преступлений, по которым не было вынесено приговора».

Разъяснение пленума Верховного суда СССР от 4 марта 1929 г. поясняет, что ст. 33 «Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик» должна применяться только в тех случаях совокупности, когда ни по одному преступлению, входящему в совокупность, еще не было вынесено отдельного приговора и, следовательно, когда суд рассматривает дело по существу в отношении всех преступлений, входящих в совокупность.

Уголовные кодексы союзных республик, кроме УК УССР, определяют реальную совокупность преступлений, в основном воспроизводят формулировку ст. 33 «Основных начал». Исключением является УК УССР, который считает реальной совокупностью преступлений совершение виновным двух или нескольких преступлений, по которым приговор еще не состоялся или не **обращен к исполнению**. Указание на последнее обстоятельство, суживающее без достаточных оснований понятие реальной совокупности, находится в противоречии с общесоюзным законодательством.

Таким образом, в соответствии с приведенным разъяснением пленума Верховного суда СССР от 4 марта 1929 г. в отношении применения наказания следует различать два вида реальной совокупности (из которых второй может быть отнесен к совокупности лишь условно).

1. Когда ни по одному из совершенных преступлений не был вынесен приговор (по УК УССР не обращен к исполнению). Порядок ответственности регламентируется ст. 33 «Основных начал» и построенными на ее основе статьями УК союзных республик.

2. Когда по одному или нескольким преступлениям уже был вынесен приговор, причем все преступления совершены до вынесения приговора по какому-либо из них. Этого вида совокупности ни «Основные начала» уголовного законодательства СССР, ни УК союзных республик не регламентируют. Применение наказания в этих случаях производится на

основе норм УПК союзных республик (ст. 465 УПК РСФСР).

Случаи совершения нового преступления после вынесения приговора, но до отбытия меры наказания по прежнему преступлению, понятием совокупности преступлений во всяком случае не охватываются. Порядок применения наказания в этом последнем случае специально регламентируется в большинстве УК союзных республик (см. § 5 этой статьи).

В следующем параграфе излагаются основания применения наказания по совокупности преступлений в тесном смысле слова, т. е. когда ни по одному из совершенных преступлений ранее не было поставлено судебного приговора.

Поскольку, однако, и порядок определения наказания при наличии нескольких приговоров и в случае совершения преступлений после вынесения приговора, но до отбытия наказания за прежнее преступление, представляет значительный интерес, о нем говорится далее в §§ 4 и 5.

Преступления, составляющие реальную совокупность, в большинстве случаев разделены между собой известным промежутком времени, который может быть весьма значительным (в пределах сроков давности) и может приближаться к нулю, когда за совершением одного преступления непосредственно следует совершение другого, нередко вытекающего из первого, например, совершение убийства следом за кражей, грабежа за хулиганством и т. п.¹

Однако реальная совокупность преступлений может состоять и из преступлений, совершаемых одновременно. Возьмем преступление: а) длящиеся, характеризующиеся непрерывным осуществлением состава определенного преступного деяния (например, участие в банде, недонесение о достоверно готовящихся или совершенных контрреволюционных преступлениях и т. д.) и б) продолжаемые, т. е. такие, которые слагаются из ряда тождественных между собой актов, отделенных между собой известным промежутком времени (например, совершение ряда вредительских актов, растрата вверенных сумм, совершаемая частями и т. д.). В течение того промежутка времени, когда осуществляется длящееся или продолжаемое преступление, которое рассматривается как одно преступление, преступник может совершить одно или несколько других различных преступлений, которые, разумеется, входят в совокупность преступлений. Напри-

¹ Так, например, из практики судебно-надзорной коллегии Верховного суда СССР можно привести случаи применения по совокупности статей, предусматривающих должностную халатность и служебный подлог, к лицу, совершившему подлог с целью скрыть вызванную его небрежностью недостачу, немедленно после обнаружения недостачи (СЮ 1937 № 8, стр. 53) и, с другой стороны, применения по совокупности статей 72, 169, 109, 116 ч. 2 УК РСФСР к Цивину-Фришману, непрерывно совершавшему в течение периода времени с 1918 г. по 1935 г. целую цепь различных преступлений, из которых ни одно до 1935 г. не было предметом судебного рассмотрения и ни одно, вместе с тем, не поглощено давностью (СЮ, 1937, № 1, стр. 50—51).

мер, враг народа совершает и акты шпионажа и вредительские действия в течение одного и того же промежутка времени.

Далее возможно, что преступник одновременно совершает несколько преступлений, но стадии осуществления преступной деятельности в этих преступлениях различны. Например, подготавливая одно или несколько преступлений, преступник в то же время полностью осуществляет другое или третье. Поскольку в силу ст. 2 «Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик» или осуществления преступной деятельности (приготовление, покушение, оконченное преступление) сама по себе не влияет на характер уголовной ответственности (покушение или приготовление на преступление квалифицируются по тем же статьям УК, что и оконченное преступление) и может учитываться судом при определении меры наказания, то преступления как оконченные, так и прерванные на стадии приготовления или покушения, входят в совокупность преступлений, причем в последнем случае суд обязан указать в приговоре статью УК, говорящую о покушении или приговору (ст. 19 УК РСФСР).

Реальная совокупность охватывает и случаи, когда преступник при совершении одного или нескольких преступлений являлся исполнителем, а при совершении других — подстрекателем, пособником или укрывателем.

При реальной, как и идеальной совокупности субъективная сторона отдельных совершенных преступлений может быть различна. Некоторые из них могут быть совершенны с умыслом, прямым или эвентуальным, другие — по неосторожности.

Наконец, одно или несколько преступлений из числа входящих в реальную совокупность могут быть повторными. Лицо, совершившее 5 краж личного имущества (а ранее не осужденное за них) и хулиганство, подлежит ответственности по статьям о краже и хулиганстве как за два преступления. Факт многократности кражи является обстоятельством, изменяющим квалификацию внутри ст. 162 УК РСФСР (переход от одного пункта статьи к другому).

Лишь полный учет в судебном приговоре всех совершенных преступлений определит с точностью характер и степень опасности данного преступника и совершенных им преступлений.

Если, например, вооруженная банда, осуществив несколько нападений на отдельных лиц, совершила затем ограбление почтового отделения, то квалификация преступления только по закону 7 августа 1932 г. будет недостаточной. Основное обвинение будет предъявлено по закону 7 августа 1932 г., поскольку основным объектом посяательства явилась социалистическая собственность, священная и неприкосновенная основа советского строя, посядающая на которую являются врагами народа, но суд указанием в приговоре на ст. 59³ УК РСФСР должен отметить и то обстоятельство, что преступники совершили другое тяжкое преступление — организацию и участие в вооруженной банде и производимых ею нападениях.

III

Определение меры наказания по совокупности преступлений представляет известные труд-

ности. Задача индивидуализации наказания требует при выборе наказания учета всех преступлений, совершенных данным человеком.

Тов. А. Я. Вышинский, указывая на значение строгой индивидуализации наказаний в советском праве, говорил: «В настоящее время мы больше чем когда бы то ни было должны требовать, чтобы наказания, которые мы выносим, соответствовали индивидуальному вреду того или другого человека, индивидуально выраженному преступлению. Колебания в этой точке зрения должны быть отвергнуты решительным образом»¹.

Система поглощения наказаний при совокупности преступлений, означающая, что суд выносит наказание только по более тяжкому из совершенных преступлений, игнорируя остальные, не отвечает принципу индивидуализации наказания в соответствии с индивидуально выраженным преступлением, так как вина другого преступника, совершившего лишь подобное же более тяжкое преступление, будет рассматриваться по системе поглощения как равная вине первого, у которого это же преступление являлось лишь звеном, правда, основным целой цепи преступлений.

Неприемлема и другая система — сложение отдельных наказаний за каждое преступление из их совокупности. При этой системе каждое преступление из числа совершенных данным лицом рассматривается изолированно вне связи с другими, а не как звено в цепи преступлений, совершенных одним и тем же человеком, за которые он несет ответ перед советским правосудием. Это единство субъекта, совершившего цепь преступлений, при системе сложения игнорируется.

Наконец, система усиления наказания, которая частично была принята и в УК 1922 г., сводится к определению наказания в основном лишь за тяжчайшее преступление, остальные рассматриваются как основание для известного возвышения размера наказания, т. е. в качестве отягчающих обстоятельств.

Действующее общесоюзное советское уголовное законодательство не придерживается ни одной из этих систем применения наказания при совокупности преступлений.

Статья 33 союзных «Основных начал», не делая разницы при определении меры наказания между идеальной и реальной совокупностью, устанавливает, что «меры социальной защиты определяются по тому преступлению, которое влечет за собой более строгую меру».

Формулировка ст. 33 слишком обща и недостаточно четка. Она может создать неправильное представление о том, что союзный уголовный закон осуществляет при совокупности преступлений систему поглощения наказаний. Такие утверждения были нередки в литературе. Так, повидимому, была в свое время попята ст. 33 «Основных начал» (как и ст. 49 действующего УК РСФСР) и Верховным судом РСФСР. Инструктивное письмо УКК Верховного суда от 8 февраля 1927 г.², давая указания о порядке применения мер наказания при совокупности преступлений, тре-

бует, чтобы суд, определив в соответствии со ст. 49 УК РСФСР меру наказания по каждой из статей, предусматривающих совершенные преступления, избирал в конечном итоге меру, назначенную за более тяжкое из совершенных преступлений. Инструктивное письмо подчеркивает, что окончательная мера наказания всегда должна быть равна наиболее тяжелой мере из назначенных судом за отдельные преступления.

Далее это поясняется примером: если виновный совершил квалифицированное умышленное убийство, изнасилование и вооруженный разбой, то суд, определив за первое 6 лет, за второе 3 года и за третье 7 лет лишения свободы, в конечном счете может определить только 7 лет лишения свободы.

Указанное инструктивное письмо не вошло затем в сборник действующих разъяснений Верховного суда РСФСР и таким образом потеряло силу.

На совершенно другой точке зрения стоит действующее и в настоящее время разъяснение 23 пленума Верховного суда СССР от 4 марта 1929 г., дающее развернутое толкование ст. 33 «Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик»¹.

Основная мысль этого разъяснения та, что и при идеальной и реальной совокупности по прямому указанию ст. 33 «Основных начал» «Суд должен рассматривать всю совокупность совершенных обвиняемым преступных действий как одно целое, характеризующее собою повышенную опасность личности обвиняемого».

Поэтому при выборе окончательной меры наказания суд «обязан в конечном выводе приговора квалифицировать всю совокупность совершенных обвиняемым действий по статье, которая предусматривает в своей санкции наиболее тяжелую основную меру социальной защиты и, независимо от того, требует или не требует республиканский уголовный кодекс, предварительного определения мер социальной защиты по каждому отдельному преступлению, ставить на свое обсуждение вопрос, какая конкретная мера социальной защиты в пределах, указанных в статье, предусматривающей наиболее строгую меру, должна быть назначена осужденному по этой именно статье за всю совокупность совершенных им преступных действий. Избранная судом в этом порядке мера социальной защиты и будет окончательной мерой».

Система применения мер наказания при совокупности преступлений, принятая ст. 33 «Основных начал» в толковании ее, данным указанным разъяснением, действительно имеет мало общего с указанными системами сложения, поглощения или усиления.

Положим, обвиняемый совершил в разное время хулиганство, многократную кражу личного имущества и мошенничество, причинившее ущерб отдельным лицам. Пределы санкции статей УК РСФСР, предусматривающих эти преступления, — 5 лет (ст. 74), 1 год (п. «в» ст. 162) и 2 года (ч. 1 ст. 169) лишения свободы.

Допустим, что само по себе данное хулиганское действие, отдельно взятое, повлекло бы лишение свободы на срок в 2 года.

¹ Сборник постановлений и разъяснений Верховного суда СССР, М., 1936 г.

¹ А. Я. Вышинский, Речь товарища Сталина мая и задачи органов юстиции, «Социалистическая законность», 1935, № 6, стр. 12.

² Ежедневник Советской юстиции, 1927, № 3.

К этому наказанию виновный был бы приговорен в том случае, если бы его преступная деятельность ограничилась этим хулиганским действием.

Однако в приведенном случае его индивидуальная вина значительно больше и сложнее. Поскольку помимо хулиганства он виновен еще в совершении краж и мошенничестве, может ли суд в этом случае ограничиться той же мерой наказания, которую он назначил бы, если бы было совершено лишь одно хулиганство? Может ли он, определив за хулиганство 2 года лишения свободы, за кражу 1 год и за мошенничество 2 года лишения свободы, остановиться в конечном выводе на наиболее тяжелой из назначенных мер, т. е. определить 2 года лишения свободы? Очевидно, нет. Рассматривая в конечном итоге всю совокупность совершенных обвиняемым преступлений как одно целое и квалифицируя ее по тем статьям, которые предусматривают все совершенные преступления, суд индивидуализирует наказание в рамках тех статей, которыми охватывается совокупность совершенных преступлений, причем основную меру определяет, естественно, в пределах санкции статьи, предусматривающей наиболее строгую меру наказания, в данном случае в пределах ст. 74 УК, причем вправе определить наказание вплоть до высшего предела наказания, установленного в статье.

В то же время суд вправе применить дополнительные меры наказания, указанные как в статье, предусматривающей наиболее тяжкое преступление, так и в статьях, по которым квалифицируются другие из совершенных обвиняемым преступлений. Если в нашем примере обвиняемый совершил помимо хулиганства и краж также мошенничество, причинившее ущерб не отдельным лицам, а государству (ч. 2 ст. 169), то в качестве дополнительной меры наказания может быть применена конфискация имущества, как предусмотренная одной из статей (ч. 2 ст. 169 УК РСФСР), охватывающих совокупность преступлений (см. разъяснение Верховного суда СССР от 4 марта 1929 г.).

Таким образом, при применении наказания по совокупности преступлений суд в конечном счете рассматривает не одно какое-либо преступление и не за него лишь определяет наказание, а берет как целое все совершенные преступления, и назначает основное наказание за это целое по статьям, предусматривающим совершенные преступления, не превышая санкций этих статей.

Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. по существу устанавливает такой же порядок применения наказания при совокупности преступлений, осложняя его требованием предварительного определения наказания за каждое из совершенных преступлений (о чем см. ниже).

Статья 49 УК РСФСР говорит, что суд окончательно определяет наказание «по статье, предусматривающей наиболее тяжкое из совершенных преступлений и наиболее тяжелую меру социальной защиты».

Таким образом, УК РСФСР отнюдь не говорит о том, что в конечном счете суд выносит то наказание, которое определено за наиболее тяжкое преступление, он требует при совокупности преступлений определения наказания **по статье**, которая предусматривает самое

тяжкое из совершенных преступлений и самую тяжелую меру наказания, что, разумеется, отпослится к основному наказанию, так как дополнительные меры могут применяться и по другим статьям, по которым квалифицированы другие преступления из числа совершенных (см. приведенное разъяснение пленума Верховного суда СССР от 4 марта 1929 г.).

Следовательно, и по УК РСФСР суд в конечном итоге определяет наказание не за одно лишь самое тяжкое преступление, хотя, конечно, обязан учесть, что оно является основным в совокупности преступлений, а за все преступления как одно целое, причем не может лишь превысить пределов санкции статьи, предусматривающей наиболее тяжкое преступление и наиболее тяжелую меру наказания. Мера наказания, избранная судом в конечном итоге по всей совокупности преступлений, может быть более суровой, чем мера, определенная в отдельности за самое тяжкое из совершенных преступлений.

Действующие уголовные кодексы УССР 1927 г., Узбекской ССР 1926 г., Туркменской ССР 1927 г. воспроизводят с несущественными изменениями формулировку «Основных начал», требуя, чтобы мера наказания «была определена по тому преступлению, которое влечет за собой более строгую меру социальной защиты» (ст. 45 УК УССР, ст. 51 УК Узбекской ССР, ст. 44 УК Туркменской ССР). Пленум Верховного суда УССР циркуляром от 2 ноября 1927 г. разъяснил, что при назначении меры наказания за наиболее тяжкое преступление суд обязан рассматривать остальные преступления в качестве отягчающих обстоятельств, что должно соответственно отразиться на мере наказания. Следовательно, пленум Верховного суда УССР истолковал тогда ч. 1 ст. 45 УК УССР в том смысле, что она допускает повышение наказания до предела санкции статьи, предусматривающей наиболее тяжкое преступление.

Выше уже указывалось, что слишком общая формулировка ст. 33 «Основных начал», воспроизведенная в этих УК, до разъяснения пленума Верховного суда СССР от 4 марта 1929 г. давала некоторое основание истолковывать статью, как вводящую систему поглощения.

Уголовные кодексы БССР 1928 г., Грузинской ССР 1928 г., Азербайджанской ССР 1927 г., Таджикской ССР 1935 г. довольно ясно устанавливают именно систему поглощения наказаний при совокупности преступлений.

Так, в ст. 53 УК БССР говорится, что (при реальной совокупности) наказания «назначаются за каждое преступление в отдельности, а остается более тяжкая мера социальной защиты». В ст. 46 УК Грузинской ССР и ст. 54 УК Азербайджанской ССР (также в отношении реальной совокупности) «суд определяет меру социальной защиты за каждое преступление отдельно и приговаривает его к тяжчайшей из них». Согласно ст. 45 УК Таджикской ССР «мера уголовного наказания из назначенных судом за каждое отдельное преступление определяется по тому преступлению, которое влечет за собой более строгую меру. Определенные Таджикского УК весьма неточно, так как при совокупности более суровая мера может быть назначена не за то преступление, которое из данной совокупности влечет согласно

УК наиболее строгую меру. Например, виновный может быть приговорен за мошенничество к 5 годам лишения свободы, а за злоупотребление служебным положением, влекущее по УК лишение свободы до 10 лет, — к 2 годам.

Поскольку «Основные начала» являются действующим общесоюзным законом, их положения о применении наказания при совокупности преступлений должны применяться и в этих союзных республиках (ст. 20 Сталинской Конституции СССР).

Отметим, что подобно УК РСФСР 1922 г. (ст. 29), УК союзных республик БССР (ст. 53,) Грузинской ССР (ч. 1, ст. 46) и Азербайджанской (ч. 1, ст. 54) особо выделяют ответственность при идеальной совокупности преступлений, устанавливая, что в этих случаях наказание определяется только по статье, предусматривающей более строгую меру наказания (формулировка УК БССР), или по тому преступлению, которое влечет за собой более строгую меру (УК Азербайджанской и Грузинской ССР). Действующее общесоюзное уголовное законодательство, как уже говорилось, требует применения наказания на одинаковых основаниях как при реальной, так и идеальной совокупности. Следует заметить, что разграничение в законе обоих видов совокупности в отношении определения наказания имеет известные основания.

Уголовные кодексы союзных республик, кроме УК УССР и Таджикской ССР, вменяют в обязанность суда, чтобы при совокупности преступлений как реальной, так и идеальной, суд предварительно определял наказание за каждое совершенное преступление, входящее в совокупность.

В некоторых союзных республиках об этом, кроме того, упоминают уголовно-процессуальные кодексы (БССР, Азербайджанская ССР).

Такое же требование содержалось и во всех уголовных кодексах союзных республик 1922—1923 гг. Неправильным и вредным было бы считать (как это не раз утверждалось в литературе), что это положение советского закона является пережитком буржуазной теории возмездия или «элементом буржуазной формы права».

Система предварительного определения наказания за каждое из совершенных преступлений имеет то положительное значение, что она позволяет определить степень виновности осужденного в каждом из совершенных им преступлений, учтя отягчающие и смягчающие обстоятельства, чего в полной мере одно лишь указание на соответствующую статью УК не всегда может дать.

Например, преступник может быть осужден за второстепенное пособничество в преступлении, которое в законе обложено наказанием в виде лишения свободы до 5 лет, и одновременно по совокупности за систематическое совершение преступления, которое обложено в законе наказанием в виде лишения свободы на срок до 3 лет; указание в приговоре на то, что по первому преступлению виновный осужден к 1 г. лишения свободы, а по второму — к 3 г. лишения свободы, покажет, какое преступление из числа совершенных в данном конкретном случае должно рассматриваться как основное, что может иметь значение

при исполнении приговора, при применении амнистии и т. д.¹

Однако система определения наказания предварительно за каждое преступление в отдельности страдает серьезными недостатками, так как при ней каждое отдельное преступление того же лица обычно рассматривается изолированно от других преступлений.

Положим, виновный совершил последовательно три или четыре преступления; спрашивается, обязан ли суд при определении наказания отдельно за каждое последующее преступление учитывать факт совершения виновным предыдущих преступлений или же должен брать изолированно каждое из преступлений, сознательно игнорируя тот факт, что оно является звеном в цепи других преступлений, совершенных тем же человеком. Очевидно, последнее невозможно, так как опасность преступника и совершенных им преступлений должны быть рассмотрены с учетом всей его преступной деятельности. Статья 31 «Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик» требует учитывать в качестве отягчающего обстоятельства, влияющего на меру наказания, факт совершения этим лицом какого-либо преступления в прошлом.

Надо заметить, что в приговорах по наиболее опасным преступлениям предварительного определения наказания за каждое преступление в отдельности суды большей частью не производят. Практически, требуемое уголовными кодексами **предварительное** определение наказания по каждому преступлению в отдельности нередко становится **последующим**, так как во многих случаях суд сначала назначает, учитывая всю совокупность преступлений, окончательное наказание, а затем уже определяет меру наказания по каждому преступлению, назначая за самое тяжкое из совершенных преступлений ту меру, которая определена как окончательная мера по совокупности всех преступлений.

Можно поставить вопрос о нецелесообразности сохранения в будущем общесоюзном уголовном кодексе требования о назначении наказания за каждое преступление в отдельности. Однако в этом случае в УПК необходимо включить требование, чтобы суд в описательной части приговора указывал на степень виновности преступника в каждом преступлении, определяя, в частности, какое преступление из числа совершенных является наиболее тяжким.

В отношении же случаев идеальной совокупности требование определения наказания по каждому из преступлений, состав которых содержится в действиях виновного, вообще с трудом выполнимо, поскольку разнородный

¹ Большое практическое значение система определения наказания предварительно по каждому преступлению имела, например, при введении новых уголовных кодексов, в частности УК РСФСР 1926 г., когда наказания по вступившим в законную силу приговорам надо было приводить в соответствие с новыми санкциями уголовного закона (см. разъяснение пленума Верховного суда РСФСР от 4 июля 1927 г., «Судебная практика» 1927 г. № 16, стр. 1).

с точки зрения УК преступный результат вызывается одним лишь действием преступника, расчленение которого, с определением в каждом отдельном случае особого наказания, едва ли возможно.

IV

До сих пор говорилось об определении наказания лицу, совершившему несколько предусмотренных различными статьями УК преступлений, из которых ни по одному не был вынесен приговор.

Уголовно-процессуальные кодексы большинства союзных республик предусматривают порядок применения наказания и в тех случаях, когда суду приходится выносить приговор о лице, в отношении которого поставлено несколько приговоров.

Закон прямо не говорит, что здесь имеются в виду только преступления, совершенные до вынесения хотя бы первого приговора. Однако, сопоставляя статьи большинства УПК со статьями УК, говорящей о совокупности преступлений, можно убедиться в том, что в случае совершения нового преступления после вынесения приговора, но до отбытия меры наказания, нормы УПК о поглощении приговоров в большинстве союзных республик не применяются, и наказание за новое преступление назначается самостоятельно и по большинству УК присоединяется к неотбытому наказанию, определенному прежним приговором (см. ниже § 5).

Следовательно, ст. 465 УПК РСФСР и соответствующие ей статьи УПК большинства других союзных республик регламентируют случаи, когда суд, рассматривая дело, имеет несколько приговоров по преступлениям, совершенным (как и то, которое суд рассматривает по существу) до вынесения хотя бы первого из этих приговоров.

Постараемся проиллюстрировать положения УПК по этому вопросу на примере.

Одно и то же лицо последовательно в разных местах совершает повторную кражу личного имущества, мошенничество, причинившее ущерб отдельным лицам, и наконец, квалифицированное хулиганство. Первым раскрывается хулиганство, и виновный приговаривается к 2 годам лишения свободы. Еще до приведения приговора в исполнение другим судом, независимо от первого, рассматривается дело о мошенничестве, причем суд, не зная о наличии первого приговора, приговаривает виновного к 1 году лишения свободы. Наконец, при рассмотрении дела о краже суд имеет в своем распоряжении вступившие в законную силу приговоры по первым двум преступлениям (которые однако совершены были после кражи). Вправе ли суд, рассматривающий по существу дело о краже, вынести приговор по общим правилам о совокупности, т. е., рассматривая все три преступления как одно целое. Очевидно, нет, так как это означало бы аннулирование вступивших в законную силу судебных приговоров и следовательно серьезное нарушение требований УПК.

Следовательно, суд выносит приговор только по делу, рассматриваемому по существу, в данном случае о краже и затем лишь объединяет все три приговора и, руководствуясь ст. 465 УПК РСФСР или соответствующими статьями УПК других союзных республик, ол-

ределяет меру наказания, которую должен отбыть осужденный.

Положим, за кражу суд определяет по п. «в» ст. 162 УК лишение свободы сроком на 1 год.

Объединяя приговоры, суд согласно требованию ст. 465 УПК РСФСР оставляет лишь наиболее тяжкое наказание, определенное предыдущим приговором, т. е. 2 года лишения свободы, остальные два приговора тем самым погашаются.

Очевидно, тот же порядок поглощения более мягкой меры более суровую должен применяться и в тех случаях, когда **позднейший** приговор устанавливает более **суровую** меру наказания, чем предыдущие, хотя закон об этом прямо не говорит, предусмотрев лишь случаи, когда более суровое наказание применено **по предыдущему** приговору (как в примере, приведенном выше). Аналогично разрешают вопрос УПК БССР (ст. 465), Туркменской ССР (ст. 371), Грузинской ССР (ст. 461), Азербайджанской ССР (ст. 453).

УПК Таджикской ССР 1935 г. совершенно не регламентирует этого вопроса.

УПК Узбекской ССР 1929 г. (ст. 171) ограничивается указанием на то, что определение меры наказания по совокупности производится судом, вынесшим **позднейший** приговор, или судом, в районе которого приговор приводится в исполнение. Сопоставляя ст. 171 УПК и ст. УК, можно сделать вывод, что и здесь имеется в виду поглощение более суровым приговором более мягкого. УПК УССР ограничивается отсылкой к ст. 45 Уголовного кодекса, которая относится и к случаям совершения преступлений до вынесения приговора и к случаям совершения нового преступления до отбытия наказания по прежнему делу.

Остается не вполне ясным, применяется ли принцип погашения приговоров, изложенный в ст. 465 УПК РСФСР и соответствующих статьях УПК других союзных республик, и тогда, когда предыдущий приговор еще не вступил в законную силу.

Те из уголовно-процессуальных кодексов союзных республик, которые специально регламентируют этот вопрос, рассматривают систему определения наказания при наличии нескольких приговоров как вид совокупности, ссылаясь на статьи УК, предусматривающие совокупность преступлений. Это не совсем точно, так как ст. 33 «Основных начал» и соответствующие статьи уголовных кодексов говорят исключительно о тех случаях, когда ни по одному из преступлений, входящих в совокупность, не было вынесено приговора. Приводимые же случаи материальным уголовным законодательством не регламентируются. Возможно (и нередко бывает), что два или несколько приговоров выносятся по преступлению, предусмотренному одной и той же статьей Уголовного кодекса (как например, статьей о краже, о хулиганстве и т. п.). Здесь совокупности преступлений нет.

Таким образом, действующее уголовно-процессуальное законодательство устанавливает, что когда об одном и том же лице постановлено несколько приговоров, суд, выносящий **позднейший** приговор (или по некоторым УПК также суд по месту исполнения приговора), независимо от того, вынесены ли эти приговоры в отношении однородных или разнородных преступлений, оставляет лишь наи-

более тяжкое наказание, все же наказания, вынесенные по другим приговорам, считаются погашенными.

Здесь надо сделать несколько пояснений:

1) Ст. 465 УПК РСФСР и указанные статьи УПК других союзных республик говорят о погашении не наказания, а приговора. Очевидно, однако, что и при погашении более мягкого наказания по одному приговору более суровым наказанием по другому приговору во всяком случае остается описательная часть первого приговора, остается квалификация совершенных виновным преступлений по соответствующим статьям уголовного кодекса и, по отбытии наказания, — судимость именно по этим преступлениям.

2) Нет оснований считать, что если более суровое наказание по одному приговору поглощает менее суровое наказание по другому, то погашаются и дополнительные меры наказания, назначенные судом по другому или другим приговорам (в частности, поражение прав, конфискация, штраф), поскольку они были назначены в соответствии с характером вины преступника, выраженной в совершении именно этого конкретного преступления; отказ от этих мер нарушал бы принцип индивидуализации судебного приговора.

В практике нередки случаи, когда несколькими судами вынесен приговор по одинаковым преступлениям, ошибочно рассматриваемым как первичные.

Например, вор-рецидивист, скрывший прежнюю судимость, в 3—4 местах осужден по п. «а», ст. 162, предусматривающей кражу, совершенную первый раз.

Правильным ли будет в этом случае применение принципа поглощения приговоров?

Тот факт, что виновный осужден за 3—4 кражи личного имущества по п. «а» ст. 162 УК РСФСР, означает, что в действительности им совершена **квалифицированная** кража личного имущества, основным признаком которой является многократность кражи, т. е. преступление, предусмотренное п. «в» ст. 162 УК РСФСР. Применение в отношении этих трех приговоров принципов поглощения приговоров означало бы, что преступник в конечном счете осужден за неклассифицированную (в частности, первичную) кражу (п. «а» ст. 162 УК), т. е. за более легкое преступление, чем то, которое он совершил.

Поскольку такие обстоятельства как многократность совершения преступления не были известны суду при рассмотрении дела по существу, можно ставить вопрос о возобновлении дела по вновь открывшимся обстоятельствам.

Сопоставляя положения уголовного и уголовно-процессуального кодексов по интересующему нас вопросу, необходимо отметить, что виновный может быть за совершение нескольких одинаковых преступлений приговорен к более мягкой или более суровой мере наказания в зависимости от того, рассматривались ли совершенные до вынесения приговора преступления одним судом одновременно или же по этим преступлениям постановлено несколько приговоров.

Если по двум или более преступлениям не было ранее вынесено приговора, суд, рассматривающий дело о них по существу, выносит наказание по всей совокупности преступ-

лений, рассматривая ее как одно целое (ст. 33 «Основных начал» в понимании, данном ей Верховным судом СССР).

Если по этим же преступлениям в разное время было вынесено несколько приговоров, суд, объединяя эти приговоры, оставляет только наиболее тяжкое наказание, определенное судом за одно из совершенных преступлений, вследствие чего остальные преступления не влияют на меру наказания (если не считать дополнительных мер).

При создании общесоюзного уголовного и уголовно-процессуального кодексов следует установить одинаковый подход при определении в конечном итоге меры наказания лицу, совершившему несколько преступлений, до вынесения судом приговора, независимо от того, были ли постановлены ранее приговоры по одному или нескольким преступлениям, входящим в совокупность, или же суд рассматривает по существу дело по обвинению его во всех указанных преступлениях, так как характер и степень опасности преступника и совершенных преступлений, степень его вины в обоих случаях одинаковы.

V

По-иному следует подходить к определению меры наказания, когда новое преступление (безразлично предусмотренное той же или иной статьей УК) совершено после вынесения приговора, но до отбытия полностью меры наказания.

Обвинительный приговор, определив опасность преступления и преступника, определяет и соответствующее ему наказание. Совершение нового преступления после этого акта государственной власти не может уже рассматриваться по принципам совокупности преступлений. Новое преступление влечет соответствующую ему меру наказания, определяемую совершенно самостоятельно с учетом совершения преступления после вынесения судебного приговора в качествеотягчающего обстоятельства.

Таким образом, здесь речь идет лишь об **объединении наказаний** по двум приговорам с тем, чтобы определить, какое наказание и в каком размере должен отбыть осужденный после вынесения приговора по новому делу.

Общесоюзное уголовное законодательство этого вопроса не регламентирует.

Уголовное и уголовно-процессуальное законодательство РСФСР также не дает прямого ответа на него.

Судебная практика РСФСР несколько раз изменялась. Так, циркуляром Верховного суда РСФСР от 7 декабря 1923 г. № 71¹, было предложено в случае совершения осужденным нового преступления до отбытия им меры наказания применять по аналогии статью 54 Общей части Уголовного кодекса РСФСР 1922 г., которая устанавливала, что в случае совершения условно-осужденным нового преступления (тождественного или не менее тяжкого) в течение испытательного срока мера наказания по новому приговору соединяется с мерой, назначенной условно. Указание Верховного суда практически означало, что при совершении тождественного или не менее тяжкого ново-

¹ Советская юстиция, 1923, № 48.

го преступления после приговора, но до отбытия наказания за прежнее производится сложение наказаний.

Однако из разъяснения пленума Верховного суда РСФСР от 4 февраля 1929 г. можно сделать вывод, что и в этих случаях также подлежит применению ст. 465 УПК, т. е. проводится принцип поглощения наказания с тем исключением, что меры наказания имущественного характера, применяемые в качестве дополнительных мер, не подлежат поглощению.

Постановлением от 16 декабря 1933 г. президиум Верховного суда РСФСР вновь истолковал умолчание закона в том смысле, что новое преступление, совершенное лицом, в отношении которого имеется вступивший в законную силу, но еще не приведенный в исполнение приговор суда, влечет за собой самостоятельное наказание, которое в принципе приводится в исполнение независимо от наказания, назначенного приговором по ранее совершенному преступлению.

Тем самым президиум Верховного суда РСФСР дал ограничительное толкование ст. 465 УПК РСФСР, т. е. признал, что ст. 465 УПК применяется только к случаям, когда два или несколько приговоров вынесены по преступлениям, совершенным до вступления в законную силу хотя бы первого из этих приговоров.

Однако в отличие от порядка разрешения вопроса о совокупности наказания в большинстве других союзных республик президиум Верховного суда РСФСР установил этот принцип как факультативный, предоставив в указанных случаях суду право.

1. Присоединять полностью меру наказания по прежнему приговору к мере наказания, назначенной по новому делу.

2. Присоединять ее частично.

3. Применять только меру наказания, назначенную судом по новому делу с поглощением меры наказания, определенной прежним приговором.

Указанные принципы согласно разъяснению президиума Верховного суда РСФСР должны применяться и в тех случаях, когда новое преступление совершено в период отбывания меры наказания за прежнее преступление, причем в этих случаях может быть присоединена только неотбытая часть прежней меры наказания.

Следовательно, к осужденному, например, к 5 годам лишения свободы, в случае, если он по отбытии 2 лет наказания совершит новое преступление, за которое определено судом 4 года лишения свободы, может быть по совокупности показаний применено: 1) или лишение свободы сроком на 7 лет (при соединении неотбытой части наказания по прежнему приговору в полной мере); 2) или лишение свободы на срок 4½, 5, 5½, 6 и т. д. лет (присоединение части неотбытого наказания) или, наконец, 3) лишение свободы на срок 4 года (применение только меры наказания по новому делу с поглощением прежней).

Во всех случаях при соединении мер наказания срок лишения свободы и исправительно-трудовых работ не должен превышать предела установленного для этих мер наказания общей частью УК, т. е. для лишения свободы — 10 лет и для исправительно-трудовых работ — одного года.

Постановление президиума Верховного суда РСФСР оставляет без разрешения целый ряд вопросов.

1. Может ли суд применять принцип поглощения, когда прежняя мера наказания была более тяжкой, чем мера наказания по новому преступлению? Например, если осужденный к исправительно-трудовым работам сроком на 1 год совершил новое преступление, которое влечет исправительно-трудовые работы на срок до 6 мес., то казалось бы, если применять поглощение, а не соединение наказаний, должна остаться мера наказания, назначенная по прежнему приговору, с поглощением меры наказания по новому делу. Между тем разъяснение допускает только поглощение **прежней** меры наказания наказанием по новому делу.

2. Может ли суд соединить разнородные меры наказания, в частности, лишение свободы и исправительно-трудовые работы, лишение свободы и штраф и т. д.?

3. Вправе ли суд переходить к лишению свободы (из расчета 1 день лишения свободы за 3 дня исправительно-трудовых работ) в тех случаях, когда по прежнему и новому приговорам определен предельный срок, установленный общей частью УК для исправительно-трудовых работ, т. е. 1 год, и соединение этих мер без перехода к лишению свободы является поэтому невозможным?

В большинстве других союзных республик вопрос о соединении наказаний в случае совершения нового преступления после вынесения приговора, но до отбытия наказания или в период его отбывания, разрешен в уголовных кодексах.

Так, по УК УССР, в случае, если новое преступление совершено после обращения приговора к исполнению (выше отмечалась эта особенность законодательства УССР в отношении совокупности), то мера наказания за новое преступление назначается самостоятельно. Это указание закона означает соединение мер наказания, так как в дальнейшем говорится, что неотбытая часть меры наказания по первому преступлению и мера наказания по новому не должны превышать предела, установленного УК для данного вида наказания.

Так же сформулирована ст. 55 УК БССР с той разницей, что в ней говорится о преступлениях, совершенных после осуждения, а не после обращения приговора к исполнению.

УК Грузинской ССР, устанавливая аналогичный же принцип (ст. 47), требует, чтобы при сложении однородной меры наказания общий срок не превышал высшего срока, установленного для этой меры в УК; в случае же сложения лишения свободы и исправительно-трудовых работ последняя мера присоединяется к лишению свободы из расчета 3 дня исправительно-трудовых работ за 1 день лишения свободы.

УК Туркменской ССР (ст. 45) говорит, что в случае совершения осужденным нового преступления после вынесения приговора, но до отбытия наказания, мера наказания по новому преступлению приводится в исполнение независимо от меры наказания, назначенной по первому приговору, с тем, чтобы срок лишения свободы не превышал 10 лет, а срок исправительно-трудовых работ не превышал 1 года.

УК Азербайджанской ССР (ст. 55) устанавливает, что в указанных случаях суд назначает меру наказания за новое преступление отдельно, но с расчетом, чтобы неотбытая часть меры наказания по первому преступлению и мера наказания по новому преступлению не превышала пределов, установленных общей частью для данного вида наказания.

Статья содержит специальное указание о том, что при разнородности мер наказания каждая из них приводится в исполнение в отдельности, независимо от другой меры наказания.

Таким образом в 5 союзных республиках соединение неотбытой части наказания с наказанием по новому делу в случае совершения осужденным до отбытия наказания нового преступления является для суда обязательным.

Уголовные кодексы употребляют различные термины для обозначения момента, начиная с которого совершение нового преступления влечет указанные последствия; так УК БССР говорит о совершении нового преступления **после осуждения**; УК Грузинской ССР, Туркменской ССР, Азербайджанской ССР — **после приговора**. УК УССР вводит процессуальный момент — «после обращения приговора к исполнению». Очевидно, во всех УК (кроме УССР) имеется в виду совершение нового преступления после вступления в законную силу приговора по прежнему делу (так определяет этот момент и разъяснение президиума Верховного суда РСФСР 16 декабря 1933 г.).

Уголовные кодексы Узбекской, Армянской и Таджикской ССР как и УК РСФСР, вопроса о применении наказания к лицам, совершившим новое преступление до отбытия наказания, специально не регулируют.

VI

Предварительный проект уголовного кодекса ССР предусматривает в двух различных статьях как совокупность преступлений, так и совокупность наказаний.

По последнему вопросу, т. е. о совокупности наказаний проект предоставляет суду в случаях, когда совершивший преступление уже был осужден за другое преступление, но не отбыл назначенного ему наказания полностью или частично, решить в зависимости от опасности обоих преступлений и самого преступника, поглощает ли новое наказание неотбытую по первому приговору часть наказания или же присоединяется к ней.

Проект таким образом допускает и соединение наказаний и поглощение более легкого наказания более тяжелым в зависимости от степени опасности обоих преступлений и лица, их совершившего, что по существу надо считать правильным.

Статья о **совокупности наказаний** нуждается в уточнении. Прежде всего неясно, сохраняется ли при соединении наказаний высший предел, установленный общей частью УК для данного вида меры наказания — десятилетний срок для лишения свободы.

Неясно далее, говорит ли статья о случаях совершения нового преступления после вынесения приговора по прежнему делу или же охватывает и те случаи, когда все преступления совершены до вынесения хотя бы первого приговора.

Последний вопрос должен регулироваться скорее уголовно-процессуальным, а не уголовным законодательством.

Статья говорит о возможности поглощения **новым** наказанием неотбытой части наказания по первому приговору, но ведь возможно, что наказание по новому делу будет значительно мягче, чем неотбытое наказание по ранее вынесенному приговору; следовательно, возможно и поглощение наказания по новому делу более тяжелым наказанием **по прежнему** приговору.

Статья говорит лишь о соединении наказаний или поглощении. Между тем возможно и в практике применяется (разъяснение президиума Верховного суда РСФСР 16 декабря 1933 г.) присоединение к более тяжелой мере по одному приговору меры наказания по другому приговору не полностью, а частью. То же можно сказать и о дополнительных мерах. Возможно поглощение основной меры, но оставление некоторых дополнительных мер по обоим приговорам.

При определении оснований, которыми суд руководствуется, применяя или соединение или поглощение наказаний, надо указать не только на опасность обоих преступлений и преступника, но и на характер преступлений и на род наказаний, определенных обоими приговорами.

Несколько замечаний чисто редакционного порядка. Если сказать, что положения о совокупности наказаний применяются, когда виновный в новом преступлении не отбыл назначенной ему меры наказания полностью или **частично**, это означает, что отбывший частично наказание уже не подпадает под действие статьи о совокупности наказаний, тогда как из текста статьи вытекает противоположное.

Поскольку слова «полностью» и «частично» в этом контексте взаимно исключают друг друга, надо оставить лишь первое.

Едва ли удачно употребление термина «новое наказание», очевидно надо говорить о наказании по новому приговору.

Будет неточным сказать, что присоединяется неотбытая по первому приговору **часть** наказания, так как возможно, что наказание еще полностью не отбыто.

Статья предварительного проекта УК о совокупности **преступлений** устанавливает одинаковые принципы применения наказания как при идеальной, так и реальной совокупности.

Последняя определяется как совершение нескольких преступлений, по которым не было вынесено приговора, т. е. так же, как в действующем УК РСФСР.

При определении меры наказания по совокупности преступлений проект отказывается от предварительного назначения наказания отдельно за каждое из совершенных преступлений.

Мера наказания определяется по статье, предусматривающей наиболее тяжелое преступление, остальные преступления учитываются судом как показатели повышенной опасности преступника.

Текст статьи проекта точнее, чем действующая «Основные начала», определяет, что наказание **при совокупности преступлений** назначается не за одно лишь наиболее тяжелое преступление, а за всю их совокупность в рам-

ках санкции статьи, предусматривающей наиболее тяжелое из совершенных преступлений.

Редакция статьи проекта требует уточнения. Прежде всего, в определении реальной совокупности не указано, что совершенные преступления должны быть предусмотрены различными статьями уголовного кодекса, вследствие чего возможно смешение совокупности преступлений с повторностью, которая или является отягчающим обстоятельством или же служит признаком квалифицированного вида данного состава преступления (см., например, ч. 1 и ч. 2 ст. 117 УК РСФСР, пп. «а», «б», «в» ст. 162).

Указание на то, что наказание определяется по той статье Особенной части, которая предусматривает наиболее тяжелое преступление, не совсем точно. Надо указать также, что наказание назначается по статье, предусматривающей в санкции наиболее тяжелую меру наказания.

Проект правильно не говорит, что мера наказания назначается лишь за наиболее тяжкое преступление из числа совершенных, указывая, что она определяется по всей совокупности преступлений, однако далее не совсем последовательно сказано, что остальные преступления учитываются как показатели повышенной опасности преступника.

Если последнее может быть достаточным в отношении идеальной совокупности, когда суд имеет дело с одним действием преступника, содержащим признаки нескольких составов преступления, то в отношении реальной совокупности, охватывающей несколько различных преступлений, зачастую совершенных в разное время, при различных обстоятельствах, эта формулировка недостаточна, так как она не дает определения опасности всех совершенных преступлений. Наличие ряда других преступ-

лений, кроме наиболее тяжелого, может отразиться не только в усилении основного наказания в пределах санкции статьи, предусматривающей наиболее тяжелое из совершенных преступлений, но и в назначении судом одной или нескольких дополнительных мер наказания соответственно характеру и степени опасности этих преступлений. Эти меры могут быть прямо указаны в качестве обязательных в статьях закона, предусматривающих другие преступления, кроме наиболее тяжелого, из числа совершенных виновным (например, конфискация имущества).

Проект о возможности применения дополнительных мер по другим статьям УК не упоминает. Уточняя текст статьи проекта, надо указать, в частности, что суд определяет основную меру наказания, учитывая как наиболее тяжелое преступление, совершенное виновным, так и остальные преступления, причем назначает основную меру наказания по статье УК, предусматривающей наиболее тяжелое из совершенных преступлений и наиболее тяжелую меру наказания, и при этом вправе определить дополнительные меры наказания, указанные законом в статьях, предусматривающих все преступления, совершенные виновным.

В статью проекта о совокупности преступлений следует внести и чисто редакционные поправки. В частности, следует говорить о преступлениях, совершенных не «обвиняемым», а «виновным», так как определение наказания по совокупности предполагает установление судом виновности.

При определении реальной совокупности вместо слов «совершение нескольких преступлений», лучше сказать «совершение двух или более», так как по обычному словоупотреблению два преступления термином «несколько» не охватываются.

Е. ДОМБРОВСКИЙ

Неимущественный интерес в гражданском праве

I

Проблема неимущественного интереса в гражданском праве считается одной из спорных тем учения об обязательствах,—вернее, даже одним из спорных институтов гражданского права вообще, поскольку юриспруденция связывает проблему неимущественного интереса не только в отношении обязательственного права, но относит ее также и к вещно-правовым институтам.

Укажем для примера, что римские юристы в числе вещно-правовых институтов признавали сервитут вида (*servitus prospectus*), независимо от всякого имущественного интереса, а также сервитут водопровода (*servitus aquaeductus*) даже и в тех случаях, когда вода проводилась через участок соседа не для хозяйственных надобностей пользователя сервитута, а ради одного удовольствия — устройства фонтана, водопада и т. п.

Признавая правовую охрану неимущественного интереса в подобных случаях, римские юристы имели в виду институты вещного пра-

ва, к числу которых относились и так называемые *Jura in re aliena* — вещные права на чужие вещи-сервитуты.

Римские юристы допускали также существование обязательств, не имеющих имущественного характера, как, например, обязательство воздвигнуть памятник наследователю, обязательство покупателя к хорошему обращению с рабом, купленным на этом условии, например, обязательство покупателя рабыни, купленной с условием — *ne prostituatur* и пр.

В римском праве мы находим иски, которые защищали личность против всевозможных физических и нравственных посягательств на ее права (*actiones injuriarum*, *actiones arbitrae* и т. д.). У римских юристов мы встречаемся впервые с так называемыми популярными исками — *actiones populares*, которые могли предъявляться каждым гражданином и преследовать в гражданском порядке действия, затрагивающие массу неимущественных интересов.

В общей форме идея возмещения нравственного вреда была выражена в законе Аквилей,

хотя этот закон предусматривал возмещение ущерба, в том числе и морального, наряду с репрессией за правонарушение.

Таким образом неправильно утверждение ряда юристов (особенно в германской цивилистике), что римское право отвергает институт неимущественного интереса. Они оспаривают принцип неимущественного интереса в гражданском праве, исходя из того положения, что вещные и обязательственные отношения являются исключительно имущественными отношениями и что предметом гражданского права могут быть только такие интересы, которые могут быть сведены на деньги. Идея возмещения морального ущерба, по мнению этих авторов, лежит за пределами гражданского права. Получив господствующее значение в германской юриспруденции со времени Пухты и Савиньи, такой взгляд на предмет гражданского права стал определять собою практику немецких судов, исключаящих, как правило, из гражданского права неимущественные интересы. Ст. 847 германского гражданского уложения допускает в очень узких пределах возмещение так называемого нравственного вреда, т. е. ущерба неимущественного порядка (*Schaden, der nicht Vermögensschaden ist*). Известно, что в старом германском праве существовал институт так называемый *Schmerzensgeld*, т. е. вознаграждения за боль, за страдания тела. Впервые этот институт встречается в Германии в ст. 20 Уголовного закона Карла V, обязывавшей возместить неосновательно приговоренному ущерб за бесчестие, страдания и убытки («*Seine Schmach, Schmerzen, Kosten und Schaden*»).

В швейцарском гражданском уложении (ст.ст. 50, 53, 54) мы имеем признание законодателем принципа возмещения неимущественного вреда в довольно широких пределах, хотя это обязательство основано на принципе вины причинившего вред, т. е. относится к числу так называемых деликтных обязательств.

Впрочем, следует отметить, что почти вся западноевропейская законодательная и судебная практика в вопросах возмещения причиненного вреда как имущественного, так и неимущественного, основана на принципе вины. Так, например, проф. Синайский В. И. в своем курсе «Русское гражданское право» (вып. II, Киев, 1918) на стр. 144 утверждает: «Законодательства Запада придерживаются по общему правилу принципа вины как основы правонарушения. Точно так же, и наш Сенат (74/34, 75/622 и др.). Принцип вины признан и проектом. Но как на Западе, в особенности в передовом праве, так и у нас, хотя в более слабой мере, принцип вины (деликтной ответственности) знает исключения в пользу принципа причинной связи. Считается достаточным обойтись в некоторых случаях одной внешней связью, без внутренней, субъективной связи (*imputatio juris*), признать ответственность и за случайно причиненный вред (деликтная ответственность не в точном смысле, легальная ответственность)»¹. Таким образом для признания обязанности возмещения неимущественного, морального вреда требуется, как правило, наличие вины (умысла

или неосторожности, во всех видах последней) со стороны причинившего вред. Ст. 50 швейцарского гражданского кодекса гласит: «Всякий, кто без правомочия причиняет вред другому, умышленно, по неосторожности или небрежности, обязан его возместить».

Из содержания ст.ст. 53 и 54 кодекса следует, что законодатель имеет в виду не только имущественный, но и нравственный вред (*le préjudice moral*).

Английское законодательство знает тройного рода обязательства возмещения причиненного вреда: а) возмещение ущерба, которого денежный эквивалент может быть с точностью установлен (*ordinary damages*); б) номинальный ущерб, означющий в английском праве возмещение морального ущерба (*nominal damages*); в) возмещение вреда в виде карательной санкции, штрафа в отношении причинившего вред (*exemplary of vindicative damages*)¹.

Широкое применение принципа, заложенного в ст. 1382 французского «*Code civil*», дает основание судебной практике обязывать виновных в причинении вреда возмещать потерпевшему не только имущественный ущерб, но и так называемый моральный вред, *le préjudice moral*.

Доктор права André Mantelet в своей работе, посвященной специально проблеме возмещения морального ущерба (*la réparation du préjudice moral*), приводит ряд примеров из судебной практики Франции, относящихся к возмещению имущественного ущерба в гражданском праве.

Являясь горячим сторонником теории возмещения морального вреда, т. е. возмещения физических и нравственных страданий, причиненных потерпевшему неправомерной деятельностью правонарушителя, проф. Мантеле дает подробный анализ законодательства важнейших государств Европы и Южной Америки, судебной практики и юриспруденции по данному вопросу.

Он показывает в своей работе, что передовая наука гражданского права, законодательства и судебная практика, за редкими исключениями, признают ответственность причинившего вред за неимущественный, или так называемый нравственный ущерб.

Ст. 1902 испанского гражданского кодекса воспроизводит принцип ст. 1382 французского «*Code civil*» по этому вопросу, причем судебная практика под понятием ущерба имеет в виду и моральный ущерб.

Ст.ст. 1325 и 1326 австрийского гражданского кодекса также признают принцип возмещения морального ущерба.

На конкретных примерах из судебной практики в данной области проф. Мантеле показывает, в каких широких пределах судебная практика французской республики применяет возложение обязанности возместить причиненный моральный ущерб потерпевшему.

Этот моральный ущерб заключается в лишениях и страданиях, причиняемых неправомерной деятельностью или упущением правонарушителя. Эта деятельность чаще всего выражается в посягательствах на личные блага, отражающихся на моральной сфере потерпев-

¹ Проф. Синайский, Русское гражданское право, вып. II, Киев 1918, стр. 144.

¹ André Mantelet, *la réparation du préjudice moral*, Париж, 1907, стр. 83—85.

шего, но моральный вред может быть причинен и нарушением имущественных благ (например, уничтожением портрета, с которым связаны самые дорогие воспоминания потерпевшего).

Противники теории неимущественного интереса в гражданском праве (в русской литературе Мейер, Вл. Умов, Кавелин, Петражицкий и др.) обычно указывают, что гражданское право не располагает средствами для защиты неимущественных отношений вследствие непереодовимости этих последних на денежный эквивалент, составляющий существо имущественных отношений. Однако некоторые германские цивилисты, вопреки господствующей в этой стране доктрине, отвергающей возмещение неимущественного интереса в гражданском праве, как, например, Рудольф Иеринг, Виндшейд, Унгер и многие другие, стоят по этому вопросу на точке зрения признания необходимости правовой защиты неимущественного интереса.

Судебная практика Англии, Франции, Бельгии, Швейцарии и других стран давно держится противоположного взгляда, чем практика германских судов, и решительно включает неимущественные интересы в область гражданского права.

Известен пример, приводимый Иерингом, когда гражданин заказал себе номер по телефону в гостинице на время большого стечения народа на праздника в этот город. Хозяин гостиницы нарушил договор, сдав номер за большую плату другому лицу. Первоначальный наниматель приезжает в город, скидывается всю ночь по улицам неизвестного города, переносит лишения и страдания с детьми, и если он не мог найти извозчика и к утру у него в кармане остались те же деньги, которые были к началу скитаний, то немецкий судья скажет ему, что он не потерпел никакого ущерба в имуществе, и не присудит ему с хозяина гостиницы никакого вознаграждения. Иеринг восклицает: «Я готов первый выкинуть за борт все правоведение, если такая нелепость должна быть признава за право!»

Наибольшие трудности в этом вопросе цивилисты усматривают в невозможности перевода на деньги нравственного вреда, в затруднениях суда при определении последствий причинения неимущественного ущерба. Они указывают, что нравственный вред, конечно, не может быть восстановлен, подобно имущественному ущербу, но невозможность такой реституции не исключает все же компенсации, хотя бы и денежной. Трудности определения этого размера они предлагают разрешить или путем определения в законе пределов денежного вознаграждения, или же путем предоставления свободному усмотрению судьи определения размера компенсации.

Некоторые цивилисты предлагают вообще установить штраф за нарушение моральных благ. Так, например, проф. Синайский говорит: «Может быть, было бы правильнее говорить даже не о возмещении нравственного ущерба, а о штрафе как мере наказания за нарушение нравственных благ по инициативе самого потерпевшего... При этом штрафы могли бы в одних случаях идти в пользу самого

потерпевшего, в других — в пользу общества»¹.

Судебная практика буржуазных стран и заключается в присуждении потерпевшему известного денежного вознаграждения в возмещение неимущественного ущерба, причем сумма этого вознаграждения определяется судом (Франция), или заключается в штрафе в пользу потерпевшего, определяемом в размере самим законом (ст.ст. 667 и 678 части 1 тома X свода царских законов), или же штраф взыскивается в доход государства².

Проф. Гамбаров приводит возражение Иеринга о том, что гражданский суд для охраны неимущественных интересов не располагает ни мечом, ни тюрьмой, подобно уголовному суду. Но «пусть гражданский суд пользуется правильно приговором, выражаемым в деньгах, и он убедится, — говорит Иеринг, — что в большинстве случаев его будет вполне достаточно и для целей гражданского правосудия». «Дело в том, — говорит проф. Гамбаров, — что возможность пользоваться денежными приговорами вовсе не ограничивается той функцией денег, которую господствующее учение имеет исключительно в виду и которая заключается в непосредственном выражении ими ценности или денежного эквивалента каждого отдельного действия. Кроме этой функции — выражать эквивалент, — деньги способны исполнять еще две другие функции, которые можно называть карательной и возмездной».

Под первой Гамбаров понимает угрозу произвести денежное взыскание как средство оказать давление на ответчика в случае уклонения его от исполнения судебного решения. Под возмездной функцией денег он понимает присуждение ответчика к непосредственной уплате в пользу истца вознаграждения за нарушение его неимущественного интереса.

Указывая на судебную практику Англии, Франции и других стран, Гамбаров замечает, что «отсутствие постоянного мерила для правонарушений не препятствует судьям пользоваться карательной и возмездной функциями денег в столь широких размерах, что неимущественные интересы находят в этих условиях требуемую охрану и добрая совесть не остается в договорных отношениях пустым словом»³.

Анализируя конкретные случаи возмещения морального ущерба потерпевшим, проф. Мантеле в своем исследовании «la réparation du préjudice moral» приводит ряд судебных решений разных департаментов, начиная с возмещения морального ущерба человека, невинно осужденного и требующего по суду вознаграждения за его страдания и лишения

¹ Проф. Синайский, Русское гражданское право, 1918, вып. II, стр. 160.

² В ст. 667 и следующих речь идет о вознаграждении за бесчестье (обиду, оскорбление).

В издании т. X ч. 1 1842 г. прямо сказано: «Под бесчестьем следует понимать вознаграждение или удовлетворение пострадавшего за обиду, составляющую также вред, хотя и неимущественный, а нравственный» (цитировано по Синайскому).

³ Ю. С. Гамбаров, Курс гражданского права, 1911, стр. 93.

(после установления судебной ошибки), и кончая возмещением морального ущерба изнасилованной девушке и присуждением вознаграждения благочестивому буржуа с содержанием дома терпимости, находящегося по соседству с квартирой истца, которому и семье которого причиняет моральный ущерб владелец этого буржуазного предприятия, угрожающего семейным устоям истца. Во всех этих случаях проф. Мантеле видит в деньгах возможность осуществить важнейшую роль воздействия на правонарушителя через посредство функции удовлетворения потерпевшего, заглаживания денежной суммой его моральных страданий.

В этих примерах явствует неприкрытый лицемерный взгляд буржуазной юриспруденции на тупую, мелочную справедливость в гражданском обороте общества, основанного на эксплуататорской частной капиталистической собственности, превращающего высшие блага человека и самого носителя этих благ — человека — в товар и расценивающего на деньги высшие моральные блага.

Лицемерие буржуазного правосудия в подобных делах бьет в глаза, когда благочестивый буржуа тайком перед членами своей семьи пользуется услугами соседнего *maison de tolérance* и здесь же предъявляет иск к владельцу дома терпимости о возмещении ему морального ущерба, причиняемого соседством этого заведения ему и его семье, воспитываемой в правилах «светского приличия».

Возражая Петражицкому, указывающему на антикультурность и антисоциальность возмещения нравственного вреда, проф. Синайский замечает: «Нет ничего аморального в том, что, например, изнасилованная получает сумму денег; если ее личность этически высока, она пожертвует эти деньги; если она оставит их себе, то все же она найдет нравственное удовлетворение в денежном наказании обидчика». «Нечего бояться и шантажа. Охраняет же суд от него граждан в других случаях».

Подобное понимание морального ущерба в гражданско-правовых отношениях совершенно чуждо социалистическому правосознанию.

Столь же неприемлемы для нас и буржуазные представления о возмещении морального ущерба за нарушение супружеской верности (*la femme est responsable de ses fautes envers son mari*), а также за нарушение требований ст.ст. 213 и 214 французского кодекса о послушании жены своему мужу и об обязанности жены жить со своим супругом и следовать за ним всюду.

Всеобщее преклонение перед теорией неимущественного интереса в новейшем гражданском праве в смысле возмещения так называемого морального ущерба, причиняемого в гражданском обороте действием или бездействием правонарушителя, объясняется в значительной мере влиянием концепции так называемых юридических социалистов — Антона Менгера, Леона Дюги, Гедемана и других, видящих в этом институте одно из проявлений вращающегося буржуазного общества в социализм через эволюцию права.

Под неимущественным буржуазная цивилистика понимает не только вред, причиненный нарушением обязательственных прав (или посягательств на нравственное чувство (моральный вред), но всякого рода неприятные переживания, причиненные любым правонаруше-

нием (см. у проф. Ярославского университета Б. Лапицкого, Вознаграждение за неимущественный вред, Ярославль, 1919).

Отмечается, что в теории денежное вознаграждение за неимущественный вред не пользуется всеобщим признанием. Споры по этому вопросу ведутся с большой страстностью.

Проф. Боинского университета Ю. Барон в своей «Системе римского гражданского права» отмечает: «Обязательство без интереса для кредитора, т. е. для удовлетворения простой прихоти, ничтожно. Спорно, имеют ли значение свойства интереса, требуется ли, чтобы это был имущественный интерес, или это может быть нематериальный интерес, например, продавец рабыни ставит условие *ne prostituatur*; на чужом участке кто-либо срубает аллею деревьев, чем он причиняет не только имущественный ущерб собственнику участка, но и лишает изуфруктуария участка удобства прогулки; одно лицо выговаривает себе, чтобы другое лицо исполняло над его гробом известные религиозные обряды и т. п. По прежде господствовавшему мнению, нематериальный интерес может лишь тогда служить достаточным основанием для обязательства, когда вследствие особых обстоятельств к нему присоединяется и имущественный интерес, например, условлена неустойка. Но правильное, по чисто римскому праву, различать в этом случае *obligationes stricti juris et bonae fidei*¹.

Для последних было достаточно нематериального интереса; если не была условлена неустойка, должник присуждался к уплате штрафа, размер которого определялся по своему усмотрению судья (теперь такой штраф часто называют «возмещением нематериального вреда»)².

В законодательствах буржуазных стран, как правило, предусмотрено вознаграждение потерпевшей женщины, потерявшей красоту лица от нанесенного ей повреждения в несчастных случаях, по вине причинившего, причем обязательство такого вознаграждения понимается в качестве возмещения морального ущерба за причиненные потерпевшей нравственные страдания.

Такие выводы делает в широких пределах французская судебная практика, применяя ст.ст. 1382 и 1383 *Code civil*. Такое указание содержится прямо в тексте ст.ст. 1325 и 1326 австрийского гражданского кодекса и т. д.

Законодательство и практика буржуазных стран знают обязательства возмещения морального ущерба не только в правонарушениях, вытекающих из причиненного вреда, но и в случаях нарушения контрагентом договорных обязательств.

Так, например, Мантеле в цитированной выше работе приводит из судебной практики ряд случаев присуждения потерпевшему морального ущерба за неисполнение ответчиком договорных обязательств. Это особенно относится к случаям строго индивидуальных обязательств.

¹ Проф. Ю. Барон, «Обязательственное право», 1910 г., С.-Петербург, выпуск III, книга IV.

² Обязательства *bonae fidei* допускали в римском праве широкое применение свободному судейскому усмотрению, в отличие от строгих обязательств *stricti juris*. — Е. Д.

Приводится, например, случай из судебной практики трибунала Сены в Париже: лорд Эден заказал известному художнику Уистлеру написать портрет леди Эден и заплатил художнику значительную сумму денег. Окончив портрет, художник отказал в передаче его заказчику и предложил вернуть ему уплаченные деньги. Лорд Эден предъявил иск об истребовании портрета, находя, что он купил портрет, стал его собственником и вправе его виндицировать.

Трибунал Сены иск удовлетворил, но апелляционный суд отменил решение и, признав, что заключенный сторонами договор не является договором купли-продажи, а представляет собой договор заказа, и что нарушение договора художником причинило лорду и леди Эден нравственный ущерб, присудил истцу в возмещение морального ущерба 1000 франков вознаграждения сверх обратной уплаты полученной художником суммы за выполнение заказа (см. работу проф. Mantelet, стр. 165). Мантеле находит, что в ряде случаев суд правильно присуждает ответчика к платежу вознаграждения за причинение морального ущерба неисполнением договора, основываясь на широком применении ст. 1382 Code civil.

В русской правовой литературе вопрос о возможности искать вознаграждение за нравственный вред, причиненный неисполнением договора, считался очень спорным. Неясным также представлялся вопрос, можно ли требовать вознаграждение за нравственный вред в виде неустойки, предусмотренной на этот случай договором.

Указывалось, что поскольку речь здесь идет о договорной, а не о правонарушительной ответственности за нравственный вред, то решение вопроса об юридической силе неустойки разрешается в зависимости от действительности обязательства, обеспеченного неустойкой. Если обязательство с нравственным интересом действительно, то законной признавалась и неустойка, предусмотренная в обеспечение такого обязательства. Проект Гражданского уложения в п. 2 ст. 130 прямо предусматривал обязательство возмещения нравственного вреда, причиненного неисполнением обязательства, при наличии умысла или грубой неосторожности. Как известно, проект не получил силы закона.

В русском дореволюционном законодательстве не было общих указаний о возмещении потерпевшему нравственного вреда. В некоторых случаях закон казуистически допускал такое возмещение. Так, например, ст.ст. 667 и след. ч. I т. X Свода законов предусматривали денежное вознаграждение за бесчестие, т. е. нанесение личной обиды потерпевшему, по просьбе обиженного в сумме 1—50 руб., причем иск о платеже бесчестия не мог быть соединен с требованием наказания виновного (ст.ст. 668, 669).

На практике подобные случаи приводили к явным издевательствам над личностью обиженного, когда нередко нанесший личную обиду компенсировал потерпевшего 3-рублевым штрафом в пользу последнего, а иногда прибавлял ему еще 3 руб. и рассчитывался с обиженным дополнительной оплеухой перед лицом торжествующего правосудия.

Ст.ст. 678 и 679 ч. I т. X Свода законов предусматривали уплату осужденному по непра-

вильному приговору в случае его окончательной отмены и признания наличия судебной ошибки вознаграждения за невинное осуждение, сверх причиненных убытков, в размере 10—60 руб. или же 100—600 руб., в зависимости от того, понес ли невинный наказание уголовное или исправительное.

В литературе, посвященной вопросам возмещения нравственного ущерба, указывалось, что иски о платеже бесчестия должны быть отменены, так как они противоречат «современному культурному правосознанию».

Нравственное же удовлетворение за невинное осуждение, как указывалось, должно быть допущено не иначе, как при наличии умысла или явной небрежности судей, ибо, в противном случае, судьи были бы поставлены в тяжелое положение при отправлении правосудия.

В таком именно смысле высказывался по конкретным делам Сенат (например, 91/8, 85/76); так разрешает вопрос о вознаграждении невинно-осужденного ст. 1214 проекта Гражданского Уложения 1903 г.

В ст. 1201 проекта не упоминается о денежном вознаграждении за оскорбление, так как в объяснительной записке к проекту (стр. 406) признается, что нанесший другому бесчестие должен подлежать только уголовному наказанию.

Цитированный нами выше доктор права проф. Мантеле находит следы вознаграждения за нравственный ущерб в ст. 662 ч. I т. X Свода законов, признававшей право незамужней женщины на получение от виновного приличного вознаграждения на ее содержание до брака, сверх расходов на лечение в случае обезображения лица потерпевшей. В этой статье проф. Мантеле видит отражение смешанной идеи штрафа и возмещения нравственного ущерба за причиненные моральные тяжелые переживания потерпевшей¹.

II

Советскому социалистическому гражданскому праву, основанному на общественной социалистической собственности на средства производства, являющемуся выражением политики социалистического государства рабочих и крестьян, принципиально отличному от гражданского права буржуазии и капиталистов, социалистическому по своей природе с первых дней диктатуры рабочего класса, развивающемуся на разных этапах социалистического строительства, чуждо понятие «морального ущерба» в трактовке буржуазной юриспруденции.

В великом Союзе ССР, где после Октябрьской революции впервые в истории человечества заложены были прочные основы освобождения человека от эксплуатации, где с победой социализма основой советского строя стала общественная, социалистическая собственность на средства и орудия производства, где на основе этой общественной, социалистической собственности растет и множится личная собственность трудящихся, где признаны и гарантированы основные права граждан Союза ССР — право на труд, на отдых, на образо-

¹ Мантеле А., La réparation du préjudice moral, Paris, 1907, стр. 91—92.

вание, равные права женщины с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни (см. гл. I и X Великой Сталинской Конституции), — гражданская правоспособность трудящихся не может идти ни в какое сравнение с правоспособностью субъектов права буржуазных капиталистических стран.

Эта правоспособность по социалистическому гражданскому праву качественно отлична. Она по своей внутренней природе иная. Она не выражает собою права эксплуатации, буржуазного лицемерия, буржуазной «справедливости» и морали. Она богаче, содержательнее, многограннее. Она есть выражение зажиточной, культурной, счастливой жизни участников общественной социалистической собственности, тружеников социалистического государства рабочих и крестьян, государства, в котором впервые в мире осуществляется принцип социализма: «от каждого по его способностям, каждому по его труду» (ст. 12 Сталинской Конституции).

Такое понимание гражданской правоспособности, принципиально отличной от правоспособности буржуазии и капиталистов, исключает возможность правомерности требования «морального ущерба» в возмещение нравственного вреда за бесчестие, за потерянную красоту женщины, за нарушение обязательства заключить брак, за супружескую измену, за нарушение обязательств супружеского послушания женщины, проживания совместно с мужем, вопреки воле женщины, обязанности следования повсюду за своим мужем и т. п.

Такое «право» на возмещение «морального ущерба», с точки зрения социалистической правоспособности и пролетарской морали, представляет собой издевательства над личностью и над элементарным представлением о праве. Социалистическое правосознание исключает подобное понимание права на возмещение «морального ущерба». Можно признать только клеветниками на социалистический правопорядок тех буржуазных цивилистов, которые видят в институте вознаграждения за неимущественный «моральный ущерб» буржуазного права самостоятельное «культурное благо», перерастающее рамки буржуазного общества. Перенося этот буржуазный по своей природе институт в правопонимание социалистического общества, они утверждают, что «правотворчество временами может подняться на такую высоту, что правовые формы, преодолевая исторический материал, в них отлитый, могут пережить не один переворот и не одну революцию. Так право из жалкой «надстройки» над экономикой вырастает в самостоятельное культурное благо» (проф. Лацицкий, Вознаграждение за неимущественный вред, Ярославль, 1919).

Контрреволюционная клеветническая сущность этой тирады говорит убедительно сама за себя. По существу это положение Лапицкого перекликается с контрреволюционным вредительским пашуканизмом, увековечивающим буржуазное гражданское право со всеми его институтами.

Наша судебная практика не знает случаев вознаграждения за причиненный нравственный ущерб.

Попытки в этом направлении, например, требования родителей, ищущих по суду вознагра-

ждения за погибшего от несчастного случая ребенка, сверх причитающихся убытков за причиненный вред, согласно ст. 403 и следующих Гражданского кодекса РСФСР и соответствующих статей ГК других союзных республик встречаются в судебной практике решительный отпор, как не основанные на законе и не соответствующие духу советского права. Такие попытки присуждения вознаграждения за нравственные страдания потерпевшим от несчастного случая, сверх возмещения убытков за причиненный вред, особенно когда вред причинен источником повышенной опасности, где наш закон в должной мере и усугубленно охраняет права потерпевшего, также отклоняются судебной практикой. Законных оснований для присуждения вознаграждения за подобный неимущественный вред наши гражданские кодексы союзных республик не знают. Всей системой социалистического советского права личность ставится в такие условия, что возмещение «морального ущерба» в смысле денежного вознаграждения, «осушающего слезы» потерпевшего, в наших условиях неприменимо.

Харьковский народный суд отклонил иск гражданки И., требовавшей присуждения ей с городского трамвая 50 000 руб. в возмещение причиненных ей нравственных страданий, так как она в молодые годы лишилась ноги от несчастного случая; суд признал такой иск не основанным на законе и присудил ей сумму действительно причиненных убытков для возмещения реально причиненного вреда.

Совершенно недопустимо в нашем праве представление о возможности присуждения морального возмещения за бесчестие, за отказ от женитьбы, за измену супружеской верности, за отказ от сожительств с мужчиной, считающим себя мужем женщины вопреки ее воле, за изнасилование женщины.

«Просвещение, культура, цивилизация, свобода — все эти пышные слова соединяются во всех капиталистических, буржуазных республиках мира с неслыханно-подлыми, отвратительно грязными, зверски грубыми законами о неравенстве женщины, по законам о брачном праве и о разводе, о неравенстве внебрачного ребенка с «законнорожденным», о привилегиях для мужчин, об унижении и оскорблении женщины. Иго капитала, гнет «священной частной собственности», деспотизм мещанской тупости, мелкохозяйственной корысти — вот что помешало самым демократическим республикам буржуазии посягнуть на эти грязные и подлые законы» (Ленин, Советская власть и положение женщины, 1919 г.).

Это лучшая характеристика для указанного выше буржуазного института возмещения «морального ущерба».

«Из тех законов, которые ставили женщину в положение подчиненное, в Советской республике не осталось камня на камне» (Ленин, Речь на конференции московских работниц, изд. 1-е, т. XVI, стр. 357).

Камня на камне не осталось в социалистическом гражданском праве от институтов буржуазного гражданского права, основанного на «священной частной собственности» на орудия и средства производства, на эксплуатации человека человеком. Указанный нами институт разделяет судьбу и всех других институтов буржуазного гражданского права.

Однако, было бы неправильным утверждать, что в нашем социалистическом гражданском праве нет места для признания неимущественного интереса в правоотношениях трудящихся между собою, с государственными и общественными организациями, а также в правоотношениях последних между собою. Во многих гражданских правоотношениях социалистического общества мы, несомненно, имеем налицо все основания для признания неимущественного интереса в социалистическом гражданском праве и для его судебной защиты. Но здесь вопрос ставится совершенно по-иному.

Возьмем, к примеру, отношения, вытекающие из авторского права.

Согласно ст. 17 постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 8 октября 1928 г. основной обязанностью издателя по издательскому договору является обязанность издать произведение автора и принять все зависящие от издательства меры к распространению этого произведения. В судебной практике нередко ставится вопрос, обязано ли издательство печатать работу автора, или же оно может воздержаться от издания и распространения труда автора, ограничившись уплатой автору причитающегося по договору гонорара. Неимущественный интерес автора как раз и заключается в том, чтобы издательство выполнило свое обязательство, предусмотренное ст. 17 закона. Этот интерес не может быть переведен на деньги. Он имеет громадное значение для социалистического строительства, для роста социалистической культуры, для связи автора с общественностью, для развития творческой деятельности автора.

Такой неимущественный интерес автора заслуживает всемерной охраны закона и судебной защиты. Конечно, при этом предполагается, что автор представил во исполнение договора вполне доброкачественный труд и что его издание и распространение тормозится или вовсе отменяется по вине издательства. Решая подобные дела в зависимости от конкретных обстоятельств, суд должен обязывать издателя к выполнению обязанности, предусмотренной ст. 17 закона от 8 октября 1928 г. За нарушение этой обязанности суд может применить ряд мер, обеспечивающих исполнение: штрафная неустойка, привлечение виновных к дисциплинарной ответственности, опубликование в печати, постановка вопроса перед вышестоящей организацией, сообщение о нарушении издателем обязанности издать произведение в Комиссию советского контроля и т. п. Штрафная неустойка на случай судебной защиты неимущественного интереса автора должна быть установлена законом. Она, конечно, не разрешает полностью вопроса, так как, уплатив ее, издательство все же может отказаться от издания работы автора. Однако, самая обязанность уплаты неустойки, значение ее уплаты в балансе хозяйственной деятельности издательства будет, несомненно, существенным образом способствовать правовой охране неимущественного, личного интереса автора.

Интересный пример из области правоотношений, касающихся неимущественного интереса в гражданском праве, мы имели недавно в надзорной практике Прокуратуры Союза.

Грузинский композитор Мегвинет Ухуцеси должен был на основании договора с Тбилиским театром государственной оперы и балета получить 25 000 руб. неустойки за отказ театра от постановки его оперы «Амирани», одобренной надлежащей экспертизой, признанной ценным вкладом в грузинское оперное искусство и включенной даже в репертуар театра. Композитор работал над оперой 10 лет. Добросовестно и в срок выполнил свои обязательства. Театр оперу не поставил. В договоре предусмотрена была неустойка в 25 000 руб. на случай отказа театра от постановки оперы.

В суде возникли споры о допустимости включения в подобный договор с композитором условия о неустойке. Ставился вопрос, каков характер этой неустойки — штрафной или оценочный.

Верховный суд Грузии в иске композитору отказал. Судебно-надзорная коллегия Верховного суда СССР по протесту Прокуратуры Союза отменила это решение и признала за Мегвинет Ухуцеси право на неустойку.

Здесь мы имеем, несомненно, случай судебной защиты неимущественного интереса в социалистическом гражданском праве, наряду с возмещением композитору причиненных нарушением договора убытков (ст. 117 ГК).

Личный, неимущественный интерес композитора заключается именно в том, чтобы его опера была поставлена, чтобы он, таким образом, мог получить оценку своего творческого труда со стороны широкой общественности, чтобы его опера шла в репертуаре театра, чтобы он извлек от постановки оперы все необходимое композитору для дальнейшей творческой деятельности.

Судебная защита неимущественного интереса композитора необходима здесь в интересах социалистического строительства, социалистической культуры.

Данный случай в судебной практике настоятельно свидетельствует о необходимости правовой охраны неимущественных интересов автора, композитора в социалистическом гражданском праве.

Опору в действующем законе суд в аналогичных случаях может найти даже в ст. 142 ГК РСФСР и соответствующих статьях гражданских кодексов других союзных республик. Пункт 3 ст. 142 Гражданского кодекса говорит, что в случае определения размера подлежащей присуждению неустойки (когда должник возбуждает вопрос об ее уменьшении) «суд должен принять во внимание не только имущественный, но и всякий иной, заслуживающий уважения, интерес кредитора». Это указание Гражданского кодекса дает основание для судебной защиты неимущественного, личного интереса кредитора.

Мы сталкиваемся в нашей судебной и прокурорской практике с проблемой неимущественного интереса и в ряде других случаев, как в отношениях трудящихся с государственными и общественными организациями, так и в гражданских правоотношениях последних между собою. Проблема неимущественного интереса нередко возникает в так называемых установительных исках, когда суд своим решением удостоверяет наличие или отсутствие между сторонами правоотношений. Известны в нашей судебной практике случаи

установления отцовства, не связанные с присуждением алиментов (например, установление отцовства по иску совершеннолетней дочери, Мосгорсуд).

Эти вопросы возникают и в стадии исполнения судебных решений, когда правоотношение определяется вступившим в законную силу судебным решением, особенно по так называемым установительным искам (Feststellungs-Klagen).

Суд, например, выносит решение: признать за Ивановым право на площадь, выселить Петрова из спорной комнаты, обязать жилищный отдел городского совета предоставить Петрову площадь (так как жилотдел незаконно выдал Петрову ордер на спорную комнату).

Поскольку такое решение не снабжено принудительной санкцией, жилотдел не выполняет решение, Иванов месяцами ходит с судебным решением, признавшим за ним право на комнату, но вселиться в нее не может, так как жилищный отдел не предоставляет Петрову площади.

Неимущественный интерес Иванова, непереводимый на деньги, заключается в обеспечении силы судебного решения, в гарантировании его исполнения жилищным отделом. Решение вопроса здесь представляется в виде установления в законе штрафа за нарушение должником обязательства, в привлечении виновных в неисполнении судебного решения к дисциплинарной и судебной ответственности. Ясного ответа на этот вопрос в законе нет.

Из этой же области правоотношений, говорящих о необходимости правовой охраны неимущественного интереса в социалистическом гражданском праве, интересный пример дала недавно практика Киевского областного суда.

В споре между киевским Молочным комбинатом и киевским заводом «Маслоизготовитель» об освобождении арендованного последним помещения Молочного комбината за истечением срока договора встал во весь рост вопрос о судебной защите неимущественного интереса истца. Вкратце, спор сводился к тому, что срок договора аренды помещений Молочного комбината заводом «Маслоизготовитель» истек 1 января 1936 г. Арендатор в нарушение договора после этого срока не освободил помещений комбината, несмотря на ряд обращенных к нему требований. Договор предусматривал ничтожную неустойку на случай нарушения договора. Она истца не интересовала. Молочный комбинат не предъявлял также к ответчику требования об уплате убытков, вызванных просрочкой освобождения помещений истца; убытки его не интересовали, тем более, что и доказать эти убытки

было бы чрезвычайно трудно: ни прямой ущерб, ни упущенная выгода из обстоятельств дела отчетливо не следуют.

Истец должен был по своей программе расширить производство. Ему нужно было оборудовать новые цеха. Интересы производства, промфинплана Молочного комбината требовали освобождения его помещений заводом «Маслоизготовитель». Неимущественный интерес истца, непереводимый на деньги, являлся из обстоятельств дела. А «Маслоизготовитель», в свою очередь, расширял свою производственную программу. Он снабжает своими изделиями систему потребкооперации, производит оборудование, ранее ввозившееся из-за границы. Своего здания у «Маслоизготовителя» не было. Ясно, что выселить завод из помещений Молочного комбината суд не мог: решение об обязанности ответчика освободить помещения комбината согласно договора парализовалось многократными отсрочками исполнения решения тем же судом. Какой вывод следует из приведенного случая, в свете рассматриваемого нами вопроса о неимущественном интересе в советском гражданском праве?

Необходимость установления по закону штрафа, который суд мог бы в подлежащих случаях налагать на ответчика, за неисполнение им обязательства, в точном исполнении которого заинтересована другая сторона. Штраф этот, взыскиваемый в пользу истца, или в пользу государства, в значительной мере подстегивал бы должника к исполнению обязательства. Практика Госарбитража в аналогичных случаях подтверждает положительные результаты этого мероприятия. Необходимо также уточнить в законе дисциплинарную и судебную ответственность за неисполнение судебного решения, предусмотренную нашим законодательством в отношениях между организациями социалистического хозяйства, но недостаточно четко сформулированную и находящую себе **очень** редкое применение в практике.

Мы коснулись только некоторых отношений нашего гражданского права, где проблема неимущественного интереса представляется актуальной в интересах социалистического строительства.

Затронутая тема как и многие другие проблемы советского социалистического гражданского права требует своей детальной разработки.

Теснейшим образом с нашей темой связана проблема личных прав граждан Союза ССР. В свете Великой Сталинской Конституции последняя тема настоятельно требует своей исчерпывающей научной разработки.

Вопросы советской судебной медицины

Судебная медицина, это связующее звено между правом и медициной, в наших условиях получила все возможности к огромному творческому развитию.

В 1932 г. по постановлению правительства создан Центральный институт судебной медицины НКЗдравоохранения РСФСР, призванный объединить все достижения мировой и отечественной медицинской науки на помощь советскому правосудию.

Вполне естественно, что на повестке дня стоит вопрос об организации всесоюзного центра судебно-медицинской мысли. Это — прямая обязанность НКЗдравоохранения СССР.

Судебно-следственные работники, работая рука об руку с судебно-медицинским экспертом, вводя его во все стадии уголовного процесса, вполне естественно, вправе требовать от него высокого знания своего дела.

Однако, вопреки всем возможностям, предоставленным судебной медицине, она отстает, и положение ее в настоящее время нельзя признать стоящим на должном уровне. Причины этого следующие: 1) мы не можем похвалиться особенным вниманием со стороны НКЗдравоохранения к текущим нашим нуждам; 2) «кадры решают все», говорит товарищ Сталин, а в нашей области — это самый больной вопрос. Старые кадры значительно поредели, а новое пополнение далеко не успевает за ростом и требованиями жизни.

Статья 193 УПК, разрешающая следователю, кроме специалиста судебно-медицинского эксперта, привлекать к экспертизе любого врача, в большинстве случаев приносит вред делу расследования. Это зло становится иногда непоправимым, и судебно-медицинская экспертиза такого так называемого «случайного» эксперта иногда должна быть выброшена из цепи доказательств.

У нас сейчас едва ли насчитывается 500 врачей, специально занимающихся судебной медициной. Поэтому и существует правило статьи 193 УПК, в силу коего отправление судебно-медицинских функций зачастую поручается случайным медицинским экспертам, иногда поражающим всех своей исключительной малой компетенцией в судебной медицине, фантастичностью заключений, так что иной раз приходится задумываться, не лучше ли для дела совсем отказаться от такой помощи, толкающей само расследование в пучину случайностей.

Приведем несколько иллюстраций из заключений «случайных» экспертов:

1) Врач М. пишет: «В полостях правого желудочка 2 куска жира, которые закупили отверстие сердца, отчего повидимому и произошла скоропостижная смерть». Здесь обычные агональные свертки крови принимаются за куски жира.

2) Врач Г. пишет: «Ввиду отсутствия надобности во вскрытии последнее не было произведено, на основании истечения кровянистой жидкости из ноздрей и рта заключаю, что

смерть наступила от паралича сердца». Комментарий излишни!

3) Врач Ш. пишет: «Глаза трупа на свет не реагируют», а в заключении: «Так как труп извлечен из озера в мертвом виде и момент утопления никто не видел, делать окончательное заключение при каких обстоятельствах произошла смерть затруднительно».

4) Врач Ш. пишет: «На основании данных наружного осмотра и вскрытия можно определенно сказать, что смерть в данном случае не насильственная. Покойный с вечера или ночью повесился на заранее приготовленной веревке. Смерть произошла вследствие паралича дыхательного центра и кровоизлияния в центральный мозг».

Я хорошо представляю себе этих «экспертов», дающих такие заключения. Должно опасаться их и правосудие, так как в ряде случаев убийства остаются нераскрытыми, а иногда невинные привлекаются к уголовной ответственности. Таковы последствия плохой первичной экспертизы. Вред таких экспертиз диктует самую беспощадную борьбу с этим злом.

За последние 2 года НКЗдравоохранения выделил на судебную медицину 150 чел. Если принять во внимание отсев 25 чел. и то, что в ближайшие 3 года для преподавания понадобится не менее 100 чел., то что же останется для практической судебной медицины? Интересы правосудия требуют, чтобы количество врачей на судебную медицину по крайней мере было утроено.

Положение с кадрами для кадров также нельзя назвать хорошим. Ряд кафедр судебной медицины пустует, и подготовка будущих специалистов по судебной медицине ведется представителями смежных специальностей, например, патолого-анатомами.

Еще резче надо подчеркнуть недостаточное количество часов, отводимых на судебную медицину в вузах, это количество напоминает кривую при лихорадке. Было и 126, было и 36, было 84, в последнее время 66, из которых 54 обязательных и 12 необязательных. В юридических вузах это количество часов приближается к последней цифре, и для меня не будет удивительным, что при дальнейшем снижении юрист будет разъяснять врачу основы, а может быть и детали судебной медицины.

Следующим актуальным вопросом, требующим пристального внимания, является вопрос о роли и значении патолого-анатомов в деле несения функций судебно-медицинских экспертов. Это — беда в нашей области, которую приходится терпеть вследствие острой нужды в кадрах. Вопрос об этом дебатировался и в европейской печати. К великому сожалению, у некоторой части патолого-анатомов существует полупрезрительное и вместе с тем слишком упрощенное понятие о судебной медицине — науке, имеющей 400-летнюю давность.

Примером такого упрощенства и вульгаризации судебной медицины является статья

проф. Давыдовского в т. V Большой медицинской энциклопедии под заглавием «Внезапная смерть», где автор путает естественную и насильственную смерти. Комментарии также излишни!

Если врач будет ориентироваться по этой статье, то нет ничего удивительного, что он даст заключение наподобие приведенных выше. Надо со всей прямотой сказать, что опыт работы патолого-анатомов в качестве судебно-медицинских экспертов на ряде примеров экспертиз, проходивших комиссии третьей инстанции, неудачен. Особенно неблагоприятным для дела правосудия является совмещение в одном лице, в одном и том же учреждении функций судебно-медицинского эксперта и патолого-анатома.

Положение с печатным органом по вопросам судебной медицины весьма тяжелое.

Все медицинские специальности, даже средний и низший медперсонал, имеют свой печатный орган, лишь для судебных медиков почему-то существует досадное исключение.

Кто виноват в том, что сотни работ лежат по нескольку лет, стареют, теряют свое значение, иногда печатаются в иностранных журналах, иногда — в наших по другим специальностям? Вполне естественно, что знакомство с такой работой даже для специалиста является случайной находкой. Периодический журнал нужен нам как воздух, нужен он и нашим товарищам-юристам.

С большим трудом Институту судебной медицины удалось создать коллективный учебник по судебной медицине взамен устаревшего учебника Косоротова. Существующие

хорошие руководства Шибкова, Бокариуса и Нижегородцева стали редкостью.

Единство теории и практики — важнейший принцип и необходимое условие развития советской науки. Разве не иронией звучит то положение, что ведущий научно-исследовательский центр — Институт судебной медицины Наркомздрава СССР почти не имеет практической базы и почти не связан со всей массой как экспертов, так и работников расследования, а равно и с городской судебно-медицинской организацией, благодаря чему ценный количественно и качественно материал пропадает как для теории, так и для практики. Научный работник, оторванный от практики, обогащающей теорию, не есть научный работник.

В заключение несколько слов об идеологическом состоянии судебной медицины, нуждающейся в пересмотре ряда вопросов. Не секрет, что до последнего времени некоторые из экспертов питаются из источников Ломброзо, объясняя причину самоубийства дегенеративными изменениями в черепе. Единственная наша работа, подвергшая критике эту теорию и написанная в 1932 г., до сих пор еще не напечатана. Такова же судьба работы о кризисе судебной медицины проф. Сапожникова.

Этим не исчерпывается все, что волнует всякого вдумчивого судебно-медицинского эксперта. Не выражая никакого сомнения в чутком отношении к судебной медицине и действенной поддержке со стороны органов прокуратуры и суда, мы обязаны на основе беспощадной критики и самокритики пересмотреть и перестроить всю свою работу.

М. БРАГИНСКИЙ

Об обязательных постановлениях городских советов

В связи с принятием Сталинской Конституции СССР предстоит большая работа по пересмотру действующего законодательства и согласованию его с основными требованиями Конституции, с изменившимися условиями и обстановкой.

Подвергнутся просмотру, вероятно, также законы о правах местных советов и их исполкомов на издание обязательных постановлений и пределы этих прав.

Права городских советов на издание обязательных постановлений предусмотрены ст. 19 Основных положений об организации в Союзе городских советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (СЗ № 10, 1928, стр. 86). Закон прямо предоставляет городским советам «права по изданию обязательных постановлений и определению за нарушение их взысканий в административном порядке в объеме таковых прав, предоставленных соответствующим исполнительным комитетам».

Положение о городских советах РСФСР от 20 января 1933 г. (СЗ № 29, 1933, стр. 103) устанавливает, что городские советы «издают

обязательные постановления и контролируют правильность наложения административных взысканий».

При пересмотре законодательства о городских советах, естественно, может и должен быть поставлен вопрос о том, использовали ли городские советы предоставленные им права в достаточной степени, в какой мере эти права оказались на практике необходимыми и полезными, не было ли при этом таких нарушений, которые бы ставили под сомнение самую необходимость такого рода прав.

Для разрешения этих вопросов необходимо обратиться к практике применения законодательства об обязательных постановлениях городских советов. В пределах РСФСР действует в настоящее время Положение ВЦИК и СНК РСФСР от 30 марта 1931 г. об издании местными исполнительными комитетами и советами обязательных постановлений и о наложении за их нарушения взысканий в административном порядке (СУ № 17, 1931, стр. 186). Изданное в отмену ранее действовавших положений 1922 и 1926 гг. Положение 30 марта уже имеет значительный опыт своего применения на практике. Этот опыт

должен быть учтен при разработке новых по данному вопросу законодательных актов.

Обязательное постановление может быть определено как такое постановление, которое устанавливает обязанности общего характера либо для всего населения, либо для отдельных его групп или учреждений, предприятий и организаций и нарушение которого влечет за собой ответственность в административном или, в соответствующих случаях, в судебном порядке (ст. 1 закона от 30 марта).

Каковы же те обязанности общего характера, которые могут быть предусмотрены обязательными постановлениями городских советов? Перечень ст. 4 Положения 30 марта довольно обширен: городской совет своими обязательными постановлениями имеет право регулировать и охрану общественного порядка, и проведение противопожарных мер, и введение всеобщего обязательного начального обучения, и правила уличного движения, и расквартирование проходящих войск, и изъятие 10% жилой площади в домовладениях частных лиц и т. д. и т. п., — всего 19 вопросов. Этим, однако, пределы прав городских советов на издание обязательных постановлений не ограничиваются, так как ст. 5 того же закона расширяет права городских советов, выделенных в самостоятельные административно-хозяйственные единицы, предоставляя им право издавать обязательные постановления также по всем вопросам, специально предусмотренным для райисполкомов, например, борьбы со стихийными бедствиями, охраны лесов и лесных насаждений от хищений, истреблений и пожаров и т. п. Два же столичных городских совета — Московский и Ленинградский — по особому постановлению ВЦИК и СНК РСФСР от 1 апреля 1932 г. (СУ № 34, стр. 157) получили право издавать обязательные постановления по всем вопросам компетенции городских советов, определяемой Положением об этих органах.

При издании обязательных постановлений городские советы должны руководствоваться определенными перечнями, твердо установленными в законе. Кроме того, они имеют право издавать обязательные постановления лишь в тех случаях, когда это право предоставлено им особыми законами (ст. 7 Положения). Фактически перечни часто грубо нарушаются. Благодаря же тому что на основании незаконно изданных обязательных постановлений налагаются административные взыскания за мнимые нарушения, приходится часто встречать грубейшие извращения революционной законности.

Ростовский городской совет Азово-Черноморского края для борьбы со снежными заносами объявил трудгужповинность городского населения. Между тем, согласно общему закону о порядке проведения трудгужповинности, к последней могут привлекаться лишь жители сельских местностей и притом в определенном возрасте. В этом отношении Ростовский городской совет повторил лишь опыт Старо-крымского рика, мобилизовавшего на борьбу со снежными заносами все население, включая детей и стариков. Незнание законов, едва ли извинительное для работников Старо-крымского рика, совершенно недопустимо для работников городского совета краевого центра.

Феодосийский городской совет в одном из своих постановлений о санитарных мероприятиях буквально записал: «Воспретить свободное содержание животных и птиц во дворе и на улице». Таким образом граждане были лишены права содержать в своем дворе домашнюю птицу и животных. Тот же городской совет установил взимание трехкратного размера месячной стоимости электроэнергии за несвоевременное тушение или зажигание фонарей у ворот. Между тем самый срок горения фонарей не был точно установлен: «от сумерок до рассвета», в результате — неосновательные штрафы.

Саратовский городской совет вслед за Московским городским советом регулировал обязательным постановлением порядок обязательного взноса учреждениями и предприятиями денежных средств в учреждения Госбанка, между тем этот вопрос регулируется специальным правительственным законом и на основании ст. 9 Положения 30 марта не может быть предметом обязательного постановления.

Обязательное постановление Энгельского городского совета о борьбе с самовольной застройкой предусматривает немедленный слом в административном порядке самовольно возведенных построек, в то время как этот вопрос может быть разрешен лишь судом.

Ряд обязательных постановлений, изданных с нарушением установленных перечней, был обнаружен в прошлом году в Горьковском крае. Не только Горьковский городской совет издал, например, постановление о годовой статистической отчетности по коммунальным предприятиям, явно выходящее за пределы перечня, но и в других городах были аналогичные постановления. Городецкий городской совет, например, издавал постановления, регламентирующие в обязательном порядке мелочи повседневной жизни и обихода: о запрещении ходить по берегу реки, о часах слушания радио, о времени для сна лиц, проживающих в жактах.

Для вопроса о законности обязательных постановлений имеет большое значение и порядок их издания. Закон 30 марта предъявляет в этом отношении ряд требований. Проекты обязательных постановлений должны предварительно обсуждаться на заседаниях соответствующих секций советов и на рабочих собраниях. Само собой разумеется, что обязательное постановление должно быть утверждено на заседании городского совета или его президиума. Наконец, оно должно быть опубликовано во всеобщее сведение, причем инструкция по применению Положения 30 марта категорически требует, чтобы в тех местах, в которых издаются периодические органы печати, обязательное постановление было непременно опубликовано в газете.

Фактически имеется ряд случаев нарушений всех приведенных требований. Если прокурор Воронежской области категорически утверждает, что случаи издания обязательных постановлений опросом, а не на заседаниях президиума городского совета не обнаружены, то прокурор Татарской АССР прямо установил, что в протоколах президиума Казанского городского совета данных о принятии и утверждении обязательных постановлений не

имеется вовсе. Даже в таком крупном центре, как город Куйбышев, из 12 обязательных постановлений президиум городского совета утвердил лишь 5, остальные же рассматривались и утверждались лишь председателем и секретарем городского совета. Весь же состав президиума городского совета не ознакомился с соответствующими проектами и не принимал участия в их утверждении хотя бы путем опроса.

Недавно произведенным обследованием работы Миллеровского городского совета Азово-Черноморского края по изданию обязательных постановлений установлено, что два обязательных постановления по таким вопросам, как регулирование уличного движения и учет скота, посевов и садов по городу, были изданы и опубликованы без утверждения президиума городского совета. Между тем они были опубликованы во всеобщее сведение от имени президиума городского совета.

Куйбышевский городской совет издавал обязательные постановления без предварительного обсуждения проектов советской общественностью. Впрочем, это правило ст. 10 закона основательно забыто и другими советами. Лишь очень редко проекты ставятся на обсуждение секций и рабочих собраний.

Не меньшее значение, чем предварительное обсуждение проекта обязательного постановления, имеет опубликование последнего во всеобщее сведение. Само собой разумеется, что в отношении опубликования постановлений требования должны быть различны в зависимости от того, издаются ли в данной местности органы периодической печати. В тех местностях, где газет не имеется, обязательные постановления могут доводиться до сведения населения путем вывешивания на видных местах экземпляров этих постановлений. Однако и это не везде делается. Так, например, в г. Калинин, Миллерове и других обнаружен ряд обязательных постановлений, которые вовсе не были опубликованы, хотя они были рассмотрены и утверждены на заседаниях президиума городского совета. В некоторых случаях даже не обнаружено и проектов обязательных постановлений. Самый же факт рассмотрения и утверждения проекта можно установить лишь по протоколам городского совета.

Само собой разумеется, что на основании неопубликованного во всеобщее сведение обязательного постановления не следует налагать каких-либо взысканий за его нарушение. Задача прокуратуры — неуклонно опротестовывать все постановления об административных взысканиях, налагаемых по таким изданным с нарушением закона обязательным постановлениям.

Закон устанавливает определенный, не свыше двух лет, срок действия обязательных постановлений. По истечении этого срока обязательные постановления теряют силу. Инструкция по применению закона от 30 марта категорически воспрещает продление срока действия обязательных постановлений без их пересмотра и соответствующего переиздания в установленном порядке. Значение этого требования очевидно: в обязательных постановлениях, действие которых обращено на все население или, во всяком случае, на значительную его часть, не должно быть какой-либо

то ни было штамповки. Если истекает срок действия обязательного постановления, установленный либо законом, либо самим постановлением, оно должно быть вновь обсуждено с тем, чтобы внести определенные поправки, вызванные изменившимися условиями, необходимость которых выявлена при применении постановления. Фактически во многих местах, в особенности там, где успели издать сборники обязательных постановлений, предпочитают поступать по-иному. В Казани городской совет издал 27 июня 1936 г. обязательное постановление № 17. Постановлением этим продлено действие обязательных постановлений того же городского совета, опубликованных в сборнике издания 1934 г. При этом оказалось, что в числе продленных были постановления, которые ранее или были отменены самим горсоветом, или аннулированы по минованию надобности, или же отпали в связи с истечением срока их действия. Например, обязательное постановление о содержании в чистоте улиц было отменено еще 14 октября 1936 г. Обязательное постановление о правилах проезда по городским железным дорогам было издано 22 ноября 1932 г. Таким образом срок его действия истек еще в ноябре 1934 г., а городской совет считает возможным продлить его действие спустя 20 месяцев.

Аналогичное постановление было принято и президиумом Московского совета, и лишь по протесту прокурора г. Москвы в обязательные постановления были внесены соответствующие исправления и изменения. Между тем на основании этих формально потерявших силу постановлений на граждан налагались взыскания, отбиралось имущество и т. д.

Таковы факты игнорирования формальных требований закона. Эти требования отнюдь не случайны. Они неизбежно вытекают из предоставления городским советам права регулирования различных отраслей управления и хозяйства, а также поведения и поступков отдельных граждан. Это право должно быть введено в определенные законом установленные пределы.

После утверждения новой Сталинской Конституции нарушения правил обязательных постановлений особенно нетерпимы.

Перечисленные нарушения не приводят к выводу о необходимости лишения городских советов вообще права на издание обязательных постановлений. Будучи ограничено определенными, возможно, более жесткими пределами, это право должно быть сохранено.

Однако перечень вопросов, по которым могут издаваться обязательные постановления, требует безусловного уточнения, а частично и сокращения. Например, ремонт тротуаров и мостовых по постановлениям правительства от 19 марта и 20 мая 1936 г. должен производиться коммунальными органами: обязанностей на население и его объединения (жакты) закон не возлагает. Следовательно, соответствующее право городских советов утрачено теперь свою силу. Неправильна в настоящее время и формулировка об изъятии «10% жилой площади», так как некоторым городским советам, в связи с образованием новых областных центров, предоставлялось право изъятия 20% жилой площади.

Следует ввести более четкие границы между нарушениями, преследуемыми в административном порядке, и влекущими за собой уголовное преследование.

Необходимо, впрочем, иметь в виду, что реальность, требований закона в значительной мере зависит от реальности прокурорского надзора за законностью обязательных постановлений. Этого конкретного, повседневного и систематического надзора до настоящего времени не имеется. Местные прокуроры либо увлекаются так называемым «предварительным согласованием» проектов обязательных постановлений, либо узнают об этих постановлениях значительно позже указанного в законе двухдневного срока, либо вовсе не

опротестовывают явно незаконных постановлений. Последние выявляются затем при обследованиях, ревизиях, из жалоб и т. п.

Перелом в результате директив Прокуратуры Союза ССР намечается лишь в самое последнее время. Задача прокуратуры — не оставлять без опротестования ни одного обязательного постановления, изданного с нарушением закона; протесты же приносить своевременно (в 5-дневный срок), а при их неудовлетворении переносить в вышестоящие органы прокуратуры.

Только при соблюдении этих условий возможен реальный надзор за законностью обязательных постановлений городских советов.

Л. ШЕЙНИН

Три самоубийства

(Из записок следователя)

Каждый раз, читая в газетах о росте количества самоубийств на Западе, я вспоминаю о нескольких случаях, в которых мне пришлось разбираться. В последние годы советскому следователю все реже приходится сталкиваться с фактами добровольного ухода людей из жизни. Самоубийств становится все меньше, они рассматриваются как случаи из ряда вон выходящие, они уходят из нашей жизни, как ушли многие отвратительные нарывы прошлого — проституция, снохачество, профессиональное нищенство и многое другое.

К самоубийству у нас иногда прибегают враги народа, очутившись перед неизбежно-стью разоблачения своей позорной деятельностью, отчаявшись в осуществлении своих кошмарных замыслов. В этих случаях самоубийство, в сущности, является продолжением борьбы этих людей против нашего народа, ее своеобразным и презренным концом. Но не такого рода самоубийствам посвящены эти строки. Речь идет о так называемых бытовых самоубийствах. Их становится все меньше. Жизнь людей и их психология меняются на наших глазах. И, вероятно, недолго осталось до того времени, когда о самоубийстве и самоубийцах будут спрашивать с удивлением и любопытством, как сегодня наши дети спрашивают о городских, которых они никогда не видали.

Говоря о самоубийствах, я не могу не вспомнить профессора судебной медицины П. И. Крюкова, человека, романтически влюбленного в невеселую свою профессию, вскрывшего на своем веку не одну тысячу трупов и помогшего раскрыть не одно преступление.

Но, вспоминая о профессоре Крюкове, я не могу не упомянуть служителя прозекторской Ивана Порфирьевича, человека, сорок лет помогавшего своему шефу спиливать черепные коробки и вскрывать животы. Иван Порфирьевич был малограмотен, но он сорок лет слушал объяснения профессора и разбирался в деле не хуже многих судебных врачей. Во всяком случае, он обычно бурчал себе под

нос диагноз, который почти всегда совпадал с заключением профессора, и разбирался в странгуляционных бороздах и прижизненных повреждениях, как в десяти своих заскоружлых, но очень подвижных и ловких пальцах.

Так вот, П. И. Крюков был прекрасным экспертом и многоопытным судебным врачом, но, как почти всякому человеку и ученому, ему была присуща одна причуда, маленькая, необъяснимая странность: он верил в неизбежность самоубийств. Он считал, что все самоубийцы рождаются для того, чтобы покончить с собой, и что самоубийство есть что-то врожденное, предначертанное и потому неизбежное. Тщетно его друзья и товарищи по работе доказывали абсурдность этой теории. Тщетно приводились исторические примеры, ссылки на статистику, социальные исследования. Старик упрямо качал головой и обычно отвечал:

— Не спорьте, батенька, не спорьте. Сорок лет на этом деле сижу, из покойницы не вылажу. Я — старый воробей. Все они, батенька, уже с первым своим криком были самоубийцы. У всех, поглядите, черепа-то просвечивают.

И он показывал собранную им за много лет коллекцию черепов самоубийц, уверяя, что все они имеют общие дефекты в строении черепных костей.

Сейчас Петр Иванович уже не работает — подвели глаза. Но он попрежнему уверен в своей правоте.

В декабре 1927 года в Ленинграде повесилась 15-летняя Шура Каллистратова, дочь торговца. Она повесилась в передней, на вешалке для платья, и труп этой худенькой, маленькой девочки утопал в пышных складках каких-то старых салопов и лисьих шуб. Пока мы снимали ее с петли, отец Шуры, грузный старик с благообразным лицом ханжи и скопидома, член церковной двадцатки, молча стоял в передней и светил нам керосиновой

лампой, так как электричество, из экономии, в переднюю проведено не было.

Он был вдов (мать Шуры умерла шесть лет тому назад) и потерял в дочери единственного близкого человека. Но он не плакал, его пухлое, красное лицо было лишено всякого выражения, и только когда мы осторожно перенесли труп девочки на диван, он начал истово креститься.

Вскрытие показало, что девочка была беременна. Соседи и подруги отзывались о ней как о тихом, немного заботом и скромном ребенке. И у меня родилось смутное подозрение, что набожный папаша причастен к этой беременности. Но прямых улик против него не было. Посмертной записки Шура не оставила.

Началось тщательное расследование. И выяснилось, что старик понудил к сожительству дочь, развратил ее, жил с нею чуть ли не с десяти лет. Забеременела она от него. И в отчаянии покончила с собой.

На следствии он долго и упорно запирался, призывал в свидетели бога и на замечание, что это — самый ненадежный свидетель, ответил, что других у него нет.

В конце концов он сознался и рассказал все. Потом его судили, публика в зале взволнованно разглядывала изверга, а он стоял, потупя взоры, тупо и неохотно отвечая на вопросы суда. Общественный обвинитель, рабочий с Выборгской стороны Ваня Козлов, теперь уже работающий в Ленинграде прокурором, в своей речи тогда сказал:

— Граждане судьи, меня вот учили, что прокурор должен быть сдержан и спокоен. Простите меня, не могу. Не могу сдержаться, не до спокойствия. Погибла Шура Каллистратова, и этот изверг повинен в ее смерти. Но он виновен еще и в другом. Он — вор, да, он самый гнусный вор, потому что он обворовал всех нас, нашу страну, наш город. Он украл не бочку гвоздей, не вагон сахара и не тюк мануфактуры. Он украл у нас человека, будущую работницу, несчастливую жену и хорошую мать. Я прошу судить его не только за Шуру, но и за всех нас, за мужа, который мог у нее быть, за детей, которых она бы родила, за фабрику, на которой она бы работала, за счастливую жизнь, которую она бы строила вместе с нами...

Так говорил Ваня Козлов, и его сразу подняли и в зале и за судейским столом.

В том же 1927 году и в том же городе произошел другой странный случай.

Это было в морозную новогоднюю ночь, когда улицы дымилась инеем, и снег скрипел под ногами прохожих. На проспекте 25 октября, у ресторана «Кахетия», дежурил шофер автопроката Михайлов. Шел третий час ночи, постепенно спадала волна новогоднего веселья, шофер уже три пары доставил по домам и снова стал у ресторана. Старый «бенц», черный, неуклюжий лимузин, застыл у подъезда, и мотор его, незаглушенный из-за мороза, хрипел, как сердитый жирный молс.

Вскоре из подъезда ресторана вышла пара — статная, красивая, модно одетая женщина и тонкий, бледный юноша. Они сели в машину, и юноша велел ехать на Знамен-

скую. Машина заурчала, глухо выстрелила и понеслась. Из-за треска старого мотора не было слышно, что происходит в пассажирской кабине, да шофер и не прислушивался. Он уже устал, промерз и мечтал о теплой комнате и горячем чае.

На Знаменской они остановились. Юноша помог даме выйти из машины, остановился с нею у подъезда и стал звонить. Потом он долго и нежно целовал ей руку, видимо о чем-то спрашивал, но она отрицательно кивала изящной головкой и смеялась самодовольно и весело. Затем дворник открыл дверь, она исчезла в подъезде, и юноша снова сел в машину. Он приказал отвезти его домой, к дому № 7 на Обводном канале. Шофер кивнул головой, они понеслись опять. Машина хрипло пела. Изредка мотор глухо ворчал, но привыкший к его капризам шофер не обращал на это внимания.

У дома № 7 на Обводном канале машина остановилась. Шофер оглянулся назад, — пассажир, не двигаясь и даже лениво развываясь, сидел на своем месте.

— Иш ты, заснул, чорт паршивый, — мысленно выругался шофер и, подойдя к дверце машины, открыл ее и дернул пассажира за рукав.

— Вставайте, гражданин, приехали.

Но неизвестный ничего не отвечал, и его рука безжизненно упала на сиденье. Удивленный шофер стал энергично его расталкивать и тут только обнаружил, что пассажир мертв. Осветив кабину, он увидел, что плюшевое сиденье испачкано кровью, вытекшей из раны на виске, а в ногах неизвестного валяется черный наган.

Страшно испугавшись и закричав, шофер бросился от машины, он начал истошно стучать в ворота дома, поднял шум, и вскоре появился заспанный дворник.

— Чего расстучался тут? — раздраженно спросил он, почесываясь и шумно сплевывая в сторону.

— Пассажира... из этого дома... приказал ехать... мертвый... — бессвязно ответил ему шофер.

С дворника мигом слетел сон, он подошел к машине, рассмотрел труп и сразу опознал его.

— Наш, действительно. Из третьего номера. Виктор Павлыч они будут. Тихий жилец. С старушкой матерью проживают. Погоди, сейчас мамашу его разбуду.

И через несколько минут, бросившись на колени перед машиной и припад к торчащим из кабины ногам, билась и плакала старушка, мать Виктора Павловича Киселевского. Рядом молча стояли шофер, дворник, какие-то люди, неизвестно откуда появившиеся...

Расследование началось прежде всего с выяснения обстоятельств самоубийства. Казалось странным, как мог не слышать шофер выстрела в кабине автомобиля. Но он упорно утверждал, что не слышал выстрела из-за шума старого мотора. При проверке его показания подтвердились: действительно, машина так шумела на ходу, что шофер мог и не придать значения короткому, сухому треску револьверного выстрела.

Тогда начали выяснять личность женщины, с которой самоубийца встречал в «Кахетии» новый год. Оказалось, что она замужняя жен-

щина, и с ней Киселевский был знаком уже три года. Ей было 26 лет, Киселевскому — 21. Она была женой какого-то ээпмана, Киселевский был бедный, нуждавшийся студент. Познакомившись с Валентиной Петровной, как звали эту женщину, Киселевский влюбился в нее с первого взгляда, влюбился, как влюбляются в 18 лет. Он начал часто приходить к ней, на последние деньги подносил ей цветы, возил ее в театры.

Валентина Петровна охотно принимала его ухаживания. Ей нравился этот стройный, бледный мальчик. Наконец ей было приятно такое чистое и сильное чувство с его стороны. В глубине души она уже решила стать его любовницей и, как это нередко бывает у женщин подобного толка, считала лишь необходимым выждать некоторое время.

Но когда Киселевский заявил, что просит ее стать его женой, что иначе он не представляет дальнейших отношений между ними, Валентина Петровна расхохоталась ему в лицо. Она смеялась искренно и весело, потому что заработка Киселевского ей едва ли хватило бы на чулки.

Как ни наивен был Киселевский, он понял, что эта женщина никогда не выйдет за него замуж. Он перенес бы это тривиальное горе, если бы имел круг друзей, поддержку товарищей, иные — общественные — интересы. Но он всегда был одинок, сторонился приятелей, ни с кем не сближался; он пуще всего любил тишину, печальные размышления, сладкую грусть. Он был мечтателен и сентиментален и совсем не походил на нашу молодежь, любящую жизнь и знающую, как надо ее строить и как за нее бороться.

Когда окончательно выяснилось, что Валентина Петровна не станет его женой, Киселевский решил покончить с собой. Но сентиментально юноше хотелось уйти из жизни «красиво», совсем «как в романах», подчеркнув романтическую подкладку своего самоубийства. И он решил сделать это в новогоднюю ночь, встретить новый год вместе с нею, проститься и покончить с собой. Ему казалось, что все это необычайно трогательно и тонко, что это достойно его чувства к этой женщине.

С трудом раздобыв деньги, необходимые для встречи нового года в ресторане, он пригласил Валентину Петровну. Она сразу согласилась.

Когда Валентина Петровна была вызвана на допрос в связи с этим делом, она прежде всего испугалась за себя. Она решила, что муж может узнать о ее флирте с Киселевским.

— Это просто непорядочно с его стороны, — говорила она о Киселевском, — он был обязан считаться с тем, что я замужняя женщина. А то извольте радоваться — встретили вместе новый год, и сразу — застрелился. Теперь каждый дурак поймет, что он застрелился из-за меня. Очень мне это нужно. У нас был самый невинный флирт, он был мне забавен, но я не думала серьезно на это смотреть. Нет, согласитесь, это просто свинство с его стороны...

Применять к этой даме 141 статью Уголовного кодекса, говорящую о «доведении до самоубийства», было бессмысленно. И когда

я доложил об этом деле областному прокурору т. Кондратьеву, он заявил:

— Из-за какой дряни, чужак, погиб. Слунтяй и пустышка. А эту даму надо бы судить не за «доведение до самоубийства», а за «доведение до пошлости». Но за это, к сожалению, не судят. Сдайте дело в архив, для него там лучшее место.

Третье «самоубийство», в котором мне пришлось разбираться, интересно тем, что в результате тщательного расследования было выяснено, что оно является в действительности убийством.

Это происходило в Москве, в 1926 году, когда я работал следователем Московского губсуда. Однажды летом на прием к прокурору Краснопресненского района явился молодой человек, назвавшийся Сергиевским. Он жаловался на недостаточную энергичные действия работников МУР, которые, несмотря на поданное им заявление о загадочном исчезновении его жены, ничего якобы не сделали для ее розыска. Так, по крайней мере, казалось молодому человеку. Прокурор направил его ко мне.

— Поймите, товарищ следователь, мое положение, — говорил он, сидя перед моим столом и глядя мне в лицо большими, синими, широко раскрытыми глазами. — Я безусловно люблю жену, мы были невероятно счастливы, всего полтора года как женились. И вот уже неделя, как она исчезла неизвестно куда... Ах, если бы вы знали, как она мне дорога. Какой это чудный, замечательный человек!..

По давно установившейся профессиональной привычке я внимательно разглядывал говорившего, следя за выражением его лица. И хотя все, что он мне говорил, было вполне естественно и оправдано при таком стечении обстоятельств, хотя в самом факте его недоверия на медлительность работников МУР не было ничего подозрительного, все же было в нем и в его манерах что-то почти неуловимое, заставлявшее насторожиться. Все в этом человеке — необычайно вычурный женский костюм, выхоленное лицо, длинные, отточенные ногти, галстук, искусно повязанный с нарочитой «художественной» небрежностью, какие-то неестественные модуляции голоса, даже манера сидеть в кресле, слегка развалившись и забросив ногу на ногу, поигрывающая отлично начищенным носком, — все это говорило о натуре лживой и эгоистичной, отличало в нем сибарита и пшюта.

А между тем он продолжал рассказывать, часто употребляя тривиальные выражения, которыми хотел подчеркнуть глубину своих переживаний. При этом он старался округлять фразы, подбирая слова и явно любясь сам собой. Я начал спрашивать его о подробностях и выяснил, что жена его Нина Алексеевна, 22 лет, неделю тому назад исчезла. Он женился на ней полтора года назад. Познакомился с ней случайно в Ленинграде. После этого они переписывались, она приехала в Москву и стала его женой.

В Москве они поселились в коммунальной квартире. Нина Алексеевна не работала, сам Сергиевский служил в казино в качестве

крупье. 17 июля он вернулся домой из казино на рассвете и лег спать. Утром Нина Алексеевна куда-то ушла и сказала ему, что скоро вернется. Но больше он ее не видел. Знакомых у нее в Москве почти не было.

— Скажите, Нина Алексеевна вас не ревновала?

— Я никогда не изменял ей, — слегка смутившись, начал меня уверять Сергиевский, — у нее не было повода. Но она... понимаете... она считала, что на моей работе легко поскользнуться, ей казалось, что у меня там много женщин, которым я нравлюсь, ей казалось, что у меня много связей... Она часто мне устраивала сцены, поверьте, совершенно без всяких оснований... Она ревновала меня, сам не знаю, почему... И вот в последний раз, когда я вернулся, она тоже устроила мне сцену, плакала. Потом я заснул, и она утром ушла, когда я еще спал.

— Вы раньше были женаты?

— Да, два раза. Неудачно.

На этом мы кончили наш первый разговор. Я обещал Сергиевскому активизировать розыски жены. Сразу после разговора с ним я поехал в МУР к инспектору 7-го отделения Н. Ф. Осипову, который занимался этим делом. Осипов мне сообщил, что пока никаких следов жены Сергиевского нет. Соседи их по квартире в тот день, когда она исчезла, отсутствовали. Сергиевские были одни. Вечером Сергиевский дома страшно волновался, говоря всем соседям, возвратившимся домой, что не знает, где жена, и очень обеспокоен ее отсутствием. На другой день он подал заявление в МУР и дважды беседовал с Осиповым.

— Понимаешь, — рассказывал Осипов, — типичный пиджон и пшют. Кривлялся тут ужасно, говорил, что без жены жить не сможет, а вышел из МУР в переулочке, приосанился, поправил шляпу, и пошел веселый, как ни в чем не бывало. Признаться, я нарочно за ним из окна кабинета следил. Темный человек. И дело темное. Но труп пока нет. А без этого трудно что-либо сказать...

Тут я вспомнил, что, будучи у меня, Сергиевский жаловался на МУР и все время допытывался, не нашли ли труп жены и ищут ли его как следует.

Мы решили с Осиповым, что надо продолжать розыски трупы и сообщить родителям Нины Алексеевны в Ленинград об ее исчезновении.

Через пару дней приехал ее отец из Ленинграда и сразу явился ко мне. Старик работал мастером на одном из ленинградских заводов. Он был страшно взволнован и потрясен.

— Погибла Нинушка, — говорил он, — и знаете, нет у меня оснований, но что-то тут негладкое, сердце отцовское чует... Зятя я почти не знаю. Где-то они познакомились случайно, потом смотрим — раз-два и сошлись. Конечно, я со старухой не вмешивался, не наше дело, но и радоваться было нечему. Сами подумайте, — крупье, опять же человек несерьезный, Нина с ним не мало слез пролила...

— Почему вы так думаете...

— Я не думаю, а знаю. Она ведь в конце писать начала довольно откровенно. Жаловалась, не стеснялась.

И старик протянул мне несколько писем. Дочь писала в них своим старикам, что Сергиевский ведет странный образ жизни, что у него много женщин, что он груб с нею. Особенно интересно было последнее письмо, написанное в начале июля.

«Дорогие мои старички, — писала Нина Алексеевна, — опять пишу вам, хоть знаю, что письма мои мало радости вам дают. Но и мне ведь не с кем поделиться кроме вас. Мутно у меня на душе. Виктор все такой же, не меняется. Кажется мне, что совсем не любит, что уже ему надоела я. Вчера я стала с ним говорить, а он разозлился, закричал на меня и, стыдно признаться, ударил. Не знаю, как быть дальше, как жить. Хочу домой, но и его жалко. Без меня совсем пропадет. Я еще сдерживаю, а то ведь он далеко зайдет, не удержишь... Есть у него одно больное место — расскажу лично. Он случайно как-то сам рассказал, а теперь, по-моему, жалеет».

Это было последнее письмо, полученное стариками от дочери. После него никаких известий от нее не было.

Сергиевский не знал о переписке жены с родителями и, конечно, не мог этого предусмотреть. Поэтому когда я его вызвал и подробно начал допрашивать о взаимоотношениях с женой, он начал лгать и запутался. Он заявил, что они жили очень дружно, никогда не ссорились.

— Душа в душу жили, — говорил он, — обожали друг друга. Только вот Ниночка меня ревновала зря. Совершенно зря. Но так жили прекрасно...

— А вы ее никогда не били?

— Довольно странный вопрос, — обиженно ответил он, — я ведь культурный человек, я в ней души не чаял, а вы мне такие вопросы задаете. Это не чутко с вашей стороны. Это, наконец, просто оскорбительно. Странно. Я буду жаловаться...

— У меня есть основания задать вам такой вопрос.

— Сомневаюсь. Какие могут быть основания?

— Заявление вашей жены.

— Как же мертвая может заявлять?

— А почему вы уверены, что она мертвая?

Сергиевский понял, что проговорился. Он растерялся, но быстро нашелся и начал говорить, что предполагает, что жена уже покойница, так как иначе не может объяснить ее отсутствие.

Допрос продолжался. Сергиевский потерял свой обычный уверенный тон, сбился с роли. Постепенно он все больше запутывался. Наконец, я ему заявил прямо:

— Ну, довольно, все ясно. Скажите, почему вы убили Нину Алексеевну?

Бледный и жалкий, он начал бессвязно что-то говорить о своей невинности, о том, что он жертва случая, что Нина Алексеевна покончила с собой.

— Откуда вы знаете, что она покончила с собой?

— Она утонула. Уверяю вас. Вернее, утопилась. Наверное утопилась. Она из ревности утопилась.

— А почему вы ее не спасли?

— Было поздно. Она оама выпала из лодки.

— А почему вы не кричали? Не бросились за нею?

— Я растерялся. Я не знал, что делать. Я боялся заявить правду, я считал, что меня арестуют. Я не виноват, поверьте, я не при чем, она сама утопилась. Она была ревнива, как сумасшедшая. Она утопилась...

Дрожа и плача, он продолжал бессвязно что-то выкрикивать, и постепенно выяснялась картина убийства. Я старался не перебивать его, задавая только наводящие вопросы.

Так продолжалось три часа. Это был напряженный допрос, но его нельзя было прервать ни на минуту. Сергиевскому нельзя было дать опомниться, притти в себя, надо было максимально использовать состояние растерянности, в которое он попал.

Постепенно выяснились обстоятельства убийства. Сергиевский пригласил жену поехать покататься на лодке в Останкино. Они поехали днем. Никого не было. Выхав на середину большого Останкинского пруда, Сергиевский, зная, что жена не умеет плавать, сильным коротким броском вышвырнул ее из лодки. Нина Алексеевна не успела даже крикнуть и сразу пошла ко дну. Убедившись в этом, он вернулся в Москву и начал разыгрывать роль любящего, взволнованного исчезновением жены мужа.

Через несколько дней Сергиевский оконча-

тельно сознался. Он признал, что убил жену потому, что ему надоело с ней жить, она устраивала ему сцены. Других объяснений он не дал, хотя мотивы убийства были видимо иные. В деле имелись косвенные указания на то, что Нина Алексеевна была осведомлена о каких-то темных сторонах жизни Сергиевского, и он боялся, что она может его разоблачить. Но эту тайну она унесла с собой, а Сергиевский ее не выдал.

Труп Нины Алексеевны извлекли из Останкинского пруда. Никаких признаков насильственной смерти на нем не было. П. И. Крюков, производивший вскрытие и не знавший еще обстоятельств дела, пришел к заключению, что в данном случае имело место самоубийство.

— Да, — сказал он, — черепок-то на свет просвечивает, швы тоже типичные. Наша коллекция все растет... Пусть опровергают, спорят... Я, батенька, старый воробей... Самоубийцами рождаются, а не становятся.

Старик был упрям. Когда я рассказал ему, что Нина Алексеевна была утоплена мужем, он ответил:

— Ну и что же. А если бы муж не утопил, она сама рано или поздно покончила бы с собой. Вы, батенька, посмотрите, череп-то какой. Типичный череп самоубийцы...

Так мне и не удалось его переубедить...

М. РОГИНСКИЙ

Уроки ширяевского процесса

Процесс бывших руководителей Ширяевского района Одесской области привлек внимание широкой советской общественности. И это вполне понятно, ибо речь шла о грубейших и массовых нарушениях советских законов, являющихся выражением воли широчайших народных масс страны победившего социализма.

Этот процесс заслуживает того, чтобы, помимо общеполитических выводов, сделать еще специальные выводы для нас, работников прокуратуры.

За последнее время за сравнительно короткий период мы имели несколько крупных процессов о нарушителях революционной законности: лепельский процесс, ширяевский процесс, чечельницкий процесс и т. п.

Всем достаточно хорошо известно, какое огромное значение придают наша партия и правительство строжайшему соблюдению законов советской власти, какое огромное значение придается революционной законности.

Сталинская Конституция с исключительной силой показала огромное революционное значение закона в социалистическом государстве.

Товарищ Сталин на VIII Съезде советов со всей остротой подчеркнул, что «стабильность законов нужна нам теперь больше, чем когда бы то ни было». А это означает не только стабильность самих наших законов, но и неуклонное их исполнение.

О чем же свидетельствуют приведенные выше судебные процессы? Эти процессы, в первую очередь, свидетельствуют о том, что

в ряде мест еще наблюдаются факты грубого нарушения советских законов, в ряде мест наши враги — троцкистско-правые и иные вредители — используют каждое нарушение закона (как и каждый беспорядок) для своих злодейских замыслов; эти процессы свидетельствуют о том, что на местах наши прокуроры сплошь и рядом недооценивают значение нарушений закона и с этими нарушениями не ведут серьезной и своевременной борьбы.

Приведем пример, который, хотя и не относится к указанным выше процессам, но весьма характерен для безрукости и неповоротливости нашей периферии.

Председатель колхоза «Урайдос» Павлоградского района (Омская область) Альжанов Садырь в 1936 году, во время уборочной, избил колхозника Джакамбаева. В том же году осенью Альжанов избил колхозника Казбаева, который из колхоза ушел и вынужден был кочевать. Осенью 1936 года Альжанов избил шофера Гурецкого за то, что тот был оштрафован милицией. Колхозника Сиринапаева Альжанов ударил лопатой по голове.

Кто такой Альжанов? Альжанов в прошлом кулак, до 1928 года имел в своем хозяйстве до 200 голов рогатого скота, имел батраков, в 1930 году был выслан.

Кажется, ясно. Несмотря на это, Альжанов до сих пор не осужден, и, как сообщил областной прокурор т. Рапопорт, «дело расследованием будет закончено 10 июля». Комментарии излишни.

Некоторые наши прокуроры, ведя борьбу с врагами, не обращают нужного внимания на нарушения советских законов, а между тем нередко за этими нарушениями скрывается лицо врага.

Товарищ Ленин еще в 1919 году, в «Письме к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком», говоря об уроках, несколько раз подчеркивал громадное значение советских законов и тот вред, который причиняется нарушением этих законов. Владимир Ильич писал: «...Малейшее беззаконие, малейшее нарушение советского порядка есть уже *сыра*, которую немедленно используют враги трудящихся...», а несколько выше, указывая, какими качествами надо обладать, чтобы уметь ловить врагов трудящихся, Ленин нас учил: «А чтобы уметь ловить их, надо быть искусным, осторожным, сознательным, надо внимательнейшим образом следить за малейшим беспорядком, за малейшим отступлением от добросовестного исполнения законов Советской власти» (подчеркнуто мною. — М. Р.)¹.

Как наши враги пользовались нарушениями советских законов и советских порядков, исключительно наглядно показали недавние судебные процессы — дело антисоветского троцкистского центра, кемеровское дело и др. Эти процессы показали, как японо-германо-троцкистские агенты Дробнис, Шестов, Шубин, Носков и им подобные враги народа использовали нарушения законов об охране труда и техники безопасности, чтобы отравлять рабочих, провоцировать недовольство советской властью, взрывать и уничтожать шахты и заводы.

В этой статье мы не собираемся анализировать и обобщать все процессы, даже наиболее крупные, о нарушениях советских законов. Но, говоря о ширяевском процессе и уроках, которые нужно из этого процесса извлечь, нельзя обойти молчанием следующий факт.

Ширяевское дело было расследовано и доведено до конца Прокуратурой Союза; лепельское дело было расследовано Прокуратурой Союза; чечельническое дело было доведено до конца только Прокуратурой УССР. Этот факт представляется нам важным при оценке роли районных, а в особенности Винницкой и Одесской областных прокуратур.

**

На наш взгляд, ширяевский процесс отличается от других аналогичных процессов следующими обстоятельствами:

- а) грубейшие нарушения революционной законности имели место не в одном, а во многих сельсоветах района;
- б) нарушения революционной законности носили характер прямого издевательства над колхозниками и единоличниками;
- в) нарушения закона и неслыханные издевательства имели место на протяжении двух лет;
- г) районные руководители, в том числе и районный прокурор, сами допускали грубейшие нарушения закона, покрывали виновных, а в ряде случаев толкали низкой советский аппарат на преступления.

Поэтому на скамье подсудимых, наряду с непосредственными нарушителями — председателями сельских советов, заведующим райземотделом и председателем райисполкома — сидели заведующий райфинотделом, секретарь и заместитель секретаря райпарткома и районный прокурор.

Обвинительное заключение и приговор по ширяевскому делу констатируют, что в Ширяевском районе на протяжении 1935—1937 гг. систематически и грубо нарушалась революционная законность, имели место многочисленные факты издевательства над колхозниками и единоличниками, грубейшие нарушения принципов советской демократии и устава сельскохозяйственной артели.

Предварительное и судебное следствие установило, что издеательства над колхозниками и грубые нарушения революционной законности со стороны работников ряда сельских советов, в особенности Викторовского и Григорьевского, явились прямым результатом преступных методов руководства районных руководителей, и эти преступные методы заключались в грубом администрировании и командовании сельскими советами и колхозами.

Отрыв от масс, зажим критики и самокритики, круговая порука и семейственность, атмосфера бюрократической замкнутости — вот что давало возможность десяткам преступников долгое время оставаться безнаказанными, вот что создавало «дыры», которые использовал враг.

И не случайно, когда колхозники заявляли б. председателю Викторовского сельсовета Пугачу, что они будут жаловаться в район, он цинично отвечал: «Можете жаловаться лампочке».

И это действительно так. В Ширяевском районе некому было жаловаться. В райземотделе жалобы, как правило, вообще терялись. В райисполком и райпартком жаловаться было бесполезно. Пробовала стахановка молочного завода Василина Немазенко жаловаться председателю райисполкома Гриненко на председателя сельсовета Карпова, который ее преследовал, толкая на преступления: заставлял бесплатно выдавать ему молочные продукты, довел своими преследованиями до того, что она покушалась на самоубийство, — но Карпова, в силу круговой поруки, царившей в районе, никто не тронул. А когда дальше скрывать безобразия Карпова нельзя было, Гриненко объявил ему выговор.

Пробовал колхозник Соловьев жаловаться на председателя колхоза Раева, который глумился над Соловьевым, насильно срезал ему волосы тупым хлебным ножом и изрезал при этом кожу на голове, но Раева по тем же причинам не тронули, ограничились выговором.

Жаловаться прокурору? Колхозники на суде в нескольких словах дали исключительно верную характеристику районному прокурору Юнитеру: «Наш прокурор — человек маленький». Этим все сказано. Не мог обиженный колхозник найти защиту в районе.

Пробовали жаловаться не только представителям районной власти.

Гр. Власенко подал жалобу на имя председателя ВУЦИК и ЦИК СССР т. Петровского. Об этом узнал председельсовета Карпов и в отместку велел забрать все имущество Власенко.

¹ Ленин, т. XXIV, стр. 434.

Подручные преступника Карпова забрали за недоимку все имущество Власенко, буквально все, вплоть до ошейника с собаки.

Выше уже указывалось, что администрирование и командование составляли основные методы в руководстве районом.

Об этом говорили допрошенные свидетели, этого не могли отрицать сами обвиняемые.

«...Администрирование являлось стилем работы в Ширяевском районе... В отношениях с сельсоветами Талдыкин (секретарь райпарткома) употреблял исключительно методы угроз, запугивания и просто ругани» (т. IV, л. д. 119 об.)

«...руководство района, в том числе и я (Кривошей), подменили партийно-массовую работу командованием и администрированием, в нашей работе существовала семейственность» (т. IV, л. д. 114).

Устав сельскохозяйственной артели в районе игнорировался. Командование колхозами доходило до того, что районные работники распорядились колхозным добром по своему усмотрению.

Бывший заместитель секретаря райпарткома Кривошей при хлебосдаче в 1936 году, вопреки протесту колхозников, распорядился вывезти из колхоза «Прогресс» хлеб без взвешивания, что привело к расхищению хлеба в пути и на элеваторе.

Заведующий райземотделом Атаманчук, как его квалифицировал суд в приговоре, «люди на с сумнительным минулим та злочинным сучасним»¹, просто брал в колхозах все, что ему нравилось: продукты, зерно, фураж, поросенка и т. д. и т. п.

Статья 2-я Сталинского устава сельхозартели гласит:

«... земля, занимаемая артелью (как и всякая другая земля в СССР), есть общенародная государственная собственность. Она, согласно законам рабоче-крестьянского государства, закрепляется за артелью в бессрочное пользование, то есть навечно... (подчеркнуто мною. — М. Р.), а вот для ширяевских работников закон не писан. 6 апреля 1937 г. президиум райисполкома, по инициативе Атаманчука, одним росчерком пера постановил перераспределить землю между 23 колхозами.

Пойманный с поличным, преступник Гриненко, занимавший пост председателя райисполкома, на допросе признал:

«...Негодные методы нашей работы, отрыв от масс привели к тому, что в районе имели место массовые нарушения революционной законности, за которые я отвечаю и должен нести ответственность» (т. IV, л. д. 130 об.).

Именно Гриненко совместно с Кривошеем и Дьяком (зав. райфо) вызывали председателей сельсоветов и требовали нажимать на выполнение планов мобилизации денежных средств, и на этом основании преступники Карпов, Каравелков, Пугач и Фурман «нажимали».

Вот что по этому поводу показывали свидетели и сами обвиняемые:

«Описывать последнее имущество меня составлял райисполком» (из показаний обвиняемого Каравелкова). «Применение метода административного нажима... Дьяком привело к

массовым искривлениям революционной законности в ряде сельсоветов района. Это искривление заключалось в массовых изъятиях имущества, в создании так называемых ночных бригад по мобилизации средств, в излишних описях имущества у колхозников» (т. IV, л. д. 103).

**

Наибольшее количество фактов нарушения революционной законности и прямого издевательства над колхозниками было установлено по Григорьевскому и Викторовскому сельсоветам.

В конце 1936 года председатель Викторовского сельсовета Пугач организовал «ночную ударную бригаду» по сбору обязательных платежей и взносов по займу, которую возглавил зампредсельсовета Фурман.

Эта бригада только по одному хутору Одан в течение трех ночей подряд по несколько раз (до десяти) вызвала 25 жителей этого хутора.

Зная в виде штрафа за неуплату взносов по займу дом колхозницы Харченко. Фурман обосновал там свой «штаб», а Харченко заявил, что пока она не внесет 30 руб., бригада будет жить в доме. В течение пяти дней Харченко заставляли кормить бригаду, а на протесты Харченко Фурман заявил: «Мы тебе свернем шею, если ты не уплатишь по займу».

Колхозницу Казимиренко в течение одной ночи десять раз вызывали в «штаб» бригады.

Мать красноармейца, колхозницу Солоненко, за задолженность в 3 рубля вызывали три раза в течение одной ночи, и она избавилась от дальнейших вызовов только после того, как ушла из своего дома и остаток ночи провела у соседки.

Колхозника Логинова в течение одной ночи вызвали в бригаду пять раз, хотя он жил от бригады на расстоянии 3 километров. Логинов был должен всего 10 руб. по обязательным платежам, и деньги он хотел уплатить, но у него денег не взяли, а произвели опись поросенка, пшеницы, кукурузы. При этом Фурман нагло заявил Логинову: «Ты 10 руб. отдай нищему, а тебя я обмолочу, как белку».

Незаконная опись имущества, незаконное изъятие описанного имущества, штраф за неявку в бригаду, ругань и унижение человеческого достоинства, унижение достоинства советского гражданина — такова была преступная практика, таковы были преступные методы этой преступной бригады во главе с обер-преступниками Пугачом и Фурманом.

Верховный суд УССР, рассматривавший это дело, установил, что вызовы в бригаду носили характер садического издевательства (дадут колхознику дойти до своего дома и снова вызываю в бригаду), причем издевались над людьми беспомощными, пожилыми, в том числе и над семьями красноармейцев.

Особым цинизмом и наглостью отличался Фурман, который ранее судился за избиение колхозника, в конце 1935 года совместно с Карповым избил инвалида-колхозника Бойченко, искусственно создал против него обвинение в краже и добился выселения Бойченко за пределы района.

И этот «держиморда» при поддержке районных «держиморд» долгое время занимал

¹ «Человек с сомнительным прошлым и преступным настоящим».

пост заместителя председателя Викторовского сельсовета.

Аналогичная «система» практиковалась и председателем Григорьевского сельсовета Каравелковым. Те же методы запугивания, издевательства, незаконные описи и незаконное изъятие имущества. Та же «бригада». Для характеристики преступной деятельности «бригады» Каравелкова достаточно привести факт взъясания недоимки с колхозницы Еременко.

К Еременко в ноябре 1936 года явилась «бригада» и потребовала уплаты 7 руб. за якобы несданные два килограмма мяса по мясопоставкам. Еременко попросила подождать прихода мужа, так как у нее не было денег, но «бригада» ждать не стала и приступила к взлому сундука. Когда Еременко пыталась этому воспрепятствовать, ее, беременную женщину, толкнули, и когда она упала в обморок, не давали воды, чтобы она «скорее заплатила». На крики детей Еременко прибежали соседи, собрали 7 руб. и уплатили «бригаде», а потом выяснилось, что за Еременко вообще никакой задолженности не числилось.

Таких случаев здесь было не мало. Что должен был сделать прокурор — общезвестно, но что сделал Юнитер?

Юнитер уговаривает Каравелкова вернуть машину, так как Бондаренко обещает деньги уплатить, а кроме того, так как «бригада» была пьяна, пишет Юнитер, «предлагаю представить объяснения». Каравелков машину не вернул, объяснений не представил и... сошло. Сошло потому, что это дело проходило в Ширьевском районе, сошло потому, что Юнитер не только не был прокурором, а, как его справедливо назвали свидетели-колхозники, был «маленький человек».

Из многочисленных преступлений Каравелкова мы считаем необходимым привести еще два факта.

Весной 1936 года, при выдаче колхозникам денежных авансов, Каравелков явился в колхозы «Большевик» и «Червоний замок», где забирал деньги, подлежащие выдаче колхозникам, за их долги, а колхозников заставлял расписываться в ведомостях.

Таким путем Каравелков только в колхозе «Большевик» «взыскал» 5000 руб. из общей суммы в 6000 руб., подлежащей раздаче колхозникам.

По распоряжению Каравелкова была уволена уборщица Григорьевской школы, мать красноармейца Джаврова, с мотивировкой, что если она будет работать, то с нее ничего не получишь, а если будет работать другая колхозница, имеющая задолженность, то зарплату можно будет обратить на покрытие долгов. Уволив Джаврова, Каравелков направил в школу работать колхозницу Резниченко, а когда она «отработала» недоимку, пытался и ее уволить и послать новую недоимщицу.

Таким образом советская школа была превращена Каравелковым в своеобразное бюро принудительных работ.

О преступной практике взимания недоимок районные работники не только знали и не принимали никаких мер, но прямо потворствовали этим беззакониям.

И эти возмутительные факты не всколыхнули спокойствие ширьевских работников. Рай-

онный прокурор Юнитер ограничился привлечением Самохваленко лишь к дисциплинарной ответственности.

Административный произвол со стороны ряда руководящих работников района, издевательства над колхозниками были хорошо известны районному руководству, которое на эти факты не только не реагировало, но оставляло безнаказанными виновных* и в ряде случаев покрывало их.

Такая положение в районе отнюдь не являлось случайным.

Ширьевский райисполком возглавлял Гриненко, в прошлом исключавшийся из партии за антигосударственные тенденции при хлебосдаче. Это Гриненко заставлял колхозников в порядке трудгужповинности проводить работу по телефонизации района, хотя на эти работы были ассигнованы суммы по местному бюджету. И самое главное, что было установлено следствием, Гриненко очень покровительственно относился к врагам народа — троцкистам.

Бывший секретарь райпарткома Талдыкин — «шляпа с партийным билетом» — молчаливо со всем соглашался, а когда иногда и проявлял инициативу, то его мероприятия отнюдь не шли на пользу советской власти.

Именно Талдыкин рекомендовал на должность заврайземотделом уголовного преступника Атаманчука и настоял на прекращении возбужденного против Атаманчука уголовного дела, а при таком прокуроре, как Юнитер, сделать это было не очень трудно.

Заместитель секретаря райпарткома Кривошей в прошлом привлекался к строгой партийной ответственности за проявление правого уклона. Этого «руководителя» достаточно характеризуют методы, которые он применял при хлебозакупке.

Проводя хлебозакупку в октябре 1936 года в колхозе имени Шмидта, Кривошей запугивал колхозников, угрожал, ругал и на одном собрании колхозников выступил так, что потом на суде сам квалифицировал свое выступление как антисоветское.

Мы уже указывали, что жаловаться в район было бесполезно, что на жалобы трудящихся не обращалось внимание.

Наиболее возмутительным фактом издевательства отношения к жалобам трудящихся является случай с красноармейцем Дидогруком. В районе проживала двоюродная сестра красноармейца Дидогрука, комсомолка Панкеева, которая еще в детстве потеряла родителей и все время скиталась по чужим людям, не имея собственного пристанища. Панкеева, а также Дидогрук, который получил специальный отпуск из воинской части для устройства своей двоюродной сестры, неоднократно обращались к Кривошее, Гриненко и Юнитеру с просьбой о возврате Панкеевой дома, на который она имела полное право. Однако в течение долгого времени ни Панкеева, ни Дидогрук не могли добиться разрешения своей жалобы по существу, в особенности не могли добиться ответа у райпрокурора, который сам проживал в этом доме.

Такая обстановка в районе облегчала враждебным элементам вести контрреволюционную работу, и в районе имели место случаи даже открытой антисоветской агитации.

Элементарные основы советской демократии в Ширяевском районе попирались. Провалом была система назначения и смещения председателей сельских советов. Бюрократы и преступники из ширяевских «руководителей» игнорировали волю и желания избирателей. В этом отношении очень показательны «выборы» Пугача и Фурмана.

Фурман в сельский совет никогда не избирался, но в течение двух с лишним лет являлся заместителем председателя сельсовета. Оказывается, по-ширяевски это делается очень просто. Хотел Карпов иметь своим заместителем Фурмана — и сделал. Для этого он вывел из состава сельсовета колхозника Яценко и назначил Фурмана. Избиратели возражали? До мнения избирателей Карпову дела нет, для него законы не писаны. Пугач работал председателем Ульяновского сельсовета. Плохо работал, преступно работал, и Гриненко решил его перебросить. Меньше всего Гриненко думал об избирателях. Решил перебросить, и все. Вызвал Пугача, чтобы «назначить» в Чуйковский сельсовет, но оказалось, что туда в тот день уже послали «председателя», и повез Гриненко Пугача в Викторовку.

Викторовский сельсовет насчитывает около 900 избирателей, но разве для Гриненко писан закон?

Собрал Гриненко 89 человек и «провел» Пугача председателем.

Говоря о своем «избрании», Пугач заявил на следствии: «...в сельсовете были против моего назначения председателем, а народ меня совершенно не знал».

Сейчас мы гарантированы от подобных «избраний». Залогом этому служит великая Сталинская Конституция.

Ширяевские «загибщики» причинили очень серьезный вред, но не по этим политическим банкротам и уголовным преступникам народ будет судить о представителях советской власти. Ширяевским преступникам не удалось, как и не удастся никому, подорвать доверие народа к своей народной власти, к своим народным законам. Народ любит свою власть, народ уважает свои законы. Разоблачая и наказывая нарушителей закона, мы только укрепляем значение социалистической законности.

Народные массы любят и ценят советы как органы своей власти.

Разоблачая и наказывая отдельных негодных работников советских органов, мы только поможем укреплению советов.

Народ изберет в советы только людей проверенных, честных, преданных делу социализма, преданных делу партии Ленина—Сталина.

В связи с этим напомним слова товарища Сталина в беседе с Рой-Говардом:

«... Наша новая избирательная система подтянет все учреждения и организации, заставит их улучшить свою работу. Всеобщие, равные, прямые и тайные выборы в СССР будут хлынуть в руках населения против плохо работающих органов власти».

**

Выездная сессия Верховного суда Украины, разбиравшая дело ширяевских преступников на месте, в районе, вынесла свой приговор. Все виновники понесли заслуженное наказание. За грубое нарушение законов советской власти, за издевательство над советскими гражданами виновные приговорены к тюремному заключению на срок от трех до 10 лет, в том числе осужден к 3 годам тюрьмы бывший районный прокурор Юпитер. Ширяевский процесс закончен, но выводы из этого процесса предстоит еще сделать, и в первую очередь выводы из этого процесса должна сделать одесская областная прокуратура, которая в этом деле была не на должной высоте. Выводы должны сделать все прокурорские работники, и эти выводы должны быть значительными.

Надо помнить, что наша законность всегда являлась и является могучим орудием пролетарской диктатуры в борьбе за социализм.

Значение и роль социалистической законности в борьбе с врагами народа огромны.

На нас, работников прокуратуры, возложена ответственнейшая обязанность. Прокуратура обязана беспощадно бороться со всякого рода нарушителями советских законов, со всеми врагами дела социализма.

Нарушением советских законов нередко пользуется враг для маскировки своей подлой, предательской работы.

Это надо помнить, этого нельзя забыть ни на одну минуту.

Извлечь урок и для себя

Бюрократизм особенно вреден в нашей судебной прокурорской системе.

Сколько вреда причиняет бюрократ судья, прокурор или следователь, имеющий дело с живыми людьми. Сколько действительных преступников он оставит в покое и сколько невиновных людей по его милости будут месяцами добиваться восстановления своих незаконно поправленных прав и честного имени.

В качестве иллюстрации циничного издевательства над гражданином со стороны работников суда и прокуратуры приведем дело Алексея Ивановича Терещенко.

Началось с того, что житель села Ново-Михайловского Азово-Черноморского края А. И. Терещенко обратился к прокурору Союза ССР с заявлением, которое считаем нужным привести полностью:

«Настоящим сообщаю Вам, гражданин прокурор, что я, Терещенко Алексей Иванович, 18 сентября арестован по розыску Вологодского ИТУ. На мою фамилию, имя и отчество жил гражданин Осиченко Яков Игнатьевич, совершил кражу, его осудили на 10 лет, он сбегал, я был задержан до выяснения прокурором г. Вологды Северного края.

Расследованием обнаружено, что я задержан ошибочно и меня в 1936 г. прокурор Погодалов освободил. Я был направлен в тюрьму для освобождения. Мне дали документы и денег на билет по месту жительства — 49 рублей, когда стоимость билета 54 руб. У меня средств нехватило на билет. Я решил съехать пролет на пассажирском поезде бесплатно и меня контролер сдал начальнику по станции и на меня составили акт и потребовали штраф 42 руб. Я одинок, родственников нет, позаимствовать помощи не у кого, работаю на лубзаводе, но в зимнее время для меня очень трудно. Предъявили уплатить штраф 42 руб., я не в состоянии их погасить и мне приходится работать две недели принудительно. Я в очень обидном положении и отстал от молодежи через то, что я в заключении был за чужие преступления. Прошу Вашего ходатайства, гражданин прокурор, снять с меня штраф».

Комментарий, как говорится, излишни. Свободный советский гражданин, 20-летний молодой человек, по вине преступников попал ни за что, ни про что в тюрьму — «отстал от молодежи!» Вдумайтесь в эту фразу, сколько в ней горечи и обиды. Произошло это дело следующим образом:

Вблизи разъезда Тувак, Северная ж. д., были задержаны три человека с товаром, похищенным путем взлома из ларька.

Один из этих задержанных назвал себя Терещенко Алексеем Ивановичем, 20 лет, уроженцем села Ново-Михайловского, Кропоткинско-го района, Северокавказского края. Следователь, приняв на веру показания обвиняемых об их личности, через прокурора города Вологды предал их суду по закону от 7 августа 1932 г.

Народный суд г. Вологды принял это дело к своему производству, не обратив внимания

на неустановленность личности обвиняемых, и осудил их к 10 годам лишения свободы.

От следователя и судьи не отстали и работники вологодской тюрьмы.

Осужденных приняли для содержания в тюрьме, не сфотографировав их, и без дактилоскопических отпечатков. Осужденный под фамилией Терещенко бежал из вологодской тюрьмы и скрылся. После этого побега вологодская тюрьма объявила розыск на бежавшего Терещенко Алексея Ивановича.

Через некоторое время в селе Ново-Михайловском (т. е. на родине) был задержан и арестован Терещенко Алексей Иванович.

При аресте Терещенко заявил, что он в Северном крае никогда не бывал и не судился. На это заявление однако внимания не обратили, и Терещенко направили в Дмитлаг отбывать наказание.

В Дмитлаге Терещенко первое время работал, не заявляя о неправильном задержании, а затем отказался от работы. Тогда прокурор южного района Дмитлага вызвал Терещенко и опросил его о причинах отказа от работы. Терещенко заявил, что содержится в заключении неправильно, преступлений не совершал и не был осужден. Казалось бы, что обязанность прокурора — немедленно проверить подобное заявление. Но этот, с позволения сказать, прокурор (впоследствии снят с работы за негодностью) переложил расследование заявления Терещенко на... самого Терещенко.

Терещенко, списавшись со своим знакомым, узнал, что в совхозе Бушуиха Северного края в течение двух лет работал его односельчанин Осиченко Яков Игнатьевич, ранее судившийся и бежавший из места заключения, и что этот Осиченко в совхозе Бушуиха жил, именуя себя Терещенко Алексеем Ивановичем.

На основании этих данных Терещенко требовал от прокурора южного района Дмитлага освободить его из-под стражи. При этом он подробно указывал в заявлениях, где он находился и работал по день ареста.

На основании этих заявлений завелась переписка между прокурором Дмитлага, прокурором г. Вологды и прокурором Кропоткинско-го района Азово-Черноморского края по установлению личности задержанного.

Бюрократы завели переписку, а живой человек ждал, когда же перестанут над ним издеваться.

Наконец прокурор г. Вологды т. Погодалов поставил перед Дмитлагом вопрос о направлении Терещенко в совхоз Бушуиха, где работал и жил фактически совершивший преступление.

Когда Терещенко был доставлен в совхоз, немедленно было установлено, что это не тот Терещенко, который разыскивался.

По предложению Прокуратуры Союза прокуратура Азово-Черноморского края расследовала это дело. Расследованием было установлено, что по розыску вологодской тюрьмы участковый инспектор милиции станции Ново-Михайловской Абдуленко задержал Терещенко вместо бежавшего из-под стражи Осичен-

ко. Как Терещенко ни уверял, что он не совершал кражи и не судился, Абдуленко не только не проверил заявления Терещенко, но препроводил его в распоряжение милиции с припиской, что Терещенко «оперирует в Ново-Михайловском и подозревается в ограблении».

Начальник районного отделения милиции Кадников вынес постановление о заключении Терещенко под стражу, не проверив заявления Терещенко. Через пять дней районный прокурор Воробьев утвердил постановление об аресте Терещенко. 36 суток просидел Терещенко в кропоткинской тюрьме. Несколько раз его допрашивали, и на всех допросах он заявлял, что не виновен, просил проверить его заявления, и никто — ни работники милиции, ни прокурор — не потрудились заявления Терещенко проверить. А ведь не очень много усилий там, на месте, нужно было сделать, чтобы проверить правильность всего, что Терещенко говорит. Результат: милиция арестовала, прокурор через пять дней проштемпелевал «согласен», а Терещенко посадили в тюрьму.

Преступники, позволившие себе издеваться над гражданином нашей страны, понесут суровое наказание по приговору суда. Снят с Терещенко штраф. Но и нам из всей этой истории нужно сделать вывод и для себя.

Бороться хорошо с бюрократом и бюрократизмом мы будем только тогда, когда поймем, что за каждой, буквально за каждой бумажкой, попадающей к нам в руки, стоит живой человек. Мы об этом говорим, но в практической работе зачастую забываем. Гора

бумаг и дел порождает желание побыстрее, любым «законным» путем направить эту бумагу, «спихнуть» ее, избавиться от нее. А люди, которые обратились к нам с жалобой, чувствуют на своей спине результаты подобной работы.

Товарищ Сталин в своем докладе на XVII партийном съезде говорил: «Бюрократизм и канцелярищина аппаратов управления; болтовня о «руководстве вообще» вместо живого и конкретного руководства; функциональное построение организаций и отсутствие личной ответственности; обезличка в работе и уравниловка в системе зарплаты; отсутствие систематической проверки исполнения; боязнь самокритики, — вот где источники наших трудностей»¹.

Эти исчерпывающие по своему содержанию указания нашего вождя представляют собой программу работы всего нашего советского аппарата, имеют особое значение для органов прокуратуры, призванных бороться со всякими и всяческими нарушениями социалистической законности.

Сталинская Конституция обеспечивает неприкосновенность личности (ст. 127 Конституции), требует от органов прокуратуры максимального внимания к каждому человеку, к каждому делу, требует такой организации работы, чтобы удар — быстрый и меткий — бил по врагам народа, по действительным преступникам, — такой организации работы, чтобы личность и достоинство советского гражданина были максимально охраняемы.

В. КОБЛЕНЦ

Прокуратура и печать

Товарищ Сталин дал классическое определение роли нашей печати как самого острого и сильного орудия партии.

Наша печать является могучим орудием пропаганды и агитации, незаменимым средством воздействия на массы. Она играет роль могущественного организатора общественной активности и творчества самых широких масс.

Ленин в свое время писал: «Нашим первым и главным средством для повышения самодисциплины трудящихся и для перехода от старых, никуда негодных, приемов работы... главным средством должна являться пресса, вскрывающая недочеты хозяйственной жизни каждой трудовой коммуны, беспощадно клеймящая эти недочеты, открыто вскрывающая все язвы нашей хозяйственной жизни и, таким образом, апеллирующая к общественному мнению трудящихся для излечения этих язв»¹.

Газета является подлинной трибуной, с высоты которой раздаются замечания трудящихся масс по поводу тех или иных недочетов. Здесь же трудящиеся дают и указания, как эти недочеты устранить.

В этом — одно из проявлений советской, подлинной социалистической демократии, в этом — одна из форм практического участия масс в управлении. Это участие, как неодно-

кратно указывали Ленин и Сталин, абсолютно необходимо для борьбы с бюрократизмом.

Велика роль нашей печати и в борьбе за социалистическую законность, за точное, безоговорочное и единообразное выполнение всех законов советской власти.

Тысячи писем и заметок пересылаются из редакций газет в органы прокуратуры.

В прокуратуру г. Москвы из редакций газет за 1936 г. и первые три месяца 1937 г. поступило 3452 писем и заметок, причем количество этих писем все время растет: за первое полугодие 1936 г. поступило 1237, за второе полугодие — 1417, а за три месяца 1937 г. до 800 писем и заметок. Этот рост вполне понятен. Растет активность рабочих масс, растет активность трудящихся, не желающих мириться с малейшим беззаконием и сигнализирующих о нарушениях советского порядка. Ведь «малейшее беззаконие, малейшее нарушение советского порядка есть уже дыра, которую немедленно используют враги трудящихся...»². И тысячи писем, печатающихся в

¹ И. Сталин, Отчет доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б). Вопросы ленинизма, изд. 10, стр. 591.

² Ленин, Письмо к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком, т. XXIV, стр. 434.

¹ Ленин, т. XXII, изд. 3, стр. 413.

газетах или пересылаемых из газет, являются ярким показателем усиления политической активности масс.

Характерно, что из 2654 заметок, поступивших в прокуратуру г. Москвы за 1936 г., 1015 писем содержали в себе сигналы о нарушениях революционной законности, не затрагивавших личные интересы авторов, причем в 742 случаях (из 1015) потребовалось непосредственное вмешательство прокуратуры. Это значит, что советский гражданин чувствует себя активным строителем социалистического общества. Он не может пройти мимо безобразий, творящихся на том или ином участке, хотя его лично и не затрагивающих. Интересы государства близки трудящимся, интересы трудящихся неотделимы от интересов государства.

Ст. 130 Конституции Союза ССР, как и ст. 131 Конституции, определяют отдельные важнейшие обязанности советского гражданина: «Каждый гражданин СССР обязан соблюдать Конституцию Союза Советских Социалистических Республик, исполнять законы, блюсти дисциплину труда, честно относиться к общественному долгу, уважать правила социалистического общежития» (ст. 130). «Каждый гражданин СССР обязан беречь и укреплять общественную, социалистическую собственность, как священную и неприкосновенную основу советского строя, как источник богатства и могущества родины, как источник зажиточной и культурной жизни всех трудящихся» (ст. 131).

Приведенные выше данные о пересланных в прокуратуру г. Москвы из газет письмах трудящихся показывают, что записанное в Конституции уже является заповедью, которой следуют советские люди.

Вот, например, т. Князев А. М. пишет письмом в «Правду» о растратах и злоупотреблениях в группоме № 11 союза шоферов Первомайского района. Тов. Князев, как он пишет, «считает своим долгом сообщить об этом и просит «помочь раскрыть и привлечь к уголовной ответственности расхитителей средств общественных профсоюзных денег». Письмо т. Князева было переслано редакцией в прокуратуру г. Москвы, которая, произведя расследование, установила растрату восьми тысяч рублей профсоюзных денег председателем группкома Брычевым и казначеем Моисеевым, арестовала этих жуликов и передала их суду.

«Рабочая Москва» переслала в прокуратуру письмо рабочих о хулиганстве некоего Журавлева. Расследованием, произведенным по предложению прокуратуры, факты, изложенные в этом письме, целиком подтвердились, и Журавлев был осужден к полугоду тюрьмы лишения свободы.

А вот письмо (неопубликованная заметка), пересланное «Рабочей Москвой» в прокуратуру, по поводу злоупотреблений в Спартакском подрайонсоюзе (Красногвардейский район). Факты, изложенные в заметке, при расследовании подтвердились, и виновники злоупотреблений осуждены: Мягков к двум годам лишения свободы и Кудряшев к одному году и т. работ.

В «Правде», в «Рабочей Москве» и в «Советской торговле» был опубликован ряд заметок о выпуске на рынок предметов широкого потребления с большим браком (фабрика «Венский стул», кроватная фабрика им. Ка-

линина и др.). Расследование подтвердило эти факты, и бракоделы осуждены к разным срокам наказания.

Рабочий т. Орлов с возмущением сообщает «Правде» о том, что на хлебозаводе № 9 губят хлеб и что, в целях сокрытия большого количества брака, администрация хлебозавода распорядилась хлеб-брак «сжечь». Произведенное прокуратурой по письму т. Орлова расследование подтвердило эти факты, и заместитель директора завода Митин и начальник экспедиции Петров были преданы суду.

Мы привели здесь только несколько примеров, но и эти немногие примеры являются показателем того, как советский гражданин активно борется с нарушением законности в разных областях, за благо всех трудящихся и государства в целом. Охрана общественной, социалистической собственности, внедрение правил социалистического общежития, соблюдение государственной дисциплины, исполнение законов — вот принципы социалистической законности, за которые трудящиеся нашей страны борются в своих выступлениях в печати. И можно уже твердо сказать, что в бой за неприкосновенность общественной социалистической собственности вступили миллионы.

Мы уже указывали, что в 742 случаях прокуратура г. Москвы принимала те или иные меры. Каковы эти меры?

По 251 письму было возбуждено уголовное преследование, по 56 письмам возбуждено дисциплинарное преследование, по 261 письму прокуратурой предложено было устранить незаконные действия.

Активность трудящихся масс даст свои плоды, и эта активность будет все время усиливаться. «Следствием введения всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании будет дальнейшее усиление политической активности масс, вовлечение новых слоев трудящихся в управление государством. Тем самым диктатура пролетариата становится более гибкой, а, стало быть, более мощной системой государственного руководства рабочего класса обществом, база диктатуры рабочего класса расширяется, ее основа становится более прочной» (из резолюции пленума ЦК ВКП(б) по докладу т. Жданова).

Другую категорию писем, идущих из редакций газет, составляют письма-жалобы трудящихся по поводу нарушения законности, ущемляющего их интересы. Таких писем-жалоб за 1936 г. поступило из редакций газет в прокуратуру г. Москвы 1639.

Вот отдельные мероприятия прокуратуры по этим жалобам: привлечены к уголовной ответственности за нарушение прав трудящихся в 205 случаях, привлечены к дисциплинарной ответственности в 30 случаях, принесено 49 протестов на незаконные приговоры и решения судов, приняты непосредственно меры в ограждение интересов трудящихся (отмена административных выселений, мероприятия по письмам о неуплате алиментов и т. д.) в 448 случаях.

Во всех этих случаях печать выступает за соблюдение социалистической законности, за выполнение советских законов.

Каковы сроки прохождения газетных материалов через прокуратуру г. Москвы?

В сроки до 10 дней разрешено 46% газетных заметок (1227 писем), в сроки от 10 дней

до одного месяца — 35% (914 писем) и в сроки свыше одного месяца — 19% (513 писем).

Таким образом, значительная часть газетных заметок проходит через звенья Московской прокуратуры с большим замедлением. Расследование отдельных газетных материалов принимает безобразно волокитный характер. Это значит, что отдельные прокурорские работники еще недоучитывают всей политической важности и значимости быстрого и четкого разрешения писем трудящихся.

Вот прокурор Куйбышевского района г. Москвы т. Вишняков. Четыре месяца занимался он «проверкой» письма т. Гвенитадзе в редакцию газеты «Вечерняя Москва» о безобразиях и злоупотреблениях руководства стройконторы Мосторга. Четыре месяца т. Вишняков «проверял» этот материал, не передавая следователю, и никакие напоминания газеты не помогли. Чтобы покончить с этой волокитой, пришлось материал у т. Вишнякова изъять.

Разве не ясно для каждого работника прокуратуры, что нужно с величайшим вниманием отнестись к каждой газетной заметке, к каждому письму? Каждому сигналу снизу должно быть придано самое серьезное значение, причем нужно научиться подымать содержащиеся в письмах частные небольшие вопросы на большую принципиальную высоту. В этом залог своевременного раскрытия всякого рода вредительских планов, своевременного разоблачения врагов народа.

Разве может быть терпима волокита с жалобами, с письмами трудящихся?

«Надо воспитывать в наших работниках чуткость и умение прислушиваться к этим сигналам, идущим снизу... Надо добиться того, чтобы руководитель относился к этим сигналам не по-чиновничьи бездушно, не по-сановному высокомерно» (Молотов, «Большевик» № 8).

Отсюда — все выводы, которые должны быть сделаны работниками прокуратуры.

М. КОЖЕВНИКОВ

Слова и дела

Под таким названием в № 4 журнала «Социалистическая законность» помещена статья под инициалами N. N. с критикой ошибок ревизора НКЮ СССР т. Цитовича, допущенных им при проведении ревизии Московской городской коллегии защитников (МГКЗ). Исходя из недостатков работы т. Цитовича, автор сделал обобщенный вывод о том, что «аппарат отделов судебной защиты НКЮ РСФСР и НКЮ СССР, видимо, заполнен большим количеством Цитовичей, людей в футлярах»...

Как известно, отдел судебной защиты НКЮ СССР начал функционировать лишь 20 ноября 1936 г. и, к сожалению, полностью не укомплектован еще и до настоящего времени. В состав ревизоров отдела был принят и т. Цитович, бывший судебно-прокурорский работник, в прошлом ничего плохого по работе не имевший. И нам казалось, что он с обследованием работы защиты, хотя эта работа для него была и новая, должен справиться.

Однако при ревизии МГКЗ Цитович допустил несколько серьезных ошибок.

Ошибки эти заключаются в следующем.

Вместо проверки работы на месте, в коллективах, проведения ее с участием общественности т. Цитович решил, вопреки прямому указанию отдела защиты, сделать ревизию без участия общественности, начать ревизию с проверки бумаг президиума, сбора данных, характеризующих работу президиума, путем получения различных анкет и сводок, т. е., вместо привлечения к участию в ревизии общественности, проверки в первую очередь первичных звеньев, беседы с членами коллектива, применил бумажно-бюрократический метод обследования. Кроме того, в одну из форм анкеты, цитируемой автором и переданной на заполнение президиуму, включил несколько безграмотных, совершенно непонятных вопросов.

Хотя основные выводы, записанные в акт ревизии т. Цитовичем, — отсутствие контроля исполнения за решениями президиума, невовлечение в состав членов коллегии защитников (ЧКЗ) новых молодых кадров, отсутствие со стороны президиума борьбы против замкнутости в коллективах, совершенно нетерпимая волокита с разбором заявлений ЧКЗ и разбором дисциплинарных дел, полное отсутствие проверки работы индивидуально практикующих защитников, бесплановость в работе и др., — нашли полное подтверждение при последующей проверке работы президиума МГКЗ, тем не менее НКЮ считал необходимым т. Цитовича, допустившего, вопреки прямым указаниям НКЮ, неправильные методы ревизии, от работы по обследованию МГКЗ освободить, и он еще 15 марта от ревизии МГКЗ был освобожден, а с 1 мая вообще освобожден от работы в отделе судебной защиты НКЮ СССР.

Таким образом указания в статье на ошибки т. Цитовича, во всяком случае на основные его ошибки, являются правильными. НКЮ, получив сообщение о неправильных методах ревизии со стороны т. Цитовича, немедленно на это сообщение реагировал освобождением т. Цитовича от ревизии и посылкой для продолжения таковой ст. ревизора т. Зосимова, с выводами которого президиум МГКЗ согласился.

Отдел защиты НКЮ к моменту ревизии т. Цитовича существовал немного больше 3 месяцев. Один из ревизоров допустил при ревизии ошибки. Это верно. Но верно ли то, что можно из этого делать общий вывод о том, что отделы судебной защиты НКЮ РСФСР и СССР, видимо, заполнены людьми в футлярах? Какие доказательства этому приводит сам неизвестный автор?

1. «Живое руководство и деловая связь» президиума ограничиваются пока лишь теле

фонными звонками и предписаниями принять кого-нибудь в члены коллегии защитников, причем направляются в коллегию иногда люди совсем непригодные».

К моменту написания статьи автора Н. Н. мне известны лишь три случая моих звонков по вопросу о кадрах.

Тов. Томсинская по окончании Заочного юридического института была направлена для работы в МГКЗ. Прожив много времени к руководству президиума и не добившись приема, она обратилась в отдел судебной защиты НКЮ СССР с жалобой на волокиту со стороны президиума МГКЗ. Я звонил Александрову и предложил немедленно рассмотреть вопрос о приеме т. Томсинской на президиуме МГКЗ. К сожалению, возмутительное отношение со стороны руководства президиума МГКЗ к приему т. Томсинской не окончилось и по сей день. Руководство коллегии после моего предложения решило направить ее стажером в один из коллективов г. Москвы, но без оплаты.

Потребовалось специальное указание самого наркома на зачисление ее в соответствии с законом платным стажером. Однако и это решение со стороны президиума МГКЗ оказалось нереализованным в течение 3 месяцев. Только теперь, после новой жалобы т. Томсинской, т. Александров письменно сообщил, что заявление т. Томсинской будет рассмотрено на первом заседании президиума и не позднее 20 июня.

В отдел судебной защиты НКЮ СССР обратился с жалобой ЧКЗ Абарбанель, работавший в течение ряда лет при отделе жалоб НКЮ Прокуратуры РСФСР, на волокиту, бездушно-бюрократическое отношение президиума МГКЗ, благодаря которому он после освобождения от работы в отделе жалоб не может поступить для работы в коллектив. И по этому вопросу я звонил т. Александрову с предложением прекратить волокиту с рассмотрением на президиуме претензий т. Абарбанель. На хождение т. Абарбанель по приемной президиума МГКЗ потребовалось немало времени, во всяком случае это исчисляется месяцами, потребовалось, как мне сообщил т. Абарбанель, вмешательство бюро жалоб КСК при ЦК СССР, чтобы прекратилась волокита по этому вопросу и было покончено с приемом его на работу.

Наконец мне известен еще один случай моих звонков, когда ко мне обратилось с жалобой несколько лиц по вопросу о том, что в течение ряда месяцев они ходят в президиум МГКЗ и не могут добиться рассмотрения их заявлений о приеме в ЧКЗ. Проверкой эти факты подтвердились. Установлено, что этим людям президиум в течение нескольких месяцев обещал оставить вопрос о их приеме на президиуме и каждый раз в назначенное время эти заявления не рассматривались.

Таким образом речь шла не о предложениях НКЮ о приеме в состав ЧКЗ тех или иных лиц, а было лишь одно требование — прекратить существующую в работе президиума МГКЗ волокиту с разбором заявлений живых людей, прекратить неправильный подход к молодым кадрам, ликвидировать замкнутость в коллективах. Закономерно ли это требование отдела? Считаю — закономерно и правильно. Вина моя может заключаться лишь в

том, что я пока только звонил. Очевидно нужны были в борьбе с волокитой и другие, более решительные меры.

Вторым примером неправильного руководства отдела судебной защиты НКЮ СССР автор статьи приводит восстановление б. ЧКЗ Хворостухина, оценивая этот факт «как трогательную заботу НКЮ». Хворостухин действительно решением НКЮ РСФСР был восстановлен в состав ЧКЗ, но когда об этом стало известно НКЮ СССР, он буквально после этого через 2—3 дня, т. е. еще 15 марта, по представлению отдела судебной защиты НКЮ СССР наркомом юстиции Союза ССР был из состава ЧКЗ исключен и решение НКЮ РСФСР отменено. Непонятно, в чем проявил особую заботу отдел судебной защиты НКЮ по делу Хворостухина.

Наконец третьим примером неправильного руководства нашего отдела автор считает истребование нами от президиумов КЗ большого количества сведений.

Нами истребованы лишь следующие сведения: об учете кадров (форма № 13), личные листки на председателей и заместителей председателей КЗ (форма № 151), литературные отчеты за 1936 г., справки о ставках оплаты труда работникам президиумов, списки на остальных ЧКЗ, т. е. истребован самый необходимый минимум сведений.

Приказом наркома не требовалась вовсе дача характеристик президиумов КЗ самих на себя. Требование о даче характеристик на руководящих работников президиума было дано наркомом союзных республик.

Вот все конкретные примеры, которые привел автор для обоснования своего вывода и характеристики руководящих защитой отделов НКЮ.

Мне кажется, что наш отдел, только недавно начавший свою работу, конечно, имеет и ошибки в работе, тем более, что дело, которое нужно было руководить, — новое дело и находилось и, надо прямо сказать, пока еще находится в крайне запущенном состоянии. По существу КЗ до организации НКЮ Союза ССР никто вплотную не занимался. Но можно ли из отдельных ошибок, хотя бы из ошибок одного ревизора отдела, делать тот обобщенный вывод, который сделан автором статьи? Я считаю, что нельзя, так как это совершенно не вытекает из всей работы, проделанной отделом защиты. Это есть результат желания продолжать работу без необходимого контроля, это есть попытка использовать некоторые ошибки ревизора, сорвав, дискредитировав ревизию, замазать ошибки в работе своего президиума КЗ.

В самом деле, отделом за короткое время проделана огромная работа. Приведу несколько примеров. Лично я путем вызова председателей коллегии защитников ознакомился с работой 51 коллектива защитников Союза ССР, с их руководящим составом, за истекшие полгода мы провели ревизию коллегии защитников в семи союзных республиках, охватили ревизиями Киргизию, Казахстан, Азербайджан, Грузию, Армению, Украину, Дальний Восток, Ленинград, Москву, Московскую область, обследованием — Азово-Черноморье, Ивановскую, Ярославскую области. Такой огромный охват ревизиями коллегий защитников дал впервые возможность по-настоящему изучить

кадры КЗ и руководящий состав, работу КЗ по существу, разрешить или поставить на разрешение ряд коренных вопросов работы коллегий защитников. К числу поставленных на разрешение вопросов нужно отнести: разработку положений об адвокатуре, инструкции для индивидуально практикующих, типового устава коллективов адвокатов, положения о государственной адвокатуре. Все эти проекты законов, исключая положения о государственной адвокатуре, которое на днях вносится на рассмотрение правительства, уже внесены на рассмотрение последнего.

К числу разрешенных вопросов нужно отнести: установление единообразной, в соответствии с количеством и качеством затрачиваемого труда, формы оплаты труда ЧКЗ, проведение неуклонной борьбы с разбазариванием некоторыми президиумами общественных средств, сокращение отчислений на содержание президиумов и коллективов защиты, ликвидация единых республиканских коллективов и создание вместо них на местах самостоятельно управляемых коллективов, ликвидированы в ряде коллективов допускаемые со стороны президиумов факты грубейшего нарушения советской демократии. На основе изучения руководящих кадров президиумов коллегий защитников нами поставлен вопрос и о мерах по укреплению этого важнейшего звена. В ряде мест это укрепление руководства уже проведено. Таким образом отдел судебной защиты НКЮ смог за время своей работы или разрешить или подготовить к разрешению ряд вопросов, способных улучшить работу нашей защиты, вывести её, надо открыто сказать, из состояния довольно тяжелого, иногда прямо нетерпимого.

Довести начатую работу до конца мы сможем при активной помощи работников коллегии защитников.

Конечно, отдел судебной защиты не добился еще необходимой связи с коллегиями защитников, однако он уже и сейчас твердо стоит на этом пути. Об этом говорят хотя бы такие данные, что мы к подготовке основных вопросов привлекали защитников, свои ревизии (кроме ревизии, проводимой Цитовичем) проводили с участием актива защитников, связались лично со всеми председателями коллективов, принимали личное участие на съездах защиты, привлекали их на активы НКЮ и т. д. Можно ли при этом условия говорить об отсутствии у отдела НКЮ СССР живой связи. Она недостаточна, это верно. Но что ее нет, — это, по меньшей мере, странное утверждение.

Нельзя сказать, чтобы выводы неизвестного автора об отделах защиты НКЮ СССР и НКЮ РСФСР могли способствовать скорейшему разрешению задач, которые лежат на этих отделах.

Наконец нельзя не остановиться на том состоянии, в котором оказалась работа Московской городской коллегии защитников по выводам, признанным правильными самим президиумом МГКЗ. Эти выводы, как уже выше сказано, говорят, что имела место бесплановость в работе, отсутствует контроль исполнения, самая безобразная волокита, нечуткое отношение к людям, отсутствие заботы, если не сказать большего, к вопросу о привлече-

нии молодых кадров, замкнутость, кастовость в отдельных коллективах и т. д.

Эти факты говорят, что президиум МГКЗ имеет еще очень серьезные, больше того, нетерпимые в работе недостатки, и мне кажется, что и автору статьи нужно было бы, наряду со вскрытием ошибок, которые допустил наш бывший ревизор т. Цитович, с недостатками, которые имеются в отделах судебной защиты, подвергнуть резкой критике и работу президиума. Это могло бы поправить и нашу работу, скорее ликвидировать грубейшие недостатки в работе самого президиума КЗ.

Повторяю, об ошибках отдела судебной защиты нужно писать, нужно эти ошибки критиковать. Наши действия показывают, что в отношении допущенных т. Цитовичем ошибок мы чутко и быстро реагировали, ошибки исправили, но писание того, чего нет, писание для того, чтобы замазать свои грубые ошибки в работе, не может помочь нашей общей работе. Наша общая задача и отдела судебной защиты и коллегий защиты заключается в том, чтобы как можно скорее поставить работу нашей защиты на ту высоту, на которой она должна быть в нашу великую эпоху, эпоху Сталинской Конституции.

ОТ РЕДАКЦИИ

Печатаемая статья т. Кожевникова, редакция считает, что автор статьи ни в коей степени не опровергает тех обвинений, которые были выдвинуты в статье «Слова и дела», помещенной в № 4 нашего журнала.

Цитович был снят с работы в отделе защиты НКЮ СССР, а решение о восстановлении Хворостухина было отменено после того, как редакция направила народному комиссару юстиции СССР т. Крыленко в начале марта с. г. копию статьи «Слова и дела».

В своей статье т. Кожевников очень подробно пишет о ревизиях, проведенных отделом судебной защиты. Плохо, что т. Кожевников не понял и, очевидно, до сих пор не понимает основной порок своей работы, заключающийся в том, что он начал ее с «ревизий», особенно если учесть, что ревизорами являются Цитовичи.

Не управлять адвокатурой, а направлять ее работу, создать такие организационные формы, благодаря которым адвокатура могла бы занять место, отведенное ей Сталинской Конституцией, — вот задача отдела защиты.

Вместо этого — «ревизии», требование отчетов, которые никто потом читать не будет, и напрасное дерганье людей.

Тов. Кожевников прав — живое руководство и деловая связь осуществляются им не только телефонными разговорами, но и письменными резолюциями. Так, на путевке № 4, выданной Центральным правовым заочным институтом г. Томской с направлением на работу в МГКЗ, куда г. Томская обязана была прибыть 21 февраля 1937 г., имеется следующая резолюция, датированная 22 февраля: «Председателю гор. коллегии защитников. Предлагаю на первом заседании Президиума рассмотреть вопрос о приеме т. Томской в состав ЧКЗ и направить в один из коллективов на работу. Рассмотреть весь вопрос в течение 3—5 дней окончательно».

Начальник отд. суд. защиты НКЮ СССР
Кожевников»

Кто дал право т. Кожевникову писать такие резолюции и чем была вызвана эта резолюция? Ларчик здесь открывается очень просто. Зная, очевидно, что теоретическая подготовка т. Томсинской очень низка и прием ее в коллегия может встретить возражения, т. Кожевников заранее решил прибегнуть к сильно действующему средству, каким, по его мнению, должна была явиться вышеприведенная резолюция.

Не менее «верно» т. Кожевников освещает и инцидент с ЧКЗ Абарбанель. Прежде всего, к сведению т. Кожевникова, т. Абарбанель никто из коллегии не исключал и никто ему не отказывал в направлении в коллектив, а речь шла о том, чтобы сохранить при отделе жалоб Прокуратуры РСФСР должность платного консультанта за счет средств МГКЗ вопреки воле общего собрания МГКЗ, постановившего ликвидировать все платные должности консультантов при различных органах суда и прокуратуры.

Эти два «телефонных» звонка достаточно ярко иллюстрируют руководство отдела судебной защиты НКЮ СССР, и это т. Кожевников называет требованием «прекратить существование в работе президиума КЗ волокиту с разбором заявлений живых людей».

Тов. Кожевников записывает в актив отдела судебной защиты ликвидацию в ряде коллективов случаев грубейшего нарушения советской демократии. Очевидно, по мнению т. Кожевникова, его резолюция на путевке Томсинской не есть результат бюрократического руководства, не есть результат того, что отдел судебной защиты не понял «своих задач, не понял того, что он призван не управлять коллегией защитников, а направлять их работу в целях максимального обеспечения населения правильно организованной юридической помощи.

До тех пор пока отдел судебной защиты не откажется от подобных методов управления, до тех пор пока руководство действительно не станет большевистским оперативным руководством, трудно поверить, чтобы отдел судебной защиты в нынешнем своем состоянии мог справиться с возложенными на него задачами.

Редакция уверена, что наркомюст СССР т. Крыленко в объяснения т. Кожевникова найдет необходимым внести кое-какие существенные поправки, гарантирующие невозможность повторения некоторых кожевниковских резолюций.

Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза

НЕОБОСНОВАННОЕ ПРЕКРАЩЕНИЕ ДЕЛА

Гр. Бутко Харитон Трофимович, счетовод колхоза им. Щорса, за несколько дней до суда избранный председателем колхоза, 5 сентября 1936 г. был осужден народным судом Нежинского района по ст. 127 УК УССР за спекуляцию мануфактурой к 5 годам лишения свободы.

Материалами дела и собственным сознанием Бутко было установлено, что в начале июля 1936 г., будучи в командировке в г. Ленинграде, он купил там разной мануфактуры на сумму около 1200 руб. и, вернувшись в с. Почепина-станция, продал ряду односельчан 27—30 метров мануфактуры по повышенным ценам (за метр шерстянки, стоившей 29 руб., брал 35 руб., за метр бумаги, стоившей 2 р. 90 к., брал 5 р. 80 к., за метр полусукна вместо 5 руб. за метр брал 8 руб.). Суд определил сумму его прибыли в 70 руб.

При обыске у Бутко было обнаружено 80 метров разной мануфактуры в кусках от 2 до 12 метров.

Областной суд оставил приговор в силе. Верховный суд УССР, рассмотрев дело в порядке надзора, прекратил дело, сославшись на п. 1 ст. 302 УПК, говорящий об оправдании судом первой инстанции при недоказанности совершения преступления или при отсутствии состава преступления.

В своем определении Верховный суд стал на ту точку зрения, что Бутко продавал мануфактуру по повышенной цене без цели наживы, а

лишь с целью частичного возврата своих путевых расходов.

В дальнейшей части определения Верховный суд становится на почву переоценки доказательств и устанавливает, что покупатели мануфактуры у Бутко заранее давали ему деньги на приобретение таковой в Ленинграде. Действительно, на суде ряд свидетелей дал такие показания, но они резко расходятся как с показаниями тех же свидетелей на предварительном следствии, так и с объяснениями самого Бутко и его жены о желании «оправдать дорогу», о продаже того, что «оказалось лишним», и пр.

При наличии положительных отзывов о Бутко нельзя отрицать бесспорного факта систематической продажи им мануфактуры по повышенным ценам не менее чем 9—10 человекам.

Прекращение этого дела является неправильным. Если судом была установлена однократность спекулятивной продажи и личность обвиняемого не дает оснований считать, что он вообще занимается спекуляцией, следовало перейти на ст. 105 УК, но не прекращать дела.

По этим основаниям Прокуратура Союза опротестовала определение УКК Верховного суда УССР.

Президиум Верховного суда УССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил определение уголовной коллегии Верховного суда УССР отменить и дело направить в ту же коллегия для рассмотрения в ином составе.

ОСУЖДЕНИЕ ПО ЯВНО НЕРАССЛЕДОВАННЫМ МАТЕРИАЛАМ

Гр. Блескачевский Иона Абрамович был осужден 11 июня 1936 г. народным судом Краснозаводского района г. Харькова по 1 ч. ст. 104 и 1 ч. ст. 108 УК УССР на 3 года лишения свободы.

Харьковский областной суд, рассмотрев дело по кассационной жалобе осужденного 29 июня 1936 г. нашел, что обвинение по 1 ч. ст. 108 не доказано, и в этой части дело прекратил, оставив в остальном приговор в силе.

Блескачевский, работавший агентом Южмонтажстроя, осужден за присвоение 4547 руб. путем включения в авансовый отчет счетов, оплаченных непосредственно Южмонтажстроем.

Первый обвинительный приговор народного суда по этому делу от 8 марта 1936 г., которым Блескачевский был осужден по тем же статьям на 2 года лишения свободы, был отменен Харьковским областным судом.

Областной суд признал в своем определении от 23 марта 1936 г., что жалоба осужденного на неосновательность приговора правильна, что народный суд должен был приобщить к делу ту книжку, в которой имелась расписка бухгалтерии на сумму 2747 р., вызывающая сомнения, и путем осмотра таковой установить, находится ли около этой суммы подпись бухгалтеров; кроме того, в деле не было письменного заключения эксперта, и нельзя было установить, какой вывод сделала экспертиза по материалам бухгалтерии.

В определении Харьковского областного суда от 29 июня 1936 г. об утверждении второго приговора областной суд сослался на акт экспертизы о представлении Блескачевским при отчете фактически им неоплаченного счета.

Между тем при рассмотрении дела устанавливается:

Экспертизу на предварительном следствии производил эксперт Яромицкий, работавший ранее на Харьковском паровозостроительном заводе (ХПЗ), то есть как раз в том учреждении, откуда Блескачевский получал материалы, в частности и по спорному счету № 980.

На судебном следствии 1 июня этот эксперт заявил, что он не выверял расчетов ЮМС с ХПЗ. Это отражено в акте экспертизы.

Второй эксперт Ширяев в том же заседании указал, что ввиду невыверки этих расчетов нельзя дать ясного ответа на вопрос, отражены ли по счету Блескачевского все суммы.

Тот же эксперт Ширяев указал, что игнорирование бухгалтерией Южмонтажстроя документальных данных по этому же счету № 980 привело к привлечению Блескачевского к уголовной ответственности.

Подлинный счет № 980 к делу приобщен не был, несмотря на многократные ходатайства Блескачевского. Утверждение же КК Харьковского областного суда, что приобщение к делу, вместо подлинника, копии счета не меняет положения, явно неправильно. При наличии показаний свидетелей Кучерявцева и Горонова о том, что на подлинном счете была сделана надпись об оплате акцептованными счетами, необходимо было приобщить к делу подлинный счет. К тому же свидетель Горонов заявил на суде (и это подтверждается

выпиской из счета Блескачевского), что у последнего не было наличных денег на сумму, в присвоении которой он обвиняется.

По этим основаниям Прокуратура Союза опротестовала приговор народного суда.

Пленум Харьковского областного суда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил: приговор народного суда от 11 июня 1936 г. и определение областного суда от 29 июня 1936 г. отменить, дело возратить в народный суд для нового рассмотрения в ином составе с обязательным производством новой экспертизы при помощи компетентного бухгалтера-эксперта, который должен будет проверить счет ЮМС в ХПЗ с обязательным приобщением к делу подлинника счета за № 980.

НЕПРАВИЛЬНОЕ ПРЕКРАЩЕНИЕ ДЕЛА ПО МОТИВУ ПРИМИРЕНИЯ СТОРОН

Определением от 9 апреля 1937 г. Воднотранспортный суд Нижнеиртышского бассейна, за примирением обвиняемого с потерпевшим, прекратил в судебном заседании дело по обвинению гр. Куля по ч. 1 ст. 146 УК.

Прокуратура Союза опротестовала определение суда о прекращении дела по следующим основаниям:

Куль Анатолий Павлович был предан суду прокуратурой Нижнеиртышского бассейна 29 марта 1937 г. по ч. 2 ст. 74 УК.

Подготовительное заседание ВТС 4 апреля 1937 г. с квалификацией преступления по ч. 2 ст. 74 УК согласилось и обвинительное заключение прокурора утвердило, назначив дело к слушанию с участием сторон.

При рассмотрении дела в судебном заседании с участием представителя прокуратуры, поддерживавшего обвинение, суд признал гр. Куля виновным не по ч. 2 ст. 74, а по ч. 1 ст. 146 УК. В пределах санкции этой статьи суд и должен был вынести обвинительный приговор гр. Кулю.

Прекращать же дело за примирением обвиняемого с потерпевшим, поскольку обвинение поддерживалось на суде прокуратурой, суд, на основании ч. 2 ст. 10 УПК, не мог.

Воднотранспортная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила определение Воднотранспортного суда отменить и дело передать в соответствующий народный суд для рассмотрения по существу.

ОТМЕНА ПРИГОВОРА ПО МЯГКОСТИ НАКАЗАНИЯ И ПО ПОВЕРХНОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ

Приговором ВТ суда Днепровского и Днепро-Двинского бассейнов от 17—18 мая 1937 г. Идельчик Н. И. был осужден по ч. 1 ст. 196 УК БССР к лишению свободы сроком на 1 год 6 месяцев без поражения в правах.

Прокуратура Союза опротестовала приговор Воднотранспортного суда по следующим основаниям:

По делу установлено, что Идельчик умышленно задержал выплату 177 рабочим пристани Бобруйск 1882 руб., причитавшихся им как премиальные, тонно-километровые и пр., а затем эту сумму списал в доход управления пароходства под тем предлогом, что рабочие

в установленный срок не явились за получением денег.

Идельчик умышленно скрывал от рабочих выплатные листки и запрещал работникам бухгалтерии и кассы сообщать им о причитающихся суммах.

При этих условиях, учитывая, что преступные действия обвиняемого вызвали законное недовольство рабочих пристани и что Идельчик уже был судим в 1936 году за злоупотребления по должности, следует признать, что назначенное судом в отношении Идельчика наказание в 1 год 6 мес. лишения свободы, по своей мягкости, явно не соответствует содеянному им.

Сумма в 1882 руб. является незначительной для бюджета пароходства. Это обстоятельство, а также и то, что обвиняемый не преследовал корыстных целей (ибо у него не было стремления присвоить эти деньги), дает основание полагать, что преступные действия обвиняемого имели целью вызвать озлобление и недовольство большой группы рабочих в 177 человек.

Анализируя характер и причины этих преступных действий обвиняемого, нельзя не учесть, что он уже раз был осужден — в 1936 году — за должностные злоупотребления, выразившиеся в том, что, будучи старшим бухгалтером той же пристани Бобруйск, он в течение навигации 1936 года выплачивал рабочим зарплату денежными суррогатами, так называемыми «чеками», по которым рабочие вынуждены были покупать только в магазине орса пристани. Последствия этого преступления были аналогичны последствиям уголовного деяния, за которое он осужден, т. е. недовольство рабочих.

Когда Идельчик был осужден по первому делу к 2 годам лишения свободы, бывший начальник управления ДДРП Голованов, ныне разоблаченный как враг народа, обратился со специальным отношением к ВТ коллегии Верховного суда СССР, в котором он, давая особо положительную оценку обвиняемому, просил обсудить возможность замены ему лишения свободы исправительно-трудовыми работами.

Ввиду мягкости наказания, а также ввиду неполноты предварительного и судебного следствия, полностью не расследовавшего характера преступных действий обвиняемого, Прокуратура считала необходимым приговор ВТ суда по этому делу отменить, направив дело для дополнительного расследования.

Воднотранспортная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила: приговор отменить и дело передать на новое рассмотрение со стадии предварительного расследования.

НЕОБЪЕКТИВНОСТЬ РАССЛЕДОВАНИЯ — НЕПРАВИЛЬНЫЙ ПРИГОВОР

Приговором народного суда Любечского района Черниговской области от 26 октября 1936 г., утвержденным 10 ноября 1936 г. УКК облсуда, старший рабочий сеноперевального пункта Заготзерно Можуга Семен Иванович был признан виновным в понуждении зависевших от него работниц пункта к половой связи и осужден по ст. 165 УК к полутора годам лишения свободы.

Прокуратура Союза опротестовала приговор по этому делу по следующим основаниям:

Как предварительное расследование, так и, в особенности, судебное следствие проведены были крайне неполно и односторонне. На суде были допрошены только потерпевшие, а вызванный в судебное заседание единственный свидетель, заведующий пунктом Власенко, не явившийся в суд по невыясненным причинам, несмотря на своевременное получение повестки, судом не был допрошен; ходатайство защиты об отложении дела было отклонено судом, а данное этим свидетелем на предварительном расследовании показание не было даже оглашено на суде.

Между тем самый характер предъявленного Можуге обвинения, когда уволенные за плохую работу спустя месяц после увольнения заявляют о якобы имевших место фактах понуждения, о которых они никому до того не рассказывали, требовал от органов расследования и суда особо осторожного подхода и тщательной проверки действительных взаимоотношений между обвиняемым и потерпевшими.

Следствие должно было путем опроса других рабочих и работниц сенопункта проверить, действительно ли Можуга, как утверждали заявительницы, приставал к работницам, допуская к работе только тех, кто соглашался вступить с ним в половую связь. Ведь если Можуга на самом деле не давал прохода ни одной женщине и уже на второй же день после приема на работу требовал сожительства под угрозой увольнения, то такое поведение не могло не быть известным окружающим.

Несмотря на категорическое заявление заведующего пунктом Власенко, что потерпевшие А. и Б. были уволены по его собственной инициативе, без всякого вмешательства Можуги, за плохую работу и лодырничество, следствие и суд не потрудились уточнить этот вопрос, а вопреки показаниям этого свидетеля приняли за доказанное голословное утверждение самих уволенных о том, что они уволены Можугой за отказ от вступления с ним в половую связь.

Суд игнорировал показание одной из «потерпевших» — А. О. о том, что инициаторша возбуждения этого дела, гр-ка А., после увольнения заявила ей о том, что она «за это Можугу подтянет».

Следствие и суд не сочли нужным, хотя бы путем опроса по этому поводу заведующего пунктом Власенко и других рабочих, проверить, кем и по каким причинам были переведены в другую бригаду «потерпевшие» гр-ка О. и гр-ка П.

В результате указанных пробелов и односторонности расследования и допущенного судом процессуального упрощения приговор оказался построенным только на голословных показаниях «потерпевших», которые, возможно, сводили счеты с обвиняемым за увольнение и требование хорошей работы.

Пленум Черниговского областного суда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил: приговор народного суда и определение КК отменить и дело направить на новое рассмотрение в тот же народный суд со стадии предварительного следствия.

НЕПРАВИЛЬНОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ ПЛОЩАДИ ЗА ВРЕМЕННЫМ ЖИЛЬЦОМ

Гр. Романов с женой в 1932 г. впустили к себе на площадь размером в 15 м временного жильца Андрееву.

18 июня 1935 г. Романов предъявил иск о выселении Андреевой.

11 июля народный суд отказал ему в иске на том основании, что единственным мотивом к выселению является нежелание Андреевой платить повышенную квартплату.

13 июля 1936 г. Романов с согласия домоуправления обменялся площадью с членом того же жакта Абакумовым.

После этого временный жилец Андреева, оставшаяся на прежней площади, предъявила иск о признании обмена комнатами между Романовым и Абакумовым недействительным и о выселении Абакумова.

Народный суд 17 августа 1936 г. удовлетворил этот иск.

Прокуратура Союза ССР, считая первое и второе решение суда неправильными, опротестовала их по следующим основаниям:

Народный суд 11 июля 1935 г. не вправе был отказать Романову в выселении временного жильца Андреевой. Такое судебное решение противоречит постановлению ВЦИК и СНК РСФСР «О временных жильцах» и инструкции НКЮ и НККХ от 27 января 1934 г.

Хотя суд, отказывая в выселении Андреевой, и не признал за ней самостоятельного права на площадь, однако, это решение было истолковано самой Андреевой и жактом в том смысле, что после судебного решения она является уже постоянным жильцом. Только этим можно объяснить то, что Абакумов и жакт не предъявили иска о выселении временного жильца Андреевой, обязанной на основании инструкции НКЮ и НККХ от 27 января 1934 г. выехать после выезда основного съемщика Романова.

Вместо этого Андреева, не имеющая права на занимаемую площадь, предъявила иск о выселении Абакумова, обменявшегося с ведомо жакта комнатами с Романовым (оба — жильцы одного дома).

Андреева права на иск не имеет, и суд должен был поэтому отказать ей в иске и дело производством прекратить.

Президиум Мосгорсуда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил: решение народного суда от 17 августа 1936 г. отменить и в иске Андреевой, за отсутствием права на иск, отказать.

ГРУБОЕ НАРУШЕНИЕ УСТАВА РЖСКТ

В 1927 году пайщик РЖСКТ «Новая Москва» Коробков В. С. получил, в соответствии с требованиями устава, квартиру № 6 в доме № 20 по Ленинградскому шоссе площадью в 49,90 кв. метров. Паенакопление Коробкова составляло к этому времени около 10.000 руб.

В отсутствие Коробкова жена его предоставила одну комнату площадью в 12 кв. м пайщику того же кооператива Капуцевскому.

В 1936 г. Коробков узнал, что правление РЖСКТ в июне 1932 г. закрепило эту площадь за Капуцевским с нарушением устава и прав Коробкова, не давшего согласия на изъятие у него площади.

В марте 1936 года Коробков опротестовал перед правлением РЖСКТ изъятие у него площади без его согласия.

11 мая 1936 г. правление РЖСКТ предложило Капуцевскому воздержаться от обмена спорной комнаты до разрешения дела в судебном порядке. Капуцевский, очевидно, намерен был обменять занимаемую им комнату в квартире Коробкова.

В июле 1936 года Коробков предъявил в нарсуде Ленинградского района г. Москвы иск к Капуцевскому и правлению РЖСКТ «Новая Москва» о восстановлении его права на спорную комнату и аннулировании закрепления ее за Капуцевским.

Истец предъявил суду выписку из протокола заседания правления РЖСКТ «Новая Москва» от 2 июня 1932 г. о закреплении за Капуцевским площади, занимаемой им в квартире № 6, принадлежащей Коробкову. Из этой выписки видно, что голоса членов правления поданы 3 за и 3 против предложения о закреплении площади за Капуцевским. Решения общего собрания пайщиков или собрания уполномоченных по этому вопросу не было.

Народный суд заслушал дело 23 июля 1936 г. Истец поддерживал свой иск, ответчик Капуцевский возражал против требования Коробкова, указав, что он является пайщиком того же кооператива с 1927 года, проживал в спорной комнате с женой и сыном с 1931 года, комната передана ему в 1932 году с согласия жены Коробкова.

Последняя на суде заявила, что она не имела полномочий от мужа на распоряжение площадью и паенакоплением.

Представитель РЖСКТ Виноградов объяснил суду, что Коробков из членов РЖСКТ не исключался, жена его, Коробкова, не член РЖСКТ и «не хозяйка этой площади», следовательно, распоряжаться ею не могла; протокол правления от 2 июня 1932 г. указывает, что закрепление площади за Капуцевским является вопросом «спорного порядка».

Суд решением от 23 июля 1936 г. иск Коробкова удовлетворил и аннулировал закрепление площади за Капуцевским.

Кассколлегия Мосгорсуда по жалобе ответчика 10 августа 1936 г. решение отменила и в иске Коробкову отказала на том основании, что он был в 1930 году осужден, следовательно, согласно § 16 устава РЖСКТ, он должен быть исключен из членов РЖСКТ; жена Коробкова переуступила одну из комнат члену РЖСКТ Капуцевскому, а правление эту переуступку санкционировало; истец четыре года не оспаривал правильности передачи площади Капуцевскому. Поэтому кассационная коллегия установила, что у суда не было оснований к удовлетворению иска.

Коробков обжаловал это определение в порядке надзора.

Прокуратура Союза опротестовала определение кассационной коллегии Мосгорсуда по следующим основаниям.

Никаких доказательств лишения Коробкова прав, приобретенных им по уставу РЖСКТ «Новая Москва» как пайщиком этого кооператива, в деле нет.

Представитель кооператива Виноградов на суде удостоверил, что Коробков из членов РЖСКТ не исключался.

Отсюда следует, что правление РЖСКТ не имело никакого права распоряжаться площадью своего пайщика. Поэтому постановление правления РЖСКТ от 2 июня 1932 г. является незаконным, грубо нарушающим устав РЖСКТ. К тому же это постановление ничтожно и по формальным основаниям, так как решение не получило большинства голосов.

Если бы даже Коробков был в порядке устава исключен из числа пайщиков, площадь была бы от него изъята и накопление возвращено, то и в этом случае право распоряжения изъятой площадью принадлежало бы РЖСКТ в лице общего собрания или собрания уполномоченных, а не правления РЖСКТ. Площадь в таком порядке у Коробкова не была изъята.

Кассационная коллегия Московского городского суда, отменяя решение народного суда и вынося по существу новое решение об отказе в иске Коробкову в признании за ним права, вытекающего из устава РЖСКТ, допустила существенное нарушение постановления 52 пленума Верховного суда СССР о строжайшем соблюдении норм гражданского процесса.

Поэтому решение кассационной коллегии не может быть оставлено в силе.

Президиум Московского городского суда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил: определение кассационной коллегии Московского городского суда от 10 августа 1936 г. отменить, оставив в силе решение народного суда от 23 июня 1936 г.

По союзным республикам

РСФСР

Обсуждение в Ростове-на-Дону судебно-прокурорскими работни- ками положения на правовом фронте

Рост кадров органов юстиции на периферии выражается, в частности, в усилении интереса к теоретической разработке проблем социалистического права. Не случайно поэтому актив работников прокуратуры и суда Азово-Черноморского края вынес решение о необходимости постановки особого доклада о положении на правовом фронте.

Прокуратурой Союза такой доклад в Ростове был организован в последних числах мая. Доклад был сделан т. Маньковским на тему: «Положение на правовом фронте». Большой интерес вызывают прения по этому докладу.

Выступавший в прениях Астафьев (старший помощник краевого прокурора, преподаватель правовой школы) отметил огромный отрыв научно-исследовательских учреждений от периферии. Это отражается как на росте кадров органов юстиции, так и на теоретической работе. Для того чтобы сблизить теорию с практикой, необходим, в частности, более тесный контакт практических и теоретических работников. Тов. Астафьев отмечает, что актив судебно-прокурорских работников проявляет большой интерес к положительной разработке вопросов социалистического права и к ликвидации вредительских теорий на правовом фронте.

Самокритика на правовом фронте, — отмечает т. Астафьев, — развивается очень медленно. До сих пор в печати опубликовано очень мало материалов о положении на правовом фронте.

Наиболее остро чувствуется на местах отсутствие учебников. Многие судебно-прокурорские работники хотят повысить свою квалификацию, но здесь встречаются огромные трудности из-за отсутствия учебников. Подготовка

учебников должна быть центральной задачей в работе научных институтов. Многие практические работники ведут преподавательскую работу в правовых школах, и отсутствие учебников сильно сказывается на уровне преподавания.

Тов. Астафьев, далее, обращает внимание на полное отсутствие учебных руководств по административному праву. Сейчас общий надзор является важнейшей задачей прокуратуры. В то же время теоретически эти вопросы не разрабатываются.

Тов. Астафьев в особенности обращает внимание теоретических работников на необходимость написания популярных учебников для правовых школ.

Тов. Малхазов (старший помощник краевого прокурора), ведущий преподавательскую работу в правовой школе, отмечает, что по настоящее время для многих судебных работников существует неясность по самым основным вопросам теории социалистического права. Поэтому сейчас необходимо сосредоточить усилия на положительной разработке основных проблем социалистического права. Необходимо основательно изучить отдельные институты социалистического права и конкретно показать на отдельных институтах, в чем же отличия формы советского права от буржуазного права.

И, прежде всего, необходимо дать четкий ответ на вопрос «Что такое право»? На работах Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина эту проблему необходимо осветить всесторонне. Разграничение между законом и правом также должно привлечь внимание теоретиков права. Сейчас большой интерес, — отмечает т. Малхазов, — приобретает вопрос о происхождении права. Разгром контрреволюционных, вредительских теорий должен сопровождаться положительной разработкой вопросов истории права. Нужно подробно осветить вопросы о предмете уголовного права, о вине, преступлении, соучастии и покушении.

Тов. Малхазов очень остро поставил вопрос о серьезных недочетах программ, в особенности программы для юридических школ.

Тов. Асриев (старший помощник краевого прокурора), являющийся также преподавателем юридических курсов, отмечает, что особенно неблагоприятно с учебниками по государственному праву. Здесь антимарксистские, вредительские теории особенно широко культивировались. Прорыв на этом участке правового фронта должен быть ликвидирован в возможно более короткие сроки, ибо дальше невозможно терпеть создавшееся положение с учебниками по государственному праву.

Дальше т. Асриев отмечает, что решающей задачей органов юстиции является укрепление социалистической законности, укрепление стабильности законов. С этой точки зрения и руководством судебно-прокурорских органов необходимо тщательно следить, чтобы издаваемые директивы и циркуляры укрепляли стабильность законов. Иногда в практике, — говорит т. Асриев, — имеют место случаи, когда постановления и циркуляры противоречат закону. Так, например, постановлением Верховного суда РСФСР по ст. 111 УК было предложено привлекать к ответственности только лиц, несущих административные обязанности. Такая установка противоречит понятию должностного лица в УК. В практике эта директива создала большие затруднения. В настоящее время эта директива НКЮ СССР отменена.

Тов. Асриев считает необходимым провести переподготовку преподавательского состава правовых школ. Для того чтобы избежать протаскивания чуждых нам взглядов в преподавании, нужно организовать хотя бы двухмесячные курсы в Москве, на которых подробно осветить основные проблемы социалистического права.

Тов. Лислин (председатель коллектива защитников из молодежи, студент-заочник) отмечает, что до сих пор в Ростове не было обсуждения вопросов, связанных с положением на правовом фронте. На настоящем собрании, главным образом, присутствуют только прокуроры и судьи, членов же коллегии защитников очень мало.

Мы очень мало работаем над повышением теоретического уровня работников адвокатуры. Крайне недостаточно используются даже имеющиеся у нас библиотечные фонды. В Ростове у нас много практических работников интересуется теоретической разработкой социалистического права. Однако до сих пор у нас не создана какая-либо организация, которая организовала бы и в Ростове разработку вопросов социалистического права.

Выступавшие далее в прениях работники краевого суда особенно подчеркивали необходимость поставить подготовку учебников в центр внимания научно-исследовательских институтов.

Таким образом, прения, несомненно, показали сильную тягу актива практических работников к изучению вопросов социалистического права. Несомненно, что для более тесной связи научных институтов с периферией можно было выдвинуть из местных работников непрактических работников в аспирантуру на научную работу. В частности, этот вопрос, имеющий огромное значение для расширения наших научных кадров, следует особо обсудить и принять необходимые практические меры.

Решающее внимание, как показали и прения, необходимо сейчас сосредоточить на под-

готовке учебников, и делом чести научных юридических институтов является выполнение этой высоко ответственной задачи.

С. С.

В Чувашской АССР неблагоприятно с революционной законностью

От крупной станции Казанской ж. д. Канаш до столицы Чувашии Чебоксары 80 километров. Машина быстро мчит нас по прекрасному шоссе (Чувашия славится своими дорогами). До революции шоссе не было, были пески, а осенью, в дождливое время — непролазная грязь. Сейчас по обеим сторонам шоссе фруктовые деревья, кустарники малины — в этом видна социалистическая забота о проезжающих и пешеходах по этому шоссе. Через полтора часа пути мы уже в Чебоксарах. За это время мы проехали по территории четырех районов Чувашии — Канашского, Шихизановского, Цивильского и Чебоксарского.

Эта географическая справка нужна для того, чтобы показать удобство расположения районов в Чувашии, что значительно облегчает руководство.

Только немногие районы далеко расположены от Чебоксар, а в большинстве они расположены в радиусе в среднем 40—50 км и расположены либо по шоссе, либо по Волге, либо по станциям железной дороги.

Если к этому прибавить, что всего районов в Чувашии 25, станет ясно, насколько облегчена возможность конкретного оперативного руководства периферией по сравнению с рядом краев и областей.

Однако Чувашская прокуратура и в этих крайне выгодных условиях не обеспечила руководства, не обеспечила оказания повседневной оперативной помощи районным прокурорам.

Руководством прокуратуры Чувашской АССР не была охвачена многогранная работа прокуратуры. Ни одна из обязательных функций прокурорской работы (общий надзор, судебный надзор, наблюдение за следствием, за делами, расследуемыми милицией, рассмотрение жалоб трудящихся и т. д.) не выполнялись сколько-нибудь удовлетворительно.

Введение Сталинской Конституции, поставившей вопрос о строжайшем соблюдении социалистической законности на исключительно большую принципиальную высоту, застало прокуратуру Чувашии не подготовленной к выполнению возложенных на нее задач.

Основное условие для успешной работы — это надежные кадры.

Судя по состоянию работы и кадров в районах, вопросу подготовки и воспитания этих кадров уделялось недостаточно внимания.

Положительным безусловно следует считать тот факт, что подавляющее большинство районных прокуроров, так же как и работников центрального аппарата, по национальности чуваша, могут вести работу на своем языке и хорошо знают местные условия. Некоторая часть работников окончила вузы, другие — заочники Московского и Казанского правовых институтов и др.

Ряд прокуроров Чувашии достаточно подготовлен для ответственной прокурорской работы.

Однако отсутствие умелого оперативного руководства привело к провалу работы ряда районных прокуроров, которые при ином руководстве могли бы справиться с работой.

Прокурор Канашского района т. Рыков из-за отсутствия руководства провалил работу районной прокуратуры на важнейших участках. В Канаше шло в течение 1936—1937 гг. исключительно дерзкое разворовывание социалистической собственности в торгующих организациях. Достаточно сказать, что за 1936 г. и первый квартал 1937 г. выявлено было 100 случаев растрат и недостач, на общую сумму 300 тыс. руб.; растратчики свободно продолжали расширять социалистическую собственность, так как в большинстве случаев материалы о них в прокуратуру не передавались из-за явного попустительства руководства Канашторга и бухгалтеров этой системы, очевидно, действовавших заодно.

На 15 апреля 1937 г. остались не переданными в следственные органы 44 материала на растратчиков, растраты которых были выявлены на 1 января 1937 г., а растратчики оставались в большинстве на работе.

Часть материалов, которая была передана в прокуратуру, мариновалась у следователей. Если бы было конкретное руководство Чувашской прокуратуры, не было бы такого положения.

В то же время нагрузка следователя в Канашском районе была крайне низка. Следователь Воскресенский в среднем расследовал в течение 1936 г. 2—3 дела в месяц. Наблюдения за делами, ведущимися следователями и милицией, не было. Судебный надзор отсутствовал. В суде не рассмотренными на 25 апреля находилось около 200 дел; из них много дел о взыскании алиментов лежит в суде, ожидая рассмотрения в течение нескольких месяцев; лежали уголовные дела, имевшие большое общественное значение. А прокуратура бездействовала.

Нарсудья Канашского района Иванов рассмотрел в гражданском порядке дело по иску Чувашкиностреста на сумму 5240 руб. к Юрьеву, в то время как здесь были все признаки растраты.

В чем же дело, в чем корень такой снисходительности, проявленной к Юрьеву нарсудьей Ивановым? Юрьев — ответчик по указанному делу — не впервые пользовался всякими поблажками в судах и прокуратуре Чувашской АССР.

Юрьев в Чувашии стал до некоторой степени знаменитостью. По количеству судимостей вряд ли кто его из уголовного мира перецеполял. Он к 1 января 1937 г. имел зарегистрированных 19 судимостей (в разных районах Чувашской АССР), но, несмотря на то что он злостный хулиган и растратчик, все дела о нем смазывались и заканчивались для него вполне благополучно. В чем же состоял секрет неуязвимости Юрьева? Юрьев — брат члена бюро обкома ВКП(б) Чувашии.

Рассмотрение «гражданского» дела Юрьева в нарсуде Канашского района окончилось полной дискредитацией нарсуда.

Само рассмотрение дела было по предложению Юрьева перенесено из зала суда в... каби-

нет ответчика (вернее, растратчика) Юрьева, так как у него в кабинете теплее, чем в зале суда.

Все эти безобразия происходили в Канашском районе при нынешнем райпрокуроре Рыкове и при его предшественнике Лермонтове.

Как же реагировала на это прокуратура Чувашской АССР? Прокуроры из Чебоксар заезжали в Канашскую райпрокуратуру только проездом, задерживаясь на час-другой в ожидании поезда и работой не интересовались.

Впрочем, в подхалимстве и угодничестве, имевшем место по делу рецидивиста Юрьева, повинны больше всего работники Верховного суда и прокуратуры Чувашской АССР, систематически замазывавшие уголовные дела Юрьева.

О каком же большевистском воспитании кадров суда и прокуратуры со стороны прокуратуры и Верховного суда Чувашской АССР могла быть речь при этих условиях?

На примере работы прокурора Шумерлинского района т. Алексеева можно также видеть крайнюю неудовлетворительность руководства прокуратуры Чувашской АССР своей периферией.

Прокурор Шумерлинского района т. Алексеев по своему культурному и политическому уровню и правовым знаниям вполне пригоден для своей работы, но в 1936 г. работа у него шла значительно хуже, чем в 1935 г., когда он был прокурором другого района (Батыревского). В 1935 г. т. Алексеев имел значительные достижения по работе с активом: группы содействия прокуратуре были организованы им во всех колхозах, и прокуратура получала от актива много сигналов, по которым велась оперативная работа. Тов. Алексеев неплохо боролся за охрану социалистической собственности, участвовал по большинству дел в подготовительном заседании суда и т. д.

Тов. Алексеев довел до конца уголовное дело о допускавшем незаконные обыски и аресты председателе сельсовета Ярзутове, вопреки сопротивлению сестры обвиняемого Ярзутова — секретаря РК партии Разумовой. Однако бывшее руководство прокуратуры Чувашской АССР (т. Назаров) не поддержало райпрокурора т. Алексеева, вопроса о поведении секретаря РК Разумовой не поставило перед обкомом партии, и она осталась безнаказанной. Не получив должной поддержки и оставаясь бесконтрольным, т. Алексеев в другом районе сам поддавался нездоровым местным влияниям, смазав ряд важных уголовных дел.

Тов. Алексеев, как оказалось, последнее время болел, но прокуратура Чувашской АССР также не помогла ему, и все это повлияло на его работу.

При повседневном оперативном руководстве, внимании к своим кадрам т. Алексеев безусловно работал бы гораздо лучше.

Нарушения социалистической законности происходили во многих районах Чувашской АССР в течение 1936 и 1937 гг.

Контрреволюционные троцкистские и кулацкие элементы, пробравшиеся в правления колхозов и сельсоветов, допускали грубейшие нарушения социалистической законности с явной целью дискредитации советской власти. Председатель Тимерчевского сельсовета Ибресинского района Кузьмин, оказавшийся троцкистом, в июле 1935 г. избил в канцелярии сель-

совета гр-на Михайлова, а в феврале 1936 г. Абрамова Федора.

Кузьмин, будучи председателем сельсовета, вел среди граждан фашистскую контрреволюционную агитацию против колхозного строительства. Однако дело это было прекращено бывшим прокурором Чувашской АССР вследствие отсутствия большевистской бдительности и политической заостренности в борьбе с классовыми врагами. Дело это было возобновлено, и в настоящее время Кузьмин Специальной коллегией осужден по ч. 2 ст.ст. 58¹⁰ и 110 УК.

Незаконные аресты, обыски, штрафы, изъятия имущества, незаконные исключения из колхозов и т. д. — такие факты имелись почти во всех районах, но борьба с этими безобразиями до вмешательства Бюро КПК при ЦК ВКП(б), Прокуратуры Союза ССР и РСФСР была весьма слаба.

Ряд дел об избитиях граждан должностными лицами прекращался прокуратурой Чувашии и этим демобилизовывали районных прокуроров в их работе по борьбе с нарушениями революционной законности.

В некоторых районах, грубо администрируя, сельсоветы забирали у единоличников паспорта на лошадей с целью пренятствовать продаже единоличниками своих лошадей.

Прокуратура Чувашии проходила мимо всех этих беззаконий.

Работники руководящих районных организаций в Чувашии в ряде случаев не вели никакой борьбы с нарушениями социалистической законности и нередко становились на путь прямой защиты нарушителей советских законов, не получая отпора от работников прокуратуры.

Исключительно грубые нарушения революционной законности производились в течение 1936 г. в Траковском районе рядом председателей сельсоветов и правлений колхозов. В Траковском районе был привлечен к уголовной ответственности и предан суду председатель Мартын-Кассинского сельсовета Степанов.

Степанов обвинялся в производстве незаконных обысков, незаконных арестов и в избитиях.

Районные организации должны были принять меры к самой широкой популяризации процесса для того, чтобы на этом примере показать, как советская власть поступает с нарушителями социалистической законности.

Председатель рика Липатов по-другому понял свои задачи: он выступил в этом судебном процессе в качестве... общественного защитника (!!). И народный суд Траковского района вынес очень мягкий приговор, впоследствии отмененный.

А что же дальше? Когда Липатов отзывался из района, как несправившийся с работой председателя рика, кандидатура этого же Липатова выдвигалась прокурором Чувашской АССР т. Эпифановым на должность... райпрокурора.

Живое руководство Чувашской прокуратуры своей периферией слабо.

В 1937 г. руководство прокуратуры Чувашской АССР своей периферией несколько оживилось, главным образом, в части выездов на места, в районы. Это безусловно факт весьма положительный, но и эту работу сумели за

бюрократить. Достаточно сказать, что ни одно из больших проведенных обследований (Алатырский р., Козловский, Шилеевский и др.) не сопровождалось выездами в сельсоветы и колхозы. Приезжавшие товарищи ограничивали свою задачу собиранием материалов в районном центре. Насколько было бы полезнее, если бы они вместе с райпрокурором выехали в сельский совет и колхоз для приема жалоб непосредственно на месте, провели собрания в колхозе для разъяснения устава сельскохозяйственной артели и Сталинской Конституции, проверили протокольные постановления президиумов сельсоветов и правлений колхозов и тут же опротестовали незаконные.

Еще больший бюрократизм проявлялся в так называемом письменном руководстве.

В центральный аппарат прокуратуры из районов поступает много материалов в виде специальных сообщений и статистических отчетов. По этому материалу, содержащему богатую сигнализацию о работе прокуроров, о состоянии революционной законности в районах, можно было развернуть большую оперативную работу, но в аппарате Чувашской прокуратуры (в одной ли прокуратуре Чувашской АССР?) предпочитали иное: все статистические отчеты и специальные сообщения обрабатывались для соответствующей обязательной информации в центр, а затем в большинстве «подшивались к делу», а райпрокурорам, как правило, никаких ответов, никаких замечаний, никаких указаний по этим информациям не давалось. Прокурор республики и его заместитель, начальники отделов проходили мимо ценнейшей информации, получаемой с мест. В аппарате Чувашской прокуратуры все это дело передано «на откуп» заведующему информчастью, совершенно оторванному от оперативной работы.

Если бы руководство прокуратуры Чувашской АССР знакомилось с получаемой от райпрокуроров статистической отчетностью, то нельзя было бы пройти, например, мимо таких фактов, когда в Шихизановском районе, крайне неблагоприятном по состоянию в нем революционной законности в 1936 г., в среднем в прокуратуру поступало только 42 жалобы в месяц, в Ишевском районе — 38 жалоб в месяц, в Адиковском районе — 55 жалоб, в Чебоксарском — 70 жалоб и т. д. Такое малое количество жалоб говорит о крайней непопулярности прокуратуры в этих районах. И в самом деле, может ли быть популярным, например, прокурор Чебоксарского района Ефремов, который прошел мимо такого факта, когда «справедливо жаловавшаяся в президиум рика единоличница Александрова на превышение власти со стороны председателя сельсовета, сама вместо помощи подверглась оскорблению со стороны председателя рика Федорова, а райпрокурор Ефремов не посчитал нужным поставить вопрос о председателе рика Федорове и прошел мимо беззакония, допущенного в отношении Александровой.

Чебоксарский район — самый близкий к центру район, но руки прокурора Чувашской АССР оказываются еще более короткими.

Получаемая из районов статистическая отчетность могла бы напомнить руководству прокуратуры Чувашии о крайнем неблагоприятии с суднадзорной работой.

В большинстве районов процент участия в подготовительных заседаниях суда низок, а выступления в суде первой инстанции насчитываются единицами.

Под предлогом недостатка работников и выездов в командировки полностью заброшена суднадзорная работа и в аппарате прокуратуры Чувашской АССР. При изучении 40 дел по ч. 2 ст. 110 УК, несмотря на всю их серьезность, установлено участие прокуратуры только по 10% этих дел.

Нежелание ставить надлежащим образом суднадзорную работу говорит о полном игнорировании неоднократных указаний Прокуратуры Союза и РСФСР.

Хотя подавляющее большинство районов имеет в Чувашии сельскохозяйственное значение, районные прокуроры не ориентируются руководством прокуратуры Чувашской АССР по вопросам, связанным с сельским хозяйством.

В специальном сообщении от 31 января 1937 г. прокурор Алатырского района Кормачев откровенно признался: «Какой-либо работы по проверке Сталинского устава сельхозартели не проводил и данными по этому вопросу не располагаю».

Руководство прокуратуры Чувашской АССР приняло это сообщение как должное и на него не реагировало, как и не реагировало вообще на все информации, поступающие с периферии.

В колхозе Мариосадского района исключены были 10 колхозниц, имевших по 200—300 трудодней, только потому, что мужья их рабочие железнодорожного транспорта и в колхозе не работают.

После разъяснения общему собранию колхоза эти колхозницы были единогласно приняты обратно в колхоз. А все это происходило в колхозе, отстоящем в трех км от районного центра.

В большинстве случаев отсутствует живая связь с сельским активом, а в некоторых случаях проявляется прямой бюрократизм во взаимоотношениях райпрокуроров со своим активом.

Вот пример. Член группы содействия прокуратуре при Стемасском сельсовете Тютюкин дважды сообщал прокурору Алатырского района о безобразиях в колхозе, но письма его, которые должны были внушить большую тревогу, на прокурора Алатырского района т. Кормачева никакого впечатления не производили. Он их оставлял без ответа.

Член группы содействия прокуратуре т. Тютюкин 9 февраля писал:

«Товарищ прокурор, я прошу быстрее расследовать дело нашей МТФ, скот продолжает падать, падеж происходит больше всего молодого скота от 1 г. до 2 лет, мясо продается колхозникам по 3 руб. кг. Никакого врачебного заключения на то, что мясо пригодно для пищи, не имеется, мясо продается не клейменным. По моему это — нарушение, поэтому и сообщая Вам».

Второй раз, 1 марта 1937 г., он же пишет:

«Райпрокурору Алатырского района. Сводка. Настоящим сообщая, что пред. колхоза «Путь Ильича» Плигускин занимается явно хулиганскими отношениями к членам колхоза, о чем я уже много сообщал начальнику РСМ, но мер к нему никто не принимает. Плигускин

много колхозников выкидал за грудь из правления, обзывает всякими словами, но до сего времени не наказан. Я вам сообщал о вредительстве на нашей МТФ, я узнал еще о таких явлениях: наше правление купило большое количество центнеров свеклы и картофеля для колхозной МТФ, но разделило между собой, а колхозный скот продолжает падать; на 1 марта 1937 г. пало телят 14 штук, коров 12 штук. Падеж продолжает происходить».

Эти сигналы требовали немедленного выезда на место и принятия решительных мер, но прокурор Алатырского района до обследования никаких мер по этим сигналам не принял и ответа Тютюкину не дал.

8 марта 1937 г. членом группы содействия прокуратуре при Айбесинском лесопункте Мадуровым было сообщено прокурору о злоупотреблениях лесника 53 обхода; также меры не приняты и сигнал остался без реагирования.

Такое отношение к сигналам актива глушит его инициативу и лишает прокурора надежнейших шпальцев для того, чтобы во-время быть осведомленным о творящихся нарушениях революционной законности.

Это привело к тому, что, например, в Ишле-евском районе за весь 1936 г. и 2 мес. 1937 г. от 18 групп содействия прокуратуре поступило только 27 сигналов.

Таковы серьезнейшие недочеты работы Чувашской прокуратуры. Эти недочеты имеют решительно во всех областях работы.

Работники Чувашской прокуратуры на своем оперативном совещании были единодушны в своем желании их исправить.

Мы ждем этого. Они должны их исправить, они должны добиться быстрого и радикального улучшения качества своей работы.

Ростовский.

Штрафные восторги в трех районах Оренбургской области

Устами великого Сталина провозглашено, что человек — самый ценный капитал.

«Человек — это звучит гордо», писал Максим Горький.

Партия и правительство требуют чуткого, внимательного отношения к жалобам трудящихся. Однако не везде выполнение этих требований, продиктованных величайшим документом нашей эпохи — Конституцией, поставлено в повседневную практику обслуживания рабочих и колхозников.

«Мы изучаем Конституцию», говорят, например, в Халилове, Кувандыке, Ново-Орске районные руководители.

Качество такого «изучения» достаточно исчерпывающе иллюстрируют нижеприведенные факты районной действительности.

10 ноября 1936 г. Халиловский РИК издал обязательное постановление «О введении местных налогов и сборов на 1937 г.», взятое им из аналогичного постановления облисполкома, причем на последней странице этого постановления (п. 4) записал: «Возложить на районного прокурора и райфо наблюдение за недопущением налоговотворчества на местах». Превращая прокурора в отдел РИК, председатель РИК т. Малышев полагал, что принципы, изло-

женные в ст. 121 Конституции РСФСР, он не нарушает.

А вот другой образец понимания советской демократии. Президиум Халиловского РИК 27 января 1936 г. постановил (п. 5): «Указать председателям колхозов «Красный Флот» т. Смолинскому и «Заветы Ильича» т. Булякову, что если ими не будут приняты меры к удалению отходов из зернохранилища, то к ним будут приняты меры партийного взыскания».

А на этом президиуме присутствовали секретарь РК ВКП(б) т. Кауров и прокурор района т. Рулев.

Человек в Халилове вообще не всегда в почете.

Вот жалоба рабочего магnezитового завода (вставшего по вине горе-хозяйственников на консервацию при наличии невывезенного со ст. Халилово сырья) Игнатъева, которого (дело № 21 от 27 февраля 1937 г.) районное отделение милиции оштрафовало на 100 руб. за «порватый паспорт», как записано в постановлении начальника районного отделения милиции. В действительности же паспорт был без особых следов «порватости», выражаясь языком районного отделения милиции.

В Кувандыке коচেга ра кирпичного завода Сорокина районное отделение милиции оштрафовало на 50 руб. за то, что он был подобран пьяным, валяющимся в канаве. Сорокин ни разу не подвергался административным взысканиям, получает 150 руб. в месяц.

Гр. Замыга А. С. зарплату получает 100 руб., колхозник, административным взысканиям не подвергался, был оштрафован Кувандыкским районным отделением милиции на 50 руб. «за систематическое пьянство».

Гр. Машкова Анна за продажу одной дамской шапочки ценою в 5 руб. была оштрафована той же милицией на 25 руб. При задержании она объяснила, что вышла продавать по нужде, так как у нее не было денег и дома большой ребенок.

В Ново-Орске милиция штрафует на 20 руб. (д. № 6 1936 г.) гр. Сиротину из колхоза «Красная Пресня», родившуюся в 1920 г., за то, что она не получила паспорт.

Интересны цифры взысканных штрафов за 1936 г., которые не могут быть охарактеризованы иначе как штрафованием в худшем смысле слова.

В Кувандыкском районе с 500 нарушителей взыскано 32 495 руб. штрафа, или, примерно, 60 руб. на одного нарушителя в год; по Халиловскому району — 15 413 руб. с 300 нарушителей, наконец, по Ново-Орскому району с 370 нарушителей — 11 960 руб., или в среднем 32 руб. с каждого оштрафованного.

«Ну и что ж, ведь не кому-либо, а государству доход», так рассуждают ретивые представители районной власти.

А государство щедрой рукой снабжает семенами все районы нашей области, и все колхозники с великой радостью воспринимают эту заботу о людях и, гордые сознанием, с большевистской энергией борются за повышение урожайности для великой нашей родины.

Не будем приводить других фактов грубейшего произвола, нетерпимого администрирования по отношению председателей колхозов («обязать», «предложить», «предупредить»,

«объявить выговор» и т. п. — обычный стиль протоколов указанных РИК), нарушений советской демократии, чем особенно грешит и Ново-Орский РИК (председатель РИК т. Кузнецов), ибо и приведенные факты в достаточной мере говорят о том, что ленинский закон: «соблюдать свято законы и предписания советской власти и следить за исполнением их всеми» некоторыми районами еще не усвоен. Связь с избирателями со стороны работников РИК в большинстве районов недостаточна, а без этой связи нет и гарантий от классовых извращений.

Товарищи из указанных выше районов забывают, что «малейшее беззаконие, малейшее нарушение советского порядка есть уже дыра, которую немедленно используют враги трудящихся» (Ленин).

Н. Порай-Кошиц

Довольно ротозейства

Колхозы Оренбургской области имеют большую дебиторскую задолженность.

Органы прокуратуры должны оказывать колхозам содействие в ликвидации этой задолженности путем предъявления в порядке ст. 2 ГПК исков к должникам колхозов, наблюдения за своевременностью уплаты по исполнительным листам и, наконец, привлечения злостных неплательщиков к уголовной ответственности.

Усилиями Оренбургской облпрокуратуры в конце прошлого года дебиторская задолженность колхозам была снижена более чем на 50% (на 1 октября 1936 г. задолженность колхозам заготовительных организаций области исчислялась в 762 тыс. руб., на 21 декабря 1936 г. эта задолженность снизилась до 396 тыс. руб.).

Однако в дальнейшем задолженность опять выросла, что заставляет нас задеть тревогу и поставить вопрос о решительном усилении работы по ликвидации дебиторской задолженности.

Для иллюстрации этого тревожного явления с ростом задолженности колхозам мы приводим следующие данные.

Районы	По состоянию на 1. X 1936 г.	На 1 января 1937 г.
Покровский	41 925	137 356
Краснохолмский	77 408	186 600
Кичкасский	63 649	92 181
Илекский	105 955	113 025
Белозерский	94 241	133 806
Каширинский	95 162	161 000
Оренбургский	159 315	251 000

Таким образом лишь по 8 районам задолженность выросла на ½ млн. руб.

О чем говорят эти цифры? Они свидетельствуют о полном бездействии райпрокуроров, которые, очевидно, совершенно упустили из своей повседневной практики эту работу.

С этим надо как можно скорее покончить. Неплатеж колхозам следующих им сумм ведет к подрыву их финансового состояния, ослаблению их хозяйственной деятельности. Из

этого и должны исходить органы прокуратуры в работе по ликвидации задолженности колхозам.

Февральский процесс над работниками Александровского района — Лощинным, Войтович и Прокофьевым — должен послужить серьезным предупреждением всем тем «горе-руководителям», которые, оторвавшись от колхозных масс, распорядились добром, как им вздумалось!

Колхозное добро нужно беречь как материальную основу жизни и быта колхозников! Райпрокуроры должны сделать соответствующие оргвыводы и для себя.

Расхлябанности и ротозейству нужно положить конец!

Н.

Судебная работа райпрокурора Сталинградского края

По структуре нашего состязательного процесса громадное значение уделено прокурору как государственному обвинителю в судебном процессе. На основании ст. 319 УПК приговор суда должен опираться исключительно на доказательства, рассмотренные в судебном заседании, а материал, добытый при расследовании и не проверенный непосредственно в судебном заседании, остается мертвым, неиспользованным грузом. Это первостепенное значение прокурора как стороны в судебном процессе почти полностью забыто райпрокурорами Сталинградской области.

Если сделать точный учет распределения рабочего времени райпрокуроров Сталинградской области, то получается, что большую часть своего рабочего времени райпрокуроры затрачивают на рассмотрение всевозможных жалоб и выслушивание жалобщиков; довольно много времени отнимает у райпрокурора разрешение текущих оперативных вопросов, связанных с расследованием дел и, наконец, на третьем месте — судебная работа.

Такое распределение рабочего времени вряд ли целесообразно, так как большинство жалоб поступает в связи с неправильными судебными приговорами и решениями, и активное участие райпрокурора в суде, подняв качество судебной работы, снизило бы количество жалоб. Следует учесть еще и то, что небольшая доля рабочего времени, уделяемая райпрокурорами судебной работе в целом ряде районов, снижается до совершенно незначительных размеров. В Сталинградской области райпрокуроры вовсе забыли о своей роли как государственных обвинителей в судебном процессе. В Городищенском районе райпрокурор ни разу не выступил в суде ни в IV квартале 1936 г., ни в I квартале 1937 г. В течение I квартала этого года райпрокуроры Кайсацкого, Калачевского, Ворошиловского, Красноярского, Молотовского, Ново-Николаевского и Харабалинского районов ни разу не выступали в качестве обвинителей.

Без особого труда можно пойти в Сталинградской области райпрокурора, который годами ничего не делал по линии судебной работы как, например, прокурор Сиротинского района Зацепин, который весь 1936 г. только один раз выступил в суде, а за всю свою

прокурорскую работу (продолжающуюся два года) только два раза выступал в суде государственным обвинителем.

Такое состояние судебной работы райпрокуроров, наряду с острым недостатком кадров Сталинградской области, объясняется и недооценкой работы по руководству райпрокуратурами со стороны областной прокуратуры.

За четыре месяца 1937 г. на производственном совещании областной прокуратуры стоял только один раз доклад райпрокурора. Это значит, что за текущий год перед областной прокуратурой в своей работе отчитывался только один раз один райпрокурор.

Выводы из этого напрашиваются сами собой.

Пименов.

ТУРКМЕНСКАЯ ССР

Гражданские дела в туркменских судах

Сталинская Конституция обеспечивает трудящимся Советского союза защиту и охрану их имущественных прав, зафиксированных в ст. 10 Конституции. «Право личной собственности граждан на их трудовые доходы и сбережения, на жилой дом и подсобное домашнее хозяйство, на предметы домашнего хозяйства и обихода, на предметы личного потребления и удобства, равно как право наследования личной собственности граждан — охраняются законом».

Для последовательной защиты этих прав трудящихся необходимы четкая работа суда и прокуратуры, точное соблюдение ими социалистической законности и основного закона нашей страны — Сталинской Конституции.

Упрощенство в работе суда, игнорирование норм материального и процессуального права, осужденные 52 пленумом Верховного суда СССР и всесоюзным декабрьским совещанием цивилистов, сейчас особенно нетерпимы и требуют решительного искоренения из судебной практики.

К сожалению, надо признать, что работа судов по разбору гражданских дел страдает многими из перечисленных недостатков, мимо них часто проходят вышестоящие судебные и прокурорские органы, не придавая им должного значения. Это можно, в частности, проиллюстрировать на ряде примеров из практики туркменских народных судов и Верховного суда ТССР в области рассмотрения гражданских дел.

Основное требование процесса заключается в том, что без вызова сторон дело не может быть заслушано. Статьи 66, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74 ГПК РСФСР и соответствующие статьи ГПК союзных республик посвящены порядку вызова в суд и вручения повесток.

Статьи 97, 98, 100 ГПК РСФСР и соответствующие статьи ГПК союзных республик

обязывают суд до начала судебного заседания проверять причину неявки вызванных в суд лиц, обсудить возможность слушания дела в отсутствие неявившей стороны. Таким образом, действующие процессуальные нормы содержат достаточно гарантий, обеспечивающих сторонам разбор дела с предварительным их вызовом в судебное заседание. В практике же народных судов Туркмении эти нормы нередко нарушаются. По ряду дел установлено, что дела разбирались в отсутствие стороны, которой повестка не была вручена (д. № 720 горкомхоза с Вялкиной, дело Барклай и Туркменантекоуправления и др.). По многим делам нельзя вовсе установить, посылались ли и вручены ли повестки сторонам (дело завода «Красный металлист» с Сахаровой № 470; дело Милославского с Андриановым № 714; дело Главхлеба к Яблонскому и др. № 759).

Приведем ниже ряд примеров, показывающих работу судов Туркмении.

Дело по иску Тихоновой к Березовскому и по иску Березовского к Тихоновой (народный суд г. Ашхабада) разбиралось в 1935—1936 гг. 4 раза в народном суде, 1 раз в президиуме Верховного суда и 1 раз в пленуме Верховного суда Туркмении.

Содержание этого дела очень несложное, и больше одного-двух судебных заседаний не потребовалось бы, чтобы его окончательно разрешить. Тихонова приобрела дом у одного частного домовладельца. В этом доме проживал Березовский, которого Тихонова решила выжить. Начала она с того, что закрыла единственную дверь из комнаты, заставив Березовского лезть через окно. Дело по иску Березовского об открытии двери и дело Тихоновой к Березовскому о выселении рассматривались 4 раза в народном суде как отдельные самостоятельные иски. Первый раз, 2 сентября 1935 г., заслушаны были в один и тот же день и час в одном народном суде эти два дела как совершенно самостоятельные. Народный суд удовлетворил одновременно два взаимно исключающих друг друга иска. Народный суд по иску Березовского обязал Тихонову открыть дверь, а по иску Тихоновой решил выселить Березовского. Единственным мотивом для выселения Березовского послужило то, что Тихоновой необходима его комната. Ст. 169 Гражданского кодекса, гарантирующая Березовскому право продления своего договора с новым владельцем дома, была игнорирована не только народным судом, но и Верховным судом, разбивавшим это дело. Народный суд рассматривал этот спор по четырем самостоятельным и последовательно возбужденным делам, вместо того чтобы добиться выполнения своего первого решения. По протесту Прокуратуры СССР это дело рассмотрено было судебной надзорной коллегией Верховного суда СССР, которая, отменив все судебные решения, указала Верховному суду Туркмении на «грубые нарушения норм материального и процессуального права», допущенные судом ТССР.

Не менее любопытно дело по иску Пурсиан Куре-оглы к Чолык Мелеханову и Сеюн Атаеву о возмещении убытков (нарсуд 15 уч. Каахкинского р-на).

У Пурсиан Куре-оглы в 1933 году за неуплату налога и штрафа было описано и изъ-

ято имущество, оцененное в 400 руб. Опись и изъятие имущества производил председатель сельсовета Сеюн Атаев совместно с Чолык Мелехановым по поручению райфинотдела.

Органы НКФ признали обложение Пурсиан Куре-оглы правильным.

Спустя три года он уплачивает налог и штраф и предъявляет к Сеюн Атаеву и Чолык Мелеханову иск о возврате имущества на том основании, что они часть имущества, изъятую у него за недоимку по налогам, присвоили себе. Несмотря на то что дело это не подлежало судебному рассмотрению и могло быть разрешено лишь по линии финансовых органов, судебные инстанции Туркмении вплоть до пленума Верховного суда рассматривали это дело и решили взыскать с указанных ответчиков в пользу Пурсиан Куре-оглы 2200 руб., причем пленум Верховного суда дважды подряд, не передавая на новое рассмотрение, разбирал это дело.

Особого внимания заслуживает деятельность гражданской коллегии Верховного суда Туркмении.

Гр-ка Варенова продала свой дом в Ашхабаде Сомову. Через несколько дней Сомов предъявил иск о расторжении договора купли-продажи на том основании, что Варенова его обманула, отказываясь предоставить комнату, обещанную при покупке дома.

Народный суд удовлетворил иск, расторгнул договор и обязал Варенову вернуть Сомову 5985 руб.

ГКК Верховного суда в определении об оставлении в силе решения народного суда указывает, что суммы, присужденные с Вареновой, могут быть взысканы также и с матери Вареновой, не привлеченной даже к этому делу.

После такого определения Верховного суда неудивительно, что народный суд вынес по этому делу в порядке ст. 181 ГКК дополнительное решение о том, что до взыскания с Вареновых 5985 руб. надлежит вселить Сомова к Вареновым.

Приведем еще пару примеров.

ГКК Верховного суда, отменяя решения народных судов и передавая дела на новое рассмотрение, либо вовсе не дает указаний народному суду, либо дает явно неправильные и даже незаконные указания, как например в делах гостеатра к Богдасарову или Горшко-ва с Вялкиной.

В деле гостеатра с Богдасаровым о выселении народный суд удовлетворил иск и решил выселить Богдасарова. Это решение было явно неправильным, потому что Богдасаров жил в доме частного владельца Морозовой и платил ей за квартиру по ставкам горсовета. Морозова не выселяла Богдасарова. Но театр, у которого раньше работал Богдасаров и который платил за него одно время Морозовой по 100 руб. в месяц, решил выселить его на том основании, что Богдасаров не работает больше в театре. ГКК Верховного суда правильно поступила, отменяя решение суда. Однако, мотивы, приведенные в определении, явно незаконны. Верховный суд указал, что при новом рассмотрении суду надлежит привлечь к делу домовладелицу Морозову, «которой не безразлично получение большей или меньшей квартиплаты». Этим определением Верховный суд подкашивает Морозову, что она может

получать с Богдасарова спекулятивную квартплату, и одновременно толкает суд на нарушение ст. 116 ГК.

Не менее любопытно определение ГКК Верховного суда по делу горкомхоза с Вялкиной о признании дома бесхозным. Народный суд рассмотрел это дело, не вручив даже ответчику повестки. ГКК, вместо того чтобы обратить внимание народного суда на это грубое процессуальное нарушение, дает суду единственное указание: «проверить социальное происхождение».

От гражданской коллегии не отстает и президиум Верховного суда. Там установился своеобразный «семейный» порядок внесения протестов в порядке надзора.

По ряду рассмотренных прокуратурой в порядке надзора дел, внесенных председателем суда, отсутствуют протесты, что заставляет сделать вывод, что дела эти внесены в президиум без всякого протеста, либо на основе жалобы одной из сторон, либо по устному распоряжению председателя (дела: Хачатуровой с Туркменнефтью, Шулейко с Афанасьевым, управления ГВФ с Виноградовым, Ерошенко к Ветуправлению НКЗ, Винзавода № 1 к Вавинову).

Нередко президиум или пленум рассматривают одно и то же дело по два и три раза подряд, не передавая дела на новое рассмотрение и отменяя свои собственные решения.

Упрощенный порядок разбора дел в туркменских судах приводит к тому, что, например, в деле Лозового к Горшкову, после того как иск Лозового был удовлетворен народным судом и утвержден ГКК Верхсуда, по записке председателя ГКК Верхсуда народный судья вторично рассматривает это дело и выносит новое решение.

ГКК Верхсуда по делу Хачатуровой 14 декабря выносит одно определение, а через два дня, 16 декабря, сама себя исправляет и выносит новое, диаметрально противоположное решение.

Наряду с перечисленными нарушениями норм материального и процессуального права, в практике судов Туркмении отмечаются и другие процессуальные нарушения: неправильное и явно небрежное ведение протоколов судебных заседаний; допущение представителей сторон без проверки их полномочий и при отсутствии полномочий; отсутствие подписей народных заседателей на судебных решениях и т. п.

Для полноты картины необходимо добавить, что в судах Туркмении имеют место потери судебных дел (дело Данто, дело Хачатуровой, дело Красноводского горкомхоза с Измайловой), что свидетельствует о ненадежности и слабости работы канцелярии суда.

Приведенные нами примеры дают основание для того, чтобы сделать некоторые обобщения и выводы о работе туркменских судов по гражданским делам.

Совершенно очевидно, что, начиная с Верховного суда Туркмении и кончая некоторыми народными судами, решения 52 пленума Верховного суда СССР о строгом соблюдении процессуальных норм не проводятся в жизнь и нередко грубо нарушаются. Пренебрежительное отношение к нормам материального права, решение дел «на-глазок» — вот бесспорно второй коренной порок, который не изжит еще в туркменских судах.

Факты, изложенные нами, о которых специальным письмом Прокуратуры СССР доведено до сведения наркома юстиции СССР, очевидно послужат сигналом к тому, чтобы более глубоко проверить работу туркменских судов и тем самым помочь им улучшить качество своей работы.

Д. Швейцер

УЗБЕКСКАЯ ССР

Из практики работы прокуратуры Узбекской республики по общему надзору

Вопросам надзора за исполнением законов партия и правительство всегда придавали большое значение.

Но особое внимание вопросам общего надзора уделяется сейчас, в эпоху самой демократической в мире конституции — Сталинской Конституции.

Органы прокуратуры призваны вести решительную борьбу с нарушениями советских законов и охранять права граждан, провозглашенные Сталинской Конституцией.

Основная масса вскрытых прокуратурой республики нарушений приходится на долю постановлений и распоряжений местных советов и исполкомов.

Каракульский РИК в 1936 г. издал постановление об обязательном вычесывании и сдаче заготовителям шерсти молодых ишаков и крупного рогатого скота.

Чиназский РИК запретил артелям и другим организациям производить заготовку камыша на территории Чиназского района.

Кокандский РИК обязал владельцев лошадей стричь гривы и хвосты у лошадей для сдачи заготовителям.

Нередко встречаются случаи местного наготворчества. Так, например, президиум Каганского городского совета издал 19 февраля 1937 г. обязательное постановление, которым обязал всех домовладельцев установить фонари и домовые таблицы нового образца, предоставив отделу нумерации горкомхоза монопольное право на изготовление их. Домовладельцы обязываются внести в горкомхоз авансом их стоимость.

Насколько серьезные последствия для трудящихся может иметь данная форма нарушений, свидетельствует следующий случай.

Кировский РИК издал в конце 1936 г. обязательное постановление об организации специальных судов для наложения штрафа на родителей, дети которых пропускают школьные занятия.

Райисполкомом даже была установлена специальная шкала штрафа: за один пропущенный школьником день на родителей налагается штраф 10 руб., за два дня — 25 руб., за три дня — 50 руб. и за пять дней — 100 руб. За короткий срок эти новоявленные суды успели оштрафовать 940 граждан Кировского района (!). Каким законом райисполкомом предоставлено право организовывать какие-либо суды специального назначения? Кто предоставил Кировскому РИК право таким путем «бороться» с прогулами школьников?

Эти вопросы несколько не беспокоили рай прокурора (т. Джурабаев), который не только не пресек это возмутительное беззаконие, но даже не удосужился своевременно сообщить о нем прокурору республики. (По получении сведений об этом факте прокуратура УзССР действие этого постановления немедленно телеграфно приостановила. По протесту прокурора республики президиум ЦИК УзССР это постановление отменил).

Хавастский РИК издал постановление об обязательной регистрации браков, указав, что виновные в нарушении этого обязательного постановления должны привлекаться к уголовной ответственности (!).

Сельсовету предложено «выявить случаи» незарегистрированных браков и «широко разъяснить» это постановление на собраниях колхозов.

Таким образом добровольность регистрации браков была отменена «мудрецами» из Хавастского РИК.

Кашка-Дарьинский ОкРИК в обязательном постановлении о борьбе с кожным оводом возложил на колхозы обязанность выделять всех колхозников на 3 часа в декаду для проведения борьбы с кожным оводом. Тем самым РИК незаконно, в противоречии с уставом сельхозартели, вмешался в хозяйственную деятельность и внутренний распорядок колхозов. Подобных случаев установлено немало.

Основная масса нарушений, вскрытых прокуратурой УзССР, приходится на так называемые «журнальные» постановления и распоряжения местных советов и исполкомов.

Ташкентский городской совет в журнальном постановлении об организации курсов для обучения неграмотных и малограмотных допризывников разрешил отрыв их от производства, тем самым грубо нарушив постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 25 марта 1931 г. о полном прекращении мобилизации рабочих от станка на нужды текущих кампаний.

Изъятие помещений у кооперации (Октябрьский райсовет, Калининский РИК), изъятие немуниципализированных домовладений с грубым нарушением Конституции СССР (Наманганский горсовет), переброска рабочей силы в неподведомственных местным советам отраслях промышленности (Андижанский горсовет), — таковы лишь некоторые вопросы, по которым допускаются нарушения законов в журнальных постановлениях местными советами.

Остановимся на некоторых, более серьезных нарушениях.

Хавастский РИК вынес журнальное постановление об оштрафовании председателей ряда колхозов за невыполнение постановления президиума РИК о стахановской декаде по дорожному строительству. Ряд председателей колхозов за невыполнение плана стахановской декады передается прокурору для привлечения к уголовной ответственности (!).

Журнальным постановлением от 3 апреля 1937 г. Андижанский горсовет предложил в 5-дневный срок составить план участия населения и колхозов в благоустройстве городов.

Тот же Андижанский горсовет распорядился об отводе для строительства рисоочистительного завода земельного участка колхоза, тем

самым грубо нарушив Сталинский устав сельхозартели, которым земля закреплена в бесспорное пользование за колхозами.

Ферганский горсовет допустил грубое администрирование в отношении жилищкооперации, выразившееся в возложении на нее обязанности предоставить жилплощадь кооперативного фонда государственным организациям.

Совершенно возмутительный случай имел место в г. Андижане в 1936 г., когда президиум горсовета распорядился «переселить всех лишенцев и инвалидов из занимаемых ими помещений в худшие и поручил прокурору дать санкцию на их административное выселение».

Перейдем теперь к рассмотрению другого важнейшего вопроса общего надзора — надзора за незаконными постановлениями и приказами наркоматов.

В этом отношении практика прокуратуры УзССР еще не настолько обширная, чтобы можно было делать какие-либо обобщения.

Но все же просмотр поступаемых в прокуратуру от наркоматов приказов и распоряжений дал уже некоторые результаты.

Наркомзем УзССР издал 22 февраля 1937 г. приказ № 43 о замене деревянных столбов земляными курганами при закреплении богарно-пастбищных земель за сельхозартелями.

Этот приказ был опротестован прокуратурой в СНК УзССР как противоречащий постановлению СНК СССР от 7 июля 1935 г., которым установлено, что внешние границы закрепленных навечно за колхозами земель должны иметь межевые знаки — деревянные столбы установленного союзным наркомземом образца.

Тот же наркомзем УзССР издал 23 февраля 1937 г. приказ о командировании на 6 месяцев 100 бригадных и ремонтных механиков из хлопковых в зерновые МТС, установив им вне зависимости от заработка суточные в размере 10 руб. Этот приказ также противоречит союзному закону, так как командировки в пределах Союза ССР не могут превышать более двух месяцев, а суточные должны выплачиваться в соответствии с заработком командированных.

Наркомвнуторг УзССР, в противоречие с постановлением ЦИК и СНК СССР от 27 ноября 1933 г., в своем циркуляре от 31 января 1937 г. установил: «В случае непредставления ему окружными, городскими и районными внуторгами отчетов, последним дальнейшие фонды зерна и муки выделены не будут».

Наркомзем УзССР приказом от 14 марта 1937 г. разрешил директорам Тентяксайской и Кагановичской МТС израсходовать 50 000 руб. в счет фонда директоров не по назначению, вопреки общесоюзному закону от 19 апреля 1936 г. о фонде директора.

Характерным случаем незаконного постановления является постановление совещания Узсовпрофа от 4 марта 1937 г. о борьбе со спекуляцией.

В этом постановлении предложено «всем ЦП, упол. ЦК и ФЗМК провести на предприятиях и учреждениях специальные собрания по вопросу борьбы со спекуляцией, выявляя конкретных лиц, замеченных в этом, приняв решительные меры искоренения такого позорного факта с рассмотрением дел на товарищеских судах» (!).

Между тем дела о спекуляции, как известно, не только не подсудны товарищеским судам, но по смыслу закона от 22 августа 1932 г. требуют самой жесткой судебной репрессии— лишения свободы сроком не ниже 5 лет.

Рассмотренными вопросами, конечно, далеко не исчерпывается круг вопросов общего надзора прокуратуры. Сюда входит еще разрешение жалоб граждан на незаконные действия отдельных лиц и руководителей учреждений, рассмотрение налоговых дел, а также возбуждение уголовного преследования по делам, вытекающим из общего надзора.

В практике отдела общего надзора прокуратуры УзССР возник следующий вопрос.

Как быть в тех случаях, когда СНК союзной республики вынесено постановление в противоречие с действующим законом?

Ст. 113 Конституции СССР, как известно, не предоставляет прокуратуре права надзора за постановлениями правительства. Между тем имеют место случаи вынесения СНК союзных республик постановлений, не соответствующих законодательству СССР.

Так, например, в конце 1936 г. СНК УзССР было вынесено постановление, подтверждающее 22 февраля 1937 г., об увеличении штата районных отделов социального обеспечения на одного инструктора по кассам взаимопомощи колхозов за счет 5% отчислений этих касс.

Это постановление было вынесено в противоречие с положением и примерным уставом

касс взаимопомощи колхозников и колхозниц, где установлено, что средства этих касс могут расходоваться только по строго определенному назначению, а именно: на оказание помощи колхозникам, на нужды самих касс и т. д. Никаким органам государственного управления, в том числе и СНК, законом не предоставлено права распоряжаться этими средствами.

Прокуратура УзССР практически разрешила этот вопрос следующим образом.

Прокурор УзССР т. Шейхидин вошел с представлением в СНК УзССР о пересмотре данного постановления (т. е. по существу в том же порядке общего надзора). Председатель СНК УзССР согласился с доводами прокурора УзССР и внес его предложение в СНК УзССР. Последний это свое постановление отменил.

Прокуратура УзССР спустила на места подробное инструктивное письмо на основе опыта 1936 г. по общему надзору. Дан ряд указаний и циркуляров. Но этого, разумеется, недостаточно. Необходима большая, длительная работа по руководству этим участком, с выездами на места, проведением совещаний и конференций по вопросам общего надзора.

Только при этих условиях работа прокуратуры УзССР по общему надзору сможет отвечать требованиям настоящего момента.

Воловац

Четвертое заседание Центрального методического совета при прокуроре СССР

15—16 мая с. г. происходило четвертое заседание Центрального методического совета при прокуроре СССР. На обсуждение совета были поставлены следующие вопросы: 1) проект руководства по расследованию преступлений, связанных с нарушением техники безопасности (докладчик т. Шавер); 2) проект руководства по расследованию хищений и растрат в предприятиях госторговли (докладчик т. Голунский); 3) проект руководства по расследованию хищений и растрат, совершаемых подотчетными лицами (докладчик т. Голунский); 4) о некоторых процессуальных вопросах, связанных с возбуждением производства по уголовному делу (докладчик т. Левентон); 5) сообщение т. Левентона о проведении местными прокурорами в первом квартале 1937 года методических конференций.

По первому вопросу т. Шавер представил довольно подробно разработанное руководство. Тов. Шавер правильно указал на исключительное значение борьбы с преступлениями, связанными с нарушением техники безопасности. Непременным условием организации труда в каждом социалистическом предприятии, на каждом участке социалистического хозяй-

ства является обеспечение такого порядка, который бы вполне гарантировал сохранение здоровья трудящихся, самого ценного для нас капитала. Не оставлять без реагирования ни одного случая нарушения техники безопасности, своевременно вскрывать и умело расследовать преступления в этой области — такова важнейшая задача органов прокуратуры. Но нередко еще в практике случаи неудовлетворительного расследования, поверхностного отношения к делам, связанным с нарушением правил техники безопасности. В результате остаются иногда неразоблаченными троцкисты, контрреволюционеры и другие враги народа, которые используют нарушение правил техники безопасности для совершения и маскировки своих вредительских и диверсионных актов под видом так называемых несчастных случаев.

Тов. Шавер при разработке руководства привлек богатейший практический материал не только судебно-следственный, но и по линии охраны труда. Этим ценность работы намного повысилась.

Выступавшие в прениях товарищи, отмечая положительные моменты, указали и на ряд

существенных недостатков представленного проекта руководства.

Первый пробел — это недостаточная политическая заостренность. Не показано, как отсутствие бдительности, беспечность дают возможность вредить и маскироваться врагу. Исходное положение для автора этой работы должно быть то, что «Нарушение техники безопасности часто служит прикрытием для проведения вредительской деятельности» (Вышинский). Прокуратура и следствие должны мобилизовать в эту сторону свое внимание.

Второй недостаток — это то, что автор совершенно не дал юридического анализа состава преступления — нарушение техники безопасности. Автору предложено дать подробный юридический анализ данного состава преступления. Вопрос о правильной квалификации — самый трудный по данному роду преступлений, и поэтому обходить в руководстве этот вопрос нельзя.

Работа т. Шавера в основном одобрена, и вынесено было решение издать ее.

По второму вопросу повестки т. Голунским представлена большая работа. По докладу т. Голунского развернулись оживленные прения. Работа признана хорошей, автору предложено внести некоторые изменения и сдать работу в печать.

Тов. Голунский подробно разработал методику расследования дел о растратах и хищениях отдельно на базисных складах, в магазинах, палатках, лотках.

Следующий доклад был также т. Голунского. Представленный им проект методического руководства по расследованию дел о хищениях и растратах подотчетных сумм совещание одобрило. В руководство предложено внести ряд изменений, написать вводную часть и составить образцы основных следственных действий по этой категории дел. После внесения изменений и дополнений работу предложено сдать в печать.

По четвертому пункту повестки дня т. Левентон сделал сообщение о некоторых процессуальных вопросах, связанных с возбуждением производства по уголовному делу. По этому вопросу вынесено решение: «Поручить следственному отделу заготовить проект циркулярного распоряжения о запрещении прокурорам и следователям производить следственными методами всякого рода доследственные проверки. Дать развернутые указания о том, как и в каком порядке должны проверяться поступающие в органы прокуратуры или следствия сообщения о различных фактах преступлений».

По сообщению т. Строговича о процессуальном положении подозреваемого на предварительном следствии принято следующее решение:

1. Признать, что в советский уголовный процесс нет оснований вводить, наряду с обвиняемым и свидетелем, также и подозреваемого. Допрос граждан в качестве подозреваемых признать недопустимым.

2. Признать, что действующий Уголовно-процессуальный кодекс в ст. 145 также не дает никакого основания рассматривать то лицо, к которому применена мера пресечения, до предъявления обвинения, в качестве подозреваемого.

По этому вопросу т. Строговичу поручено написать в журнале «Социалистическая законность» статью.

По сообщению т. Левентона о проводимых местными прокурорами в I квартале 1937 г. методических конференциях для следователей постановили: «Заслушав сообщение т. Левентона о работе прокуратур союзных республик, краев и областей по проведению учебно-методических конференций для следователей, методический совет констатирует наличие следующих, наиболее существенных и чаще всего имеющих место недочетов в этой работе:

1. При организации конференций не обращается должного внимания на необходимость надлежащей подготовки следователей к конференциям. Программы занятий следователям предварительно не сообщаются, не указывается литература, ознакомление с которой могло бы следователям наиболее отчетливо усваивать излагаемые на конференциях темы и предметы.

2. При созыве учебно-методических конференций не всегда учитывается необходимость подбора приблизительно однородной по своей теоретической и практической подготовке аудитории.

В результате нередко бывает, что часть следователей изучает предметы им уже знакомые, а другая, наоборот, вследствие своей неподготовленности с трудом усваивает излагаемые темы.

3. В ряде мест наблюдается практика загромождения программ предметами, изучение которых не является первоочередной, насущной необходимостью, и, наоборот, не уделяется должного внимания предметам, имеющим первоочередное значение.

4. Последовательность расположения занятий по отдельным предметам часто имеет случайный характер. Организаторы конференций не продумывают, в какой последовательности целесообразнее всего расположить преподаваемые на конференциях темы и предметы для наилучшей успеваемости.

5. На конференциях, организуемых для наиболее подготовленных следователей, не уделяется должного внимания углубленному изучению частной методики расследования важнейших видов преступлений.

С другой стороны, занятия по частной методике выводятся в программу конференций, организуемых для начинающих следователей, еще не знакомых даже с основными тактическими приемами расследования.

6. Не обращается должного внимания и на необходимость проверки успеваемости следователей, в результате чего преподаватели и организаторы учебно-методических конференций не получают должного представления об эффективности проведенных занятий, а участвующие в занятиях следователи, зная, что их не будут проверять, не относятся иногда к занятиям с должным вниманием.

7. В ряде мест преподаватели, приглашаемые для проведения занятий на учебно-методических конференциях, проводят эти занятия бесконтрольно, а ответственные руководители учебно-методических конференций далеко не всегда проверяют качество преподавания и их тематику.

8. Одним из существенных недостатков в работе по проведению конференций в подав-

ляющем большинстве случаев является их оторванность от других мероприятий по повышению квалификации следователей (организация индивидуальной учебы следователей, инструктивные обследования, вызовы с докладами, кустовые совещания).

Для устранения отмеченных выше недостатков в работе по проведению учебно-методических конференций и для поднятия качества этой работы на высшую ступень, совет считает необходимым разработать проект ин-

структивного письма о методах организации и проведения учебно-методических конференций.

Кроме перечисленных вопросов совещание рассмотрело предложение т. Сегала о разработке методического письма «О технике и методике расследования дел об авариях и крушениях на железнодорожном транспорте».

Следственному отделу поручено в месячный срок разработать проект письма. Для этого письма т. Сегалу предложено лично принять участие в этой работе.

Библиография

ВЛ. ГРОМОВ. Следственная практика в примерах, пособие для следователей и слушателей юридических школ. Юридическое издательство, М. 1937, стр. 143, ц. 2 руб. 60 коп.

Повышение квалификации работников следственного аппарата прокуратуры является в настоящее время одной из основных задач в области улучшения качества расследования. Почти во всех краях, областях и республиках все шире и шире развертывается работа по организации индивидуальной учебы следователей, по проведению учебно-методических конференций. Поэтому появление каждого нового учебного пособия, которое можно использовать при проведении этой работы, надо приветствовать. Особенно важны такие пособия, в которых теория тесно увязывается с практикой, по которым следователь может не только усвоить себе те или иные теоретические положения из области уголовного права, уголовного процесса или криминалистики, но и наглядно увидеть, как эти теоретические положения применяются на практике.

Рецензируемая книга Громова вполне отвечает этому основному требованию. Книга состоит из вводной главы — «Доказательства и улики в процессе расследования преступлений» и из методического разбора шести конкретных дел об убийствах, поджогах, грабежах и разбоях.

Вводная глава представляет собой изложение ряда положений учения о доказательствах, более с процессуальной, чем с криминалистической точки зрения, иллюстрированное примерами из следственной практики. Основная же часть книги посвящена детальному разбору расследования отдельных дел. В этой части книги автор разбирает шаг за шагом действия органов расследования по описываемым в книге делам, детально оценивает каждое следственное действие и попутно приводит те правила уголовного процесса и криминалистики, которые относятся к данному следственному действию.

Так, например, описывая, как было проведено по разбираемому им делу о грабеже предьявление задержанных органами расследования

лиц потерпевшим для личного опознания, автор подробно излагает все теоретические положения, относящиеся к этому следственному действию, и на примере анализируемого дела показывает, что получается в результате несоблюдения органами расследования тех или иных из этих теоретических положений. При таком положении несомненно повышается усвояемость излагаемого материала и увеличивается его убедительность для читателя.

Таким способом в книге разобран ряд важнейших следственных действий: осмотр места преступления, экспертиза, допрос свидетелей и обвиняемых, методы проверки их показаний, личное опознание, использование вещественных доказательств. Серьезное внимание уделено и вопросу о планировании расследования.

Вопросам уголовной техники автор уделяет гораздо меньше внимания. Указывая в целом ряде случаев на необходимость применения научно-технических методов расследования, ссылаясь на те или иные технические приемы, автор не дает описания самой техники выполнения этих приемов. Так, например, при разборе методов расследования дела об убийстве Федорова (стр. 76 и сл.) автор дважды указывает как на существенную ошибку органов расследования по этому делу на неприменение ими научно-технических методов закрепления исследования следов преступления и даже конкретно отмечает, что следовало снять слепки со следов ног на месте преступления (стр. 90). Это указание совершенно правильно, но оно значительно выиграло бы, если бы автор тут же изложил в доступной и для слабо подготовленного читателя форме, каким способом можно снять такие слепки.

Автор этого не делает, отсылая читателя к «руководствам по криминалистике» даже без точной ссылки на литературные источники, из которых можно было бы почерпнуть эти сведения.

Автор неоднократно возвращается к вопросу о съемке плана места преступления (стр. 54, 64, 88) и совершенно правильно подчеркивает исключительно важное значение приобщения такого плана к протоколу осмотра.

В книге приведены и образцы таких планов (стр. 63 и 89) и таблица примерных топографических обозначений, применяемых при съемке (стр. 55). Это, бесспорно, очень ценно. Но было бы значительно лучше, если бы автор изложил при этом и основные правила глазомерной съемки.

Недостаточность технических сведений является несомненно недостатком книги, как это и отмечено в предисловии к этой книге т. Левентоном.

Что касается существа излагаемых автором положений, то наибольшее количество замечаний вызывает первая, вводная глава, в которой автор, как уже было указано выше, делает попытку дать изложение ряда принципов учения о доказательствах, приспособленное к той практической цели, которую преследует рецензируемая книга. Понятно, что выполнить такую задачу чрезвычайно трудно. Все отдельные части учения о доказательствах настолько тесно связаны между собой, что совершенно невозможно говорить об одних сторонах этой проблемы, не касаясь других. Так, например, вопрос о принципах оценки доказательств несомненно является основным для всего учения о доказательствах. Автор этого вопроса как отдельной проблемы не касается, не дает критического разбора существующих по этому вопросу взглядов, не затрагивает прямо проблемы критерия оценки доказательств. Но уйти совсем от этой основной проблемы учения о доказательствах автор, конечно, не может. Ему приходится касаться этого вопроса мимоходом, в связи с разрешением того или иного частного вопроса. В результате такого неполного освещения сложнейших теоретических вопросов у автора получаются формулировки, с которыми никак нельзя согласиться и которые в некоторых случаях оказываются взаимно противоречащими.

На стр. 11 автор пишет: «Первое условие, которое ставит наука доказательственного права для добываемых и устанавливаемых в процессе расследования доказательств, это их достоверность, объективная истинность, соответствие их с действительностью».

В этом отношении различаются два вида доказательств: личные, или субъективные, и вещественные, или объективные».

К первым автор относит показания свидетелей и обвиняемых и заключения экспертов, ко вторым — осмотры мест преступления, вещественные доказательства, документы, объекты научно-технического или лабораторного исследования.

«Вполне естественно, — пишет далее автор, — что в науке доказательственного права до сих пор еще господствует мнение, что объективные доказательства имеют более достоверный характер, чем субъективные. Такое мнение обосновывается тем простым соображением, что личные высказывания того или другого лица могут быть или заведомо для высказывающего их ложными, или заключать в себе результат ошибочных впечатлений или мнений лиц, которые добросовестно заблуждаются в своих высказываниях...

Вещественные же предметы уже своим внешним видом обычно дают определенную, как бы объективно застывшую картину преступления: эти «немые свидетели» удостоверя-

ют факт, в достоверности которого убеждает-ся всякий при непосредственном осмотре их» (стр. 11). Автор излагает здесь не свои взгляды, но и не отмежевывается от них, хотя в этих формулировках смешаны разнородные, но одинаково неправильные теории из области доказательственного права, которых, как это видно из дальнейшего изложения, не разделяет и сам автор рецензируемой книги.

Самое деление доказательств на «объективные» и «субъективные», выводимое непосредственно из основного требования, чтобы доказательства отражали объективную истину, не может означать ничего другого, как то, что один из этих двух видов доказательств по самой своей природе более способен отражать объективную истину, чем другой. Это понимание вполне подтверждается приведенным выше пояснением, которое дает автор этому делению доказательств. Не трудно усмотреть родство этой точки зрения с точкой зрения проф. Строговича, утверждавшего, как известно, что именно объективное качество доказательств, им самим присущее, способность их отражать объективную истину должны являться основным критерием при оценке доказательств¹.

С другой стороны, указанные в приведенной выше цитате соображения о преимуществах «немых свидетелей» отражают те течения в буржуазной криминалистике конца XIX и начала XX века (Штерн, Г. Гросс и др.), которые провозглашали огульную недостоверность свидетельских показаний и фетишизацию «немых свидетелей».

Сам автор рецензируемой книги по этому поводу пишет: «Это (т. е. преимущество объективных доказательств. — С. Г.) послужило основанием к тому, что в конце прошлого века в области уголовного процесса стало отводиться большое внимание «материализованному сектору процесса», т. е. тем вещественным доказательствам, которые могут добываться при расследовании уголовных дел, и в особенности таким, которые могут быть расследованы и проверены методами научно-уголовной техники» (стр. 12).

Упоминая об этом, автор не подчеркивает, что речь идет о буржуазном уголовном процессе, ничего не говорит о связи фетишизации «материализованного сектора процесса» с реакционными нападениями на принцип свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению суда и на суд присяжных (Э. Ферри и др.). Против воли автора получается, таким образом, впечатление, что это течение в теории буржуазного уголовного процесса не есть одно из проявлений всеобщей реакции периода империализма, а что это — техническое достижение, вполне приемлемое и для советского уголовного процесса. Этим выводом не разделяет и проф. Строгович, который ре-

¹ «Уголовный процесс», изд. 3-е, М. 1936, стр. 35—36. «Основные вопросы оценки доказательств в уголовном процессе», «Советская юстиция», № 22, 1936. Критику этой точки зрения дал т. Вышинский в статье «Проблемы оценки доказательств в советском уголовном процессе» — «Социалистическая законность», № 7, 1936.

шительно отмежевался от этого течения в теории буржуазного уголовного процесса¹.

Не дав никакой критики цитированных выше положений по существу, а, наоборот, изложив их в такой форме, что читатель легко может понять выражаемые ими взгляды за взгляды самого автора, т. Громов вслед за тем приводит ряд оговорок, вполне правильных по существу и вкоре противоречащих только что изложенным утверждениям.

На той же стр. 12 он утверждает, что «субъективные и объективные доказательства одинаково важны», что «вопрос сводится к выбору способов доказывания», а на стр. 13 идет еще дальше и совершенно правильно указывает, что использование каждого объективного доказательства неизбежно «сопровождается личной субъективной оценкой следователя и зависит, если можно так выразиться, от субъективного отношения последнего к этим объективным ведомственным доказательствам». «Так выразиться» не только можно, но и должно. Но если так, то падает самая основа деления доказательств на объективные и субъективные, субъективный элемент оказывается во всех доказательствах. Если свидетель может ошибиться в своих показаниях, то следователь может ошибиться в оценке значения вещественного доказательства. Результаты обеих этих ошибок для исхода процесса одни и те же.

Зачем же при таких условиях делить доказательства на объективные и субъективные?

Если рассматривать это деление как результат различного подхода к «выбору способов доказывания» (как говорит автор на стр. 12), а не как результат различной способности тех или иных доказательств отражать объективную истину (как это вытекает из того, что было сказано на стр. 11), то и в этом случае указанная классификация окажется неприемлемой. «Способы доказывания» различны для отдельных видов доказательств, которые автор называет «объективными» (например, для вещественных доказательств и для письменных доказательств); способы доказывания различны и для отдельных видов доказательств, которые автор называет «субъективными» (например, для показаний свидетелей и для экспертиз).

В ряде случаев подход к оценке двух доказательств, из которых одно «субъективное», а другое «объективное», может оказаться гораздо более сходным (например, при оценке свидетельского показания и содержания письменного документа), чем при оценке двух субъективных (например, показания обвиняемого и экспертизы) или двух объективных доказательств (например, результаты осмотра места преступления и письменный документ).

Если учесть, что книга предназначается для слушателей правовых школ, не имеющих никакой теоретической подготовки, то возникает вполне основательное опасение, что многие из них не сумеют разобраться в указанных противоречивых положениях и окажутся в большом затруднении при решении вопроса о

том, руководствоваться ли им тем, что автор пишет на стр. 11, или тем, что он пишет на стр. 13, какое же из этих противоречащих одно другому положений является правильным.

Неизбежная по самому характеру этой вводной статьи краткость изложения приводит и в других случаях к ряду нечеткостей.

Например, правильно подчеркивая, что убедительность доказательства в значительной степени зависит от источника, из которого данное доказательство «черпает свою доказательственную силу», автор иллюстрирует это положение такими примерами, которые могут толкнуть следователя на формальный подход к оценке доказательств.

Например, автор пишет: «Показания свидетелей из числа классово чуждых элементов по делам о вредительстве, контрреволюционной агитации и тому подобном, в которых обвиняются люди той же прослойки... не могут быть расцениваемы как вполне достоверные, без сопоставления этих показаний с другими доказательствами» (стр. 14).

Если понимать эту формулировку буквально и последовательно делать все вытекающие из нее выводы, то получается, что показания свидетелей, формально не принадлежащих к числу классово враждебных элементов, по указанному автором делам, а равно и показания свидетелей, даже и принадлежащих к числу таких элементов, но данные ими по другим категориям дел, могут быть признаны «вполне достоверными» и без сопоставления их с другими доказательствами. Автор, конечно, не имел в виду таких выводов, но многие слушатели правовых школ и народные следователи, которые будут изучать эту книгу, особенно те из них, которые недостаточно диалектично будут подходить к этому вопросу, легко могут понять приведенную выше формулировку именно таким образом.

Давая определение прямого доказательства (стр. 14—15), автор излагает его таким образом и иллюстрирует таким примером, что получается совершенно неправильное впечатление, будто бы прямые доказательства всегда дают беспорное основание для признания доказанным того факта, которого они касаются. Это ослабляет бдительность следователей при проверке и оценке таких доказательств, дает им основание сделать вывод, что при наличии прямых доказательств нет особой необходимости в критическом отношении к этим доказательствам. Эти недостатки вводной главы обесценивают те ее части, в которых излагаются правильные положения и приводятся яркие и убедительные примеры. Поэтому рекомендуем эту вводную главу как пособие для самостоятельного теоретического изучения учения о доказательствах слушателями правовых школ и народными следователями не брать.

Совершенно иной вывод в этом отношении следует сделать о второй методической части книги. Отдельные незначительные недостатки изложения (некоторая разбросанность материала, отдельные методически неоправданные повторения и т. п.) ни в какой степени не лишают эту часть книги значения хорошего учебного пособия для практиков по уголовной тактике и методике и уголовному процессу не только в правовых школах, но и в вузах. Каждый отдельный очерк снабжен в

¹ Строгович и Брусиловский, Свидетельские показания в качестве судебных доказательств в сборнике «Методика и техника следственной работы», Киев, 1934, стр. 143 и сл.

конец «задачами для следственных упражнений», представляющими собой краткие методические указания для преподавателей о способах использования материала для практических занятий. Эти указания несомненно повышают педагогическую ценность книги, хотя они могли бы быть подробнее.

С внешней стороны книга издана хорошо и напечатана на хорошей бумаге; имеющиеся в книге чертежи воспроизведены вполне четко и ясно.

Крайне желательно, чтобы выпуск подобного рода пособий был продолжен с тем, чтобы такими пособиями были охвачены все важнейшие виды преступлений. Такие пособия послужат прекрасным дополнением к издаваемым Прокуратурой СССР руководствам по методике расследования отдельных видов преступлений. Такие практические пособия должны быть увязаны с этими методическими руководствами и по тематике и по содержанию.

Лучше всего было бы, если бы на каждое методическое руководство было издано специальное практическое пособие, в котором, путем детального методического разбора расследования отдельных типичных дел о преступлениях данного вида, было бы наглядно показано, как следует применять на практике те методы расследования, которые рекомендованы соответственным методическим руководством. Надо решительно отказаться от включения в эти практические пособия вводных теоретических статей, в которых важнейшие теоретические проблемы неизбежно затрагиваются лишь мимоходом. Значительная часть отмеченных выше недостатков вводной статьи рецензируемой книги является следствием именно такого характера этой статьи как вводной к основному практическому материалу книги. Весьма вероятно, что аналогичные недостатки повторялись бы и в других таких же статьях.

Вместо подобных теоретических введений, желательно давать введения методические, т. е. детально описывать методы проработки содержащегося в пособии материала при различных формах учебной работы: на практиках в вузах и правовых школах, на учебно-методических конференциях, при самостоятельной работе учащегося-заочника и т. п.

С. Голунский.

«О расследовании и рассмотрении дел о несовершеннолетних», Юриздат. НКЮ СССР, 1937, 50 стр., цена 45 коп.

Всесоюзный институт юридических наук взял на себя авторство брошюры «О расследовании и рассмотрении дел о несовершеннолетних». Об этом по крайней мере свидетельствует обложка брошюры, на которой указано: Всесоюзный институт юридических наук—О расследовании и рассмотрении дел о несовершеннолетних. Лишь на стр. 3, в подстрочном примечании, скромно указывается, что брошюра составлена С. М. Потрановым и Б. С. Утевским. Это обстоятельство, совершенно естественно, ко многому обязывает авторов брошюры, обязывает тем более, что на той же странице 3 читаем: «Всесоюзный институт юридических наук на основе вестороннего теоретического и практического изучения вопросов борьбы с преступностью несовершеннолетних

разработал указания о расследовании дел о несовершеннолетних».

Таким образом Всесоюзный институт юридических наук попытался выработать методическое письмо работникам следствия и суда о расследовании и рассмотрении дел о несовершеннолетних (Кстати, почему Всесоюзный институт юридических наук самостоятельно разрабатывает методические письма работникам следствия и суда?).

Надо сказать, что эта первая попытка — попытка явно неудачная. Брошюра делится на две части.

В первой части (первые 19 страниц) даются так называемые «указания», во второй собраны постановления ЦИК и СНК СССР, СНК СССР и ЦК ВКП(б), циркуляры Верховного суда и Прокуратуры Союза ССР.

Одним из основных общих недостатков всей первой части так называемого методического письма является то, что оно почти полностью лишено методических указаний, которые могли бы быть отнесены к расследованию или рассмотрению дел именно несовершеннолетних, так как все они могут быть отнесены к расследованию и рассмотрению дел и касаются несовершеннолетних. Кроме того, отдельные главы этой же первой части содержат в себе целый ряд грубых ошибок.

Прежде всего, в брошюре грубо нарушен самый текст закона от 7 апреля 1935 г.

На стр. 4 говорится: «Таким образом несовершеннолетние этой возрастной группы подлежат суду за хищения социалистической собственности, кражи, насилия, телесные повреждения и другие преступления, связанные с насилием или причинением телесных повреждений, а также за убийство и попытки к убийству».

О других преступлениях, связанных с насилием, в тексте закона от 7 апреля 1935 г. не говорится.

Наоборот, причинение увечий, о которых говорит закон от 7 апреля 1935 г., при изложении в брошюре выпало вовсе.

Это нигилистическое отношение к закону — то его расширение, то сужение — никак недопустимо вообще, а тем более в брошюре, выпущенной от имени Всесоюзного института юридических наук.

Недопустимость этого обстоятельства была подчёркнута и циркуляром Верховного суда и Прокуратуры Союза ССР от 21 марта 1935 года, в котором указывалось на то, что в практике судебно-следственных работников наблюдается расширительное толкование постановления ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1935 г., выразившееся в привлечении к уголовной ответственности детей, не достигших 12-летнего возраста, привлечении за преступления, совершенные до издания закона, а также за преступления, им не предусмотренные» (Сб. цирк. и разъясн. Прокуратуры Союза ССР, стр. 90).

Приводя этот циркуляр на стр. 34 брошюры, авторы предлагают на стр. 4 поступать как раз наоборот: и вопреки закону и вопреки, как это только что указывалось, циркулярному разъяснению.

Резкое возражение вызывает и такое утверждение авторов, что для участия в заседаниях по делам о несовершеннолетних «должны составляться специальные списки народных

заседателей, преимущественно из числа педагогов и врачей» (стр. 15).

Очевидно, будучи последовательными нигилистами в области права, авторы и в этом случае, ничтоже сумняшеся, прибегли к расширительному толкованию уже упомянутого выше циркуляра от 21 февраля 1935 г., в котором говорится лишь то, что суды «не ставят вопроса о вызове в судебные заседания медико-педагогической экспертизы». Может и должно ли это означать вредную рекомендацию преимущественного привлечения в члены суда педагогов и врачей, напоминающую вредные теории социологов и педологов, предлагавших в свое время назначать членами суда врачей и экспертов.

Ряд истин, открываемых авторами и рекомендуемых ими как «указания», специально относящиеся к следствию и судебному рассмотрению дел именно о несовершеннолетних, вызывает просто недоумение.

Можно ли принять всерьез, например, такое утверждение авторов на стр. 9, что «ни в коем случае нельзя прибегать при допросе, с целью получения желаемого ответа или признания, к запугиванию и угрозам, крикам, браням или обману, в частности, к ложным обещаниям (например, освободить в случае признания)».

Почему это «указание» авторы относят к допросам именно несовершеннолетних? Вероятно только потому, что и в данном случае, игнорируя закон, авторы забыли ст. 136 УПК РСФСР, которая четко и ясно говорит о невозможности применения при допросах (допросах вообще, а не только несовершеннолетних. — З. В.) насилия, угроз и др. подобных мер.

Почему только несовершеннолетнему, как это утверждают далее на той же 9-й странице авторы, «вопросы должны ставиться конкретно, в такой форме, на которую может последовать определенный ответ»?!

Не говоря уже о стиле этого выражения (ответ следует не на вопрос, как этого требует логика, а на форму, как это говорят авторы. — З. В.), совершенно непонятно то, что и это правило должно относиться именно и только к допросу несовершеннолетних!

Крайне неряшливо составлена вторая часть брошюры, содержащая, как уже указывалось, важнейшие законодательные акты и ведомственные постановления.

Так, например, циркуляр Прокуратуры СССР от 3 июля 1935 г. за № 65/1 «О привлечении к уголовной ответственности за преступно-небрежное хранение оружия», почему-то назван так: «О борьбе с небрежным хранением оружия» («с попаданием его в руки несовершеннолетних»).

Не точно по существу, безобразно — с точки зрения стилистической.

Даже ряд изложенных здесь замечаний вместе с общим замечанием о тяжелом языке методического письма заставляет поставить два вопроса: 1) сможет ли брошюра явиться пособием для практических работников прокуратуры и суда и 2) как выпуск такой брошюры могло допустить такое научное учреждение, как Всесоюзный институт юридических наук? Брошюра составлена явно неудовлетворительно, а потому — бесполезна, говоря мягко.

И.

В. СМУЛЕВИЧ. «Материнство при капитализме и социализме», Соцэкгиз, 1936, цена 85 коп.

Рецензируемая брошюра была сдана в набор через несколько месяцев после опубликования проекта Сталинской Конституции и после принятия одного из замечательнейших актов сталинского законодательства — постановления ЦИК и СНК Союза ССР о запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, помощи многодетным и т. д.

Эти два документа, естественно, должны были лечь в основу работы, посвященной вопросу о материнстве при социализме. Они должны были явиться основным политическим и теоретическим материалом для разработки всех вопросов материнства в эпоху вступления в социализм.

Как это ни странно, автор рецензируемой книги ограничился тем, что привел в качестве эпиграфа одну из глав ст. 122 проекта Конституции, не посвятив ему в тексте книги буквально ни одного слова. Между тем закрепленный в ст. 122 Конституции принцип равноправия женщины с мужчиной «во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни и принцип «государственной охраны интересов женщины и ребенка», а также положение ст. 137 Конституции — «женщины пользуются правом избирать и быть избранными наравне с мужчинами» представляют собою те классические формулировки величайших побед социализма в деле ликвидации неравноправия женщины и создания действительной охраны интересов женщины, вне которых не может быть и речи о политически выдержанном и теоретически основательном рассмотрении вопросов о материнстве при социализме.

Крайне недостаточно отразился на содержании книги и закон от 27 июня 1936 г. о запрещении абортов и т. д. Недостаточно было, как это сделал автор, ограничиться изложением отдельных статей этого закона и дать его полный текст в виде приложения к книге. Значение этого закона для разрешения вопроса о материнстве настолько велико, что автор обязан был дать подробный анализ закона как величайшего памятника сталинской заботы о матери и ребенке. Этого автор не сделал, и это составляет крупнейший политический дефект брошюры.

И действительно, довольно обильный фактический материал о положении женщины-матери в СССР и в капиталистических странах, собранный автором, остался не объединенным единой общей идеей, которую автор мог найти в Сталинской Конституции.

Таков основной дефект рецензируемой книги, в сравнении с которым остальные кажутся уже второстепенными. Но это не избавляет нас от обязанности остановиться и на них.

Работа носит черты спешки, недостаточной проработки темы, отсутствия тщательной работы над материалом. Когда просматриваем страницы, наполненные фактическим материалом, в особенности письмами рабочих, невольно чувствуется, что ножницы и клей заменяли здесь внимательный отбор, продуманность, систематизацию. Порою рецензируемая книга напоми-

нает больше «материал для докладчиков», чем самостоятельное исследование. Между тем на титульном листе имеется марка «Академия Наук. Институт экономики», — марка, налаживающая на автора определенные обязательства научного характера. К сожалению, если в книге и имеется некоторая «ученость», то научности в ней нет.

Спешка и небрежность при составлении книги захватили, повидимому, и редакторов издательства. В книге встречаются такие стилистические перлы, как, например, «подобные заявления, одна демагогия и лживость», или «Капитализм... действовал в сторону сокращения рождаемости».

В лучшем случае неряшливостью можно объяснить, что Жюль Гэд, которого Ленин причислял к социал-шовинистам, фигурирует в качестве «социалиста».

Книга, явно рассчитанная на массового читателя и на популярное изложение, местами прибегает к непонятным для неспециалиста терминам, как, например, «депопуляция».

Статистические сведения частью приводятся устарелые, например: на стр. 61 дается сравнительная таблица роста учреждений охраны материнства и младенчества на 1923 и 1928 гг. Автор мог бы привести данные если не за 1935 г., то хотя бы за 1934 г.

Положительной чертой рецензируемой книги является обильный материал, характеризующий положение женщины в СССР и в капиталистических странах и иллюстрирующий правильные положения о неразрешимости проблемы материнства при капитализме, о равноправии женщины в СССР, об охране матери и ребенка, как величайшем завоевании диктатуры пролетариата и о колхозной жизни, как основе подлинного равноправия и освобождения женщины-крестьянки.

Глубоко интересная тема — материнство при капитализме и социализме — еще ждет своего исследователя. Рецензируемая книга претендовать на достаточно удовлетворительную разработку этой темы не может.

Б.

Сводка важнейших постановлений правительства Союза ССР

ЗА МАЙ 1937 Г.

I. СОВЕТСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

1. Госустройство и управление

1. Об изменениях в структуре центрального аппарата Комиссии советского контроля при ЦИК СССР — пост. ЦИК и СНК СССР от 17/V 1937 г. (СЗ 1937 г. № 35, ст. 144).

2. Военное и морское дело

2. О создании Военных советов военных округов и установлении института Военных комиссаров в Рабоче-Крестьянской красной армии — пост. ЦИК и СНК СССР от 10/V 1937 г. (СЗ 1937 г. № 31, ст. 126).

3. Об утверждении Положения о Военном совете округа (флота, армии) Рабоче-Крестьянской красной армии — пост. ЦИК и СНК СССР от 16/V 1937 г. (СЗ 1937 г. № 31, ст. 127).

3. Просвещение

4. О ведении преподавательской работы директорами и заведующими учебной частью неполных средних и средних школ — пост. СНК СССР от 7/V 1937 г. (СЗ 1937 г. № 31, ст. 130).

5. О детских садах — пост. СНК СССР от 3/V 1937 г. (СЗ 1937 г. № 31, ст. 131).

4. Здравоохранение

6. Об утверждении инструкции о порядке назначения и выплаты государственного пособия многодетным матерям — пост. СНК СССР от 22/V 1937 г. (СЗ 1937 г. № 35, ст. 145).

7. О санитарной охране водопроводов и источников водоснабжения — пост. ЦИК и СНК СССР от 17/V 1937 г. (СЗ 1937 г. № 35, ст. 143).

II. НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО

1. Промышленность

8. О нормах накладных расходов по строительным работам, монтажу металлических конструкций и монтажу оборудования — пост. СНК СССР от 29/IV 1937 г. (СЗ 1937 г. № 29, ст. 119).

9. О реорганизации Главэнергопрома Народного комиссариата тяжелой промышленности — пост. СНК СССР от 11/V 1937 г. (СЗ 1937 г. № 34, ст. 139).

10. Об организации в системе Народного комиссариата тяжелой промышленности главного управления по производству строительных материалов — пост. СНК СССР от 11/V 1937 г. (СЗ 1937 г. № 34, ст. 140).

11. О разукрупнении главного управления хлопчатобумажной промышленности Московской и Ленинградской областей — пост. СНК

СССР от 21/V 1937 г. (СЗ 1937 г. № 34, ст. 141).

12. О перечне продукции лесной промышленности, стандарты на которую утверждаются Советом народных комиссаров Союза ССР и Народным комиссариатом лесной промышленности Союза ССР — пост. СНК СССР от 4/V 1937 г. (СЗ 1937 г. № 35, ст. 146).

2. Земля и сельское хозяйство

13. О мероприятиях по новым лубяным культурам — пост. СНК СССР от 3/V 1937 г. (СЗ 1937 г. № 31, ст. 133).

14. О лесах в запретной полосе водоохранной зоны, переданных колхозам в вечное пользование — пост. СНК СССР от 15/V 1937 г. (СЗ 1937 г. № 34, ст. 138).

3. Связь

15. Об изменении постановления СНК Союза ССР от 27 марта 1934 г. «О трансляционных радиоузлах, трансляционных радиоточках и радиоприемниках» — пост. СНК СССР от 29/V 1937 г. (СЗ 1937 г. № 36, ст. 148).

III. ФИНАНСЫ

16. Об отмене постановления ЦИК и СНК СССР от 6 февраля 1930 г. «О налоговой инспекции» — пост. ЦИК и СНК СССР от 7/V 1937 г. (СЗ 1937 г. № 30, ст. 121).

17. Об утверждении Положения о налоговых инспекторах и налоговых ревизорах — пост. СНК СССР от 29/IV 1937 г. (СЗ 1937 г. № 30, ст. 122).

18. Об утверждении инструкции Народного комиссариата финансов Союза ССР о работе налоговой инспекции районных финансовых отделов в сельских местностях — пост. СНК СССР от 29/IV 1937 г. (СЗ 1937 г. № 30, ст. 123).

19. Об утверждении Положения о страховых инспекторах и страховых ревизорах — пост. СНК СССР от 29/IV 1937 г. (СЗ 1937 г. № 30, ст. 124).

20. Об утверждении инструкции Народного комиссариата финансов Союза ССР о работе страховых инспекций районных финансовых отделов в сельских местностях — пост. СНК СССР от 29/IV 1937 г. (СЗ 1937 г. № 30, ст. 125).

21. О запрещении расходовать государственные средства на содержание автомашин, при-

надлежащих отдельным гражданам — пост. СНК СССР от 11/V 1937 г. (СЗ 1937 г. № 31, ст. 132).

22. Об освобождении от уплаты денежных налогов и сборов с колхозников и единоличников нетрудоспособных ввиду преклонного возраста — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 15/V 1937 г. (СЗ 1937 г. № 32, ст. 135).

IV. ТОРГОВЛЯ, ЗАГОТОВКИ И СНАБЖЕНИЕ

23. Об изменении сети местных торговых систем Народного комиссариата внутренней торговли Союза ССР — пост. СНК СССР от 10/V 1937 г. (СЗ 1937 г. № 31, ст. 134).

24. О реорганизации управления предприятиями общественного питания системы Народного комиссариата внутренней торговли Союза ССР — пост. СНК СССР от 13/V 1937 г. (СЗ 1937 г. № 32, ст. 136).

25. Об утверждении инструкции Комитета заготовок при СНК СССР о порядке проведения обязательных поставок зерна государству — пост. СНК СССР от 16/V 1937 г. (СЗ 1937 г. № 33, ст. 137).

V. КОММУНАЛЬНОЕ И ЖИЛИЩНОЕ ХОЗЯЙСТВО

26. О тарифах на электроэнергию коммунальных станций и коммунальных электросетей — пост. СНК СССР от 14/V 1937 г. (СЗ 1937 г. № 36, ст. 147).

VI. ТРУД И СОЦСТРАХОВАНИЕ

27. О расценках при проведении прогрессивной сдельщины в строительстве — пост. СНК СССР от 13/V 1937 г. (СЗ 1937 г. № 31, ст. 129).

VII. СУДОУСТРОЙСТВО, СУДОПРОИЗВОДСТВО, УГОЛОВНОЕ И ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

28. Об отмене административного порядка и установлении судебного порядка изъятия имущества в покрытие недоимок по государственным и местным налогам, обязательному окладному страхованию, обязательным натуральным поставкам и штрафам с колхозов, кустарно-промысловых артелей и отдельных граждан — пост. ЦИК и СНК СССР от 11/IV 1937 г. (СЗ 1937 г. № 30, ст. 120).

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр</i>
Об утверждении «Положения о выборах в Верховный совет СССР»	1
Положение о выборах в Верховный совет СССР	2
Яковлев Я. А. — О проекте «Положения о выборах в Верховный совет СССР»	8
Вышинский А. Я. — Новый избирательный закон и социалистическая законность	18
Приветствия товарищу А. Я. Вышинскому	26
Пять лет закона 7 августа 1932 г. об охране общественной, социалистической собственности	27
Шифман — За большевистский порядок в сельском хозяйстве . .	41
В. Тадевосян — Закон 27 июня 1936 г. в действии	43
Б. Шавер — Методика расследования преступных абортс	48
М. Авдеева — Детоубийство	53
С. Бененсон и С. Зилов — Привлечение к уголовной ответственности за неплатеж алиментов	70
Б. Маньковский — Против троцкистской клеветы в теории государства и права	78
Н. Дурманов — Ответственность при совокупности преступлений по советскому уголовному законодательству	82
Е. Домбровский — Неимущественный интерес в гражданском праве	94
А. Курдюмов — Вопросы советской судебной медицины	102
М. Брагинский — Об обязательных постановлениях городских советов	103
Л. Шейнин — Три самоубийства	106
М. Рагинский — Уроки ширяевского процесса	110
Л. Чернов — Извлечь урок и для себя	115
В. Кобленц — Прокуратура и печать	116
М. Кожевников — Слова и дела	118
Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза	121
По союзным республикам РСФСР	125
Четвертое заседание Центрального методического совета при прокуратуре СССР	135
Библиография	137
Сводка важнейших постановлений	142

Ответственный редактор А. Я. ВЫШИНСКИЙ

Технический редактор Н. Рушковский

Адрес издательства: Москва, Красная площадь, зд. ЦИК, пом. 28

Рукопись поступила в издательство 19/VII 1937 г.   Сдано в производство 25/VII 1937 г.
 Подписано к печати 14/VIII 1937 г. 9 п. л. 22,92 авт. лист.   В одном бум. листе 216000 зн.

Формат 72×108   Ю—4п.;   № 480

Уполном. Главлита Б—23717   Зак. № 1059   Тираж 20500 экз.

15-я типография ОГИЗ треста «Полиграфкнига», Москва, Мал. Дмитровка, 18.